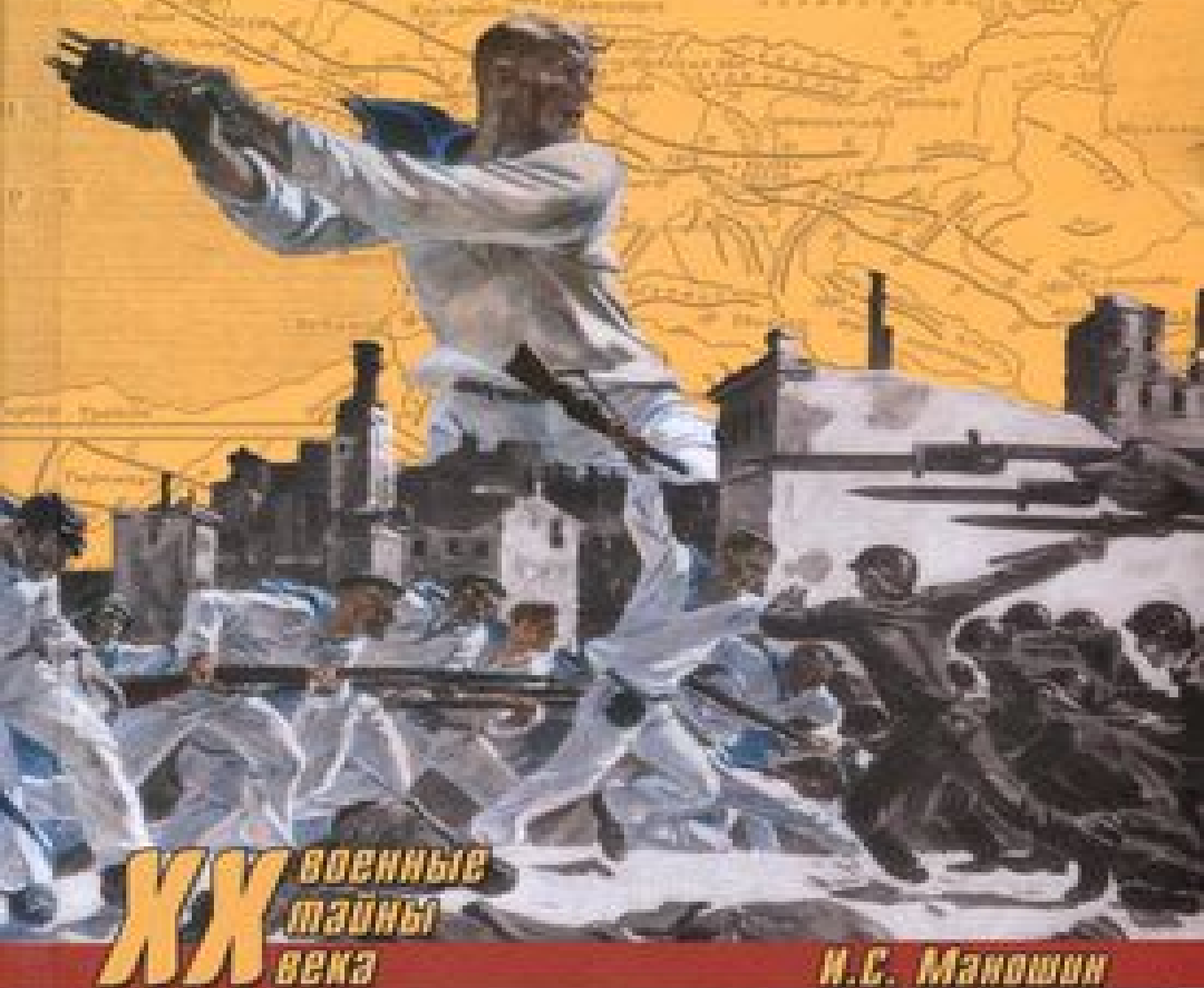

ИЮЛЬ 1942 ГОДА

Падение Севастополя

XX военные
тайны
века

И.Е. Мандошин

Annotation

Эта книга посвящена одной из самых трагических страниц Великой Отечественной войны — последним дням обороны Севастополя в июле 1942 года. Несмотря на падение города и гибель тысяч наших воинов — свой долг перед Отечеством защитники выполнили до конца, сделав все возможное и невозможное во имя грядущей Победы. Как писал А. Толстой: «За двадцать пять дней июня 1942 года немцы потеряли под Севастополем разгромленными полностью семь немецких и три румынских дивизии, больше половины танкового корпуса, треть самолетов. Всего за восемь месяцев осады Севастополя немцы потеряли около трехсот тысяч солдат и офицеров, из них не менее ста тысяч — убитыми. Это была цена крови за развалины Севастополя...» Благодаря стойкости севастопольцев было сорвано пресловутое «весеннее наступление» немцев.

В книге капитана 2-го ранга в отставке И. С. Маношина (в издании 2001 года — «Героическая трагедия») буквально по часам прослеживается волнующая хроника последних дней обороны Севастополя. В приложении помещены материалы И. Б. Мощанского, посвященные борьбе за Крым в 1942 году.

-
- [Игорь Степанович Маношин](#)
 - [Севастополь в Великой Отечественной войне](#)
 - [К читателям!](#)
 - [Введение](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Послесловие](#)
 - [Приложение](#)
 - [Керченско-Феодосийская десантная операция](#)
 - [Операции советских войск на Керченском полуострове](#)
 - [Разгром советских войск на Керченском полуострове](#)
 - [Падение Севастополя](#)
 - [Выводы и уроки](#)

- [Источники и литература](#)
 - [Иллюстрации](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)

- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)

- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)

- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)

- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)

- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)

- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)

- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)

- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)

- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)

- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)

- [405](#)
 - [406](#)
 - [407](#)
 - [408](#)
 - [409](#)
 - [410](#)
 - [411](#)
-

Игорь Степанович Маношин
Июль 1942 года
Падение Севастополя

*Памяти павших героев Севастопольской
обороны 1941–1942 годов посвящается*

Севастополь в Великой Отечественной войне

Эта книга посвящена одной из самых трагических страниц Великой Отечественной войны — последним дням обороны Севастополя в июле 1942 года. До самого последнего времени многое из тех далеких и страшных событий было под покровом тайны и впервые стало известно лишь благодаря многолетнему подвижническому труду авторов этой книги.

...Я люблю Севастополь, люблю его прозрачно-голубое небо и кружево бьющихся в берег волн, люблю белоснежные кварталы домов под ослепительным солнцем, его гордых полных внутреннего достоинства людей. Я люблю этот город, ведь его нельзя не любить, ибо это Севастополь. Название Севастополь переводят по разному, но самое точное и правильное — Священный город. Он и вправду священный для сердца каждого россиянина, этот город щедро обогранный кровью.

Как и у каждого русского человека, у меня есть свой особый клочок земли, с которым связана вся жизнь и самые дорогие воспоминания. Для меня этот «клочок» — старый бабушкин дом на косогоре у Стрелецкой бухты. Здесь жили еще мои деды и прадеды. Здесь родилась моя мама, здесь же во дворе была и их свадьба с отцом, а затем и моя. Сюда когда-то привезли из роддома меня, а потом уже я привез сюда своего только что родившегося сына. Здесь я научился ходить и отсюда провожал в последний путь самых близких моему сердцу людей... Когда-то здесь было имение местного помещика Тура, того самого, что дружил с семейством Ахматовой и Куприным. В память о нем среди старожилов этой, когда-то окраинной слободки, осталось название Туровка. В тридцатые годы ее переименовали в слободку имени матроса Вакуленчука, погибшего в 1905 году во время восстания на броненосце «Потемкин», но название это не прижилось и вплоть до семидесятых годов слободку по-прежнему, как и в стародавние времена, называли Туровкой. А потом забылось и это.

В старом бабушкином доме много лет стояли две огромные, насквозь проржавевшие бензиновые бочки. Это тоже память моего

теперь уже далекого детства. В этих бочках всегда хранили дождевую воду. На металлических ободах их можно было разобрать готическую немецкую вязь: «Вермахт. 1942 г.». Для меня всегда именно они были материальным воплощением минувшей войны и обороны Севастополя. Бабушкины рассказы, да эти две трофейные ржавые бочки...

...Война пришла в Севастополь в 3 часа 15 минут 22 июня. Еще не прозвучал ни один залп на западной границе, еще не погиб ни один солдат, а Священный город уже встретил врага, и первые жертвы на алтаре Великой Отечественной были его...

Хроника того страшного утра такова. В 3 часа 7 минут посты воздушного наблюдения Черноморского флота обнаружили приближение большой группы неизвестных самолетов. Начальник ПВО флота полковник Жилин позвонил дежурному по штабу капитану 2-го ранга Рыбалко, тот тут же связался с командующим флотом адмиралом Октябрьским.

— Прощу «добро» на открытие огня! — спросил он.

— Есть ли наши самолеты в воздухе? — спросил вместо ответа адмирал.

— Нет!

— Имейте в виду, если есть хоть один, завтра будете расстреляны!

— Разрешите открыть огонь в случае нарушения воздушного пространства! — снова спросил дежурный по штабу.

— Действуйте по инструкции! — буркнул в трубку командующий флотом и бросил ее.

К Рыбалко подошел начальник штаба флота контр-адмирал Елисеев.

— Ну что командующий? — спросил он с тревогой в голосе.

— Сказал, что надо действовать по инструкции! — ответил, пожав плечами, Рыбалко.

Елисеев, задумавшись, помолчал пару минут, затем повернулся к дежурному:

— Передай Жилину приказ на открытие огня!

Выслушав приказ, полковник Жилин ответил:

— Вся ответственность на вас! Я все записываю в журнал боевых действий!

— Записывай куда хочешь, но огонь открывай! — выкрикнул ему в трубку Рыбалко.

В небе над Севастополем уже ревели моторы невидимых самолетов. Еще минута и ударили лучи прожекторов, гроыхнули зенитки. Так началась Великая Отечественная.

История сохранила нам имена первых ее жертв. Фашистская донная мина упала на дом и разнесла его в клочья. В огне взрыва погибли: Александра Белова (бабушка), Варвара Соколова (дочка) и Леночка Соколова (внучка). За долгую и кровопролитную войну еще погибнут миллионы и миллионы, но именно этим трем выпала страшная участь открыть скорбный и бесконечный мартиролог. Запомним же и мы их имена!

А 30 октября война докатилась и до стен самого города. Именно в октябре 1854 года началась Первая оборона Севастополя. Причем, если тогда она началась высадкой войск европейской коалиции на побережье восточной Евпатории, то в 1941 году именно в том же месте танковую колонну врага встретили матросы 54-й батареи береговой обороны Черноморского флота. На наручных часах командира батареи лейтенанта Ивана Заики было 16 часов 35 минут, когда он скомандовал:

— «Пеленг 42»... Дистанция 35 кабельтовых... По вражеским танкам... Залп!

Так началась Вторая оборона, оборона, вновь явившая миру феномен Севастополя.

Помню в свое время, знакомясь с архивами Приморской армии периода обороны Севастополя, я поразился одному страшному факту. В ежедневных донесениях о результатах фашистских бомбардировок, наряду с графами «убито» и «ранено» присутствовала еще одна — «сошло с ума». Цифры в ней были отнюдь не меньше, чем в предыдущих. Что стало с этими бедными людьми, чей разум не выдержал кошмара войны? Скольких из них смогли вывезти на Большую землю? Сколько погибло в дороге, осталось навсегда лежать под завалами взорванного Инкерманского госпиталя, было расстреляно немцами?

В детстве я часто находил в степи у Стрелецкой бухты ржавые рельсы. Помню, недоумевал, кому и зачем понадобилось тащить рельсы в степь? Как-то спросил об этом деда.

— Это немцы с самолетов бросали. — лаконично ответил дед Степан.

Ответ меня потряс еще больше. Зачем бросать рельсы с самолетов, ведь на это были бомбы, которых у фашистов хватало? Ответ на этот вопрос я узнал многим позже. Бросали, оказывается, все для той же третьей графы... Падая с огромной высоты, рельсы издавали столь жуткий режущий душу звук, что у многих просто не выдерживала психика. Кроме рельс, в виде развлечения, немцы сбрасывали на наши позиции целые мешки гвоздей. Гвозди пронзали людей насквозь...

Чего только не испробовали захватчики под Севастополем, чтоб сломить дух его защитников! Лучшие гренадерские дивизии, укомплектованные двухметровыми саксонцами и лучший авиакорпус генерала Рихтхофена, уже превративший в развалины Ливерпуль, Варшаву и Крит, сотни танков и сотни тысяч бомб, десятки тяжелых и сверхтяжелых батарей, не имевших аналогов в мировой истории, включая 420-миллиметровые гаубицы — «уничтожители крепостей» — «Гамма Мерзер» и «Гамма Гаубитце», 615-миллиметровые «Карлы» и 813-миллиметровую «Дору», один снаряд которой весил более семи тонн. Мным позже, вспоминая о битве за Севастополь, Манштейн писал: «В целом во Второй Мировой войне немцы никогда не достигали такого массированного применения артиллерии, как в наступлении на Севастополь...» Что ж, более чем исчерпывающее признание!

...В один из последних дней июня 1942 года к нашему дому, который к тому времени был одним из немногих уцелевших от бомбежек в слободке, подъехала сразу несколько машин. У калитки встал часовой. На вопрос бабушки, кто они такие, ответили: штаб Приморской армии. Затем ее попросили приготовить комнату для отдыха командующему, который должен был вот-вот подъехать. Комнату бабушка приготовила, но генерал Петров так и не приехал, а на утро спешно покинул наш дом и его штаб. Моей тете (ей тогда было 15 лет) запомнился сын Петрова — молоденький семнадцатилетний лейтенант. Они сидели в нашей беседке и смеялись, как могут смеяться только подростки. Утром мальчишку-лейтенанта увезли. Уже многим позднее я расскажу тете его трагическую судьбу. В 1948 году

подполковник Петров будет зверски убит мародерами в разрушенном землетрясением Ашхабаде.

... А мимо дома в сторону Херсонесского мыса брели и брели солдаты и матросы. Немилосердно палило июньское солнце. Над степью на бреющем полете проносились фашистские самолеты, на выбор расстреливая идущих. После рассказов бабушки, я не могу спокойно ходить по этой выжженной солнцем севастопольской степи. Эта прожженная солнцем земля до сих пор пахнет для меня кровью...

Многие ли из городов мира могут записать в свои анналы, что под их стенами полегли сразу несколько армий? Только два: Сталинград, где нашли свой конец 6-я немецкая и румынская армии, и Севастополь...

С декабря 1941 года по июль 1942-го Севастополь фактически полностью перемолол сильнейшую в вермахте 11-ю армию лучшего стратега Третьего рейха фельдмаршала Манштейна. Под стенами черноморской твердыни захватчики положили около 200 тысяч своих солдат, почти весь изначальный списочный состав этой армии. Но главное значение ВЕЛИКОЙ обороны священного города даже не в этом. Подставив свою грудь под удар сильнейшей фашистской армии, Севастополь спас всю страну!

Спустя годы после окончания войны историки дотошно просчитают возможные варианты развития событий летом страшного 1942 года на случай, если бы немцам удалось сходу овладеть Севастополем. А таких вариантов получалось всего два. И от обоих даже сегодня невольно пробирает мороз по коже, ведь в обоих случаях вполне мог бы быть изменен весь ход мировой истории...

При первом варианте гитлеровское командование намечало усилить свой главный ударный кулак — армию Паулюса не менее вымуштрованными войсками Манштейна. Что из этого могло получиться остается только гадать. Вспомним, как наши солдаты, изнемогая, на последнем пределе сил, дрались уже на самом берегу Волги. Чаша весов еще зыбко колебалась. Все могла решить какая-нибудь свежая дивизия или даже полк. А теперь представим только, что вслед за потрепанной 6-й армией на Сталинград накатился бы вал двухсоттысячного отборного манштейновского воинства. Устоял бы Сталинград? Устояли бы мы? Ведь за исходом волжской битвы внимательно следили изготавившиеся к нападению японская и

турецкая армии. Падение Сталинграда должно было стать для них сигналом к захвату Дальнего Востока и Закавказья. Сколько миллионов и миллионов жизней пришлось бы положить еще, чтобы остановить эти удары в спину?

При втором варианте развития событий, в случае быстрого захвата Севастополя, 11-я армия Манштейна должна была ринуться на Кавказ к бакинской нефти. Смогли бы удержать ее немногочисленные защитники северокавказских перевалов?

Несмотря на всю трагичность событий июля 1942 года, гибель наших воинов не была напрасной. Свой долг перед Отечеством они выполнили до конца, сделав все возможное и не возможное во имя грядущей Победы. Представим лишь на одно мгновение, что Севастополь пал не в июле 1942, а хотя бы на несколько месяцев раньше. Как могли бы развиваться события? А они бы развивались трагически для нас...

Высвободившаяся от необходимости брать Севастополь 11-я армия Манштейна со всеми средствами усиления и 4-м воздушным флотом буквально на плечах отступающего Крымского фронта переплавляется через Керченский пролив и, сломив слабое сопротивление только что ставшей в оборону Тамани нашей малочисленной 47-й армии, устремляется вдоль побережья на Кавказ, выходя в тылы малочисленных советских войск. Именно об этом мечтал Гитлер, придав этой операции кодовое название «Блюхер».

Одновременно группа армий «Юг», захватив выгодные позиции у Воронежа, разделяется на группы армий «А» и «Б». Первая группировка направляет всю мощь своего удара на юг, быстро прорывает неподготовленную оборону Юго-Западного и Южного фронтов и, преследуя отходящие войска, через неделю захватывает Ростов, прорывается к Краснодару и выходит к побережью, где соединяется с полнокровной 11-й армией. А в это время танки 1-й армии генерал-полковника Клейста подходят к горным перевалам Кавказского хребта и захватывают их, так как малочисленным частям, занявшим оборону в горах, угрожают с юга и тыла передовые отряды той же 11-й армии. Закавказский фронт, стремясь задержать противника, стягивает к хребту откатывающиеся соединения 47-й армии, 18-й армии и едва пришедшей в себя после Керчи 47-й армии.

Но поздно, резервов нет, немцами к этому времени захвачены: Майкоп, Моздок, пал Грозный.

Открыта дорога на Махачкалу, слабо защищенная лишь курсантскими батальонами военно-морских училищ и войсками НКВД. Захвачен Орджоникидзе и, наконец, Баку. Гитлер стал хозяином кавказской нефти, его заветная цель всей восточной компании достигнута.

Тем временем, группа армий «Б» — отборная 6-я армия Паулюса и 4-я танковая Гота, — не встречая сильного сопротивления и прикрываясь мощным танковым тараном, быстро, в течение месяца, преодолевает расстояние от Курска до Сталинграда и силой этих двух армий захватывает город, перерезав важнейшую водную артерию, полностью отрезав Россию от каспийской нефти. Затем немцы, укрепившись на этом серьезнейшем рубеже, подвижными соединениями поворачивают на север и выходят в тыл советских войск, обороняющих Москву. Военные успехи Германии укрепляют ее международное положение. Наши союзники теряют веру в возможность победы Советского Союза, страны оси, наоборот, воспряли бы духом. Пристально наблюдающие за ходом сражений японцы, наконец, решают, что пробил их час и пора заняться северной проблемой. Нерешительные и колеблющиеся турки поняли, что можно прозевать выгоднейший момент поживиться за счет ослабленного соседа. И вот уже 26 турецких дивизий вторгаются в Армению и Грузию. А дальше... дальше даже страшно себе представить. Жизнь и само существование огромной державы висели бы на волоске.

Вот такая мрачная картина могла бы превратиться в реальность, если бы немцы начали свое наступление именно в мае 1942 года, если бы мы не выиграли эти драгоценные два месяца, если бы не стоял на пути врага неприступный Севастополь и его защитники. Но всего это не произошло, ибо на пути захватчиков был Священный город, сковавший почти на год лучшие силы врага.

Известный английский историк Б. Лиддел Гарт в своей книге «Вторая мировая война» приводит высказывание генерал-полковника Клейста, непосредственно участвовавшего в тех событиях: «Если бы мы начали наступление в мае или хотя бы не позднее 10 июня, 4-я танковая армия, как авангард 6-й армии, с ходу овладела бы

Сталинградом. Путь на город был свободен. У русских впереди войск не было. Мы проиграли время, а с ним и победу».

Той же мысли придерживается и маршал К. Москаленко: «Страшно даже подумать о том, что могло произойти, если бы противник начал свое выступление на месяц раньше. На его пути не была создана оборона, мы старались выиграть каждый час, каждый день, каждую неделю, чтобы создать резервы, подтянуть войска».

Конечно, командарм говорил о своей армии, но, в принципе, это полностью относится и к защитникам Севастополя. В конечном счете, это именно они, удерживая свой плацдарм до последнего снаряда, до последнего солдата, вынудили Гитлера перенести летнее наступление на месяц позднее. Именно в этом я и вижу главную заслугу Севастополя, его великий подвиг перед Отечеством. Они все были героями — и те, кто погиб, и те, кто попал в плен, и те, кому чудом посчастливилось выжить. Выполняя приказ «стоять насмерть», они выиграли, таким образом, целый месяц. Если к этому добавить, что под Севастополем немецкая 11-я армия понесла огромные потери и до самого конца обороны оказалась намертво прикована к Севастополю, то это еще больше возвышает подвиг его защитников. Для Манштейна Севастополь стал Пирровой победой. Его обескровленная и измотанная армия не только не увидела берегов Кавказа, ее вообще убрали с этого театра военных действий на переформирование. 16 июля операция «Блюхер» — переправа через пролив — была отменена Гитлером, и вконец обессиленные дивизии вместе с Манштейном и знаменитой пушкой «Дора» медленно потащились под Ленинград, где их окончательно и добились.

Безусловно, овладение немцами Севастополем, вернее его развалинами, являлось тяжелой утратой, но стойкость и самоотверженность защитников города не пропали даром. За выигранный у немцев июнь руководство страны, и, прежде всего, Ставка, успели перегруппировать войска, подтянуть резервы, создать новые фронты, преградить путь подвижным соединениям немцев, вывести из-под угрозы окружения отступающие части и т. д. Только к 23 августа Паулюс подошел к внешнему обводу Сталинграда, 17-я армия Руоффа с трудом прорвалась к Новороссийску, а танки Клейста так и не прошли через перевалы Кавказского хребта. Теперь, рассмотрев события 1942 года сквозь призму Севастопольской эпопеи,

можно с уверенностью сказать, что не будь обороны Севастополя — не было бы и побед под Сталинградом, Туапсе, Новороссийском, на Кавказе. И в этом величие подвига последних защитников Севастополя.

Вновь, как и раньше, Севастополь заслонил собой Россию, принесся себя в жертву во имя общей победы. В дни первого штурма города, совпавшего по времени с тяжелейшими боями под Москвой, в гитлеровской Германии произошло событие почти не замеченное почему-то нашими историками. Именно тогда один из признанных немецких стратегов, командующий группой армии «Юг» фельдмаршал Рундштедт, в состав которой входила и штурмовавшая Севастополь 11-я армия, неожиданно для всего германского генералитета заявил о том, что необходимо начинать отвод немецких войск на исходные рубежи в Польшу. Линию Москва — Севастополь фельдмаршал считал предельной, за которой Германию ожидает неминуемый разгром. Рундштедта поддержал фельдмаршал Лееб. Гитлер ответил: «Нет!» Тогда Рундштедт предложил отвести все армии хотя бы за реку Миус, но снова услышал «нет». Вслед за этим фельдмаршал подал в отставку. Почему же столь резко выступил немецкий военачальник против осады и штурма Севастополя? Чтобы лучше понять суть происшедшего обратимся к приказу ставки Вермахта от 21 августа 1941 года. Первый пункт приказа гласил: «Главнейшей задачей до наступления зимы является не взятие Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов на Донце и лишение русских возможности получать нефть с Кавказа». Уже в октябре стало понятно, что выполнить приказ ставки не удастся, ибо на пути захватчиков встал Севастополь. Отметим, что в годы Первой мировой войны Рундштедт воевал на Восточном фронте, а в 1918 году был и в Севастополе. Кто знает, чем руководствовался гитлеровский фельдмаршал, заявляя о своем нежелании штурмовать Севастополь, только ли одними аналитическими расчетами или же какими-то неизвестными нам чувствами, вызванными невольным соприкосновением со Священным городом...

Сменивший Рундштедта на посту командующего группой армий «Юг» фельдмаршал Рейхенау, прославился, прежде всего, как садист. Участь его была закономерной. Буквально через несколько дней, после

вступления в должность, он, стоя над картой севастопольских укреплений, внезапно падает и умирает от кровоизлияния в мозг...

Ну, а командовавший 11-й армией Манштейн? Случайно спасшись при налете нашего самолета, он почти в канун оставления нашими войсками Севастополя потеряет своего сына. Конец карьеры Манштейна тоже знаменателен — восемь лет тюрьмы за совершенные злодеяния. Операцию по штурму Севастополя Манштейн назвал — «Лов осетра». Увы, «осетр» в руки неудачливому рыбаку упорно не давался, и рыбалка явно затягивалась... К слову сказать, тюрьмой закончит свою карьеру и пытавшийся оборонять Севастополь от наших войск в 1944 году генерал Енеке. Этого посадят свои! Как не вспомнить здесь умерших под стенами Севастополя еще в Крымскую войну главнокомандующих: французскими войсками — маршала Сент-Арно и английскими — лорда Раглана. В этом я не вижу ничего удивительного, Священный город посягательств никому не прощал и не прощает.

Понимая особое духовное и стратегическое назначение Севастополя, гитлеровцы даже придумали ему свое новое название — Готенбург, то есть «Город готов». Готенбургу предстояло по их замыслу стать столицей Крыма, которому теперь надлежало именоваться Готенландией. В отличие от всех временно оккупированных областей России, Готенландии предстояло стать территорией непосредственно Третьего Рейха, без каких-либо протекторатов и генерал-губернаторств. Заселяться он должен был только чистокровными немцами. Жители же Крыма и Севастополя (в том числе и татары, столь радостно встречавшие захватчиков!) подлежали поголовному истреблению или выселению. От Гамбурга до Готенбурга планировалось скоростное трансевропейское шоссе, рядом с которым должна была расположиться и полевая Винницкая ставка Гитлера «Вервольф». В Готенбурге должен был базироваться и будущий Черноморский флот гитлеровской Германии. Так что планы фашистов в отношении Священного города были поистине грандиозны. Но к счастью все они были перечеркнуты мужеством советского солдата и матроса!

Удивительно при всем этом иное. Несмотря на официальное переименование Севастополя в Готенбург, сами же немцы даже в официальных документах почему-то упорно продолжали именовать

город — Севастополем. Как это объяснить? Возможно, что это происходило в силу сложившейся привычки, или известного прусского самолюбия. Ведь что такое Готенбург не знал никто, зато Севастополь был известен всему миру! Но, может быть, дело здесь вовсе не в этом? Может быть, сам Священный город отторгнул от себя чуждое ему имя, и оккупанты просто побоялись осквернить эту необыкновенную землю своим враждебным ей Готебургом. Увы, это их не спасло. Пришло время, когда они были в несколько дней вышвырнуты с севастопольской земли, испытав не себе то, что некогда готовили другим. Священный город отомстил им за кровь и слезы своих защитников сполна. И совсем не случайно последних гитлеровцев добивали именно на мысе Херсонес, где два года до этого сражались последние защитники Севастополя, погибая, но не сдаваясь... Все вернулось на круги своя и посеявшие ветер, пожали бурю, ибо Священный город всегда и во всем оставлял последнее слово за собой.

...В нашей семье навсегда осталась память о страшном июле 1942 года. На обочинах дорог валялись раненые и убитые. Умиравшие умоляли проходящих, добить их. Над степью стоял смрад разлагающихся от жара тел. Всюду царила смерть. А где-то невдалеке гремел несмолкаемый бой, там отбивались от наседавшего врага последние отряды прикрытия, те, кому не оставалось шанса даже на плен.

Дед Степан забежал домой изможденный в выцветшей и просоленной от пота гимнастерке.

— Собирай детей! — прокричал с порога бабушке. — Уходим на Херсонес! Там подходят транспорта! Будем эвакуироваться!

— Нет, — сказала бабушка, не раз видевшая своими глазами, как прямо у берега тонули суда со страшно кричащими беженцами. — Мы никуда не поедem! Посмотри, что творится на море!

— Ну что ж, — помолчав, сказал дед. — Остаемся дома. Будь, что будет!

Деда Степана схватили прямо во дворе. Ворвавшиеся в дом немцы расстреляли автоматной очередью, бросившуюся было на них, собаку. Мама, тогда еще шестилетняя девочка, запомнила, что выглядели немцы так, как запечатлела их история: с засученными рукавами и автоматами у живота, с гортанными воплями и дикой злобой ко всему живому... Под крики бабушки дедушку долго били прикладами,

вымещая свой долгий страх, а затем погнали куда-то под дулами автоматов. Впереди у деда Степана был плен и концентрационный лагерь... Ему удалось уцелеть в этом аду. Позднее он сотрудничал с партизанами, а после освобождения Крыма ушел с армией на запад, дошел пулеметчиком до Вены и вернулся домой только после победы. Потом до конца своих дней работал боцманом, много плавал.

Сейчас, читая многочисленные «откровения» о той войне, может сложиться впечатление, что всех, кто побывал в фашистском плену, неминуемо ждал последующий лагерь уже на своей земле. Это ложь! В этом я убедился на примере своего родного деда. Никто и никогда не собирался упечь его за решетку, никто и никогда не таскал его ни в какие НКВД и КГБ. Доблесть защитников Севастополя была столь очевидной, что их никто и никогда не преследовал.

Дед Степан умер ровно в шестьдесят, едва выйдя на пенсию. За какой-то месяц сгорел от саркомы. Дедушку я помню смутно, помню, как летом катал он меня на ялике по бухте, как вечерами мы ходили с ним в соседний двор, где он забивал «козла» с такими же старыми моряками. А я, тихо сидя в углу, слушал их нескончаемые разговоры о войне.

Многим больше деда Степана прожил его младший брат дед Витя. Во время севастопольской обороны он был снайпером в знаменитой 25-й Чапаевской дивизии. Помню, что еще мальчишкой я все допытывался у него: «Дед Вить, сколько фашистов ты убил?» На это дед Витя всегда задумывался, а потом отвечал: «Четверых, так это уж точно, а больше не знаю. Они же в свои окопы падали, поди выясни!» Деда Витю спасла бабушка. Он каким-то чудом сумел раненым приползти в наш дом. Везде уже хозяйничали немцы. В его ранах копошились черви, и бабушка вычищала их как могла. А через несколько дней фашисты схватили и деда Витю.

Из воспоминаний деда Вити: «Немцы, когда ворвались в Севастополь, были злы страшно. Расстреливали направо налево. Почему — понятно! Им от нас тоже досталось хорошо! Затем, когда нас уже пленными гнали, они смеялись: „Дураки вы Иваны! Вам надо было еще два дня продержаться. Нам уже приказ дали: два дня штурм, а затем, если не получится, делать такую же осаду как в Ленинграде!“ А куда было нам держаться! Все начальство нас бросило и бежало. Не

правда, что у нас мало было боеприпасов, все у нас было. Командиров не было. Если б начальники не разбежались, мы бы города не сдали...»

Разумеется, кому-то мнение рядового участника обороны покажется не серьезным, но для меня оно исчерпывающее, ибо дед Витя не бежал из Севастополя, как иные, а остался в нем до конца и видел то, чего не видели многие. Только сегодня документальные источники подтвердят, что старый солдат говорил истинную правду...

После войны дед Витя ни разу не был, ни на каких ветеранских сборах, не было у него и никаких наград, про войну тоже вспоминать особо не любил. Единственное, что принес с войны — каску, да и ту приспособил под миску своему псу. А незадолго до смерти дед Витя затосковал: «Не надо мне никаких льгот и пенсий, хочу лишь, чтобы люди знали, что хоронят защитника Севастополя. Я в этом городе родился, за него воевал, здесь и умру...»

Увы, подтвердить документально службу деда Вити в Чапаевской дивизии нам так и не удалось. Весь дивизионный архив, как и сама дивизия навсегда остались в Севастополе. Хотели, было найти свидетелей, но не нашлось и их. Остались свидетели в земле от Мекензовых гор до мыса Херсонес. И все же, провожая деда Витю в его последний путь, собравшиеся помянули его, как защитника Севастополя, исполнив просьбу старого солдата.

В дни обороны города в нем был писатель Евгений Петров, тот самый — автор и создатель бессмертного Остапа Бендера. Потрясенный увиденным, он написал: «87 лет назад каждый месяц обороны был приравнен к году, то теперь к году должен быть приравнен каждый день. Сила и густота огня, который обрушивает на Севастополь неприятель, превосходит все, что знала до сих пор военная история... Города почти нет. Нет больше Севастополя с его акациями и каштанами, чистенькими тенистыми улицами, парками, небольшими светлыми домиками с железными балкончиками. Он разрушен. Но есть другой, главный Севастополь — город адмирала Нахимова и матроса Кошки, хирурга Пирогова и матросской дочери Даши. Сейчас этот город моряков и красноармейцев, из которых просто невозможно кого-либо выделить, поскольку все они герои...»

Мир застыл ошеломленный новым подвигом Священного города. Американская «Нью-Йорк Таймс»: «Оборона Севастополя... была великолепным событием в мировой истории. Теперь мы понимаем, что

после Севастополя Москва и Сталинград не могли пасть и что сила русского народа, в конечном счете, добьется победы. Оборона Севастополя — это достижение духа советского народа, духа, проявившегося в горячей ненависти к врагу и в страстной любви к самому маленькому камню, лежавшему на русской земле...»

Английская «Таймс»: «Мы отдаем должное блестящему вкладу в общее дело, сделанному Севастополем. Севастополь стал синонимом безграничного мужества, его оборона безжалостно смешала германские планы. В течение длительного времени Севастополь возвышался как меч, острие которого было направлено против захватчиков».

Даже фашистская печать, вынуждена была, сквозь зубы, признать подвиг Священного города: «Германская армия натолкнулась под Севастополем на героический отпор. Город оказался неприступной крепостью, осада которой не предусматривалась».

Летом 1997 года я посетил самое печальное и трагическое место севастопольской земли — мыс Херсонес. Именно там разыгрались когда-то последние акты обороны. Мыс Херсонес — последний отчаянный рубеж обороны Севастополя, за которым было уже только море. Мой старший товарищ, участник обороны Севастополя моряк и поэт Григорий Поженян написал о страшных и героических последних днях обороны проникновенные строки:

...А он горел, и отступала мгла
От Херсонеса и до равелина.
И тень его пожаров над Берлином
Уже тогда пророчеством легла.

...Был уже вечер, и наша машина долго петляла по размытой дождем дороге. Вместе с друзьями и детьми мы ехали на знаменитую 35-ю батарею. Я не был на мысе уже много лет и ожидал увидеть там что угодно, но увиденное все же потрясло меня. Первым попавшим нам на глаза памятником был огромный металлический крест... в память погибшим немцам! Готическая надпись значила, что является этот крест памятником примирения!?! Не знаю, может быть, и вправду пришло время иных оценок каких-то событий минувшего, но только не

прощения захватчикам, да еще столь вызывающе кощунственно воздвигнутого на костях убитых ими людей...

Потрясло меня и иное. Немецкий крест, несмотря на только что прошедшие обильные дожди сиял прямо-таки вызывающей чистотой. Может кто-то, отрабатывая получаемые деньги, специально вымывал его. Стоящий же в какой-то сотне метров дальше небольшой монумент защитникам героической 35-й батареи буквально утонул в грязи. Не довольствуясь этим, какие-то неизвестные подонки забросали комьями грязи доску с именами павших. Найдя какие-то ветки, мы с сыновьями долго, как могли, выковыривали грязь. Меня душила обида за тех, кто когда-то лег здесь на последнем рубеже и горькое чувство бессилия изменить что-то в дне сегодняшнем...

Но вот и сам зловещий мыс Херсонес. Голые, безжизненные берега-обрывы. Вокруг нет ни единого куста, ибо природа, кажется, забыла об этом месте. Когда-то здешняя Голубая бухта славилась удивительной прозрачностью воды. Ныне сюда выведена городская канализация, и фонтан нечистот буквально бьет из ржавой трубы в море. В тот день на близлежащем полигоне черноморской морской пехоты шла отработка артиллерийских стрельб. Снаряды с ревом уносились в морскую даль и падали, вздымая фонтаны брызг. Далеко внизу под обрывом гудел прибой, и набегающие волны то и дело накрывали прибрежные камни, торчащие из воды, как клыки гигантских чудовищ.

Мыс Херсонес — проклятое место. Только в нашем веке он дважды становился последней точкой битвы за Севастополь. И если в сорок втором здесь погибали последние из наших защитников, то спустя два года свою чашу испили здесь и захватчики... Сколько бы раз я не бывал на Херсонесском мысу, но всегда чувствую там себя беспокойно и тревожно. Где-то здесь затаилась смерть, и ее незримое присутствие ощущаешь всегда...

Июль 1942 года стал временем уничтожения последних защитников Севастополя. Май 1944 года стал временем возмездия, которое было неминуемо и которое наступило...

О значении, которое враг придавал Севастополю, говорит такой факт: во главе армии, которой, по замыслу Гитлера, предстояло оборонять город от наступающей Красной Армии, был поставлен генерал-инженер, крупнейший немецкий специалист в области

фортификации и крепостей! За всю Вторую мировую войну это был единственный случай! Время для подготовки Севастополя к обороне у опытного Э. Енеке было и он его не упустил! В апреле 1944 года генерал докладывал в Берлин, что Севастополь неприступен!

Солдатам читали его приказ: «Фюрер, приказав оборонять крепость Севастополь, тем самым поставил большую и серьезную задачу... Здесь нет пути назад. Перед нами победа, позади нас — смерть. Мы останемся здесь до тех пор, пока фюрер приказывает нам сражаться на этом решающем участке гигантской мировой борьбы».

Но уже 18 апреля былая самоуверенность Енеке была сильно поколеблена. В этот день части Советской армии вышли на подступы к Священному городу. Была взята Балаклава — древнейший пригород Севастополя. А дальше произошло почти невероятное. Генерал инженер Енеке запаниковал. В своих телеграммах на имя Гитлера он умоляет о немедленной эвакуации, твердя одно и то же: «Севастополь нам не удержать. На этой земле мы обречены на смерть». Что же случилось с опытным немецким воякой, прошедшим две мировые войны? Какой страшный знак судьбы явил ему Священный город? Но, прекрасно понимая, что ему грозит за такое поведение, Енеке все же решается на него. Быть может, далеко не глупый командующий 17-й армией понял, что обречена именно эта, 17-я армия, дерзнувшая два года назад посягнуть на русскую святыню. Пришедшая сюда со смертью, она обязана была здесь погибнуть и сама. Спасти ее, по мнению Енеке (а генерал сам участвовал в штурме Севастополя), не могли ни укрепления, ни опыт ветеранов (этого лучшего соединения вермахта) — все они были уже приговорены к смерти самим провидением, а потому генерал и умолял Гитлера разрешить им бежать с этой проклявшей их земли.

Однако, то что понял немецкий генерал так и не понял немецкий фюрер. Енеке был отозван, разжалован и был отдан под суд военного трибунала. Вместо него был назначен генерал Альмандингер.

В день своего назначения он так же написал решительный приказ: «...Защищать каждую пядь севастопольского плацдарма. Его значение вы понимаете... Я требую, чтобы все оборонялись в полном смысле этого слова, чтобы никто не отходил, удерживал бы каждую траншею, каждую воронку, каждый окоп...»

Вокруг Севастополя были возведены два мощнейших оборонительных рубежа, четыре укрепленные полосы, сотни дотов и минных полей. Тысяча восьмьсот орудий, сто самолетов. В окопах сидела целая армия, да какая — 17-я, лучшая из лучших, почти полностью состоявшая из отборных гренадерских полков, укомплектованных ветеранами, видевшими Париж, Варшаву и Кавказ!

Весной 1944 года у стен русской святыни эта армия была разгромлена и полностью уничтожена в придачу с румынским корпусом. Остатки ее были сброшены под скалы Херсонесского мыса, а там добиты и пленены. С детства помню картину в музее Черноморского флота: мечущиеся по берегу фигуры фашистов, в безумии срывающие с себя ордена и погоны. Название картины было предельно лаконичным: «Возмездие».

Наши войска взяли Севастополь в ходе непрерывного трехдневного штурма. Врагам понадобился почти год, нам — три дня! Чудо? Случайность? Нет! Закономерность! Священный город не желал терпеть фашистскую сволочь в своих стенах. Может, именно поэтому севастопольская земля горела у захватчиков в буквальном смысле? Город исторгнул всю нечисть. Но штурм Севастополя не был легок, и священная земля еще не раз щедро омылась кровью российской.

Из воспоминаний бабушки: «Мы в то время были выселены немцами из Севастополя под Бахчисарай. Когда наши войска пошли на Севастополь, мы, женщины, приходили к дороге, чтобы напоить их водой. Помню, какой-то молоденький солдат, почти мальчик, прокричал мне с машины: „Мать, сколько нам еще до Севастополя?“ „Сорок километров!“ — отвечаю. „Значит завтра там будем!“ — обрадовались солдаты. „А вы были когда-нибудь в Севастополе?“ — спрашиваю. „Нет!“ — ответили они дружно. „Ну, тогда не говорите так!“ — говорю им, а у самой слезы на глазах. Ну а потом началось! В стороне Севастополя сплошное зарево днем и ночью. Пушки гремят не переставая. В небе самолеты. А по дороге непрерывно машины от Севастополя идут. В них раненые и мертвые вповалку. Кровь на дорогу стекала прямо ручьями...»

5 мая Сталин дал приказ на штурм Севастополя. Главный удар наносила 51-я армия. Острые ее атаки было нацелено на Сапун-гору. Отвлекающий удар наносила 2-я гвардейская армия. Она атаковала Мекензиевы горы. Одновременно вдоль берега рвалась Приморская

армия — ее задача: лишить немцев возможности эвакуироваться. Во главе всей операции — маршал Василевский.

И немцы попали в западню! Приняв отвлекающий удар за главный, они перекинули все свои резервы к Мекензиевым горам. Так предопределился исход битвы за Севастополь.

Штурм знаменитой Сапун-горы длился девять часов и был на редкость кровав. Сколько я не искал число погибших в этой небывалой по ярости схватке, нигде так и не нашел точных цифр. Да так ли уж это и важно сегодня? Севастопольская земля сама знает, сколько своих верных сынов накрыла она навсегда каменистым пологом.

В штурме Сапун-горы участвовал еще один мой двоюродный дед Вася. К тому времени он был уже не молод, за плечами у него была Гражданская война и партизанский отряд в крымских горах. Жил дед Вася в селе Предущельное, что под Бахчисараем и слыл там лучшим садоводом. О штурме Сапун-горы дед Вася рассказывал так: «Бой был страшный. Сколько воевал, но такой ад видел впервые! Весь склон сплошь завален трупами. Полки ложились замертво. Бросили в атаку и наш партизанский отряд. Я вояка опытный, наверх забираюсь, пригнувшись, где за камень от огня спрячусь, где в воронку. Кто пытается в рост бежать, тех сразу пуля находит. Уже где-то на середине горы смотрю: солдатик какой-то, совсем мальчишка, от своих отбился, и что делать не знает. Ни дать, ни взять убьют! Говорю ему: „Ты, сынок, держись меня, я солдат старый“. Так мы с ним вдвоем на гору и взобрались. Уберег я пацана. А потом в штыки ударили и погнали уже немца к морю. Дальше сразу легче пошло».

Красные флаги победы взвились над Сапун-горой на исходе 7 мая. А девятого мая был освобожден и сам город.

Немцы бежали к мысу Херсонес. Отдельные части пытались, было, держать оборону у Стрелецкой бухты, но были с ходу сбиты. Все попытки хоть как-то сгруппировать свои войска, ровным счетом ни к чему не привели. Солдаты вышли из подчинения и бежали в тщетной надежде спастись туда, где два года назад они добивали раненых и изможденных защитников Севастополя. Каждому воздала священная севастопольская земля по делам его!

Ровно в полдень 12 мая 1944 года на мысе Херсонес смолк последний выстрел. Двадцатипятитысячная колонна пленных гитлеровских вояк потянулась по севастопольским дорогам, еще

двадцать тысяч заплатили за свое посягательство на Святыню жизнями.

Вскоре после освобождения Севастополя, его посетили Черчилль и Рузвельт, прибывшие в феврале 1945 года на Ялтинскую конференцию. Осмотрев руины города, Черчилль выразил свое сомнение Сталину, удастся ли восстановить Севастополь, и не лучше и проще было бы вообще отстроить его на новом месте. Истории известен дословный ответ Сталина:

— Севастополь будет возрожден как русский город!

Послевоенные годы — это еще одна яркая страница долгой жизни Севастополя. Каждое из послевоенных десятилетий оставило свой неизгладимый след. Вот знаменитая центральная улица города — Большая Морская — это пятидесятые, когда Священный город возрождался из пепла и руин минувшей войны. Проспект Гагарина и улица Горпищенко, Остряково и Камыши — это уже шестидесятые и семидесятые. В те годы город, как никогда, широко распрямлял свои плечи, раскидывая вокруг бухт все новые и новые микрорайоны. Послевоенный Севастополь — это город военных моряков и корабелов, рыбаков и ученых, город ослепительно белых домов из инкерманского камня под голубым небом. Севастополь — это город двух цветов: белого и голубого. Флотская форма и облака, паруса яхт и поражающие изяществом линий лайнеры — это белый. Матросские воротники и бьющая о берег волна — голубой.

Тогда казалось, что все самое худшее уже позади, а впереди лишь радость и счастье. Тогда можно было ночи напролет гулять по улицам, не допуская даже мысли о том, что с тобой может что-либо случиться. Тогда наш военно-морской флот непрерывно пополнялся новейшими ракетноносцами, а рыболовецкий — самыми современными супертраулерами. Тогда дни военно-морского флота, равно как и дни цветов превращались в столь массовые народные гуляния, равных которым не было нигде и никогда. Весь город и весь флот выходили на улицы. Гремела музыка. Над головами танцующих в ночном небе с треском рассыпались искры салютов и никто не мог предположить, что до беды осталось уже совсем немного, что истоки ее уже затаились в строящемся ударными темпами секретном объекте «Заря» — даче последнего генсека в Фаросе.

Прошло всего лишь несколько лет и предательство политиков раскололо великую державу. Но если иные города и веси восприняли случившееся как нечто неизбежное, чему нельзя ни противиться, ни сопротивляться, то над Севастополем сразу же взметнулись ввысь флаги сопротивления и борьбы: красные революционные и бело-синие Андреевские, созывающие под свою сень всех тех, кому была дорога наша держава. А ночами на севастопольских скалах стали появляться надписи, призывающие не склонять голов: «Севастополь — Москва! Крым — Россия! Наше дело правое! Мы победим!»

Сегодня Священный город снова держит оборону, которая длится вот уже почти двадцать лет. Севастополь — это наше Косово поле, место нашей памяти и нашей чести, а значит надо обязательно выстоять, во имя будущего живущих сегодня, во имя памяти павших на севастопольских скалах в июле 1942 года.

О тех последних трагических днях обороны Севастополя и рассказывает книга И. С. Маношина. Может быть, кому-нибудь этот рассказ покажется слишком жестоким и даже страшным, но такова правда и другой просто не существует.

Владимир Шигин

К читателям!

*Мне видятся на Куликовом поле
Колючей проволоки ряды,
Изодранные гимнастерки,
Тельняшки рваные в крови.
И взгляд матросов прятал ненависть и
слезы,
Бессильной ярости слова:
«Патронов и снарядов бы побольше,
Не сдали б Севастополь никогда!»*

Представляемое военно-историческое исследование о последних днях обороны Севастополя в конце июня и начале июля 1942 года под названием «Героическая трагедия» проводилось на флоте специально созданной для этого научной группой в период с 1995 по 2000 год с целью раскрытия трагических обстоятельств тех дней и их причин, которые до сих пор еще во многом являются «неизвестными страницами» прошедшей войны.

В этой книге впервые на основе документального архивного материала и воспоминаний непосредственных участников заключительных боев в хронологической последовательности дается более полная картина последних сражений, общей обстановки с обороной Севастополя, ранее неизвестной читателю, и приоткрывается завеса неизвестности над действиями войск Севастопольского оборонительного района в начале июля 1942 года и их трагической судьбе, учитывая тот факт, что эвакуации как таковой практически не было и она не планировалась в силу сложившихся к тому времени обстоятельств.

Надо полагать, что это исследование — лишь первый шаг на пути создания фундаментального труда по событиям последних дней обороны Севастополя лета 1942 года, который должен до конца раскрыть героический подвиг бойцов и командиров Приморской армии, моряков Черноморского флота, в тех трагических условиях

ценой своей жизни спасавших Родину от вражеского нашествия, проявляя массовый героизм, презрение к смерти и ненависть к немецко-фашистским захватчикам.

Работа научной группы является ценным вкладом в историю Великой Отечественной войны 1941–1945 годов и боевую летопись Черноморского флота.

*Командующий Черноморским флотом РФ Адмирал
В. П. КОМОЕДОВ*

Введение

4 июля 1942 года на страницах газеты «Правда» Совинформбюро сообщило, что по приказу Верховного Командования Красной армии 3 июля 1942 года советские войска оставили город Севастополь.

Основную задачу — как можно больше приковать на Севастопольском участке фронта немецко-фашистских войск и как можно больше их уничтожить — севастопольцы выполнили.

За короткий период немцы потеряли под Севастополем до 150 тысяч солдат и офицеров, из них не менее 60 тыс. убитыми, более 250 танков, до 250 орудий, более 300 самолетов. Всего за 8 месяцев обороны враг потерял до 300 тысяч своих солдат и офицеров убитыми и ранеными.

Железная стойкость севастопольцев явилась одной из важнейших причин, сорвавших пресловутое «весеннее наступление» немцев. Гитлеровцы проиграли во времени и темпах, понеся огромные потери людьми.

К сожалению, в сообщении Совинформбюро отсутствовала полная информация об эвакуации Приморской армии, частей и подразделений Береговой обороны Черноморского флота. Долгие послевоенные годы этот вопрос замалчивался. Каких-либо серьезных исследований о последних днях обороны Севастополя не проводилось. В то же время обзор многочисленных изданий по обороне Севастополя 1941–1942 годов показал, что они в своем большинстве, за немногими исключениями, лишь частично освещают трагические события последних дней Севастополя. Согласно свидетельствам участников обороны Севастополя последних дней, большинство которых попало в плен в июльские дни на Херсонесском полуострове (опросы конца 1980–1999 гг.^[1]), по сведениям о количественном составе Приморской армии на начало июня 1942 года с учетом пополнения за июнь, сообщенным вице-адмиралом Ф. С. Октябрьским в мае 1961 года на военно-исторической конференции в Севастополе^[2], и немецким архивным данным^[3] Приморская армия и части Береговой обороны флота, ввиду невозможности их вывезти из-за сложившейся обстановки, были оставлены сражаться до последнего и в количестве

около 80 тысяч человек, значительную часть которых составляли раненые, по исчерпанию боеприпасов попали в плен.

В то же время, в результате спешно организованной частичной эвакуации ограниченными силами флота, нацеленной в основном на эвакуацию старшего командного состава армии, флота и города, было вывезено в ночь с 30 июня на 1 июля двумя подводными лодками и 14 транспортными самолетами «Дуглас» (ПС-84) 600 человек руководящего состава и в последующие дни на сторожевых катерах, тральщиках, подводных лодках, буксирах и других плавсредствах 2415 человек^[4].

Запланированная перевозка по эвакуации собранного на 35-й батарее двух тысяч человек старшего командного состава армии и Береговой обороны на прибывших в ночь с 1 на 2 июля сторожевых катерах и быстроходных тральщиках фактически не удалась.

Соппротивление врагу продолжалось до 12 июля 1942 года. В этот день, как об этом написал полковник Д. И. Пискунов, начальник артиллерии 95-й стрелковой дивизии, под скалами 35-й береговой батареи были пленены последние защитники Севастополя в количестве 120 человек, в том числе и он сам^[5].

Вместе с тем отдельные группы бойцов и командиров, укрывшиеся в недоступных местах берега от Херсонесского маяка до мыса Фиолент, продолжали сопротивление и попытки прорваться в горы до 17 июля, как об этом сообщают старшина I статьи В. С. Потапов из состава караула 35-й береговой батареи^[6] и главный старшина В. И. Мищенко, начальник поста скрытой связи 3-й отдельной авиационной группы (ОАГ) ВВС ЧФ^[7]. Некоторые подробности этих сообщений изложены во второй части исследования.

Большинство наших воинов, попавших в плен, впоследствии погибли в немецких концлагерях, а также при конвоировании с мест пленения. Комиссары, коммунисты, лица еврейской национальности по мере их выявления расстреливались на месте у мест пленения либо в сборных и фильтрационных лагерях в Севастополе, Бахчисарае, Симферополе, Керчи, на Украине, в Германии. Сообщения очевидцев приводятся.

С тех пор прошло немало лет, но боль за трагический конец героической обороны легендарного Севастополя, за тысячи погибших и попавших во вражеский плен краснофлотцев, красноармейцев,

командиров и комиссаров доблестных соединений, частей и подразделений Приморской армии и Береговой обороны Черноморского флота щемит и бередит души оставшихся в живых защитников Севастополя. Всех тех, кто не забыл, какой величайший подвиг совершили его защитники в те тяжкие дни лета 1942 года, спасая Советскую Родину от фашистской нечисти, оставшись один на один с превосходящими силами немецко-фашистских захватчиков, без боеприпасов, без какой-либо помощи с Большой земли.

В большей части события и подвиги защитников Севастополя тех последних дней остались неизвестными страницами войны.

Бывший народный комиссар Военно-Морского Флота СССР адмирал флота Н. Г. Кузнецов, вспоминая события 30 июня 1942 года в Севастополе, писал:

«Были ли приняты все меры к эвакуации? Этот вопрос мне приходилось слышать не раз. Вопрос о возможном оставлении Севастополя должен был стоять перед командованием флота, Главкомандованием Северо-Кавказского направления, которому Черноморский флот был оперативно подчинен, и наркомом ВМФ. Все эти инстанции обязаны были заботиться не только о борьбе до последней возможности, но и о вынужденном спешном отходе, если этого потребует обстановка... Эвакуация оставшихся войск после третьего штурма Севастополя ждет еще объективного исторического анализа»^[8].

В связи с этим на Краснознаменном Черноморской флоте по решению командующего флотом в январе 1995 года была создана научная группа командующего флотом при музее КЧФ по историческому исследованию событий последних дней обороны Севастополя за период 29 июня — 12 июля 1942 года в составе:

Председатель — капитан 1-го ранга Н. А. Канищев, начальник отдела культуры флота, заслуженный работник культуры РФ.

Заместитель — капитан 1-го ранга Н. Н. Лебедев, начальник музея КЧФ;

Члены группы:

— капитан 2-го ранга запаса В. А. Громов, младший научный сотрудник музея КЧФ;

— капитан 2-го ранга в отставке И. С. Маношин, заслуженный работник культуры УССР;

— капитан 1-го ранга в отставке А. А. Строкин, кандидат военно-морских наук;

Консультанты:

— капитан в отставке И. П. Кондранов, участник ВОВ, архивист Госархива Крыма;

— капитан 1-го ранга в отставке А. В. Басов, доктор исторических наук, институт военной истории РАН РФ, участник ВОВ.

Было решено провести глубокое объективное исследование последних дней сражения за Севастополь и обстоятельства его оставления. В частности:

— уточнить и дополнить на основе собранных данных из архивов и воспоминаний участников последних дней обороны хронику боевых действий за период 29 июня — 12 июля 1942 года.

— выяснить причины и обстоятельства смены командования Севастопольским оборонительным районом (СОР) в ночь с 30 июня на 1 июля 1942 года, а затем в ночь с 1 июля на 2 июля;

— разобраться с вопросами организации эвакуации войск армии и флота, уточнить количество оставшихся войск в составе армии и береговой обороны, количество раненых, обстоятельства пленения воинов армии и флота, количество попавших в плен;

— рассказать о зверствах фашистов и их прислужников из числа предателей советского народа в местах пленения и при конвоировании наших воинов в концлагерях;

— показать, что, несмотря на безнадежность положения, воины Приморской армии и моряки Береговой обороны Черноморского флота в подавляющем своем большинстве проявляли массовый героизм, сражались до последнего патрона, презирая смерть, шли на подвиги во славу нашей Родины, показывая пример доблести и отваги в служении Отечеству для всех советских людей и будущих поколений.

Надо отметить, что документов, проливающих свет на боевые действия войск СОРа за период 1–3 июля 1942 года и последующие дни, в архивах практически нет (боевые приказы, донесения, распоряжения, сводки и т. п.), о чем свидетельствует отсутствие

ссылок на них не только в общих трудах по обороне Севастополя, но и во всех публикациях и воспоминаниях за изучаемый период, за исключением некоторых донесений за 1 июля 1942 года. Эти обстоятельства создают особые трудности в проведении исследования.

Воспоминания защитников Севастополя последних дней в письмах и записанные на пленку потребовали тщательного изучения, сравнения для выявления фактических событий, так как по естественным причинам обычно запоминаются эпизоды, но без учета дня, времени его совершения.

Из работ, затрагивающих последние дни обороны, на наш взгляд, ближе всего подошли к реальному изложению событий бывший комендант Береговой обороны СОРа генерал-майор П. А. Моргунов в книге «Героический Севастополь», М. Наука, 1979 г., А. В. Басов в книге «Крым в Великой Отечественной войне 1941–45 гг.» М., Наука. 1987 г. в сборнике № 4 «Крым в Великой Отечественной войне 1941–45 гг.» Вопросы и ответы. Симферополь. Таврия, 1994 г. С. 32–53. Часть информации из этих работ, а также материалы из архивов ЦВМА, Отд. ЦВМА и архива МО РФ, Госархива Крыма взяты в основу данного исследования. В исследовании использовались также материалы из газет, журналов, книг, конференций, в которых затрагивалась тема последних дней обороны Севастополя.

После поражения Крымского фронта (8–20 мая 1942 г.) директивой за № 00201/ОП от 28.05.42 г. командующий Северо-Кавказским фронтом Маршал Советского Союза С. М. Буденный, которому оперативно был подчинен СОР и Черноморский флот, приказал предупредить весь личный состав СОРа, что «переправы на Кавказский берег не будет...»^[9], то есть надо было сражаться за Севастополь до последнего.

И все же Севастополь пришлось оставить. Что же помешало Севастополю выстоять при третьем наступлении немецко-фашистских войск?

Главная причина — не было необходимого запаса снарядов для полевой и зенитной артиллерии. Накопленный же запас снарядов был израсходован в первые 10–12 дней немецкого штурма для создания непреодолимого огненного вала. В последующие дни интенсивность огня артиллерии зависела от хода подвоза снарядов морем, но обеспечить непрерывные перевозки уже было нельзя, так как с конца

мая резко усилилась блокада морских коммуникаций по снабжению Севастополя из портов Кавказа в результате захвата противником всего Керченского полуострова, вблизи которого ранее следовали наши транспорты.

Враг наращивал свои ударные силы на море, особенно авиации, которая стала абсолютно господствующей на путях движения наших транспортов и боевых кораблей. Для противодействия вражеской авиации в то время у флота не было необходимых сил и средств. Из-за больших потерь транспортных судов подвоз боеприпасов, вооружения, продовольствия, других материальных ресурсов и маршевого пополнения людьми с 20 июня 1942 года наше командование вынуждено было осуществлять только на боевых кораблях и подводных лодках, не приспособленных к массовым воинским перевозкам. А с 22 июня — и самолетами транспортной авиации в ночное время.

С 27 июня снабжение осуществлялось только подводными лодками, транспортными самолетами и малыми надводными кораблями — быстроходными (базовыми) тральщиками, так как противник еще более усилил морскую блокаду Севастополя за счет дополнительного привлечения ударных сил своей авиации. В результате такого положения катастрофически снизилась подача боеприпасов фронту, и в первую очередь снарядов.

В то же время противник усиливал свою огневую мощь по Севастополю, в том числе и за счет максимального использования захваченной нашей боевой техники и тяжелого вооружения, боезапаса для артиллерии и авиации у 44-й, 47-й и 51-й армий Крымского фронта. Несмотря на все эти тяжелые обстоятельства, Севастополь продолжал неравную героическую борьбу с превосходящими силами 11-й немецкой армии^[10].

Чем объясняется столь малый накопленный запас снарядов у СОРа до начала третьего вражеского штурма, не говоря уже об острой нехватке людского пополнения, вооружения и других материальных средств?

П. Моргунов объясняет это тяжелым положением, сложившимся весной и летом 1942 года на южном крыле советско-германского фронта, а также некоторой переоценкой возможностей Севастопольского фронта, его боевого потенциала вышестоящим

командованием^[11]. Но, судя по многочисленным донесениям командования СОРа командованию Крымского фронта за период с января по май 1942 года, которому СОР подчинялся с момента его образования в январе 1942 года после освобождения нашими войсками Керченского полуострова, у Севастополя начались проблемы с нехваткой боезапаса для артиллерии. К апрелю 1942 года доставка боезапаса в Севастополь сократилась в 4 раза^[12].

В то же время основной поток всех видов ресурсов направлялся армиям Крымского фронта, на который делалась основная ставка в планах по освобождению Крыма и деблокаде Севастополя^[13]. Севастополю же отводилась второстепенная роль в этих планах не без ведома Ставки. Таким образом, недальновидность и местничество командования Крымского фронта, при передоверии сверху, наряду с объективными причинами, сыграло свою основную роль в трагедии Севастополя.

Эти суровые выводы подтверждаются словами из отчета командующего Северо-Кавказским фронтом С. Буденного начальнику Генерального штаба Красной армии генерал-полковнику А. Василевскому и наркому военно-морского флота адмиралу Н. Г. Кузнецову от 12 июля 1942 года, в котором он, «отдавая должное организации и руководству обороной СОРа со стороны командования СОРа», отмечает: «Помимо преимущества противника в танках и господства его в авиации причиной преждевременного падения Севастополя явилось отсутствие значительных запасов боевого снабжения, и в частности, боезапаса, что было основной ошибкой командования Крымского фронта. Не числовое соотношение сил решило борьбу в конечном итоге к 3.07.42 г., а ослабление мощности защитников. При наличии боезапаса СОР мог продержаться значительно дольше».

В докладе также отмечается, что «к началу 3-го штурма Севастополя СОР имел меньше 2,5 боекомплекта снарядов крупного калибра, меньше 3-х боекомплектов снарядов среднего калибра, меньше 6 боекомплектов снарядов мелкого калибра и около 1 боекомплекта мин, что совершенно недопустимо. В то же время период длинных ночей не был использован для подвоза при еще слабой блокаде Севастополя»^[14].

К этим обстоятельствам можно только добавить, что «надежды Крымского фронта на деблокаду Севастополя не осуществились в результате несостоятельности его командования», как об этом написал в своей книге «Дело всей жизни» Маршал Советского Союза А. Василевский^[15].

После тяжелого поражения Крымского фронта и оставления остатками наших войск Керченского полуострова 23 мая 1942 года, командование Северо-Кавказским фронтом, занимавшееся организацией эвакуации войск из Керчи, в этой сложной обстановке не сумело оперативно помочь Севастополю, в первую очередь, в подаче максимального количества боезапаса по заявкам СОРа, несмотря на настоятельные требования командования СОРа ввиду надвигающейся угрозы третьего штурма Севастополя^[16].

Только 30 мая 1942 года Военный совет Северо-Кавказского фронта на своем заседании рассмотрел и удовлетворил заявку СОРа в боезапасе, выделив из запасов фронта 6 боекомплектов снарядов^[17]. Но время было уже упущено и перевезти столь значительное количество их по изложенным выше причинам удалось лишь частично, что в конечном счете и решило судьбу Севастополя.

К особой проблеме исследования истории последних дней обороны Севастополя относится информация полковника Д. И. Пискунова о создании в казематах 35-й береговой батареи в ночь на 2 июля временного руководства Приморской армией в виде Военного совета армии, избранного на демократических началах старшими командирами и политработниками армии для руководства обороной и продолжением эвакуации, ввиду того, что, согласно приказу командующего СОРа, оставляемый в Севастополе старшим военачальником на одни сутки командир 109-й стрелковой дивизии генерал-майор П. Г. Новиков в ночь на 2 июля был обязан эвакуироваться со своим штабом. Войска же оставались сражаться до последней возможности в районе Херсонесского полуострова или должны были самостоятельно прорываться в горы к партизанам^[18].

И хотя это временное руководство армией действовало только до утра 3 июля, значение этого факта выходит далеко за рамки обычного события и составляет одну из важнейших еще далеко не изученных и не оцененных страниц героической обороны Севастополя.

Здесь уместно отметить, что автор информации был членом названного временного руководства Приморской армией. В обороне Севастополя 1941–1942 годов полковник Д. Пискунов был в числе известных руководителей обороны города не только как начальник артиллерии 95-й Молдавской стрелковой дивизии, с которой он прошел боевой путь с первых дней Великой Отечественной войны от реки Прут на границе с Румынией, но и как командующий артиллерией 4-го сектора обороны Севастополя. За боевые и организаторские заслуги в деле обороны Севастополя командованием Приморской армии Д. И. Пискунов представлялся к воинскому званию генерал-майора и званию «Герой Советского Союза». Плен помешал получить ему эти высокие награды за свой ратный подвиг. В 1945 году, после освобождения из плена, и прохождения государственной проверки он был восстановлен в прежнем воинском звании «полковник» и продолжил воинскую службу в рядах Советской армии.

Сообщение о создании и практической деятельности временного руководства армией в те тяжкие июльские дни 1942 года впервые прозвучало на военно-исторической конференции в Севастополе в мае 1961 года в докладе Пискунова о последних боях за Севастополь. В частности, им было доложено:

«В ночь на 2 июля 1942 года на 35-й береговой батарее состоялось совещание старшего командно-политического состава армии, который там остался. Кратко была обсуждена создавшаяся обстановка и принято решение принять все меры к эвакуации армии, тем более, что к этому времени мы имели сведения, что в следующую ночь должны были подойти транспорта.

Я назову некоторых людей, которые оказались в руководстве, начиная с утра 2 июля 1942 года. Бригадный комиссар — фамилию не знаю, майор Белоусов, помощник начальника штаба артиллерии 25-й Чапаевской дивизии, начальник штаба артиллерии полковник Гроссман, полковник Бабушкин, командир одного из артполков. Я тоже был введен в состав руководства деятельностью левого фланга и формируемых резервов. На Херсонесском мысу был майор Дацко. Я называю фамилии тех, кого знал»^[19].

Как объяснял Пискунов, воссозданное руководство армией действовало от имени штатного, эвакуированного на Кавказ. И нет ничего необычного, что образованное руководство армией Пискуновым впоследствии стало называться Военным советом, каковым оно в сущности и было в тот момент.

К сожалению, стенограмма выступления Пискунова на этой конференции была записана с искажениями, о чем имеется отметка в архивном томе. «Там ничего этого нет», — заявил Пискунов, когда получил по почте ее копию. Видимо, он имел в виду отсутствие в ней ряда важных сведений, о которых он доложил на конференции.

По идеологическим соображениям советского времени материалы негативных последствий военных операций наших войск в период Великой Отечественной войны были закрыты для широкого исследования, а то и вовсе не проводились. В связи с этим сообщение Пискунова было принято на конференции только к сведению, хотя тогда имелись все возможности для выяснения всех обстоятельств трагических событий последних дней обороны Севастополя, в том числе и вопросы создания временного руководства Приморской армией, так как были живы многие участники тех последних боев. Но, к сожалению, интереса к этому со стороны руководства не последовало.

И еще некоторые подробности, связанные с временным Военным советом Приморской армии.

В 1963 году в партийный архив Крымского обкома партии поступил материал от Д. И. Пискунова, написанный по просьбе заведующего партархивом для пояснения обстоятельств гибели секретаря обкома партии Ф. Д. Меньшикова, считавшегося пропавшим без вести в июле 1942 года на Херсонесском полуострове. Вместе с фактом подтверждения смерти Меньшикова, с которым Пискунов виделся 2 июля 1942 года на берегу Херсонесской бухты, Пискунов представил обзор последних дней обороны Севастополя по день своего пленения — 12 июля 1942 года. В сокращенном варианте этот материал опубликован в сборнике «Крым в Великой Отечественной войне 1941–45 гг.» доктором исторических наук А. В. Басовым. В этом обзоре-воспоминаниях Пискунов впервые называет фамилию бригадного комиссара Хацкевича — комиссара 109-й стрелковой

дивизии, как руководителя временного Военного совета армии, добавляя слова «... если память мне не изменяет»^[20].

В 1987 году в Кишиневе вышла книга Д. И. Пискунова «95-я Молдавская», в которой впервые для массового читателя было опубликовано сообщение о временном руководстве Приморской армией, образованном в ночь на 2 июля 1942 года с уточнением подлинных должностей и воинских званий всех членов этого руководства^[21].

В 1980 году в неопубликованной работе «Заключительный этап обороны Севастополя 1941–42 гг.», утвержденной бюро военно-научной секции при ЦДСА, Пискунов пишет, что «на совещании при выборах Военного совета Приморской армии он не присутствовал, а был кооптирован в его состав утром 2-го июля в штольне Херсонесской бухты лично бригадным комиссаром А. Д. Хацкевичем, куда временный Военный совет перешел из 35-й батареи»^[22].

В 1985 году на вопрос, почему на военно-исторической конференции в 1961 году он не смог назвать фамилию бригадного комиссара, Пискунов сослался на обычное явление с памятью. «А бывает так, что выскочило из головы. В общем, добавил он, что в моих воспоминаниях написано — это точно»^[23].

В своем выступлении на конференции в 1961 году в Севастополе бывший начальник штаба 345-й стрелковой дивизии полковник И. Ф. Хомич не обмолвился ни единым словом о своем участии в работе временного Военного совета армии. На этот счет Пискунов в беседе с автором в 1984 году привел сказанные Хомичем врезавшиеся в память его слова в те отчаянные июльские дни 1942 года: «Ты знаешь, что за это будет?», имея в виду участие во временном руководстве армией. Видимо, страх за работу в нем, образованном без санкции сверху, довлел над ним и после войны^[24]. После выступления Пискунова он не выступил с опровержением либо уточнением своего участия в нем и, стало быть, тем самым молча подтвердил истину.

Что временное руководство армией было и действовало, сомнений нет, так как сложившаяся обстановка 1 и 2 июля 1942 года в районе 35-й береговой батареи, куда отходили многочисленные остатки частей и подразделений армии и Береговой обороны, сохранивших свою военную организацию, давала последнюю возможность организованной борьбы и после ухода генерала Новикова.

Но помимо информации Пискунова нужны и другие источники. Трудности поиска заключаются в том, что временное руководство действовало кратковременно, и поэтому его знало в лицо ограниченное количество лиц, из которых тогда мало кто остался в живых. Как написал Пискунов:

«Только под утро 3 июля 1942 года собравшаяся на берегу Херсонесской бухты большая группа командиров и политработников, пришедших с передовой, узнали в лицо свое новое командование и были удивлены, узнав эту новость»^[25].

Вообще тогда на передовой мало кто знал, что командование СОРа, а затем и его преемник генерал Новиков покинули Севастополь, как это следует из многих воспоминаний участников последних боев на Херсонесе.

Прямых свидетельств, дополняющих информацию Пискунова, пока не найдено, но по результатам ограниченного анкетного опроса было получено несколько сообщений, косвенно подтверждающих информацию Пискунова, в том числе от С. Д. Якунина^[26], от Г. А. Воловика^[27], от Н. А. Анишина^[28], от Г. П. Зюзько^[29] и других.

Вместе с тем имеются и другие сведения о судьбе бригадного комиссара А. Д. Хацкевича, согласно которым он эвакуировался на сторожевом катере СКА-0112 вместе со своим командиром генералом Новиковым в начале ночи 2 июля 1942 года от рейдового причала 35-й береговой батареи.

Учитывая скудные сведения о судьбе руководителя временного Военного совета, автор и доктор исторических наук А. В. Басов считают необходимым продолжение поиска по всему комплексу этого важного события последних дней обороны.

Научная группа глубоко признательна всем участникам героической обороны Севастополя, приславшим свои воспоминания о последних боях за Севастополь, особенно В. И. Мищенко, за любезно предоставленные материалы из личного архива и пояснения о последних боях на Херсонесском полуострове, участником которых был он сам, а также сотрудникам Севастопольской морской библиотеки, Государственного архива Крыма, Центрального архива ВМФ в г. Гатчине и его отделении в Москве, Центрального архива МО РФ в г. Подольске, оказавшим помощь в подборе материалов и документов для этого военно-исторического исследования.

Часть первая

(29 июня — утро 2 июля 1942 года)

В конце июня 1942 года оборона Севастополя подходила к своей трагической развязке. В первые десять дней июньского штурма немцев огневая система и оборона Севастопольского оборонительного района в целом оказались для врага непреодолимыми, пока не иссякли запасы снарядов и был небольшой их подвоз с Кавказа. Но несмотря на героизм бойцов и командиров, опытность и активность командования Приморской армии, без подвоза боеприпасов и пополнения с Большой земли удержать Севастополь было невозможно.

Замысел операции немцев по захвату Севастополя с кодовым названием «Лов осетра» заключался в блокаде его с моря, разрушении долговременной инженерной обороны, уничтожении флота в ходе эвакуации.

Командующий 11-й немецкой армией генерал-полковник Э. Манштейн, чьи войска осаждали Севастополь, решил полностью прервать морские перевозки между кавказскими портами и Севастополем, и после того, как защитники израсходуют боеприпасы и другие виды материального обеспечения, начать штурм.

Для блокады с моря противник сосредоточил в Ялте и Евпатории 6 подводных лодок, из которых в морской блокаде Севастополя участвовало 2–3 из них и их действия были весьма пассивны. Одна из них была повреждена в результате обстрела в Ялте.

В этих же портах и рейдпунктах были сосредоточены 19 торпедных катеров, 38 сторожевых катеров и охотников за подводными лодками. На аэродромах Крыма и Северной Таврии было сосредоточено 600 самолетов, в том числе ударный 8-й авиационный корпус Рихтгофена в составе 150 пикирующих бомбардировщиков. Общее количество авиации противника в июне месяце достигало 1060 самолетов, из них до 700 бомбардировщиков, до 200 истребителей и до 170 самолетов вспомогательной авиации, что обеспечило им абсолютное господство в воздухе^[30].

Основной ударной силе противника — авиации — нечего было противопоставить, так как к тому времени Черноморский флот имел

всего 160 исправных самолетов, большая часть которых базировалась на кавказских аэродромах.

Усиление Севастопольского оборонительного района и всех коммуникаций между Крымом и Кавказом нашими ВВС и ПВО не предвиделось по ряду важных причин.

Поэтому эвакуация более чем 100-тысячного гарнизона СОРа практически исключалась. В то же время борьбу за Севастополь можно было бы продолжать, пока не прекратится подвоз снабжения и пополнения, а также если бы имелся необходимый запас снарядов для ведения длительной, более месяца, обороны. Фактически накануне последнего, третьего, штурма немцев СОР имел в наличии в среднем всего два боекомплекта снарядов для артиллерии вместо необходимых шести.

Для сравнения, за период второго штурма Севастополя артиллерия СОРа израсходовала на отражение атак противника четыре боекомплекта снарядов.

Политработники разъясняли личному составу Севастопольского фронта, что по решению командующего Северо-Кавказским фронтом эвакуации из Севастополя не будет. Севастополь будем отстаивать до последнего. Чтобы читателю было понятно, какое положение сложилось с обороной Севастополя к 29 июня, необходимо пояснить общую обстановку в Севастопольском оборонительном районе накануне решающего штурма.

Вечером 28 июня командующий Приморской армией генерал-майор И. Е. Петров провел совещание с командирами и комиссарами дивизий и бригад. После взаимного уточнения, как написал его бывший заместитель, комендант Береговой обороны ЧФ генерал-лейтенант П. А. Моргунов в своей книге «Героический Севастополь», выяснилось, что численность боевого состава армии находится в критическом состоянии. В дивизиях осталось по 400–600 человек, в бригадах по 200–300, кроме полносоставных 142-й отдельной стрелковой бригады (4915 человек, с учетом 320 чел., погибших на ЭМ «Безупречный», авт.) и 9-й бригады морской пехоты. (Здесь надо иметь в виду, что Моргунов имел в виду количество людей в пехотных подразделениях. — *Авт.*)

В целом это были закаленные в боях бойцы и командиры. Было отмечено, что общее настроение личного состава войск боевое. Что,

несмотря на усталость, все готовы драться, уничтожать фашистов и если надо, то отдать свои жизни, но отстоять Севастополь.

По сводкам отдела укомплектования Приморской армии, на 26–27 июня 1942 года в Приморской армии всего числилось порядка 28 тысяч человек, без учета сил Береговой обороны ЧФ^[31].

К этому времени линия фронта обороны проходила по рубежам: выс. 57, 7 — изгиб шоссе в 100 м западнее выс. 99, 4 — деревня Кадыковка — выс. 29, 4 — выс. 74, 0 (искл.) — восточные скаты выс. 113, 2 — выс. 111, 0 — выс. 36, 4 — восточные скаты выс. 75, 0 — пос. Инкерман — ст. Инкерман — выс. 67, 7 и далее по южной кромке Северной бухты до Павловского мыска^[32].

В войсках и у жителей города, — а последних осталось около 36 тысяч человек, — жила уверенность, что город отстоим^[33]. Об этом свидетельствуют воспоминания участников обороны и жителей города.

Вместе с тем высшее звено руководства армии и флота понимало всю сложность и трагичность положения с обороной Севастополя. Так, командир 25-й Чапаевской стрелковой дивизии генерал-майор Т. К. Коломиец в книге «На бастионах Чапаевцы» вспоминает, что «еще раньше, 24 июня мы уже знали, что Севастополь удержать не удастся, тогда же я получил приказ — отправить в штаб армии знамена дивизии. Они впоследствии были затоплены у Камышовой бухты». Однако, по имеющимся архивным сведениям знамена дивизии были сожжены в землянке у Камышовой бухты^[34].

Как уже упоминалось, оборона города зависела теперь от подвоза снарядов морем и по воздуху. Но этот подвоз уже не покрывал расход. Для сравнения, если в первые десять — двенадцать дней немецкого штурма фронт обороны расходовал в сутки порядка 580 тонн снарядов, создавая необходимую и непреодолимую плотность огня, что держало оборону на занимаемых рубежах, то далее расход снарядов снизился до 1/3, а затем и до 1/4 от первоначального расхода. Вместе со снижением суточного расхода снарядов, уменьшалась плотность огня артиллерии, слабела оборона, и нашим войскам шаг за шагом приходилось отходить на новые позиции. В то же время враг все более ужесточал морскую блокаду Севастополя. Только с 10 по 19 июля авиацией противника были потоплены быстроходные грузопассажирские суда «Абхазия», «Грузия», а «Белосток» был

торпедирован вражескими торпедными катерами. В связи с этим боезапас и прочие грузы снабжения стали с 20 июня транспортировать только на боевых кораблях и подводных лодках, которые не были приспособлены для массовых грузовых перевозок.

Командующий Северо-Кавказским фронтом Буденный доносил начальнику Генштаба Василевскому: «Итальянские подводные лодки и торпедные катера дежурят на подходе к Севастополю. Стали ходить в Севастополь лидер „Ташкент“, эсминцы „Сообразительный“, „Безупречный“, „Бдительный“, четыре быстроходных тральщика (БТИЩ), 11 подводных лодок. В среднем всего может подаваться ежедневно около 250 тонн груза, включая доставку на самолетах „Дуглас“ и примерно 545 бойцов маршевого пополнения и 60 тн. бензина.

СОРу же по заявке нужно в среднем 300 тонн боезапаса и 125 тонн продовольствия, в том числе 25 тонн для населения, а также 90 тонн бензина и 1000 бойцов маршевого пополнения в сутки. Недодача груза — 200 тонн, бензина 30 тонн, бойцов 455 человек»^[35].

В третьей декаде июня блокада Севастополя достигла своей вершины. Между 20 и 27 июня были потоплены авиацией и противолодочными силами противника подводные лодки Щ-214 и С-34, эсминец «Безупречный», а также сильно поврежден легендарный лидер «Ташкент», развивающий скорость хода до 44 узлов. В этих условиях помимо перевозок боезапаса на боевых кораблях и прочих грузов снабжения с 22 июня в ночное время из Краснодара началась доставка боезапаса по 18–25 т и вывоз обратными рейсами раненых транспортными самолетами ПС-84 («Дугласы») специальной московской авиагруппы по 12–15 самолетов в сутки^[36].

Из-за резкого снижения подвоза снарядов морем расход их на фронте обороны в конце июня еще более снизился и составил менее 100 тонн в сутки. Многие артиллерийские батареи и отдельные орудия по этой причине начали отводиться в районы бухт от Стрелецкой до Казачьей. Зенитная артиллерия, прикрывающая фронт и город, за исключением Херсонесского аэродрома, стояла без снарядов. Немецкие летчики знали об этом и безнаказанно летали на низких высотах и бреющим полетом, производя прицельное бомбометание, огонь из пушек и пулеметов по нашим боевым порядкам и тылам, нанося тяжелые потери.

Днем передвигаться даже одиночным людям стало практически невозможно, так как вражеские самолеты с раннего утра и до вечера непрерывно летали над всей территорией СОРа, уничтожая все движущееся, производя до 600 и более вылетов, сбрасывая при этом от 2500 до 3500 бомб в сутки.

В своих мемуарах «Утерянные победы» Э. Манштейн писал, что «нельзя было не признать, что даже если резервы у противника и были в основном израсходованы, то и ударная сила немецких полков была на исходе... полки насчитывали по несколько сот человек»^[37].

Манштейн принял решение продолжить штурм Севастополя, нанося главные удары через Северную бухту на Корабельную сторону и от Балаклавы на Сапун-гору. Продолжение штурма было назначено на 29 июня. Наступающие немецкие дивизии имели очень сильную артиллерийскую и авиационную поддержку^[38].

Севастополь стоял накануне трагического завершения 250-дневной обороны. События в начале этого дня развивались следующим образом.

В 2.00 с Северной стороны противник открыл шквальный артиллерийский огонь по всему южному берегу Северной бухты, а в 2.35 под прикрытием дымовой завесы, которая благоприятствовала ему, и продолжающегося артогня силами 22-й, а затем и 24-й пехотных дивизий начал форсирование бухты и высадку в 4-х местах берега между Килен-площадкой и Северной электростанцией. Огнем нашей артиллерии было потоплено 17 лодок противника и один катер. До пяти лодок вышли на наш берег в районе Георгиевской балки. Контратаками остатков наших 95-й, 345-й стрелковых дивизий, 79-й бригады, 2-го полка морской пехоты и других подразделений IV сектора обороны удалось сбросить противника в трех местах, а в районе Воловьев балки противник высадился и закрепился^[39].

Противник стал быстро перебрасывать части указанных дивизий на захваченный плацдарм. Затем силами до батальона ворвался по Воловьев балке на гору Суздальскую. Позже в районе Килен-балки противнику удалось высадиться силами до батальона пехоты^[40]. Действиями переправившихся за передовыми отрядами частей этих дивизий из Георгиевской и Сушильных балок, а также передовых частей 50-й и 132-й пехотных дивизий, начавших одновременное наступление через станцию Инкерман на гору, мимо Шампанстроя по

шоссе на Английский редут Виктория при поддержке танков, противник стал медленно теснить части IV сектора обороны, и к 12 часам дня из-за слабой артиллерийской поддержки наши подразделения вынуждены были отойти к рубежу:

Западные скаты Килен-балки — Камчатский редут — Английский редут Виктория^[41].

В то же время в III секторе 138-я бригада, остатки частей 345-й стрелковой дивизии, 8-й бригады морской пехоты, ведущих бой в районе Инкерманского болота и на северо-восточных склонах горы Суздальской, северо-западные и западные скаты которой уже были захвачены немцами, оказались в полуокружении. Все эти части вышли из него после полудня 29 июня, а остатки 345-й стрелковой дивизии — в ночь на 30 июня. По воспоминаниям старшего лейтенанта И. Ф. Сорокового, помощника начальника штаба артиллерии 345-й дивизии, остатки дивизии, в которой было более 1000 человек, отходили с Инкермана, где занимали оборону^[42].

Некоторые подразделения все же были окружены и дрались до последнего, как об этом написал краснофлотец-автоматчик А. П. Утин из 8-й бригады морской пехоты:

«После Сахарной головки отошли к речке Черной, где на ее берегу заняли оборону остатком подразделения в 16–17 человек под командованием командира Должикова. Целый день отбивали атаки немцев. Патронов мало. Сверху помогал станковый пулемет из какого-то другого подразделения. Осталось в живых 7–8 человек. Появились немецкие танки. Гранат нет, патронов нет. Организованно отошли на возвышенность горы позади нас. Кто-то крикнул: „Немцы лезут!“ Нечем стрелять. Начали с горы кати-камни катить. Они отошли. Прорваться не удалось... плен»^[43].

Надо отметить, что вторая (главная) полоса обороны СОРа шла по рубежу высот Карагач — Сапун-горе — горе Суздальской и была оборудована средствами полевой и долговременной фортификации. Имелись окопы, хода сообщения, доты и дзоты. Перед линией дотов и дзотов были построены минные поля и проволочные заграждения. 75 % дотов войсками не занимались из-за отсутствия вооружения.

Отсутствовали гарнизоны пулюбатов и некомплект станковых пулеметов в войсках составлял до 65 %.

Глубина обороны 2-й линии достигла 800–1200 метров в глубину.

Третья полоса обороны была оборудована дотами и дзотами, окопами и ходами сообщения непосредственно на подступах к Севастополю с глубиной ее в 250–600 метров. Перед передним краем имелось частично проволочное заграждение в один ряд, два кола. Батареи Береговой обороны на территории СОРа представляли собой долговременные железобетонные сооружения, вокруг которых были созданы опорные пункты. Доты и дзоты занимали части Береговой обороны по типу пулюбатов^[44].

Одновременно с наступлением в IV и III секторах противник в 4.00 29 июня открыл ураганный огонь по нашим позициям и во II и I секторах, кроме Балаклавы, где была относительная тишина. Особенно мощный огонь велся по району Сапун-гора (высота 111,0), высотам Карагач и по деревне Кадыковка. Авиация противника производила массированные налеты на наши позиции группами самолетов по 30–120 штук, причем особо сильная бомбардировка производилась между высотой 75,0 и Сапун-горой.

Затем в 5.30 29 июня противник пехотой и танками перешел в наступление одновременно в обоих секторах.

Во втором секторе противник наступал двумя группами. Одной — в узкой полосе вдоль Ялтинского шоссе из района Федюхиных высот силами 170-й пехотной дивизии, а второй — в общем направлении на высоту 75,0 — хутор Дергачи силами 4-й румынской горно-стрелковой дивизии. Причем острие удара было направлено на отметку 38,0 — хутор Дергачи^[45].

В 6.00 противник превосходящими силами прорвал фронт нашей обороны на участке между левым флангом 386-й стрелковой дивизии и 8-й бригады морской пехоты. В бой были введены резервные подразделения из остатков 25-й Чапаевской стрелковой дивизии. В 7.15 противник на участке прорыва 386-й дивизии передовыми частями вышел на участок кустарника 1 км севернее высоты 111,0 и 1 км юго-восточнее хутора Дергачи. В этом районе шли ожесточенные бои^[46].

К 12 часам танки и пехота противника вышли на Сапун-гору в направлении хутора Дергачи. К 16.00, развивая наступление на

Севастополь, овладели хутором Дергачи — высотой 94,0 и продолжили наступление в направлении Лабораторного шоссе. Связь с 386-й дивизией и 8-й бригадой морской пехоты была потеряна^[47].

Чтобы не допустить прорыва к железнодорожному вокзалу и тем самым предотвратить окружение наших войск, сражавшихся в районе Корабельной стороны — горы Суздальской, в верховьях Лабораторной балки заняла боевые позиции батарея 152-мм гаубиц 3-го дивизиона капитана З. Г. Попова, 99-го гаубичного артполка 25-й Чапаевской дивизии при отходе с горы Сахарная Головка в ночь с 28 на 29 июня. Во второй половине дня наступавшие в направлении батареи 8 немецких танков с пехотой были встречены огнем батареи. Первыми же выстрелами прямой наводкой, из оставшихся по 10 бетонобойных снарядов на каждое орудие, были уничтожены три танка. Пехота противника от огня наших стрелков и пулеметчиков понесла большие потери и вместе с оставшимися танками поспешно отступила, и активности до конца дня на этом направлении враг не проявлял, произведя лишь бомбовый удар по позициям батареи своей авиацией.

В это же время на правом фланге II сектора на стыке 386-й стрелковой дивизии и 7-й бригады морской пехоты противник к 16.00 отбросил левый фланг 7-й бригады и вышел на Сапун-гору в районе серпантина Ялтинского шоссе.

К этому времени наша артиллерия прекратила огонь из-за отсутствия снарядов. Бой шел только врукопашную и ружейно-пулеметный. К исходу 29 июня противник овладел районом Сапун-гора — хутор Дергачи — высотой 91,1^[48].

В I секторе противник силами 72-й пехотной дивизии повел наступление в районе высот Карагач — Балаклавское шоссе. 28-я легкопехотная дивизия немцев поддерживала ее, наступая вдоль Балаклавского шоссе на стыке 388-й стрелковой дивизии и 9-й бригады морской пехоты. Однако, отразив все атаки противника, наши части вели бой на прежних рубежах.

В боях 29 июня 8-я бригада морской пехоты и 386-я стрелковая дивизия потеряли до 85 % личного состава и оказались небоеспособными.

Почему противнику с ходу удалось прорвать фронт на участке 386-й стрелковой дивизии? Если в IV секторе для предотвращения переправы противника через Северную бухту на ее южную сторону не

хватило сил и огня артиллерии, к тому же поставленная удачно противником дымовая завеса благоприятствовала ему, в I секторе были отражены все атаки противника, то что случилось на флангах 386-й дивизии? Почему в то же время подразделения 8-й и 7-й бригад морской пехоты, находившиеся на флангах дивизии, стояли насмерть и отошли только по приказу своего командования? В какой-то степени эти причины можно найти в материалах отчетов командиров 8-й и 7-й бригад морской пехоты, а также в воспоминаниях комиссара 386-й дивизии, выдержки из которых здесь приводятся.

Из отчета командира 8-й бригады морской пехоты полковника П. Горпищенко:

«Рубежи обороны: Сапунгорские высоты с границей справа 400 м южнее отметки 75,0. Слева выс. 38 включительно. Левее 514-й стрелковый полк, правее 386-я СД.

С утра 29 июня под ураганным огнем противника подразделения правого соседа, в том числе, 775 СП стали в беспорядке отходить на Сапун-гору и далее на Дергачи. С ними была потеряна связь. Наша рота в районе водокачки Новых Шулей, выброшенная туда с целью недопущения противника до Сапун-горы, была окружена и уничтожена. Противник силами до двух батальонов вслед за отступающими, справа зашел в тыл бригаде. Развернули против них 3-й батальон. Проводная и радиосвязь были нарушены. Около 8–9 часов выяснилось, что на участке соседа 514 стрелкового полка противник прорвал фронт и устремился на гору Суздальскую с одновременным направлением на хутор Дергачи и хутор № 29 с целью окружить бригаду. Поэтому фланговый 4-й батальон развернул по направлению к поселку Инкерман для прикрытия тыла и фронта бригады. К 12 часам дня бригада понесла потери до 80 % и начала отход к Английскому редуту Виктория. Штаб бригады потерял связь со своими частями, соседями и штабом армии. Когда перешли на редут Виктория, то в штабе Капитохина (комендант IV сектора и командир 95-й СД) получили приказание создать оборону,

остановить отступающих, но из-за больших потерь удалось создать лишь прикрытие. По имеемым данным комиссар бригады полковой комиссар Силантьев, вступивший в командование после моего ранения, сформировал из остатков бригады батальон из 350 человек. 4.07.42 г.»^[49].

Из отчета командира 7-й бригады генерал-майора Е. Жидилова от 4.07.42 г.:

«Позиция бригады: высота 74,0 — выс. 57, 5 — отм. 111 и выс. 113. Задача — не допустить противника по серпантину Ялтинского шоссе. Правее бригады оборонялась 9-я бригада морской пехоты, левее 386 СД.

С 2-х часов 20 минут 29 июня противник открыл ураганный артиллерийский и минометный огонь по району 5-го стрелкового батальона бригады и по соседу слева. В 05–00 подразделения 386-й дивизии стали в беспорядке отходить на Сапун-гору и далее в направлении на Английский редут Виктория. Связь с 386-й дивизией была потеряна. На плечах отходящих противник зашел на Сапун-гору и стал распространяться в двух направлениях: на отметку 80 и отм. 87. Затем туда подошло два батальона противника и он вытащил пушки на Сапун-гору. 5-й стрелковый батальон, неся потери, сохранил свои боевые порядки и фланговым огнем уничтожал живую силу противника. Около 14 часов стали отходить подразделения правого соседа (388 СД. — *Авт.*). Доложил в штаб армии и получил приказ отойти на рубеж казармы БРО — Английское кладбище.

В 16–00 дал распоряжение батальонам с боем выходить на новые рубежи, указав пути отхода через высоты Карагач. Сам, находясь в окружении, вышел с личным составом НП на КП Максимовой дачи.

К исходу дня 29 июня батальоны понесли большие потери, но без приказа не оставили своих рубежей. В то же время противник понес большие потери от флангового огня 5-го стрелкового батальона. От 3-х батальонов бригады

ночью было собрано около 150 человек и сформирована рота, которая заняла оборону к утру 30 июня в истоках Хомутовой балки»^[50].

Из воспоминаний комиссара 386-й стрелковой дивизии старшего батальонного комиссара Р. И. Володченкова, написанных в шестидесятых годах:

«В 3 часа 15 минут, чуть стало рассветать, немцы стали засыпать всю нашу оборону на Сапун-горе реактивными минами. Склоны гор горели. Обстрел продолжался около 40 минут до восхода солнца. Связь с полками была прервана. В 3 часа 50 минут началось наступление. По гребню мы развернули хим. и разведроты. Огонь из винтовок и автоматов. Немцы отказались наступать в гору и у подножия, свернувшись в отделения, повернули на юг к Ялтинскому шоссе. Они прорвали оборону на левом фланге нашего сектора на участке 8-й БМП и нашего 765 стрелкового полка. Связь со штабом армии была потеряна. Слева немцы захватили высоту Суздальскую и наступают на Корабельную сторону. Мы на коротком совещании приняли решение: остатки 772 и 769 полков снять с обороны Сапун-горы и ускоренным маршем, развернутым строем атаковать противника во фланг в общем направлении на развилку дорог и высоты 122,5. Командир дивизии, начальник оперативного отдела и комиссар штаба должны были срочно отправиться на запасной КП штаба дивизии, откуда принять управление боем и обязательно установить связь со штабом армии.

Мне и начальнику штаба подполковнику Степанову с остатками хим. и разведрот оставаться на месте и продолжать оборону до получения приказа на отход. Приказа из штаба армии не последовало. Мы стоим в окружении. Приняли решение поджечь все блиндажи с документами штаба. Они у нас были врыты на южном склоне Килен-балки в 200–300 метрах от домика хутора Дергачи. Противник начал обстрел хутора Дергачи и наших рот. Мы отошли в

Килен-балку по противотанковому рву, который спускался от Малахового кургана, так как показались цепи немцев со стороны горы Суздальской. Развернули роты по южному гребню Килен-балки и начали обстрел немцев. Балку до темноты они не пытались перейти, но начали обстрел бетонных дотов, где сидели матросы с пулеметами, которые не дали им ее перейти. Убедившись, что северные склоны заняты нашими частями, начали отход на соединение с частями дивизии по противотанковому рву. В балке, идущей от вокзала к хутору Отрадный, в 23.00 нашли остатки своих частей, которые наступлением задержали немцев»^[51].

Отчеты Горпищенко и Жидилова написаны по свежей памяти 4 июля 1942 года сразу после их эвакуации из Севастополя. Оба указывают на беспорядочный отход подразделений 386-й стрелковой дивизии после мощной артиллерийской и авиационной подготовки противника, то есть отход без приказа, а по сути — бегство. Случившееся можно только объяснить тем, что слабо подготовленные и необстрелянные бойцы маршевого пополнения, присланные с Кавказа и поступившие в полки дивизии, понеся большие потери от огневого удара противника, не выдержали и бежали в панике, что во многом решило дальнейшую судьбу Севастополя. Не исключено, что противник знал об этом и именно здесь нанес свой главный удар. Во всяком случае, все эти обстоятельства требуют дополнительного исследования.

О самоуверенности противника в боях 29 июня на Сапун-горе пишет командир 25-й Чапаевской дивизии генерал-майор Т. К. Коломиец:

«После прорыва обороны на Сапун-горе на участке II сектора немцы решили, что путь на Севастополь свободен, и поэтому передвигались колоннами батальон-полк. Одна такая колонна с развернутым знаменем двинулась по дороге Чертова балка — хутор Дергачи. К этому времени у нас на переднем крае осталось пять пулеметов и пять 45-мм пушек. Наши артиллеристы и пулеметчики открыли огонь. Через пять минут дорога была завалена трупами фашистов»^[52].

В течение 29 июня авиация противника произвела 1500 самолетовылетов, сбросив на наши войска около 6000 бомб^[53].

В связи с массированным применением противником своей авиации командующий СОРом в своем донесении докладывал:

«... Авиация противника не дает нашей пехоте занимать рубежи обороны. Части несут большие потери в живой силе и матчасти. Все дороги находятся под непрерывным огнем и бомбоударами. Погода штиль. Во всем районе стоит сплошной столб пыли, ничего не видно...»^[54]

В этот день наша малочисленная авиация в составе двух ИЛ-2 и трех И-16 вылетали на штурмовку наступающих войск противника^[55].

Согласно журналу боевых действий Приморской армии, по состоянию на 29 июня «активных войск осталось 18 тысяч человек, в Береговой обороне из 50 орудий — 16, в ПВО из 63 орудий — 20, в полевой артиллерии орудий от 76 мм и выше 200 из 376, часть которых требует ремонта. Отмечается, что в результате бомбежек некоторые подразделения полностью уничтожены».

И далее делается вывод, исходя из оценки обстановки на 29 июня:

«В связи с прорывом фронта вдоль Ялтинского шоссе и высадки противника на Корабельную сторону создавалась реальная угроза захвата города Севастополя. Войска продолжают героически драться. Решение. Привести части в порядок, отойти на более выгодные позиции»^[56].

Согласно боевому донесению штаба Приморской армии на 16 часов 29 июня «линия фронта удерживается двумя батальонами 7-й бригады, остатками 25 СД, сборными частями и остатками 79-й бригады на рубеже:

Выс. 113, 2 — Английское кладбище — безымянная высота севернее хутора Дергачи, Троицкая балка. 109-я, 388-я СД, 9-я бригада на занимаемых рубежах. 142-я бригада без одного батальона в резерве. Авиация противника непрерывным огнем поражает войска. Положение весьма серьезное, гарантирующее тяжелые осложнения»^[57].

К концу дня 28-я легкопехотная дивизия немцев, обойдя Балаклаву, вклинилась вдоль Балаклавского шоссе на стыке 388-й стрелковой дивизии и 9-й бригады морской пехоты, которые продолжали вести тяжелый бой с прорвавшимся противником. На левом фланге противник закрепился в районе Сапун-горы — хутор Дергачи — выс. 94, 6.

Таков был итог боевых действий за 29 июня 1942 года на Севастопольском фронте.

С целью задержки дальнейшего продвижения противника сокращением линии фронта в ночь на 30 июня Приморская армия произвела перегруппировку войск и заняла рубежи обороны:

IV сектор — от южного берега Северной бухты через Камчатку и Малахов курган до Английского редута Виктория располагались части сектора в составе остатков 95-й, 345-й стрелковых дивизий, 79-й и 138-й стрелковых бригад, 2-го полка морской пехоты и некоторых подразделений, выделенных из Береговой обороны ЧФ.

III сектор — занимал оборону от Английского редута Виктория до Английского кладбища остатками частей и подразделений 25-й Чапаевской дивизии, 3-го полка морской пехоты и подразделений 138-й стрелковой бригады.

II сектор — занимал оборону от Английского кладбища до истоков Хомутовой балки. Его обороняли остатки частей и подразделений 386-й стрелковой дивизии, 7-й бригады морской пехоты, а также часть боеспособной 142-й отдельной стрелковой бригады, прибывшей по частям из Новороссийска 24–26 июня.

I сектор — протянулся от высоты 85,2 до Балаклавского шоссе, затем до ветряка ЦАГИ, от него до Мраморной балки восточнее Георгиевского монастыря. Здесь оборону держали 9-я бригада морской пехоты, остатки 388-й стрелковой дивизии и полки боеспособной 109-й стрелковой дивизии^[58]. По решению командования СОРа в ночь на 30 июня 142-я бригада и остатки частей и подразделений 388-й стрелковой дивизии. были выведены в резерв и заняли оборону, прикрывая подступы к Херсонесскому аэродрому и бухтам Камышовая и Круглая на рубеже мыс Фиолент — хутор Пятницкого — истоки бухты Стрелецкой^[59].

Непосредственно части СОРа заняли следующие позиции:

109 дивизия. Мраморная балка — безымян. выс. 1 км сев.-вост. выс. 133, 7.

9-я бригада. Балаклавское шоссе — КАЗ (искл.) хутор 600 м сев.-восточ. высоты 85, 2.

7-я бригада. Хутор 600 м сев.-восточн. выс. 85, 2 (искл.) САД 1 км юго-зап. выс. 94, 6.

25-я дивизия. САД 1 км юго-зап. выс. 94, 6 — Английское кладбище — Лабораторное шоссе — КАЗ.

79-я бригада и 138 бригада. Выс. 77, 4 — Малахов курган — Килен-балка — мыс Павловский.

Здесь следует отметить, что по невыясненной причине во всех послевоенных изданиях по обороне Севастополя и в архивных документах положение с обороной Балаклавы за период 29–30 июня не встречаются. Возможно, это было связано с тем, что там не было активных действий противника по ее захвату, хотя в книге П. Моргунова «Героический Севастополь» Балаклава упоминается в связи с планами противника овладеть ею с утра 30 июня, чего в действительности им не было сделано, как об этом свидетельствуют ее защитники. В донесениях СОРа Приморской армии рубежи обороны на 24.00 29 июня показываются от берега моря по Мраморной балке без учета, что Балаклава по-прежнему находилась в наших руках до ночи на 1 июля 1942 года.

Как написал командир 6-й роты 2-го батальона 456-го погранполка 109-й стрелковой дивизии старший лейтенант С. Козленков в своей рукописи «Пограничники в обороне Севастополя 1941–42 гг.» и сообщил в личной беседе, Балаклаву и район побережья по высотам, включая деревню Карань, защищали батальоны 456-го погранполка НКВД, костяк которых составляли пограничники погранзастав Крыма и внутренних войск. Утром и вечером, а также весь день 30 июня на участке обороны Балаклавы была относительная тишина^[60]. Бои шли в районе деревни Кадыковка, где оборону держал 3-й батальон 456-го погранполка.

Можно также отметить, что линией фронта за 29–30 июня на схеме в книге Э. Манштейна «Утерянные победы» учитывается, что Балаклава была в наших руках^[61].

С целью создания нового района боевых действий в тылу у наших войск на Херсонесском полуострове, блокирования района выгрузки и

эвакуации, противником в начале ночи 29 июня была предпринята попытка высадить десант с моря. Для этого из Ялты были посланы 12 моторных шхун, на которых могло разместиться до батальона пехоты с пулеметами и легкими минометами с возможным последующим наращиванием сил. Около 3.00 29 июня эти шхуны были обнаружены наблюдательным постом 18-й береговой батареи на мысе Фиолент, идущие в направлении Херсонесского полуострова.

С целью отвлечь внимание нашей обороны от истинного места высадки этого десанта торпедными катерами противника была произведена демонстрация ложной высадки в районе крутого, недоступного берега у Георгиевского монастыря с подрывом начиненного взрывчаткой катера. В это время шхуны десанта находились на траверзе мыса Фиолент в 35–40 кабельтовых от берега. Командир батареи старший лейтенант Н. М. Дмитриев доложил оперативному СОРа о шхунах и, получив «добро», приказал открыть по ним огонь. Метким огнем артиллеристов батареи в течение 18–20 минут было потоплено 9 шхун. Остальные три шхуны ушли в море. А на рассвете 30 июня у мыса Айя были замечены отходящие катера противника, которые занимались демонстрацией высадки^[62].

Ввиду прорыва фронта и создавшейся угрозы Военный совет СОРа в 22.00 29 июня перешел на запасной флагманский командный пост (ЗФКП) в 35-ю береговую батарею. Чуть позже туда перешел Военный совет Приморской армии и Береговой обороны ЧФ. Еще 28 июня туда перешел КП ОВРа (охраны водного района) Главной базы из Стрелецкой бухты. Вслед за командованием СОРа в район 35-й батареи — 16-й ложной батареи переходили все тыловые службы армии и флота — санотдел, инженерный отдел и др. В 02.00 30 июня начальник штаба СОРа капитан 1-го ранга А. Г. Васильев приказал все радиовахты, пост скрытой связи на КП СОРа в Южной бухте закрыть, а всему личному составу убыть на 35-ю батарею. Сам же он с группой командиров оперативного отдела и военно-морским комендантом Севастопольского морского участка (порта Севастополь) остался на бывшем ФКП до вечера 5 июня^[63].

Одновременно с закрытием радиовахт на КП Южной бухты, в 02.00 5 июня радиоцентр на 35-й береговой батарее вступил в строй, открыв 7 радиовахт. Узел связи был оборудован в потерне (подземном коридоре) левого командно-дальномерного поста на глубине 26

метров, а антенны были выведены через вентиляционные отверстия^[64]. К утру 30.06.42 г. вся требуемая обстановкой проводная связь действовала^[65].

Поздно вечером на совещании командующего армией командиры дивизий и бригад доложили, что в дивизиях осталось по 300–400 человек боевого состава, а в бригадах — по 100–200 и совсем отсутствовал боезапас и мины, люди измотаны. Стало очевидным, что Севастополь больше не удержать^[66].

Между тем авиация Черноморского флота, базирующаяся на Кавказе, в ночь на 30 июня произвела 24 самолето-вылетов и нанесла бомбовый удар по боевым порядкам противника и 4 самолето-вылета по катерам противника в порту Ялта.

В эту же ночь самолеты транспортной авиации доставили в Севастополь 25 тонн боезапаса и 1625 кг продовольствия. Ими же было вывезено 7 раненых и 179 человек командного состава авиации СОРа и 5050 кг важного груза^[67].

Авиация СОРа в эту ночь на 30 июня смогла произвести только 22 самолето-вылетов и нанести бомбовый удар по позициям противника. Днем самолеты уже не могли взлетать, так как аэродром блокировали с воздуха вражеские истребители, барражируя над ним в течение дня.

В своих попытках полной изоляции Севастополя с моря противник стремился держать под непосредственным воздействием район, прилегающий к фарватеру № 3 (ФВК № 3), по которому среди минных полей заходили в Севастополь надводные корабли и подводные лодки. Для этого с 27 июня противник организовал мощный барраж противолодочной обороны на подходах к Севастополю силами авиации, торпедными катерами и сторожевыми катерами с непрерывным бомбометанием по площадям. Но несмотря на огромные противолодочные его силы и громадный расход боевых ресурсов, они не смогли прекратить движение наших подводных лодок и кораблей, которые действовали на коммуникациях Севастополя и после его оставления. И ни одна из наших лодок не вышла из строя.

В то же время можно считать, что против надводных кораблей на границе в 60–70 миль с центром Севастополь существовал своеобразный воздушный блокадный дозор атаки, где количество атак противника по нашим кораблям было максимальным^[68].

Несмотря на блокаду с моря, в Севастополь продолжали прибывать корабли и надводные лодки с грузами боезапаса, продовольствия и топлива.

28 июня в 25.25 прибыли в Севастополь быстроходные тральщики «Взрыв» и «Защитник», доставив 330 человек маршевого пополнения. После выгрузки на борт было принято 288 раненых и 34 эвакуированных, и в 01.31 29 июня тральщики убыли на Новороссийск, куда и прибыли в 23.25 того же дня.

В этот же день в Севастополь прибыли подводные лодки Д-5 и А-4 в 23.25, а также подводная лодка М-118, которые доставили снарядов 152-мм — 203 шт., 122-мм — 706 шт., 85-мм — 223 шт., 76-мм — 1000 шт., консервов 14 тонн, автобензина 35 тонн, всего боезапаса 180 тонн.

После выгрузки в бухте Камышовой ПЛ Д-5 приняла на борт 65 раненых и 41 человек эвакуированных членов семей ГК ВКП(б) ЦВМА и в 05.20 29 июня снялась на Новороссийск. После выгрузки, приняв на борт раненых, в это же время ушли на Кавказ подводные лодки М-118 и А-4.

В течение 29 июня в Севастополь прибыли очередные четыре подводные лодки: в 01.10 Щ-209 с грузом снарядов и 32 тоннами бензина, в 22.00 Л-23 с грузом снарядов и 49 тоннами бензина, 30 т. продовольствия, в 22.45 Л-4 с грузом снарядов и М-31 с грузом снарядов 152-мм — 70 штук — и консервов, а всего было доставлено около 160 тонн боеприпасов^[69].

В 00 часов 30 июня командир подводной лодки Щ-209 получил приказ заместителя начальника штаба ЧФ — начальника штаба СОРа капитана 1-го ранга Васильева «Лечь на грунт в районе 35-й батареи и оставаться там до особого распоряжения». Аналогичный приказ был дан и на подводную лодку Л-23^[70].

Подводная лодка М-31 после выгрузки в бухте Казачьей приняла на борт имущество госбанка в сумме 2,7 млн рублей, имущество Политуправления (ордена) 300 кг и 7 пассажиров. Всего груза 1,8 тонны, и в 03.30 30 июня снялась на Новороссийск; в 03.20 на Новороссийск снялась и ПЛ Л-4^[71].

30 июня из Новороссийска в Севастополь вышли с грузом боеприпасов и продовольствия 8 подводных лодок:

М-111 в 16.30, Щ-215 в 14.45, М-112 в 16.50, Д-4 в 18.15, А-2 в 18.25, Щ-212 в 21.20, Щ-213 в 21.24, Щ-203 в 22.00^[72].

К утру 30 июня в районы бухт Стрелецкой, Камышовой и Казачьей была сосредоточена основная масса артиллерии армии из-за отсутствия боезапаса. Часть орудий стояла на позициях в надежде получения снарядов с подводных лодок. В Береговой обороне осталось всего 5 действующих батарей с небольшим запасом снарядов.

В течение ночи противник производил перегруппировку своих войск, подтягивая резервы, сосредотачивая свои силы для удара в основном в районах Золотой балки — Кадыковка, на Сапунгорском плато, в районе хутора Дергачи и Килен-балки^[73].

Наутро 30 июня, как писал бывший командующий 11-й немецкой армией Э. Манштейн, 30-й армейский корпус имел задачу:

28-й легкопехотной дивизией наступать в районе прорыва, сделанного накануне 72-й пехотной дивизией в направлении Балаклавско-Севастопольского шоссе, для чего, обойдя Балаклавскую группировку наших войск, захватить хутор Максимовича и Французское кладбище, а далее продвигаться на запад, оставляя город справа с целью не допустить отхода наших войск на Херсонесский полуостров, или, если понадобится, атаковать Севастополь с юго-запада. 170-я пехотная дивизия должна наступать в направлении на Херсонесский маяк и полуостров в район береговой батареи № 35. 72-я пехотная дивизия имела задачу нанести удар вдоль побережья от высот Карагач в южном направлении и овладеть высотой с ветряком ЦАГИ — бывшим местом расположения командного пункта 1-го сектора обороны.

Двигаясь за ней, 1-я румынская горно-стрелковая дивизия должна была захватить Балаклаву и сосредоточиться во втором эшелоне. 18-я румынская пехотная дивизия наступала в направлении Английского кладбища на Зеленую горку. 132 и 50-я пехотные дивизии действовали в районе Лабораторного шоссе — редут Виктория — Малахов курган (искл.), а правее — сильно потрепанные 24-я и 22-я пехотные дивизии, переправившихся через Северную бухту.

В резерве у противника была 4-я горно-стрелковая румынская дивизия и до двух немецких полков. Вражеские дивизии имели небольшие полосы наступления и сильную артиллерийскую и авиационную поддержку и танки^[74].

Части СОРа переходили на указанный новый рубеж обороны, приводили себя в порядок, устанавливали связь с командованием. От дивизий и полков, как пишет Моргунов, оставались одни названия. В действительности из-за больших и невосполняемых потерь это были разрозненные группы и подразделения, а некоторые соединения и части вообще перестали существовать, как, например, 172-я стрелковая дивизия. Их остатки присоединялись к другим частям. Из артиллерии кое-где были пушки с небольшим запасом снарядов. Остальная артиллерия отошла в глубину обороны и по мере поступления снарядов поддерживала свои части.

Надо сказать, что пехота противника, понеся в первые дни третьего штурма Севастополя особенно большие потери, во все последующие дни проявляла трусость и продвигалась только тогда, когда в результате массированного артогня и бомбежки авиацией не оказывалось никакого сопротивления, отмечается в отчете командования Приморской армии от 6.12.42 г. В то же время, несмотря на большие потери, наша пехота проявляла необычайное упорство и доблесть. Были неоднократные случаи, когда в ротах оставалось по 2–3 человека и тем не менее они отражали атаки противника. Неоднократно были контратаки по почину самих бойцов. Рукопашные доходили до штыка, приклада, камня и т. д. При прорыве танков пехота оставалась на месте. Бойцы организовывали уничтожение и захват вражеской бронетехники. Наши артиллеристы, как правило, не покидали КП или отходили к матчасти и дрались врукопашную у орудий. Командиры дивизионов, батарей, артполков оставались с пехотой, дрались с пехотой противника. Многократны были вызовы огня на себя ^[75].

Но теперь, к концу последних дней обороны, когда наши артиллеристы вели редкий огонь последними снарядами и подчас уже не хватало даже стрелкового боезапаса, положение наших войск стало крайне тяжелым, учитывая и то, что на последних рубежах обороны не было подготовленных в инженерном отношении окопов, блиндажей и прочих сооружений.

Ночью в районе Казачьей бухты находившийся на боевых позициях истребительный батальон ВВС ЧФ, сформированный 20-й МАБ ВВС ЧФ, был пополнен и вошел в состав резерва СОРа как

батальон морской пехоты под командованием лейтенанта И. П. Михайлика^[76].

В Камышовой бухте был сформирован из состава химических и спецчастей флота второй батальон морской пехоты в качестве резерва. В Приморской армии были сформированы три батальона резерва на базе курсов младших лейтенантов, 191-го запасного полка и из зенитных частей на базе зенитно-пулеметного батальона. Это был последний резерв командующего Приморской армией, который занял оборону в районе Турецкого вала и на подходе к Камышовой бухте.

Утром 30 июня около 5 часов утра противник после сильной артиллерийской и авиационной подготовки продолжил наступление по всему фронту нашей обороны, кроме Балаклавы, нанося удары по трем главным направлениям:

- вдоль Балаклавского шоссе в направлении левее Куликова поля к верховьям Стрелецкой балки;

- по Лабораторному шоссе и Хомутовой балке к железнодорожной станции;

- на Корабельную сторону через Английский редут Виктория;

- Малахов курган и Камчатку^[77].

Разгорелись ожесточенные бои. Согласно журналу боевых действий оперативного отдела Приморской армии^[78], отчету начальника штаба СОРа и итоговой разведсводке № 46 штаба Северо-Кавказского фронта, между 08.00 и 12.00 противник силами до пехотной дивизии и при поддержке 48 танков прорвал оборону 9-й бригады морской пехоты в районе высоты 101,6 у Балаклавского шоссе и начал продвижение в направлении Юхариной балки, одновременно продвигаясь вдоль Балаклавского шоссе, к 14.30 вышел на рубеж хутора Максимовича — Николаевка и на юго-западные скаты Хомутовой балки, овладев хутором Максимовича. Во второй половине дня противник захватил хутор Николаевка — совхоз 1 км южнее высоты 73,0, к 16.00 вышел на рубеж Юхарина балка — хутор Отрадный — Камчатка, распространяясь также в направлении хут. Коммуна, а отдельные группы танков к этому времени достигли хутора Бермана, западнее хут. Кальфа, 1 км восточнее хутора Делагарда, 600 м юго-западнее Камчатки.

На Сапун-горском направлении противник из района Сапун-горы и хутора Дергачи — Лабораторное шоссе и Хомутовой балки силами

до пехотной дивизии с 30 танками наступал в направлении к железнодорожному вокзалу станции Севастополь. Полученные в течение ночи артснаряды к 12.00 были израсходованы. Было подбито и уничтожено до 30 танков противника. В дальнейшем движение танков огнем нашей артиллерии не преграждалось из-за отсутствия снарядов. Артиллерия армии полностью прекратила огонь и начала отводить уцелевшие орудия к бухтам. К ночи противник вышел к железнодорожной станции и Панораме.

Ожесточенные бои в течение 30 июня шли от южного берега Северной бухты до Малахового кургана, района хутора Дергачи, пишет полковник Д. Пискунов.

«Оборону здесь держали часть сил 138-й стрелковой бригады, 514-го стрелкового полка, в который были влиты остатки подразделений 386-й стрелковой дивизии, 8-й бригады морской пехоты и других частей. Там же сражались бойцы и командиры 1/90 стрелкового полка и 57-го артполка 95-й стрелковой дивизии. Слева от Малахова кургана упорно сражались остатки (до роты) 79-й бригады, 2 и 3-го полков морской пехоты, справа остатки 25-й Чапаевской стрелковой дивизии, их поддерживала огнем 553-я батарея 55-го артдивизиона ПО зенитного артполка ПВО ЧФ старшего лейтенанта Г. А. Воловика. В районе Камчатки героически дрался батальон Черноморского флотского экипажа. Но лишившись артиллерийской поддержки, наши части не выдержали натиска превосходящих сил противника. На Малаховом кургане стояли насмерть артиллеристы 701-й батареи 177-го Отдельного артдивизиона ЧФ под руководством майора В. М. Моздалевского и капитан-лейтенанта А. П. Матюхина. Они задержали противника на сутки и когда они отходили, то наши части, а также отходившие справа и слева от кургана вели бой уже в районе станции. Противник в этот день занял всю Сапун-гору и весь район севернее Воронцовских высот. К Корабельной слободе противник подошел со стороны Малахова кургана. 1/90 полк, 57-й артполк оказались сдвинутыми в район Зеленой горки. Бойцы и командиры, защищавшие Корабельную сторону, к

исходу дня отошли в город. Многие из них в течение ночи на 1 июля вышли из окружения, переправившись через Южную бухту^[79].

Разрозненные части СОРа отходили к хутору Пятницкого, слободе Рудольфа и к Севастополю. Личный состав батарей Береговой обороны № 19 у хутора Максимовича, батарей № 706 у отметки 77,8 и батареи № 705 у отметки 73,0, израсходовав боезапас, уничтожили матчасть и вели бой в окружении»^[80].

Вот как описывает боевые действия 9-й бригады морской пехоты за этот день ее командир полковник Н. В. Благовещенский в своем отчете от 4 июля 1942 года в Новороссийске:

«На рассвете 30 июня противник до полка с танками повел наступление вдоль северных скатов Карагачских высот, одновременно обходя левый фланг 4-го батальона в районе Хомутовой балки. Прорвавшись на фронте хутора Максимовича — выс. 101, 6 противник повел наступление на рубеже выс. 114, 4 и 113,7 с северного направления, зайдя в тыл 2-го батальона, расположенного вдоль Балаклавского шоссе. 2-й батальон, вырываясь из окружения, с боем начал отход на юго-запад к 109-й стрелковой дивизии. С 08.00 связь со всеми батальонами проводная и по радио была потеряна. Оба батальона понесли огромные потери и начали отход в направлении Юхариной балки. К 11.00 противник передовыми частями стал подходить к рубежу Кальфа.

Поддерживающий бригаду 953-й артполк расстрелял пехоту и танки противника и в связи с отсутствием боеприпасов подрывал матчасть. В 13.00 мой КП, находившийся в штольне Юхариной балки, был обойден с двух сторон. Не имея прикрытия, отошел к Молочной ферме. Связь между батальонами не была восстановлена, и только в 22.00 в районе 35-й береговой батареи мною была обнаружена группа командира батальона т. Никульшина»^[81].

Из отчета ясно видно, что многократный перевес в силах позволял противнику рвать нашу оборону сразу в нескольких местах из-за отсутствия снарядов и резервов, и поэтому малочисленным частям СОРа приходилось отступать, с боем выходить из окружения либо драться до конца.

О поддержке 9-й бригады морской пехоты артогнем вспоминает комбат из 953-го артполка майор И. П. Пыжов:

«Часть наших батарей, расположенных в Золотой балке, были подорваны. Две батареи (одна 122-мм и одна 76-мм) располагались в лощине у корчмы Каранкей. С выходом фашистов на Сапун-гору они отошли в направлении к 35-й батарее. На подступах к ней мы дали последний бой. Это было 30 июня, часов в 10–11. Последними снарядами было подбито и сожжено 12 немецких танков совместно с другими батареями слева и справа от нас. Затем орудия мы подорвали и отошли к 35-й батарее»^[82].

Как следует из боевого донесения командования СОРа по состоянию на 24.00 30 июня:

«Попытки противника наступать в направлении на хутор Бермана встретили сильное сопротивление 109-й стрелковой дивизии и 142-й Отдельной стрелковой бригады и он вынужден был повернуть фронт наступления на север в направлении на хутор Коммуна»^[83].

Таким образом, к исходу дня 30 июня противник вышел на рубеж хутора Бермана, Юхарина балка, выс. 61, 9, балка Сардинаки, Зеленая горка, восточные окраины Севастополя. Ценой больших потерь противнику удалось захватить основные подступы к Севастополю и создать все условия для захвата города^[84].

Встречая сопротивление лишь пехоты, противник вышел на рубежи слободы Рудольфа — северо-восточные окраины Севастополя. Бой продолжался всю ночь. С 30 на 1.07 и к утру 01.07.42 г. части СОРа отошли на рубеж мыс Фиолент — хутор Пятницкого — истоки бухты Стрелецкой^[85].

Так подытожили сражение на Севастопольском фронте за 30 июня 1942 года в штабе Северо-Кавказского фронта и штабе СОРа.

Небольшие группы бойцов и командиры разных частей и подразделений, оказавшихся в окружении в этот день, дрались, как правило, до последнего патрона. Командир 34-й отдельной фугасно-огнеметной роты Приморской армии А. Т. Ильин рассказывает об этом так:

«К концу дня 30 июня немцы на автомашинах появились на левом фланге нашей обороны. Шли без предосторожностей. Мы их встретили ружейно-автоматным огнем. Нас поддержали неизвестные нам соседи-моряки из „максима“. Машины загорелись, а уцелевшие немцы разбежались по развалинам. Ночью установил, что вокруг нас осталось несколько групп моряков по 15–20 человек под командой майора, в тылу у нас в 100 метрах группа бойцов из 142-й бригады в 20 человек под командой старшины. Справа в 150–200 метрах 20–25 человек под командой младшего политрука. У стен разрушенного здания 5–6 человек под командой сержанта из 142-й бригады. Договорились сутки держаться, а потом отходить к морю на корабли.

1 июля появилось несколько немецких танков. За ними следовала пехота. Танки прошли, а пехоту встретили уничтожающим огнем. Немецкие автомашины вспыхивали одна за другой. Немцы бежать в панике назад, в развалинах их встретили огнем наши автоматчики. Немцы не только бежали, но и поднимали руки вверх. Три танка вернулись и начали утюжить наши окопы. Забросали их гранатами. Один загорелся. Бой разгорался. Потом атака их автоматчиков. Отбивались еще два часа. Из группы сержанта остался только он один и к нам приполз. Подошло еще несколько танков. Бой, стрельба. Некоторые наши сдались, так как нечем было стрелять. Справа и в тылу у нас не было защиты, кончились гранаты. В 19 часов в тылу появились немецкие танки. Кольцо замкнулось. Немцы сгоняли из нашего тыла большую группу пленных. Нам удалось в общей суматохе

уйти ползком по траншее и укрыться в разрушенном дзоте. Несколько моряков, три девушки-военфельдшеры и пять бойцов»^[86].

Продвижение в направлении мыса Фиолент противник, из-за полученного отпора днем 30 июня от 109-й стрелковой дивизии и 142-й бригады, смог продолжить лишь утром 1 июля, когда части Балаклавской группировки войск по приказу генерала Новикова начали отход к 35-й батарее для создания рубежа по прикрытию эвакуации. Но на своем пути к мысу Фиолент противник встретил в районе ветряка ЦАГИ — Георгиевский монастырь упорную оборону 456-го погранполка 109-й дивизии, где занял позиции, оставив Балаклаву по приказу без боя в ночь на 1 июля.

Между тем командование СОРа, находясь на запасном флагманском командном посту на 35-й батарее, в начале ночи 30 июня заслушало доклады командующего Приморской армией генерал-майора Петрова и коменданта Береговой обороны генерал-майора Моргунова о состоянии и положении войск на фронте. Доклады дополнили ту тяжелую обстановку, сложившуюся к тому времени в результате немецкого наступления. К сути этих докладов можно отнести выводы из отчета штаба Приморской армии от 8.07.42 г. за подписями командующего армией Петрова, начальника штаба армии Крылова, членов Военного совета армии Чухнова и Кузнецова:

«Вследствие непрерывной авиационной бомбардировки и массированного артиллерийского огня наши части, главным образом пехота и артиллерия, несут огромные потери. Огромная убыль комсостава и разрушение связи привело к тому, что остатки частей сами стали неуправляемыми»^[87].

В донесении в Москву члена Военного совета СОРа Н. М. Кулакова начальнику Политуправления ВМФ армейскому комиссару 2-го ранга И. В. Рогову докладывалось «об истощении физических и моральных сил у бойцов и командиров. Учитывая слабость последующих рубежей, удержать город невозможно.

Принимаю все меры к сбору одиночек и групп, отколовшихся от своих частей»^[88].

Действительно, как написал бывший разведчик-парашютист группы особого назначения ЧФ (группа 017) старший сержант В. Е. Гурин в своих воспоминаниях: «Многие разрозненные части, потеряв власть над собой, стали самовольно уходить с передовой, пробираясь в бухты Казачью и Камышовую, надеясь на личное счастье попасть на корабль»^[89].

Начальник артиллерии 95-й стрелковой дивизии полковник Пискунов говорил, что «в основной своей массе наши бойцы и командиры продолжали драться до последней возможности, хотя и находились такие, которые дрогнули»^[90].

О случаях самовольного оставления позиций написал в своих воспоминаниях А. Т. Ильин^[91].

30 июня был свернут КП ПВО ЧФ. По приказу командования были сброшены в море у мыса Фиолент две радиолокационные станции воздушного обнаружения «РУС-2». Оперативная служба ПВО была прекращена. Средства связи не работали. ПВО перестала существовать, а сигналы оповещения о воздушном противнике более не передавались^[92].

С 30 июня тылы армии и флота прекратили работу и перешли к самообороне, уничтожению запасов и объектов хранения, а по принятии решения на эвакуацию в ночь на 1 июля все оставшиеся запасы продфуража, топлива, обозно-вещевого снабжения были уничтожены. Станочное оборудование артиллерийского завода, технические мастерские и запасы материалов были утоплены в море^[93].

В войсках знали о приказе командующего Северо-Кавказским фронтом Маршала Советского Союза С. М. Буденного, что эвакуации из Севастополя не будет, и поэтому героические защитники Севастополя не помышляли об эвакуации, яростно сражаясь на фронте, неся тяжелые потери. Подвоз снарядов и других боеприпасов в последние дни июня самолетами, подводными лодками, сумевшими прорваться в Севастополь, составил: 28 июня 180 т, 29 июня 160 т, 30 июня 25 т.

В ночь на 30 июня три самолета У-2 вылетали из Севастополя в Крымские горы и сбросили продукты партизанам, а к вечеру все

исправные самолеты СОРа — шесть ЯК-1, семь ИЛ-2, один И-15 бис, два И-153, один ЛАГГ-3 — перелетели с Херсонесского аэродрома в Анапу^[94].

Потери личного состава Приморской армии и Береговой обороны не поддавались учету, так как была нарушена связь, организация и управление войсками. Отдельные дивизии и бригады потеряли убитыми и ранеными до 50–60 процентов личного состава от имевшегося на утро этого дня.

Авиация противника за 30 июня произвела свыше 1000 самолетовылетов, нанося сильные удары по боевым порядкам СОРа. Днем подвоз материальных средств к линии фронта был невозможен из-за непрерывно летающих бреющим полетом вражеских истребителей, уничтожавших все, что движется. Наша зенитная артиллерия из-за отсутствия снарядов не действовала.

Разрозненные части СОРа правого фланга обороны с боями отходили в направлении хутора Пятницкого и слободу Рудольфа, а левого фланга — в направлении на ж.-д. вокзал станции Севастополь.

Наступил тот самый критический момент, когда командованию СОРа надо было решать: либо остатками войск стоять на занимаемых рубежах и сражаться до последнего, стараясь нанести противнику максимальный урон, выполняя приказ командующего Северо-Кавказским фронтом, либо принимать иное решение. Позади море, отступать некуда. Положение, в котором оказались героические части Приморской армии и Береговой обороны Черноморского флота, было трагическим, так как практически были израсходованы все средства отражения, а плотная вражеская блокада на море не позволяла помочь вооружением и боеприпасами, не говоря уже о других материальных средствах. В то же время не было средств и условий, чтобы эвакуировать всех на кавказский берег.

Какое решение было принято командованием СОРа тогда? Как уже упоминалось, в мае 1961 года в Севастополе проходила военно-историческая конференция, посвященная 20-летию начала героической обороны Севастополя 1941–1942 годов. Ее участник Д. И. Пискунов написал об этом событии в своей работе «Заключительный этап обороны Севастополя 1941–42 гг.», отметив в ней следующее:

«В работе конференции приняли участие 800 человек, 80 процентов которых прошли плен. В своем докладе о партийно-политической работе за период обороны член Военного совета ЧФ вице-адмирал Н. М. Кулаков отметил, что „в июне стало очевидным, что никакой эвакуации не будет“. Ответы на записки — попытки объяснить обстановку под Севастополем в конце июня 1942 года и причины, по которым не была эвакуирована Приморская армия, адмирал Ф. С. Октябрьский сделал в своем заключительном сообщении после закрытия конференции, когда ушел президиум.

Объясняя причину несостоявшейся эвакуации Приморской армии, он сказал следующее:

„Товарищи, обстановка тогда сложилась трудная. Севастополь был блокирован с земли, с воздуха и моря. В конце июня при помощи воздушных сил блокада достигла наивысшего предела. Даже подводные лодки не были в состоянии достигнуть берегов Севастополя, а о достижении их надводными кораблями и говорить не приходилось. В этих условиях встал вопрос, как быть? Если эвакуировать армию, то были бы потеряны армия и флот, оказавшийся сильно преуменьшившимся из-за потерь в боях. В конечном счете была потеряна армия, но сохранен флот“.

Ясней, пожалуй, не скажешь, почему защитники Севастополя оказались в плену у немцев. Но он обошел молчанием главное — кем было принято решение поступиться армией ради сохранения флота»^[95].

Ответ на этот вопрос в какой-то степени, и не только на этот, можно попытаться найти в заключительном слове Ф. С. Октябрьского:

«И последнее. Выступившие товарищи Хомич и Пискунов „болезненно“ рисовали картину трагедии на Херсонесе. Трагедию, в которой погибали наши люди, оставшись без оружия, как бы брошенные на произвол судьбы... Естественно, что всех находившихся на Херсонесском пятачке мы не могли вывезти. У нас остались

десятки тысяч раненых, сотни медперсонала. Разве мы этого не знали? Мы не имели сил преодолеть врага в воздухе. Это главная причина, почему наши люди погибали и попадали в плен к немцу»^[96].

Один из ветеранов обороны, представитель Особого отдела Приморской армии при госпиталях капитан В. Л. Смуриков, прошедший плен, запомнил слова Ф. С. Октябрьского, сказанные на одном из последних совещаний в июне 1942 года. Он сказал «Не дам больше топить корабли»^[97].

Конечно, обстоятельства, с одной стороны, диктовали сохранить флот, который в ходе военных действий на Черном море заметно уменьшился, а конца им не было видно. Но нужно ли было бросать упреки в «болезненности» переживания за херсонесскую трагедию Хомичу и Пискунову, которые выступили на конференции от имени находившихся там участников обороны, прошедших плен? Все они честно выполнили свой воинский долг перед Родиной и не заслужили этих упреков. Ведь это были наши советские люди, которых вырастила советская власть, и обида их была справедливой, так как в те тяжелые июльские дни 1942 года и до этой конференции они не знали, почему флот не смог их вывезти.

Д. И. Пискунов по этому поводу сказал так:

«Я хочу поделиться общим настроением наших участников обороны, которые оказались в плену. Общее настроение было такое — нас сдали в плен. Мы бы еще воевали и дрались. Я наблюдал людей. Ведь многие люди плакали от обиды и горечи, что так бесславно кончилась их жизнь, вернее служба в армии»^[98].

К сожалению, Ф. С. Октябрьским не были освещены не только вопросы эвакуации, но не было сказано о моральной стороне херсонесской трагедии. В его ответе была видна только беспощадная логика войны. Можно только сожалеть, что на этой конференции не нашлось доброго слова благодарности в адрес командиров армии и флота, прошедших плен, за их подвиг по защите Севастополя, извинения за случившееся. Но тогда было другое время.

Продолжим анализ дальнейших событий. Проанализировав критическую обстановку с обороной к утру 30 июня, командование СОРа, помня о майской директиве Буденного, что переправы на Кавказ не будет, приняло решение доложить не напрямую в Ставку, а своему непосредственному начальству Кузнецову и Буденному о невозможности более удерживать Севастополь и просить разрешения в ночь на 1 июля вывезти самолетами 200–500 ответственных работников и командиров на Кавказ. Фактически это была просьба об эвакуации.

В 9.00 30 июня за подписью Октябрьского и Кулакова была послана телеграмма, которая другим лицам из руководящего состава СОРа не была известна вплоть до последнего заседания Военного совета флота. Вот ее текст:

«Противник прорвался с Северной стороны на Корабельную сторону. Боевые действия протекали в характере уличных боев. Оставшиеся войска устали (дрогнули), хотя большинство продолжает героически драться. Противник усилил нажим авиацией, танками. Учитывая сильное снижение огневой мощи, надо считать, в таком положении мы продержимся максимум 2–3 дня. Исходя из данной конкретной обстановки, прошу Вас разрешить мне в ночь с 30 июня на 1 июля вывезти самолетами 200–500 человек ответственных работников, командиров на Кавказ, а также, если удастся, самому покинуть Севастополь, оставив здесь своего заместителя генерал-майора Петрова»^[99].

«Об этой телеграмме, — писал Н. Г. Кузнецов, — мне доложили в 14.00 30 июня. Армейское командование в Краснодаре еще болезненно переживало недавнюю катастрофу на Керченском полуострове. Я полагал, что Главком направления вряд ли сам примет решение, не запросив Ставку. Времени для согласования и запросов уже не оставалось. Было ясно, Севастополь придется оставить. Поэтому, еще не имея согласия Ставки, я приказал немедленно ответить вице-адмиралу Ф. С. Октябрьскому: „Нарком Ваше предложение целиком поддерживает“. Переговорив по телефону со Сталиным, я в 16.00

послал военному совету ЧФ вторую телеграмму: „Эвакуация ответственных работников и Ваш выезд разрешены“.

Таким образом, 30 июня Ставка приняла решение оставить город. Немедленное мое согласие с предложением военного совета флота объяснялось не только обстановкой, но и тем, что он хотел оставить в Севастополе руководить обороной генерал-майора Петрова со своим штабом, который мог бы руководить обороной до последнего момента»^[100].

Маршал Советского Союза Буденный в свою очередь доложил в Ставку, что «Севастопольский оборонительный район подготовленных рубежей более не имеет. Боеспособность войск в результате утомления снизилась, оказать скорой помощи защитникам Севастополя с моря и с воздуха командование Северо-Кавказским фронтом не может. Все корабли в Севастополь прорываются с боем. За последние 5–4 дня потоплены подводные лодки Щ-214 и С-52, миноносец „Безупречный“, сильно поврежден лидер „Ташкент“.

Учитывая, что подготовленная десантная операция на Керченском полуострове уже не может изменить ход событий, командующий Северо-Кавказским фронтом просил подтвердить задачу войскам СОРа вести борьбу до конца, чтобы вывезти из Севастополя все возможное. Командующий фронтом в сложившейся обстановке просил прекратить подвоз пополнения и продовольствия в Севастополь. Организация эвакуации раненых самолетами и боевыми кораблями возлагалась на командующего Черноморским флотом, которому было дано приказание использовать имеющиеся средства для этой цели. Чтобы облегчить положение блокированного Севастополя и дать возможность кораблям прорваться к городу, командующий фронтом просил Ставку выделить в его распоряжение самолеты дальнебомбардировочной авиации, которые могли бы наносить удары по аэродромам противника и уничтожать его самолеты»^[101].

В то же время начальник Генерального штаба А. М. Василевский сообщил командованию Северо-Кавказским фронтом, что Ставка утверждает предложения фронта и приказывает немедленно приступить к их реализации.

Исходя из оценки обстановки с обороной Севастополя, военный совет СОРа принял решение о быстрой частичной эвакуации. Помимо ответственных работников города, высшего командного состава армии

и флота, указанных в телеграмме в Москву и Краснодар, было решено вывезти также старший командный состав армии и флота.

В этой связи интересно воспоминание Н. М. Кулакова в его книге «Доверено флоту». Там отмечается следующее:

«И тогда в тот день еще не на заседании военного совета, а наедине со мной командующий заговорил о возможной эвакуации, в частности о том, что надо постараться сохранить нужные армии и флоту кадры...»^[102]

Действительно, командный состав Приморской армии и Береговой обороны флота к тому времени обладал бесценным боевым опытом. Это были грамотные, закаленные еще в приграничных сражениях, а затем и в 250-дневной обороне Севастополя командиры и политработники. В целом Приморская армия и части Береговой обороны в то время были одними из лучших в составе Красной армии. Естественным, терять такие ценные кадры в разгар войны было нельзя. Ведь опыт каждого командира на войне оплачивался немалой кровью. А эти кадры так были нужны фронту!

Весь план командования СОРа был рассчитан на быстроту исполнения и скрытность. Как и чем планировался их вывоз? В Севастополе находились две подводные лодки Л-25 и Щ-209, пришедшие 29 июня с грузом боезапаса, после выгрузки которого согласно приказу лежали на грунте в районе 35-й береговой батареи в ожидании особого распоряжения.

В ночь на 1 июля ожидался прилет очередной группы транспортных самолетов с грузом продовольствия и боезапаса. Каждый самолет мог брать на борт 25–27 человек. Кроме того, еще с 29 июня 1942 года по приказанию командования СОРа один из транспортных самолетов ПС-84 («Дуглас») из числа прилетевших с боезапасом после выгрузки был поставлен в отдельный капонир под строгую охрану бойцов группы особого назначения Черноморского флота (группа 017). Экипаж этого транспортного самолета находился в постоянной готовности № 1 в самолете, как об этом свидетельствует член группы 017 В. Е. Гурин^[103].

В резерв также были взяты два сторожевых катера СКА-021 и СКА-0101, которые находились на временной стоянке в бухте

Казачьей, замаскированные в камышах. Часть экипажа находилась в штольне, как об этом рассказывал старший инструктор политотдела ОВРа С. И. Аверчук и подтвердил в своем письме политрук 2-го звена 2-го дивизиона ОВРа В. В. Демидов^[104].

Таким образом, если для ответственных работников и высших командиров и политработников штабов армии и флота реально имелись средства эвакуации, то для вывоза старшего и остального комсостава планировалось прислать малые корабли типа базовых тральщиков и сторожевых катеров — морских охотников, которые по своим относительно небольшим размерам были очень маневренны, имели большую скорость хода и хорошее зенитное вооружение, поэтому были наименее уязвимы от нападения авиации противника. Катер мог брать на борт до 90 человек с учетом экипажа в 26 человек. Но, как показала эвакуация, фактически в отдельных случаях брал и больше.

Для общего представления даются его тактико-технические данные:

Сторожевой катер типа МО-4 имел водоизмещение 56 тонн, трехслойную деревянную обшивку корпуса при длине 26,7 метра и скорости хода до 24 узлов (44 км в час). Три авиационных бензиновых двигателя. Вооружение: две 45-мм пушки и два крупнокалиберных пулемета ДШК-12,7 мм на тумбах. По отзывам специалистов, это был удачный по конструкции и вооружению морской охотник^[105].

На проработку детальных вопросов перевозки, особенно морем, из-за срочности времени не было.

Что же армия? В войсках об эвакуации не думали, как вспоминают ветераны обороны. Ведь был приказ драться до последнего.

Жила еще надежда на лучший исход сражения. Маршал Советского Союза Н. И. Крылов, тогда начальник штаба Приморской армии, вспоминая обстановку вечером 29 июня 1942 года, написал в своей книге «Огненные бастионы»:

«Совещание короткое. Командиры в нескольких словах докладывают о состоянии частей. В дивизиях в среднем по 500–400 человек, в бригадах по 100–200 (боевого состава. — Авт.). Плохо с боеприпасами. У меня острым гвоздем сидит

в голове цифра, что на 30 июня армия имеет 1259 снарядов среднего калибра и еще немного противотанковых. Тяжелых ни одного. Всем понятно, что настает конец Севастопольской обороне. Но разговор идет обычный, будничным, о позициях, которые надо удержать завтра. Никакого другого приказа нет. Только под конец командарм дает ориентировку: держать в кулаке наличные силы. Дратся, пока есть чем, и быть готовым разбить людей за небольшие группы, чтобы пробиваться туда, куда будет указано по обстановке. Пробиваться — значит в горы к партизанам. Это очень трудно, но все-таки возможно. И важно, чтобы в это верили, чтобы не было чувства обреченности. И далее он пишет, что снаряды, подвезенные ночью, к полудню оказались израсходованными, подбили 30 танков. А противник развивал наступление по нескольким направлениям. Артиллерия почти умолкла. Надо было производить частные перегруппировки для предупреждения назревающих прорывов. И еще, генерал Петров, куда-то спешивший, изложил мне все кратко, помню слово „эвакуация“ прозвучало неожиданно»^[106].

О неожиданном слове «эвакуация» свидетельствуют многие ветераны обороны. Не дожидаясь официального решения Ставки, командование СОРа с ночи 30 июня негласно приняло решение о подготовке к частичной эвакуации. В течение 30 июня в штабе СОРа шла скрытая работа по подготовке списков на эвакуацию. Эвакуации в первую очередь подлежали высшее командование и командный состав от командира полка и выше, а также ответственные партийные и государственные работники города, которые эвакуировались на подводных лодках и самолетах. В первоочередном списке по архивным данным значилось от ЧФ — 77 человек, от ПА — 78 человек^[107].

Как писал о том времени начальник связи флота капитан 1-го ранга В. С. Гусев:

«Для эвакуации выдавались посадочные талоны отдельным людям согласно списков. Среди связистов было больше людей, которые получили больше талонов. Видимо

это получилось потому, что они обслуживали флагманский командный пункт»^[108].

В тот же день 30 июня к 19 часам был получен ответ из Москвы о разрешении эвакуации ответственных работников и выезд Военного совета флота на Кавказ^[109]. Но это было только разрешение на выезд руководящего состава из Севастополя^[110].

Как следует из высказываний, приведенных выше, вице-адмирала Ф. С. Октябрьского, Маршала Советского Союза Н. И. Крылова, дальнейшие намерения у командования СОРа и командования Приморской армии в связи с исчерпанием возможностей обороны были разные. Если командование СОРом, зная о невозможности эвакуировать армию, считало необходимым произвести хотя бы частичную эвакуацию и вывезти кроме руководящего состава города, армии и флота также старший комсостав армии, то командование Приморской армии, не зная о планах командования СОРа, было готово продолжать сражаться до последней возможности, руководствуясь директивой Буденного, как об этом пишет маршал Крылов.

Однако, принимая решение о частичной эвакуации в столь сжатые сроки, командование СОРом не учло основного препятствия к полному выполнению задуманного плана — вероятность стихии масс в местах посадки. Но об этом чуть дальше.

По практическому осуществлению принятого решения были и другие предложения, если бы командование СОРом в тот критический момент выслушало бы мнение и предложения командиров наиболее боеспособных частей и соединений. Вот что говорил командир 109-й стрелковой дивизии генерал-майор П. Г. Новиков, находясь в плену:

«Можно было бы еще держаться, отходить постепенно, а в это время организовать эвакуацию. Что значит отозвать командиров частей? Это развалить ее, посеять панику, что и произошло. А немец, крадучись, шел за нами до самой 35-й батареи»^[111].

Новиков обращает внимание на ту поспешность командования СОРа по отзыву командиров и комиссаров соединений и частей, вслед за ними старшего комсостава армии, а потом и остального комсостава,

добавляет И. А. Заруба, сыгравшую основную роль в окончательной потере боеспособности армии и ее быстром отступлении к району 35-й береговой батареи в течение 1 июля 1942 года. Можно предположить, что эти обстоятельства были в какой-то мере учтены в задуманном плане частичной эвакуации. Заметим при этом, что о делах флота Новиков вряд ли был осведомлен и поэтому не представлял значения понесенных им потерь и оставшихся его возможностей. Но со своей стороны он был твердо убежден, что можно было бы более организованно прикрыть и обеспечить даже эту ограниченную эвакуацию и тем самым спасти больше людей.

Для общего понимания хода событий последних дней обороны представляют интерес воспоминания старшего сержанта В. Е. Гурина из группы 017 о некоторых подробностях событий, происходящих 30 июня на 35-й береговой батарее: «Внешнюю охрану батареи осуществлял отдельный батальон автоматчиков. Прибывшая на батарею парашютная группа особого назначения ВВС ЧФ под командованием старшего лейтенанта В. К. Квариани была переименована в группу особого назначения ЧФ. Ее численность была доведена до роты за счет личного состава 35-й батареи. На группу были возложены охранные комендантские обязанности внутри батареи и на Херсонесском аэродроме. С утра 30 июня и до 20 часов того же дня бойцами группы были освобождены все помещения 35-й батареи от многих военных и гражданских лиц, от штабных работников до адъютантов и ординарцев, которые находились там в ожидании получения пропусков на эвакуацию. А после заседания Военного Совета флота и армии перед группой была поставлена задача по обеспечению и сопровождению командиров и ответственных лиц с посадочными талонами на рейдовый причал для посадки на подводные лодки, также осуществлять охрану Херсонесского аэродрома во время прилетов транспортных самолетов, соблюдения порядка при посадке по посадочным талонам в условиях нахождения там неуправляемой многотысячной вооруженной массы военных и гражданских лиц»^[112].

В 19 часов 50 минут 30 июня 1942 года в одном из казематов 35-й береговой батареи началось последнее заседание военных советов флота и армии. На нем присутствовали командующий СОРОм и флотом вице-адмирал Ф. С. Октябрьский, член военного совета дивизионный

комиссар Н. М. Кулаков, командующий Приморской армией генерал-майор И. Е. Петров, члены военного совета Приморской армии, дивизионный комиссар И. Ф. Чухнов и бригадный комиссар М. Г. Кузнецов, командир охраны водного района (ОВРа) контр-адмирал В. Г. Фадеев, начальник штаба СОРа капитан 1-го ранга А. Г. Васильев, начальник Особого отдела Черноморского флота Ермолаев, комиссар Береговой обороны полковой комиссар К. С. Вершинин и комендант Береговой обороны генерал-майор П. А. Моргунов^[113].

По словам военно-морского коменданта порта Севастополь старшего лейтенанта М. И. Линчика, начальник штаба СОРа капитан 1-го ранга Васильев и сопровождающие его комиссар штаба СОРа Штейнберг и начальник отдела морских конвоев СОРа капитан 3-го ранга А. Д. Ильичев прибыли на 35-ю батарею несколько позже, после открытия совместного заседания Военных Советов флота и армии^[114].

Вице-адмирал Октябрьский кратко охарактеризовал обстановку и сказал, что на его телеграмму об эвакуации получен ответ от наркома ВМФ Кузнецова с разрешением на эвакуацию ответственных работников и командиров, а также санкционирован его выезд. Фактически это было разрешение на эвакуацию, которая началась официально с 21.00 30 июня 1942 года^[115].

Подтверждалось предложение командования СОРа об эвакуации в первую очередь высшего и старшего комсоставов. «Военные советы ЧФ и армии и ряд командиров и военкомов дивизий и бригад эвакуируются 01.07.42 г.».

Для руководства обороной в Севастополе и прикрытия эвакуации на основании посланной телеграммы Кузнецову и Буденному Октябрьский предложил оставить генералов Петрова и Моргунова, а через три дня и им приказывалось эвакуироваться.

По этому предложению выступили члены Военного совета Приморской армии Чухнов и Кузнецов, предложив оставить одного из командиров дивизий со штабом, так как соединений и частей по существу, уже нет, а разрозненные группы и подразделения не имеют боезапаса и руководить на таком уровне нечем. Генерал Петров охарактеризовал боевое состояние войск, их вооружение, наличие боезапаса и доставку. В дивизиях насчитывается по 300–400 человек боевого состава, а в бригадах по 200, но главное решающее — нет

боеприпасов. Не имея сил и средств, вряд ли удержать Севастополь в течение трех дней. Если это необходимо и командование решило так, то он готов остаться и сделать все, чтобы выполнить боевую задачу. Генерал Моргунов поддержал доводы Петрова. Дивизионный комиссар Кулаков указал на большие потери врага, значительно превышающие наши, а у нас почти ничего не осталось. Политико-моральное состояние защитников крепкое, а главное нет уже ни частей, ни боеприпасов. Задержать врага вряд ли удастся. Поэтому оставлять генералов Петрова и Моргунова нет необходимости.

Генерал Петров на вопрос Октябрьского о том, кого оставить в Севастополе, предложил оставить генерала Новикова — командира 109-й стрелковой дивизии, так как его сектор обороны обороняет Херсонесский полуостров и остатки войск отходят туда же.

Командующий согласился с этим предложением и приказал Петрову и Моргунову до рассвета помочь Новикову организовать оборону и эвакуацию согласно плану^[116].

После заседания Военного совета были вызваны генерал-майор Новиков и бригадный комиссар А. Д. Хацкевич, комиссар 109-й стрелковой дивизии, для получения приказа и передачи полномочий.

«Последний мой приказ от 1.07.42 г. перед вылетом из Севастополя генерал-майору Новикову, который был оставлен старшим начальником, отмечается в кратком отчете по итогам обороны Севастополя за июнь 1942 года, сводился к следующему: „Драться до последнего, и кто останется жив, должен прорываться в горы к партизанам“.

Этот приказ бойцы, начсостав Севастопольского оборонительного района с честью выполнили»^[117].

Для содействия генералу Новикову помощником по морской части был оставлен ему командир из штаба ЧФ — начальник морской конвойной службы штаба СОРа капитан 3-го ранга А. Д. Ильичев.

Затем Петров и Моргунов ввели Новикова в курс всех дел обороны. Генерал Петров подробно рассказал ему об обстановке, силах и средствах и вручил приказ на оборону с боевыми задачами Новикову и его группе войск на основании решения Военного совета СОРа:

«Боевой приказ. 30/VI-42 г.

Штаб Приморской армии. 21.30.

1. Противник, используя огромное преимущество в авиации и танках, прорвался к Севастополю с востока и с севера. Дальнейшая организованная оборона исключена.

2. Армия продолжает выполнять свою задачу, переходит к обороне на рубеже: мыс Фиолент — хутор Пятницкого — истоки бухты Стрелецкой. Оборона указанного рубежа возлагается на группу генерал-майора П. Г. Новикова.

3. Группа генерал-майора П. Г. Новикова в составе: 109-й, 388-й стрелковых дивизий, 142-й стрелковой бригады, курсов младших лейтенантов армии, учебного батальона 191-го стрелкового полка, зенитно-пулеметного батальона. Артгруппа в составе 47-го ап, 955-го ап и 880-го зап.

Задача — упорно оборонять рубеж: хутор Фирсова — хут. Пятницкого — истоки бухты Стрелецкой.

КП — 35 батарея БО.

*Командующий Приморской армией генерал-майор
Петров*

*Член военного совета дивизионный комиссар
Чухнов*

Начальник штаба армии генерал-майор Крылов».

Моргунов попросил Новикова вовремя подорвать все батареи, особенно 35-ю, а также указал, что еще действуют 14-я и 18-я береговые батареи, имеется в резерве батальон Береговой обороны и что полк Береговой обороны из Севастополя к утру прибудет в его распоряжение.

Моргунов отдал приказание командиру 35-й береговой батареи капитану А. Я. Лещенко о подрыве батареи, после того как будет израсходован боезапас, и предупредил, что перед подрывом надо доложить генералу Новикову^[118]. Из приказа видно, что оборона города не планировалась. По словам Моргунова, не было сил, чтобы оказать сильное противодействие противнику. Когда писался этот

приказ, части армии уже переходили на указанный в нем рубеж обороны^[119].

Что касается слов приказа, что «дальнейшая организованная оборона исключена», то здесь, видимо, имелось в виду признание факта исчерпания у армии необходимых сил и средств отражения и следствием этого значительной потери управляемости войсками, хотя остатки армии в виде секторов обороны частично сохранились, а также отзыва командиров и комиссаров соединений и частей, старшего комсостава штабов для эвакуации. К этому времени связь с войсками на фронте обороны и между частями была нарушена в результате прорывов фронта противником, а также свертывания армейской связи ввиду фактического прекращения работы 110-го отдельного полка связи Приморской армии. И штаб армии и командующий армией подлежали эвакуации в эту ночь. Связи с остатками частей на передовой к концу суток 30 июня уже практически по этой причине не было. Передача управления остатков армии группе генерала Новикова в такой обстановке по сути была формальным актом, так как в следующую ночь генерал Новиков со своим штабом в соответствии с решением Военного совета обязан был эвакуироваться на подводной лодке.^[120]

В изложенной выше информации обращают на себя внимание высказывания членов Военных советов армии и флота, что соединений и частей по существу нет и что оборону практически держать нечем. Между тем в донесении Октябрьского и Кулакова в Ставку уже из Новороссийска вечером 1 июля по состоянию на 24.00 30 июня в числе прочего докладывалось, что «оборону держат частично сохранившие боеспособность 109-я стрелковая дивизия численностью 2000 человек, 142-я стрелковая бригада 1500 человек, 4 сформированных батальона из частей Береговой обороны, ВВС, ПВО и др. с общим числом 2000 человек»^[121].

Кроме того, в последнем приказе генерала Петрова значатся 388-я стрелковая дивизия (остатки), курсы младших лейтенантов, учебный батальон 191-го стрелкового полка, зенитно-пулеметный батальон и три артполка.

В распоряжение Новикова также поступал полк Береговой обороны численностью 1500 человек. Таким образом, количество бойцов и командиров, поступающих в распоряжение Новикова,

составляло порядка 7–8 тысяч человек боевого состава. Эти силы, как отмечает Моргунов, были направлены на создание второго рубежа обороны в районе бухты Камышовой, частью по Турецкому валу от Горбатого моста и до моря, а также в непосредственной близости от 35-й береговой батареи. Это все без учета остатков дивизий и бригад, занявших к утру 1-го июля первый рубеж обороны на линии истоки бухты Стрелецкой — хутор Пятницкого. Так что силы были для прикрытия района эвакуации, но вот со средствами обеспечения — боеприпасами положение было действительно катастрофическое.

30 июня их поступило всего 25 тонн, а в ночь на 1 июля — 23,6 тонн. К тому же тылы свернули свою работу и подвозить даже то мизерное количество было некому. Практически армия более не получала ничего, несмотря на приказ Буденного «попутными рейсами завозить боезапас, необходимый защитникам для прикрытия вывоза»^[122].

Попытки Новикова организовать оборону 1 июля оказались мало результативными из-за отсутствия связи с частями и их неуправляемости^[123].

Между тем Буденный, согласовав решение по Севастополю со Ставкой, издал директиву для Севастополя, в которой, согласно предложению Октябрьского, генерал-майор Петров был назначен командующим СОРОм. Директивой предписывалось:

«Октябрьскому и Кулакову срочно отбыть в Новороссийск для организации вывоза раненых, войск, ценностей, генерал-майору Петрову немедленно разработать план последовательного отвода к месту погрузки раненых и частей, выделенных для переброски в первую очередь. Остаткам войск вести упорную оборону, от которой зависит успех вывоза»^[124].

К сожалению, эта директива пришла на узел связи 35-й батареи с большим опозданием из-за выхода из строя от артогня противника приемного радицентра на Херсонесском мысе около 22 часов 30 июня, и пока шифровку обрабатывали, командующий Приморской армией генерал Петров со своим штабом был уже в море на пути в Новороссийск на подводной лодке Щ-209.

В то же время командование СОРа, получив разрешение на эвакуацию ответственных работников и командиров от члена Ставки наркома ВМФ Кузнецова, учитывая дефицит времени с транспортными самолетами и срочностью эвакуации, не стало дожидаться директивы на эвакуацию от своего непосредственного командования — командующего Северо-Кавказским фронтом. При этом во изменение своего прежнего предложения, посланного Буденному и Кузнецову в 09.50 30 июня оставить своего заместителя генерала Петрова командующим СОРом, под влиянием предложений членов Военных советов армии и флота Чухнова, Кузнецова и Кулакова, командующий СОРом и флотом вице-адмирал Октябрьский изменил свое решение и приказал Петрову со своим штабом эвакуироваться, а вместо Петрова был оставлен, но уже только в качестве старшего военачальника в Севастополе генерал Новиков, поскольку назначение командующего СОРом не было в их власти.

По этому поводу Н. Г. Кузнецов после войны вспоминал так:

«Когда на следующий день 1 июля 1942 года Военный Совет флота в телеграмме в адрес Сталина и Буденного донес, что старшим начальником в Севастополе оставлен комдив 109-й стрелковой дивизии генерал-майор Новиков, а помощником по морской части капитан 3-го ранга Ильичев — это для меня явилось полной неожиданностью и поставило в очень трудное положение. Как же Вы говорили, что там остается генерал-майор Петров спросили меня в Ставке. Но мне ничего не оставалось, как констатировать факт, сославшись на телеграмму комфлота»^[125].

Ни Кузнецов, ни Буденный тогда не знали причину замены. Конечно, генерал Петров лучше всех знал обстановку на фронте обороны. Армия знала и верила ему. Но весь расчет ограниченной эвакуации строился на скрытности и скорости исполнения во избежание потерь, тем более что генерал Новиков оставался всего на одни сутки с целью руководства прикрытием эвакуации старшего начсостава, а не на трое, как планировалось для Петрова. Было ли это решение ошибочным? На этот счет участник Великой Отечественной

войны капитан 1-го ранга, доктор исторических наук А. В. Басов пишет:

«В ходе войны возникали ситуации, когда полководец должен был проявить храбрость, показать пример подчиненным.

Генерал армии А. П. Белобородов утверждает о необходимости для командиров железного закона: „Делай, как я... Умей думать в бою, как я. Умей побеждать, как я. И, наконец, если пришел твой последний час, умей встретить его, как я...“ Поэтому всегда, в дни радости и горя, командующий разделяет судьбу армии.

Таких примеров в минувшей войне было много (М. Ф. Лукин, М. Г. Ефремов, М. П. Кирпонос, И. Н. Музыченко, К. П. Подлас, Ф. Я. Костенко и др.).

Иначе сложились обстоятельства при завершении обороны Севастополя»^[126].

И далее он пишет: «Имели ли они моральное право оставить своих подчиненных в такой критический момент? Вряд ли! Их бегство вызвало негодование и возмущение скопившихся на плацдарме бойцов и командиров»^[127].

Полковник Д. И. Пискунов по этому поводу сказал так:

«Эта так называемая эвакуация была похожа на бегство начальства от своих войск. В спешке, в которой происходила эвакуация в ту ночь, были забыты, остались не эвакуированными Меньшиков Федор Дмитриевич (секретарь Крымского обкома партии) и ряд других партийных и советских работников, задержанных без нужды, начиная с середины июня 1942 года. О состоявшейся в ночь на 1 июля эвакуации командования СОРа я узнал утром 1 июля по прибытии на 35-ю береговую батарею. В памяти были еще свежи воспоминания об удачной эвакуации Приморской армии из Одессы в октябре 1941 года. Поэтому никому в голову не приходила мысль о возможном плохом исходе дел

под Севастополем и оказаться оставленным командованием на милость врага»^[128].

В личной беседе Д. И. Пискунов, говоря о поспешной эвакуации командования, заметил: «По-моему, тут не выдержали нервы у командования. Судя по документам, с которыми мне пришлось знакомиться (немецкие архивы в Центральном Архиве МО СССР), немцы тоже были на пределе»^[129].

Из писем ветеранов обороны последних дней Севастополя следует, что большинство из них не знало, что командование СОРа в этой поистине трагической обстановке оставляло их сражаться, чтобы выполнить свой последний воинский долг — прикрыть район эвакуации для вывоза только старшего командного состава армии и флота, которых к концу дня 1 июля было собрано на 35-й береговой батарее 2000 человек^[130].

В то же время все защитники Севастополя надеялись на флот, на свою эвакуацию, но для подавляющей части их этого не случилось.

«Мы верили флоту, мыслей не допускалось. Верили», — вспоминает лейтенант С. Н. Гонтарев^[131]. Так думали немало защитников Севастополя, оказавшихся на Херсонесском полуострове и вблизи него в те дни.

Вполне справедливы слова пограничника, командира радиовзвода 456-го погранполка 109-й стрелковой дивизии старшего лейтенанта Н. И. Головки:

«Я считаю, что мы могли еще держать оборону, если бы не дрогнуло командование, которое должно было уходить последним!»^[132]

Но на войне, как на войне. Вынужденность такой эвакуации с военной точки зрения, ее целесообразность объяснимы. Кстати, такой опыт эвакуации только комсостава уже был в ходе войны. Так, краснофлотец Г. И. Бодарев из аэродромной команды Херсонесского аэродрома написал, что в последних числах июня стрелок-радист одного из прилетевших транспортных самолетов «Дуглас» с грузом боезапаса рассказал ему, что они сюда переброшены с московского

направления, где всю зиму летали в окруженные там две армии и забирали оттуда комсостав. Ниже старшего лейтенанта не брали^[133].

Что касается моральной стороны дела, то возможность в такой обстановке спасти хотя бы кадры начсостава армии и флота и сохранить надводные корабли от неизбежных больших потерь, от абсолютно господствующей авиации противника взяла вверх над всеми остальными отрицательными последствиями.

И все же, несмотря на эти объективные обстоятельства, в исторической памяти защитников Севастополя последних дней, которые оказались в плену, отложилось то, что их тогда просто бросили. Скорее всего это объясняется скоротечностью эвакуации, относительной скрытностью от войск, когда они узнали, что командование эвакуировалось. Это был тяжелый моральный удар.

В своих воспоминаниях просчет за переоценку сил и возможностей Севастополя и в связи с этим неподготовленности к эвакуации взял на себя и на штаб ВМФ член Ставки Верховного Главнокомандования народный комиссар ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов.

Он также не снимает ответственности за трагедию Севастополя и с командования Северо-Кавказским фронтом, которому флот был оперативно подчинен^[134].

Что касается Военного совета Черноморского флота, то, по мнению Кузнецова, его меньше всего следует упрекать в случившемся, так как он выполнял директиву драться до последней возможности. Здесь следует напомнить еще раз, что этой директивой Северо-Кавказского фронта эвакуация из Севастополя не предусматривалась, что сковывало инициативу Военного совета СОРа в деле ее предварительной подготовки в условиях сильного снижения боевого потенциала обороны из-за нехватки в первую очередь снарядов при наличии ожесточенной морской блокады коммуникаций Севастополя, что в конечном счете обрекало Севастополь на трагический конец обороны. Жившая надежда на полное израсходование противником своих сил в ходе третьего штурма, а такая надежда до 17 июня была реальной, как признает Манштейн в своей книге «Утерянные победы»^[135], не осуществилась. Надо признать, что Манштейн умело воспользовался просчетами нашего вышестоящего командования всех степеней в отношении ослабления внимания в зимне-весенний период

к потребностям усиления боевой мощи СОРа, понадеявшегося на будущие успехи Крымского фронта по освобождению Крыма своими силами, путем привлечения, в свою очередь, мощных блокадных сил, особенно авиации, на морских коммуникациях Севастополя, не говоря уже об усилении сухопутных сил. Однако вторую часть своего плана под кодовым названием «Лов осетра» — уничтожить крупные надводные корабли Черноморского флота в ходе предполагавшейся эвакуации войск из Севастополя — ему осуществить не удалось, так как его замысел был разгадан и эвакуация ограничилась посылкой небольшого количества малых надводных кораблей и подводных лодок. Но, как уже отмечалось, эти обстоятельства в итоге и стали тяжелым моральным ударом для всех оставленных защитников Севастополя незаживающей раной войны.

И все же главная причина случившегося с Севастополем, как пишет Кузнецов, состояла в том, что «приказ Ставки, весь ход войны, обстановка на фронтах требовали драться за Севастополь до последней возможности, а не думать об эвакуации. Иначе Севастополь не сыграл бы своей большой роли в борьбе за Кавказ и косвенно за Сталинград, армия Манштейна не понесла бы таких потерь и была бы переброшена на новое важное направление»^[136].

Если раскрыть сущность этих слов Кузнецова шире, то та тяжелая обстановка летом 1942 года на советско-германском фронте, сложившаяся в результате тяжелого поражения наших войск весной 1942 года под Харьковом и в Крыму, а вслед за этим начавшееся мощное наступление немецко-фашистских войск в направлении на Кавказ, Сталинград и Воронеж поставили нашу Родину перед тяжелыми испытаниями, так как дело шло уже о спасении нашего Советского государства. В этих условиях самоотверженная помощь севастопольцев, оттягивающих на себя и перемалывающих под Севастополем одну из лучших в то время армий вермахта, была неоценимой для войск Южного и Юго-Западных фронтов, отступающих под натиском превосходящих сил противника. И эта тяжелая жертва Приморской армии в конечном счете была не напрасной.

Разумеется, можно высказывать различные суждения по поводу трагедии на Херсонесе. Но тогда, как это следует в том числе и из признания Кузнецова, у командования Красной армии, особенно

высшего звена, не было еще такого опыта, необходимых кадров, и главное — необходимых сил и материальных средств, которые появились позже благодаря титаническим усилиям советского народа под руководством партии и которые помогли разгромить немцев под Сталинградом, на Курской дуге, победить в войне, и поэтому приходилось расплачиваться такой тяжелой ценой, как потерей целой армии.

Потери же крупных надводных кораблей Черноморского флота могли бы привести к непредсказуемым последствиям на черноморском театре военных действий. По существу этого вопроса можно привести из воспоминаний Н. Кузнецова слова английского историка Б. Тонстолла, сказанные им в 1942 году, когда еще не было нужды фальсифицировать события:

«В ходе войны морская стратегия России планировалась и осуществлялась весьма трезво. На Черном море эта стратегия помешала вторжению на Кавказ с моря, в то же время русский флот беспокоил неприятельские коммуникации у берегов Болгарии и Румынии... Красный флот достиг необычайных успехов, так как не только сохранил свое господство на Черном море, но и сумел это сделать при непрерывных ударах со стороны вражеской сухопутной авиации»^[137].

Возвратимся к обстановке в СОРе 30 июня 1942 года. Здесь надо отметить, что противник усилил заброску в наш тыл попавших во вражеский плен бойцов и командиров, предавших Родину и согласившихся служить врагу для проведения шпионажа, террора, диверсий, ведения пораженческой агитации по добровольной сдаче в плен среди наших войск^[138]. Пользуясь тем, что на местах прорыва линии обороны не было сплошной линии фронта, вражеские разведгруппы на мотоциклах, а также диверсанты, просачивались в наш тыл, вступали в стычки с нашими тыловыми подразделениями и бойцами, повреждали линии связи, вели разведку, захватывали «языков».

Военинженер 2-го ранга А. И. Лощенко, старший помощник начальника химслужбы Приморской армии, в своих воспоминаниях

писал, что «утром 30 июня возле КП-3 Приморской армии, которое располагалось в казематах 16-й ложной батареи (примерно, в 3,5 км от 35-й батареи на берегу моря в сторону мыса Фиолент) появились немецкие мотоциклисты. На КП-3 тогда располагались отделы химзащиты армии, укомплектования и финансовый с банком. Начальник химотдела армии полковник В. С. Ветров собрал группу бойцов и командиров из 150 человек и дали бой фашистам. Потом позже отошли к бухте Казачьей»^[139].

Другой случай сообщил командир 161-го стрелкового полка Л. А. Гапеев:

«Полк занимал оборону от Молочной фермы до Черного моря. В тылу 1-го батальона у Горбатого моста, проникшая в ночь на 1 июля диверсионная группа фашистов расстреляла поодиночке спавших в кабинах шоферов, стоявшей у моста колонны автомашин. Находившийся в концевой автомашине командир застрелил одного диверсанта, остальные двое скрылись».

Как свидетельствуют участники последних боев, переодеваясь в красноармейскую или краснофлотскую форму, немецкие диверсанты, предатели старались посеять панику в ночное время в районе 35-й береговой батареи и побережья Херсонесского полуострова при приходе катеров для эвакуации стрельбой, пользуясь тем, что там были во множестве неорганизованные воины. Имелись случаи, когда немецкие лазутчики в нашей форме разносили отравленную воду. В большей части их разоблачали и уничтожали. Член группы особого назначения ЧФ Н. Монастырский писал, что 1 и 2 июля на аэродроме они вылавливали немецких провокаторов в форме матросов, которые подбивали одиночных бойцов стрелять по нашим самолетам, жечь боезапас, когда каждый патрон был на счету. Член этой группы В. Гурин в своих воспоминаниях написал, что после подрыва батареи группы фашистов на шлюпках и катерах высадились на мысе с целью пленить командный состав. Фашисты были одеты в красноармейскую форму и сумели просочиться в район 35-й батареи, при этом внесли панику среди бойцов. Всю ночь шел бой и вылавливались десантники, а утром после рассвета они стали явно заметными по выхолощенным

лицам и были полностью ликвидированы. Их шлюпки и катера захватили счастливчики из бойцов на берегу^[140].

Несмотря на то что в течение 30 июня ряд командиров и комиссаров соединений и частей Приморской армии и Береговой обороны были отозваны для эвакуации, организация обороны СОРа по секторам продолжала действовать. Вот некоторые подробности действий командования IV сектора обороны. Как вспоминает начальник штаба 345-й стрелковой дивизии полковник И. Ф. Хомич, комендант IV сектора полковник Капитохин 30 июня утром убыл с КП, не сказав никому ни слова. Пришлось временно исполнять его обязанности^[141].

Во второй половине дня эти обязанности уже исполнял начальник штаба 95-й дивизии майор А. П. Какурин, как об этом написал начальник связи 95-й стрелковой дивизии, в прошлом подполковник, И. Н. Пазников:

«В 18.00 30 июня на КП 4-го сектора, находившегося у Панорамы, позвонил начальник штаба Приморской армии полковник Н. И. Крылов и продиктовал приказ командующего армией генерал-майора Петрова исполняющему обязанности коменданта 4-го сектора начальнику штаба 95-й стрелковой дивизии майору А. П. Какурину: „К часу ночи 1 июля 1942 года имеющимися силами и средствами занять и удерживать линию обороны от бухты Стрелецкий и до перекрестка дорог юго-восточнее 2–3 км хутора Пятницкого. Командный пункт сектора — хутор Пятницкого. Этот приказ является основанием для отхода к району мыса Херсонес в составе 4-го сектора“»^[142].

Полученный приказ предусматривал боевые действия войск сектора на указанных позициях в течение всего дня 1 июля 1942 года. Как представляется, аналогичные приказы с указанием новых рубежей обороны и действий на 1 июля получили от Крылова и коменданты других секторов. В сообщении Пазникова обращает на себя внимание разрешение в приказе на самостоятельный отход частей сектора к району мыса Херсонес к концу дня 1 июля. Это обстоятельство можно объяснить только тем, что штаб армии подлежал эвакуации, что не

было уверенности в сохранении связи с секторами по многим причинам, а также тем, и это видимо самое главное, что находившийся в частях сектора комсостав к вечеру 1 июля должен был быть на 35-й береговой батарее для эвакуации в ночь с 1 на 2 июля 1942 года. Такое предположение подтверждается информацией Пазникова, приводимой далее по тексту. Кроме того, этим сообщением Пазникова подтверждается факт, что организация обороны Приморской армии в составе секторов СОРа действовала до конца дня 1 июля 1942 года.

Таким образом, остатки Приморской армии и Береговой обороны согласно решению командования СОРа должны были выполнить свою последнюю боевую задачу — прикрыть район эвакуации для вывоза старшего комсостава армии, а затем драться до последней возможности или прорываться в горы к партизанам. Прорваться в горы в условиях плотной блокады войсками противника по всей территории Гераклейского полуострова, как показали последующие дни, массе войск было невозможно. Армию, оставшуюся без боеприпасов, безусловно ждал плен.

О возможностях и целях эвакуации в войсках и среди населения города не было известно. Были слухи только в общем плане. По воспоминанию вольнонаемных служащих военных предприятий и учреждений, с утра 30 июня их руководство получило указания всем работникам следовать на эвакуацию в бухты Стрелецкую, Круглую, Камышовую, Казачью и эвакуироваться там на имеющихся плавсредствах^[143].

В ночь на 1 июля из западных бухт Севастополя уходили самостоятельно на Кавказ 30 катерных тральщиков, три катера МО, 4 буксира, шхуна и другие плавсредства, а всего 43 единицы. На буксире «Курортник» была отправлена большая группа связистов флота и города^[144]. Однако из всех ушедших плавсредств до берегов Кавказа дошло лишь 17 единиц, которые доставили 304 человека^[145].

Все оставшиеся в Севастополе катера, баржи, буксиры, киллектор, гидрографическое судно «Горизонт», два недостроенных тральщика, плавкраны, которые не имели хода или не подлежали перегону на Кавказ, были уничтожены или затоплены флотской командой под руководством исполняющего обязанности начальника плавсредств и гаваней ЧФ капитана 2-го ранга Н. А. Зарубы, бывшего командира

крейсера «Червона Украина», потопленного немецкой авиацией в ноябре 1941 года в Севастополе у Графской пристани^[146].

В течение 29–30 июня при отходе наших войск на Корабельной стороне были взорваны Северная электростанция, спецкомбинат № 1 и другие объекты, а также запасной арсенал флота взрывчатых веществ и негодного боезапаса в Инкермане, которых было около 400 вагонов. Чтобы развеять разные домыслы насчет якобы погибших во время взрыва арсенала, приводится сообщение командира 3-го артдивизиона 99-го гаубичного артполка 25-й Чапаевской дивизии майора З. Г. Олейника, находившегося в момент этого взрыва на наблюдательном пункте в верховьях Лабораторной балки в первой половине дня 29 июня 1942 года:

«После двух подземных громадных взрывов в районе Чертовой балки в Инкермане, стало темно от гари и пыли, трудно стало дышать. Сразу после случившегося позвонил командир 31-го стрелкового полка нашей дивизии подполковник Б. А. Лыков, который сообщил, что за полчаса до этого взрыва к его командному пункту подъехал грузовой „газик“ с группой моряков. Ему представился старший группы воентехник 2-го ранга начальник складского хозяйства П. П. Саенко и доложил, что имеет приказ командования подорвать штольни с взрывчатыми веществами и старым боезапасом, предъявив при этом свое удостоверение личности. Уточнив у Лыкова, что в соседних штольнях, где ранее располагался 47-й медсанбат нашей дивизии, нет людей и наших бойцов, моряки протянули провода к заложенным ранее зарядам в двух штольнях. Контактной машинкой с автомашины подорвали штольни и уехали в Севастополь»^[147].

О последних действиях руководства города рассказал бывший начальник МПВО Корабельного района Севастополя Лубянов:

«30 июня 1942 года в штольне командного пункта МПВО города состоялось последнее совещание актива города. На нем секретарь горкома партии Б. А. Борисов дал распоряжение всему активу отходить в сторону Камышовой бухты, где предполагалась эвакуация.

Уходить надо было группами по 13–20 человек. Часть актива погибла от налетов немецкой авиации». И далее он пишет: «Я с заведующим обкома партии Петросяном дождался у входа в 35-ю батарею Б. А. Борисова (Председатель горисполкома Севастополя) и А. А. Сарину (секретарь горкома партии), прибывших, примерно, в 18–19 часов. Спросили их, где суда, на чем эвакуироваться? Сказали — идите в Казачью бухту. Там есть деревянный помост. Ночью с 1 на 2 июля будут катера. Октябрьский выделил 70 мест для актива»^[148].

Как видно из этого сообщения, вопросы эвакуации решались на ходу, и трудно сказать, кто из актива города в реальности смог воспользоваться этим сообщением и пропусками с красной полосой, хотя в отчете начальника Политуправления ЧФ дивизионного комиссара Раскина отмечено, что «в период с 1 июля до 20 часов 4-го июля в Новороссийск из Севастополя прибыло в числе прочих 70 человек партактива города»^[149]. Товарищу Лубянову не удалось воспользоваться этой возможностью, и ему пришлось быть участником в защите 35-й береговой батареи после 2-го июля. Его воспоминания об этих обстоятельствах приведены во второй части исследования.

Но самым болезненным и неразрешимым был вопрос с эвакуацией раненых на Кавказ, так как из-за ожесточенной блокады крупные корабли более не могли прорываться в Севастополь, не рискуя быть потопленными. Лидер «Ташкент» был последним большим надводным кораблем, который смог забрать в ночь с 26 на 27 июня более трех тысяч раненых, эвакуированных женщин и детей, а также рулоны обгоревшей, спасенной панорамы художника Рубо «Оборона Севастополя 1834–55 гг.», а в ночь на 29 июня быстроходные тральщики «Взрыв» и «Защитник» вывезли еще 288 раненых. После этого раненые вывозились только самолетами транспортной авиации и подводными лодками.

Согласно итоговым данным о деятельности медико-санитарной службы и частей, в СОРе имелось 16 медучреждений армии и флота, в том числе в Приморской армии 7 медсанбатов (по одному в каждой стрелковой дивизии), два эвакогоспиталя, полевых подвижных госпиталя и у Черноморского флота 2 военно-морских госпиталя и один инфекционный, в которых согласно сводкам на 28 июня находилось всего 11 500 раненых^[150].

Накануне немецкого наступления 29 июня и до 1 июля 1942 года все лечебные учреждения и раненые были перебазированы в район западного побережья Херсонесского полуострова. У Камышовой бухты находились ППГ-316 и ЭГ-1428, в штольнях Георгиевского монастыря ППГ-76 и ППГ-356, медсанбаты в щелях, окопах, траншеях у берега Камышовой бухты, южного берега Херсонесского полуострова, районе 33-й батареи. Распределение раненых по госпиталям и медсанбатам по состоянию на 28 июня показано в примечании.

В целом все медицинские учреждения армии и флота были оставлены на произвол судьбы, на милость жестокого врага, поскольку не было возможностей их вывезти.

В этих отчаянных условиях непрерывных бомбежек и артобстрелов немногочисленный медперсонал самоотверженно оказывал посильную помощь раненым бойцам и командирам. Большое количество раненых, могущих передвигаться самостоятельно, скопилось к концу дня 30 июня на берегах Камышовой и Казачьей бухт, на Херсонесском аэродроме в надежде на эвакуацию. Они самостоятельно покидали медсанбаты, госпитали, так как подчас не было автотранспорта, чтобы перебазировать их из города к бухтам. В эти два последних дня июня из Георгиевского монастыря были отправлены пешим порядком несколько групп раненых по 50–60 человек с сопровождающими в районы Камышовой и Казачьих бухт на эвакуацию, как об этом написал краснофлотец М. Е. Чесноков из химроты ЧФ^[151].

Что касается количества раненых, оставленных в Севастополе, то цифры их весьма приблизительные. Согласно последнему боевому донесению Военного совета СОРа и флота, по состоянию на 24.00 30 июня 1942 года в Москву и Краснодар невывезенных раненых осталось 15 тысяч. Но уже в 1961 году в докладе Октябрьского на военно-исторической конференции их количество увеличилось до 23 тысяч. В 1968 году в Матросском клубе при открытии конференции по обороне Севастополя 1941–1942 годов. Октябрьский назвал цифру в 36 тысяч человек^[152].

Ряд авторов, как, например, полковник Пискунов, указывают, что к 4 июля 1942 года их было порядка 40 тысяч, из них в Приморской армии 36 тысяч^[153]. Военврач 2-го ранга 12-й авиабазы ВВС ЧФ

И. П. Иноземцев написал, что «днем 30 июня 1942 года он расписался на приказе начальника штаба ВВС ЧФ, запрещающего эвакуацию медперсонала. В приказе было разъяснено, что „в окрестностях Севастополя остается большое количество раненых, более 30 тысяч человек, а средств эвакуации нет“»^[154].

Сколько же раненых было в Севастополе по состоянию на 3 июля 1942 года? Анализ показывает, что все сведения на этот счет весьма условны и что точных данных нет и быть не может, так как в ходе боевых действий с 29–30 июня по 3 июля был потерян всякий учет, и не только раненых, в результате прорывов фронта, боев в окружении, неуправляемости войск из-за потери связи, эвакуации командования и проч. По данным краткого отчета штаба СОРа по итогам обороны Севастополя, за июнь раненых в СОРе было с 7 июня (начало 3-го штурма немцев) по 3 июля 1942 года 53 626 человек. Эвакуировано с 30 июня 17 894 человека^[155]. Эвакуировано с 30 июня по 3 июля 99 раненых^[156].

По данным I тома отчета по обороне Севастополя 1946 года раненых в СОРе с 21 мая по 3 июля было 55 289 человек^[157]. Эвакуировано с 21 мая по 3 июля 18 734 человека.

Согласно отчету медико-санитарной службы, число раненых, находящихся в лечебных учреждениях армии и флота на 28 июня, было 11 500 человек. Согласно журналу боевых действий войск Приморской армии оперативного отдела, потери ранеными за 29 июня составили по армии 1470 человек^[158]. Если это количество раненых условно округлить до 2500 человек с учетом раненых флота, то с 29 июня по 3 июля должно было быть 12 500 человек. В сумме это составило бы порядка 34 тысячи человек. По данным I тома отчета, на 3 июля их было 37 555 человек. Конечно, эти данные условны и не отражают фактической действительности, но других сведений нет. Видимо, при подсчете исходили из расчета снижения общей численности войск боевого состава.

Надо отметить и то, что большинство легкораненых по воспоминаниям участников обороны были активными бойцами, участвовали в атаках, отражении врага, в попытках прорыва в горы к партизанам.

Утром 30 июня вражеская авиация разбомбила здание эвакогоспиталя № 1428 в Камышовой бухте. Под обломками стен

погибло много раненых. К вечеру 30 июня берег Камышовой бухты в районе пристани, состоящей из 2-х барж у берега, оборудованных настилом и сходнями^[159], был сплошь забит ранеными в ожидании эвакуации. Там же находилась масса неорганизованных военных, отбившихся от своих частей или просто дезертировавших, и много гражданского народа — женщин с детьми, стариков. Люди метались по берегу, но никто толком не знал ничего об истинном положении с эвакуацией. Подходили из города все новые группы и одиночки военных и гражданских лиц. Эту картину народного бедствия описывает И. А. Заруба:

«...вместе с комиссаром отдела пошли в Камышовую бухту. То, что там я увидел, меня поразило. Толпы людей, солдаты, матросы с оружием и без. Все чего-то ждут. К пристани не подойти. Тысячи людей, шум, крики. Решил пойти на 35-ю батарею. Это было в 1 час 35 минут 1 июля. Придя на 35-ю батарею к ее главному входу, увидел еще худшее. Весь дворик и коридоры навеса были переполнены комсоставом Приморской армии. Двери на запорах. Здесь я узнал, что 29 июня было дано распоряжение по армии всему старшему офицерскому составу оставить свои части. Части остались без управления. Все это было похоже на панику в полном смысле слова...»^[160]

Отзыв старшего комсостава армии, вероятно, все же шел с вечера 29 июня вначале из отделов, управлений, служб штабов армии и флота, которые в условиях прорыва фронта перебазировались в район 35-й береговой батареи, так как по существу они уже ничем не могли помочь фронту. К утру 1 июля, по свидетельству участников событий тех дней, почти вся масса скопившихся в Камышовой бухте, за исключением раненых, покинули берег Камышовой бухты и еще ночью многие из них перешли в район 35-й береговой батареи, аэродрома в надежде эвакуироваться самолетами либо кораблями с рейдового причала у 35-й батареи, слух о которых распространился среди них.

«У маяка, куда мы, раненые, пришли пешком под вечер 30 июня, уйдя из Херсонесского храма, — пишет комиссар 1-го батальона 2-го

Перекопского полка морской пехоты А. Е. Зинченко, — тысячи солдат и раненых. Мы слышали команды через рупор, кому где собираться. Но тысячная толпа была неуправляема. С Северной стороны Севастополя немцы из крупнокалиберного орудия обстреливали район аэродрома. И было видно, как от разрывов летели во все стороны головы, ноги солдат»^[161].

В тот же вечер 30 июня временно остававшиеся на бывшем ФКП СОРа в южной бухте командиры оперативного отдела штаба СОРа выехали на 35-ю батарею для эвакуации. Последним покинули бывший ФКП начальник штаба СОРа капитан 1-го ранга А. Г. Васильев, капитан 3-го ранга Ильичев и комиссар штаба полковой комиссар А. Штейнберг.

Приводимые ниже воспоминания военно-морского коменданта порта Севастополь старшего лейтенанта Линчика отчасти дают описание ночного Севастополя и одного из моментов организационной деятельности командования СОРа перед эвакуацией:

«В полуторке нас было 12–15 штабных командиров, в основном капитан-лейтенантов и старших лейтенантов, не так как теперь. Изредка слышались разрывы снарядов и редкая стрельба из стрелкового оружия. Ехали молча среди развалин Севастополя. По дороге то и дело попадались подразделения, отдельные группы и одиночки бойцов и командиров, уходивших из города. В темноте подъехали к 35-й батарее. Вошли в ярко освещенное большое помещение, где кроме нас уже было много армейских командиров. Наш старший пошел докладывать о прибытии группы. Вскоре после нашего приезда на батарею приехали Васильев, Ильичев и Штейнберг. Они быстро прошли к командующему флотом. Мы же уже ждали команду для посадки на подводную лодку. Минут через 10 стремительно вошел Ильичев и, не видя меня, крикнул: „Линчик!“ Я отозвался. „Ты остаешься со мной!“ С его появлением все для меня прояснилось. Старшим военачальником в Севастополе был назначен командир 109 стрелковой дивизии генерал-майор Новиков, а он его помощником по морской части с морской оперативной группой в составе Линчика, связиста из отдела

связи штаба флота капитан-лейтенант Б. Д. Островского с группой радистов с главным старшиной Марунчаком, шифровальщик старший лейтенант В. В. Гусаров с помощниками, старшинами I статьи В. С. Кобецом и И. О. Зорей»^[162].

В то время как на 35-й береговой батарее шли организационные мероприятия, связанные с эвакуацией и передачей дел генералу Новикову и его штабу, на Херсонесский аэродром начали приземляться двухмоторные транспортные самолеты ПС-84 («Дугласы»).

«Они поочередно с интервалом по времени заходили на посадку со стороны Херсонесского маяка. Посадочная полоса подсвечивалась. Самолеты после посадки моторы не глушили из-за периодического обстрела аэродрома. После быстрой выгрузки боезапаса самолеты принимали людей на медленном ходу», — так вспоминает В. И. Мищенко, находившийся тогда в 100 метрах от взлетно-посадочной полосы^[163].

Находившаяся на аэродроме масса неорганизованных военных с оружием и без него, легкораненые, военные и гражданские лица с пропусками пытались попасть в самолеты. Комендант Херсонесского аэродрома майор Попов, на которого была возложена организация посадки на самолеты, самоустранился от своих обязанностей и улетел первым же самолетом, как об этом написал военврач 12-й авиабазы ВВС ЧФ И. П. Иноземцев, находившийся в то время там в связи с ранением, чтобы попасть в самолет, но ничего не получилось. Попов впоследствии был приговорен военным трибуналом к расстрелу. Бежал к немцам^[164].

Об отсутствии организации посадки на самолеты и корабли имеется запись в Историческом журнале Черноморского флота:

«Плохо была организована посадка на самолеты „Дуглас“ и корабли, в результате чего многие руководящие командиры и политработники, работники партийных и советских органов, имея пропуск, не смогли эвакуироваться»^[165].

В этой неуправляемой обстановке, имея посадочные талоны, не могли попасть в самолет комиссар 386-й дивизии В. И. Володченков и начальник штаба дивизии подполковник В. С. Степанов. Они вынуждены были вернуться в 35-ю батарею и по приказанию начальника штаба армии Крылова были эвакуированы на подводной лодке Щ-209^[166].

Не смог попасть в самолет и прокурор Черноморского флота бригадный военюрист А. Г. Кошелев. «Меня оттеснили», — так он позже рассказал Линчику ночью 2-го июля, находясь уже под скалами 35-й батареи после неудачной попытки попасть на катера^[167].

Картину неорганизованной посадки на самолеты дополняет А. И. Зинченко:

«... с наступлением темноты началась эвакуация самолетами раненых. Организовать нормальную эвакуацию было невозможно. Кто посильнее, тот и попадал в самолет. На 3-й самолет дошла и моя очередь, но когда я попытался влезть в самолет, один из команды по посадке ударил меня сапогом в голову так, что я потерял сознание. Брали в основном моряков, а у меня форма была сухопутная»^[168].

О тяжелой обстановке с посадкой на самолеты командование СОРа знало. Поэтому был предусмотрен вариант эвакуации на подводной лодке в случае неудачи с посадкой на самолет.

Комендант Береговой обороны СОРА П. Моргунов в своих воспоминаниях пишет:

«Командующий и член Военного совета Кулаков и некоторые присутствующие должны были улететь самолетом. Фактически, по некоторым причинам вылетели позже. Контр-адмирал Фадеев на 2-й подводной лодке (Л-23) должен был ждать сигнала Октябрьского и только тогда уходить, так как не было уверенности, что группе Октябрьского удастся улететь самолетом и тогда они должны были идти на второй подводной лодке. Телеграмму Фадеев получил уже поздно с самолета. Выполнив задание, мы с

Петровым ночью погрузились на лодку и на рассвете начали уходить»^[169].

Около часа ночи 1 июля 1942 года Октябрьский, Кулаков, Кузнецов, начальник тыла армии А. П. Ермилов и другие сопровождающие лица через люк, находящийся в коридоре у кают-компаний 35-й батареи, спустились в поземный ход-потерну по винтовому трапу и, пройдя его, через правый командно-дальномерный пост вышли на поверхность и в сопровождении группы автоматчиков пошли на аэродром. «В целях маскировки, — как писал Октябрьский после войны Линчику, — работники Особого отдела накинули на меня гражданский плащ, так как по их сведениям немецкая агентура охотилась за мной»^[170].

Посадка и вылет командования СОРа с Октябрьским, по словам командира самолета ПС-84 Скрыльникова, стоявшего в отдельном капонире, оставленном в Севастополе еще с вечера 29 июня и находившегося в готовности № 1, проходила в драматической обстановке. Она складывалась так, что посадке командования СОРа, сопровождающих лиц и вылету самолета могла помешать многотысячная толпа неуправляемых бойцов и командиров, гражданских лиц, пытавшихся улететь. Их возбуждение росло с каждым улетающим самолетом. Командование СОРа с трудом пробилось к самолету. Этим самолетом должны были улететь также командир 3-й ОАГ ВВС ЧФ полковник Г. Г. Дзюба и военком, полковой комиссар Б. Е. Михайлов. Видя такое положение, Михайлов обратился ко всем со словами: «Я остаюсь для приема самолетов!», — что несколько успокоило толпу людей^[171]. Но когда этот последний находившийся на аэродроме самолет завел моторы и стал выруливать на взлетную полосу, то, как пишет В. Е. Гурин из группы особого назначения ЧФ, охранявшей самолет, многотысячная толпа бросилась к нему, но автоматчики охраны не подпустили ее. Некоторые из толпы открыли огонь по улетающему самолету. Были ли это отчаявшиеся люди или немецкие агенты, трудно сказать^[172].

Согласно опубликованным данным и архивным документам, из Краснодара в Севастополь в ночь на 1 июля 1942 года вылетело 16 самолетов ПС-84 («Дугласы»). Три из них, потеряв ориентировку, вернулись. Остальные 13 самолетов доставили 23,65 т боеприпасов и

1221 кг продовольствия и вывезли 232 человека, в том числе 49 раненых и 349 кг важного груза^[173].

Самолет, на котором улетел Октябрьский, судя по всему, в это количество не вошел и, следовательно, по счету был четырнадцатым.

Можно отметить и такой факт, что после взлета последнего транспортного самолета «Дуглас» с Херсонесского аэродрома оставшаяся масса людей с пропусками и без к утру 1 июля укрылись в различных местах Херсонесского полуострова под скалами и в укрытиях, землянках и других местах, чтобы не стать жертвой авианалетов противника. Часть из них, прослышав о приходе в ночь с 1 на 2 июля кораблей, ушли в район берега 35-й батареи. Некоторые из них укрылись в здании Херсонесского маяка, возле него, в других строениях. Возле маяка тогда оказалось помимо военных много гражданских лиц, в том числе партийных и советских работников города и области, которые не могли улететь самолетами, но имели пропуска.

Как написала в своем письме капитан медицинской службы в те годы С. Я. Троценко, она с секретарем горкома комсомола Надей Краевой укрылись в здании маяка. Все помещения, вся винтовая лестница были забиты военными и гражданскими лицами. Они едва могли усесться на полу в самом низу. Весь день 1 июля немецкие самолеты бомбили аэродром и участок маяка. Здание маяка колебалось, но маяк устоял. Когда они выползли из маяка, то не узнали окружающее пространство. Сплошные глубокие воронки. Все здания вокруг маяка разрушены. Много трупов. Среди них они опознали начальника милиции Севастополя Нефедьева^[174].

Посадка на подводные лодки Л-23 и Щ-209 командования Приморской армии, штабов СОРа и армии, руководства города проходила более организованно, хотя и не обошлось без эксцессов. Около 1 часа 30 минут ночи 1 июля 1942 года Военный совет Приморской армии в составе Петрова, Моргунова, Крылова, Чухнова и других командиров штаба армии, штабов соединений, командиров соединений и комиссаров, других лиц спустился по винтовому трапу в левый подземный ход-потерну 35-й батареи и затем, пройдя ее, вышел на поверхность земли через левый командно-дальномерный пост вблизи спуска к рейдовому причалу. Было относительно тихо. Противник продолжал вести беспокоящий огонь из орудия с Северной

стороны по аэродрому и всему Херсонесскому полуострову. Причал охранялся автоматчиками из состава отдельного батальона охраны 35-й береговой батареи. На прибрежных скалах и в непосредственной близости от причала к тому времени собралось множество неорганизованных военных и гражданских людей. Подполковник Семечкин, начальник отдела укомплектования Приморской армии, рассказал:

«Мы шли на посадку на подводную лодку. Я шел впереди Петрова. В это время кто-то из толпы стал ругательски кричать: „Вы такие-разэдакие, нас бросаете, а сами бежите“. И тут дал очередь из автомата по командующему генералу Петрову. Но так как я находился впереди него, то вся очередь попала в меня. Я упал...»^[175] Обстановка не исключала, что помимо диверсанта мог стрелять и наш военный служащий, потерявший самообладание.

Шедший вместе со всеми начальник штаба Береговой обороны И. Ф. Кобалюк вернулся назад и передал, что остается на батарее, никуда не пойдет и погибнет вместе с батареей^[176].

Переправляли людей на подводные лодки, стоящие мористее рейдового причала, на небольшом буксире «Папанин», и только тех, кто имел пропуск за подписью Октябрьского и Кулакова. В соответствии с решением Военного совета СОРа эвакуации в первую очередь на 2-х подводных лодках и самолетах подлежал только высший и старший комсостав от командира полка и выше. В список, как уже отмечалось, было включено от ЧФ 77 человек, а всего в списке числилось 139 человек^[177].

Подводная лодка Щ-209 приняла на борт Военный совет Приморской армии со штабом армии, а всего 63 человека, и в 2 часа 59 минут 1 июля вышла на Новороссийск, куда и прибыла после сложного похода 4-го июля около 8 часов утра. Подводная лодка Л-23 приняла на борт 117 человек руководящего состава СОРа, ОВРа и города и находилась на рейде в ожидании получения сигнала ракетой с борта самолета, на котором должен был улететь Октябрьский. Сигнала не последовало из-за сложного вылета. И только после получения радио от Октябрьского, уже прилетевшего в Краснодар в 8.47, Л-23 вышла в рейс, прибыв в Новороссийск в 6.30 3 июля^[178].

Проход подводных лодок по минному фарватеру ФВК № 3 обеспечивали старшины и краснофлотцы манипуляторного отряда № 1

Гидрографической службы ЧФ. С помощью передвижного радиомаяка «Сафар» на автомашине, где командиром был старшина 1-й статьи А. Х. Шляк, радист-оператор старший краснофлотец В. Т. Кирсанов (находившихся в тот момент на мысе Фиолент), а также манипуляторных пунктов № 4 и 5 под командами главного старшины Н. Дружченко и старшины II статьи А. Гарбузова, соответственно, своими светотехническими приборами они держали створные огни ФВК № 3, по которому выходили подводные лодки. В следующую ночь, после подрыва 35-й батареи, по приказу Шляка аппаратура манпунктов была уничтожена, а автомашину с радиомаяком сбросили в море с обрыва^[179].

Взятые в резерв штаба СОРа сторожевые катера СКА-021 и СКА-0101 30 июня стояли замаскированные в камышах бухты Казачьей в ожидании распоряжения командования на выход.

Командир СКА-021 лейтенант С. М. Гладышев получил приказ от командира ОВРа Фадеева подойти к рейдовому причалу у 35-й береговой батареи и взять на борт командиров ОВРа и СОРа и следовать на Кавказ. По данным И. И. Азарова, катера вышли в ночь с 30 на 1 июля, но по данным К. И. Воронина, катера на Кавказ вышли в ночь с 1 на 2 июля. Место стоянки, время выхода и обстоятельств в пути следования требуют дополнительного исследования.

Катера вышли в сумерки. Из-за неорганизованной посадки СКА-021 к причалу подходил несколько раз, взяв на борт в общей сложности 70 человек. Из-за неисправности моторов вышли в 3.00, взяв курс на Синоп. СКА-0101, приняв людей, вышел раньше в 1.00. В пути следования СКА-021 получил тяжелые повреждения от налета вражеских самолетов, командир катера Гладышев был убит. Катер тонул. Оставшихся в живых 16 человек сняли вышедшие позднее из Севастополя СКА-023 и СКА-053, доставив спасенных в Туапсе. По другим данным, людей со СКА-021 снял СКА-0101, который вернулся к нему и прибыл в Сочи 3 июля^[180].

В начале ночи 1 июля, взяв на борт людей, вышли на Кавказ катерные тральщики «Ильич» и «Ревсовет», но прибыли они лишь на десятые сутки в Батуми. В ту же ночь из Камышовой бухты курсом на Кавказ мимо берегов Турции ушли три катерных тральщика охраны района Камышовой бухты с командиром ОХРа старшим политруком А. И. Песковым и военкомом политруком И. И. Христенко. На

КАТЩ-85, КАТЩ-86 и КАТЩ-87 разместилось вместе с несколькими командирами из 7-й бригады морской пехоты всего 45 человек. Из-за малой мореходности и поломки двигателей два катера были оставлены. Дошли до Батуми на КАТЩ-83 4 июля, пересев на него^[181].

В 22.00 30 июня гидрографическое судно «Грунт» вышло из Севастополя, имея на борту 12 человек команды и 16 эвакуированных. В пути следования были атакованы авиацией противника. Вынуждены были зайти в турецкий порт Синоп, где получили уголь, и 7 июля прибыли в Батуми^[182].

Ночью 1 июля для эвакуации раненых и летно-технического состава Херсонесского аэродрома прилетела группа гидросамолетов авиации Черноморского флота: четырехмоторный «Чайка», ГСТ-9 и десять самолетов МБР. Гидросамолет ГСТ-9, после того как отбомбился по наземным целям противника в Севастополе, сел, как и «Чайка», в бухте Казачьей. На борт «Чайки» было принято 40 человек, на ГСТ-9 — 26 раненых и медработников во главе с военврачом 2-го ранга Корнеевым и командиром 12-й авиабазы капитаном Пустыльником. «Чайка» долетела нормально, а ГСТ-9 из-за поломки двигателя сел на воду, примерно в 30 милях от Феодосии. Утром 2 июля в 11 часов дня самолет был обнаружен возвращающимся из Севастополя БТЩ «Щит», на борт которого было принято 33 человека с аварийного самолета, который был отбуксирован в Геленджик^[183].

В ночь на 1 июля 1942 года бомбардировщики ВВС Красной армии с составе восьми ДБ-3 и девяти СБ бомбили войска противника, а также ведущие огонь вражеские батареи на Севастопольском фронте. Авиация Черноморского флота в эту ночь совершила 32 боевых вылета и нанесла бомбовые удары по позициям противника в Севастополе^[184].

Между тем вечером 30 июня начальник штаба Черноморского флота контр-адмирал И. Д. Елисеев, выполняя приказ командующего Северо-Кавказским фронтом, распорядился о срочной отправке в Севастополь для эвакуации всех находящихся в строю малых кораблей — сторожевых катеров, тральщиков и подводных лодок. В соответствии с этим распоряжением 1 июля в 1 час 30 минут от 4-й пристани холодильника в Новороссийске, где базировались сторожевые катера 4-го дивизиона Новороссийской военно-морской базы (как это записано в вахтенном журнале пристани. — Авт.), экстренно вышел в Севастополь первый отряд сторожевых катеров —

морских охотников в составе СКА-0115, СКА-078, СКА-052 под командой командира звена старшего лейтенанта А. П. Склера^[185]. Вслед за ними в 03.45 из Новороссийска в Севастополь вышли поочередно двумя группами быстроходные тральщики «Щит» (борт. № 14) и Т-16 (борт. № 16), а также БТИЩ «Защитник» (борт. № 26) и «Взрыв» (борт № 24) с грузом боеприпасов и продовольствия^[186].

В 7.00 этого же утра в Севастополь от той же 4-й пристани холодильника снялся отряд сторожевых катеров под командой командира 1-го звена, 1-го дивизиона морских охотников капитан-лейтенанта Д. А. Глухова в составе: СКА-028, СКА-029 (флагманский), СКА-046, СКА-071, СКА-088. Одновременно с ними от той же пристани снялись на Севастополь сторожевые катера СКА-0124 и СКА-0112 под командой командира 4-го дивизиона капитан-лейтенанта А. И. Захарова, которые шли за генералом Новиковым и его штабом согласно указанию Октябрьского, Елисееву переданному, вечером 30 июня из ФКП СОРа в Севастополе после заседания Военного совета^[187].

В связи с неожиданно начавшейся эвакуацией из Севастополя командиры восьми подводных лодок, которые находились на переходе в Севастополь из Новороссийска и Туапсе, информацию об обстановке в Севастополе и начавшейся эвакуации в течение 1 июля от своего командования не имели, а некоторые из них получили ее почти 3 июля 1942 года. Эти обстоятельства, в условиях ожесточенной блокады противником подходов к Севастополю, сильно осложняли их действия в связи с изменением задачи. Так, по донесению командира ПЛ-112 старшего лейтенанта Хаханова, он не имел связи с Новороссийском до 3 июля 1942 года^[188].

Итак, первая часть плана командования СОРа по частичной эвакуации была выполнена в кратчайший срок.

«На всех имеющихся средствах из Севастополя вывезено 600 человек руководящего состава армии, флота и гражданских организаций», — докладывали Октябрьский и Кулаков Сталину, Кузнецову и Буденному в 21.15 1 июля 1942 года из Новороссийска. В этом боевом донесении в числе прочего они докладывали:

«... в составе СОРа остались частично боеспособными 109-й стрелковой дивизии 2000 бойцов, 142 стрелковой

бригады около 1500 бойцов и сформированные из остатков разбитых частей, арtpолков, Береговой обороны, ПВО, ВВС четыре батальона с общим числом 2000 бойцов. Остальные части понесли исключительно тяжелые потери и полностью потеряли боеспособность. Остались не вывезенными 15 тысяч раненых»^[189].

Сколько всего осталось бойцов и командиров с учетом личного состава разбитых частей и подразделений, потерявших боеспособность, в донесении не сообщалось. Не докладывалось и о второй части плана эвакуации по вывозу в ночь с 1 на 2 июля собранного на 35-й береговой батарее старшего командно-политического состава армии и Береговой обороны.

С вылетом командования СОРа в начале ночи 1 июля 1942 года командир 109-й стрелковой дивизии генерал-майор П. Г. Новиков приступил полностью к исполнению обязанностей старшего военачальника в Севастополе. Вся тяжесть руководства обороной последних рубежей по прикрытию предстоящей эвакуации старшего комсостава теперь лежала на нем и его штабе. Штаб дивизии возглавлял подполковник С. А. Комарницкий, комиссаром дивизии был бригадный комиссар А. Д. Хацкевич. Генерал Новиков и его штаб расположились, согласно приказу командования СОРа, в казематах 35-й береговой батареи. Там же находился и его помощник по морской части с морской оперативной группой капитан 3-го ранга А. Д. Ильичев, который одновременно исполнял в Севастополе обязанности старшего морского начальника. Перед Новиковым и Ильичевым стояли задачи, поставленные Октябрьским: первому силами оставшихся боеспособных частей армии и Береговой обороны прикрыть район эвакуации — рейдовый причал у 35-й береговой батареи и причал в Казачьей бухте, второму организовать посадку старшего командно-политического начсостава армии и Береговой обороны в ночь с 1 на 2 июля на высылаемых для этого из Новороссийска 4-х БТЩ, 10 сторожевых катерах — морских охотниках, а также пяти подводных лодках. Список этих кораблей Октябрьский вручил Ильичеву перед своим вылетом на Кавказ при инструктаже^[190]. Но как было уточнено позже начальником штаба флота Елисеевым, эта эвакуация на этом должна была заканчиваться.

Такое решение командования СОРа подтверждается телеграммой Елисеева, посланной Новикову 1 июля 1942 года:

«По приказанию КЧФ „Дугласы“ и морская авиация присланы не будут. Людей сажать на БТЩ, СКА и ПЛ. Больше средств на эвакуацию не будет. Эвакуацию на этом заканчивать»^[191].

Причины такого решения командующего флотом приведены в его выступлении на военно-исторической конференции в Севастополе в 1961 году. Позже, по приказанию Генерального штаба и по другим причинам, командованием Черноморского флота в течение еще нескольких последующих дней в район 35-й береговой батареи посылались сторожевые катера и подводные лодки для эвакуации оставшихся защитников Севастополя, что в целом не решало проблемы эвакуации.

Наличие и состояние связи, как важнейшего органа управления войсками СОРа, генералу Новикову досталось в самом плачевном состоянии. Вот что писал по поводу фактического положения с ней начальник связи СОРа тогда капитан 3-го ранга З. С. Гусев:

«Узел связи СОРа, перешедший на 35-ю батарею с 21.00 29 июня 1942 г. решением Военного Совета СОРа нес 7 радиовахт на направлениях:

Москва — Ставка ВГК, Москва — нарком ВМФ,
Краснодар — штаб Северо-Кавказского фронта, Туапсе — ЗБФКП штаба ЧФ, корабли в море, подводные лодки в море.

Эта связь обеспечивалась двумя радиопередатчиками на 35-й батарее (один в радиорубке „Бухта-37“ и второй на радиомашине в капонире рядом с радиорубкой батареи „Бриз-МК“), а также 6-ю радиопередатчиками на КП КУРа (командный пост Крымского укрепрайона) на мысе Херсонес („Щука“, — 2 шт., „Шквал“, „Бухта-37“ — 3 шт.). Между радиорубкой 35-й батареи и КП КУРа был проложен кабель для ключевых линий и прямого телефона и сооружены

антенные устройства, легко восстанавливаемые при повреждениях.

30 июня приемный радиоцентр на хуторе Отрадном в связи с прорывом немцев по приказу был взорван. Личный состав ПРЦ во главе со старшим лейтенантом Б. Ф. Блументалем и политруком Киселевым отошел в район 35-й батареи».

Около 21.00 30 июня, как писал Гусев, была неожиданно потеряна прямая телефонная связь и ключевые линии с передающим радиоцентром на КП КУРа. Вероятно, прямым попаданием снаряда он был разрушен. Посланная группа связистов с младшим лейтенантом Н. И. Потемкиным не вернулась. Связь с ПРЦ капитан-лейтенанта В. С. Селиванова на КП КУРа не была восстановлена, что ставило связь ФКП СОРа в чрезвычайно трудное положение.

В. С. Гусев эвакуировался на подводной лодке, а за себя на 35-й батарее он оставил капитан-лейтенанта А. В. Суворова. Кроме того, из штаба СОРа на 35-й береговой батарее осталась небольшая группа оперативных работников штаба СОРа, командование 35-й береговой батареей с большой группой командиров из штаба Береговой обороны, а также начальник связи Береговой обороны капитан Н. И. Плотников.

С разрешения оперативных работников были прикрыты и переданы на узел связи ЗБФКП радиосвязи с Москвой и штабом Северо-Кавказского фронта. Таким образом, осталась радиосвязь с узлом связи штаба флота на ЗБФКП в Туапсе и с кораблями в море. С этого времени связь генерала Новикова с Москвой и Краснодаром шла только по одной линии через ЗБФКП в Туапсе^[192].

Конечно, эти обстоятельства сильно ограничили возможности радиопереговоров Новикова с вышестоящим командованием. К тому же в связи с эвакуацией «приморцы своего узла связи на 35-й батарее не разворачивали. Не было и телефонной связи с частями и радиосвязи с Краснодаром, подтверждает майор Попов из ПО Отдельного полка связи Приморской армии», после того, как в ночь с 29 на 30 июня командование и штабы Приморской армии и Береговой обороны перешли на 35-й батарею, где пользовались флотской связью^[193].

В условиях наступившего кризиса обороны Севастополя, перемещения остатков частей армии на последние рубежи обороны, а

также решения командования СОРа на эвакуацию, командование армии не планировало восстановление связи с частями силами ПО ОПС, что лишило надежды Новикова на связь и управление остатками войск на передовом рубеже от мыса Фиолент — хутор Пятницкого — истоки бухты Стрелецкой.

Начальник морской оперативной группы (МОГ) капитан 3-го ранга Ильичев в своем распоряжении имел оперативную группу. Член этой моропергруппы капитан 2-го ранга В. В. Гусаров в своих воспоминаниях написал:

«После того, как я вошел в состав морской оперативной группы, капитан 3-го ранга Ильичев представил меня генералу Новикову. По его приказу из шифрпоста ко мне провели прямой телефон и он приказал мне, чтобы я с поста никуда не уходил и все шифровки докладывать только лично ему. В шифрпост никого не пускать и ни от кого, кроме него, шифровок не принимать.

Работы было много. Спать не приходилось. Из Новороссийска шли непрерывные шифровки: „Держитесь, буду высылать корабли, подводные лодки“, — сообщал командующий флотом»^[194].

По словам Гусарова, он имел связь со штабом флота, с подводными лодками и тральщиками, где по штату были положены шифровальщики. С катерами — морскими охотниками, документов на связь не было, так как по штату там не был положен шифровальщик, что позже и сказалось при непосредственной организации эвакуации у 35-й батареи в ночь с 1 на 2 июля 1942 года не лучшим образом.

По рассказу Б. Островского, под Новороссийском на 9-м километре в то время находился выносной командный пост командующего флотом, откуда Октябрьский непрерывно вел радиопереговоры с Новиковым через передаточный пункт связи штаба флота в Туапсе.

После своей эвакуации из Севастополя в начале ночи 2 июля на одном из сторожевых катеров Островский по вызову прибыл на выносной пост связи, где подробно докладывал Октябрьскому положение с обороной в Севастополе^[195].

А события на фронте обороны все продолжали ухудшаться. К ночи на 30 июня фронт обороны проходил по рубежам: хутор Фирсова — хутор Иванова — хутор Пятницкого — слобода Рудольфова — Панорама — железнодорожная станция Севастополя.

В то время как скрытно началась эвакуация руководящего состава Приморской армии, флота и города, наши сильно поредевшие остатки соединений и частей, выполняя последний приказ командующего Приморской армией генерала Петрова, переходили на последние рубежи обороны на линии мыс Фиолент — хут. Пятницкого — истоки бухты Стрелецкой.

Потери личного состава частей СОРа за 29 июня только по данным Приморской армии составили 1470 раненых и 760 человек убитыми. В целом из-за потери связи и указанных причин эти потери в войсках не поддавались учету. Отдельные дивизии и бригады потеряли убитыми и ранеными до 90 % имевшихся на утро этого дня. В то же время в это число входили и отколовшиеся в результате окружений, прорывов фронта на различных участках группы, подразделения и одиночки от своих частей^[196].

Как уже отмечалось, в 18.50 30 июня начальник штаба Приморской армии Крылов передал по телефону исполняющему обязанности коменданта 4-го сектора майору Какурину занять оборону на рубеже хут. Пятницкого — бухта Стрелецкая войсками 4-го сектора. В последнем приказе командующего армией на 21.30 того же вечера слобода Рудольфова не значилась и рубеж обороны переносился на истоки бухты Стрелецкой^[197]. К тому времени войска сектора занимали оборону в городе от железнодорожной станции Панорама — слобода Рудольфова. Дошел ли последний приказ командующего армией до всех частей и подразделений в условиях потери связи и как фактически и где они заняли оборону, какими наличными силами и с каким вооружением, — этот вопрос требует дальнейшего изучения. Как бы то ни было, но по сведениям Отчета по обороне Севастополя, «в 4.30 1 июля рубеж обороны согласно приказу был занят всеми указанными частями».

На этом рубеже, по Моргунову, сражались малочисленные остатки 25-й, 386-й стрелковых дивизий, 79-й и 138 стрелковых бригад, а также подразделений, штабных групп, остатков 95-й и 345-й стрелковых дивизий, влитых в другие части, и ряд мелких

подразделений, лишившихся своего командования. Теперь все эти части составляли передовую группу войск прикрытия района эвакуации, хотя в этом последнем приказе командующего дальнейшей задачи по обороне не было указано. Фактически, как это следует из воспоминаний Пазникова, части сектора должны были отойти к концу дня 1 июля к 35-й береговой батарее, что практически и было сделано.

Получение приказа о смене командования армии и переходе остатков войск в группу войск генерала Новикова вечером 30 июня подтверждает комиссар 386-й дивизии Володченков, остатки дивизии которой приводили в это время себя в порядок в балке у железнодорожной станции^[198].

Ночью войска покидали город и на его окраинах вливались в общий поток грузовых и легковых автомашин, немногочисленной техники, групп людей и одиночек. Часть войсковых подразделений переходила на новые позиции, другие следовали к бухтам и Херсонесскому полуострову. В этом потоке военных шли и многочисленные жители города с вещами в надежде эвакуироваться, хотя официально эвакуация не объявлялась.

В последних числах июня немецкая авиация произвела на город массированный налет.

«Город представлял собой сплошные развалины. Завалы на улицах, трупы людей и лошадей, жара и невыносимый трупный запах от сотен и тысяч погибших людей», — написал капитан В. Л. Смуриков^[199].

Обстановку во время отхода наших частей из города вспоминает командир 553-й батареи 55-го дивизиона 110-го зенитного артполка ПВО ЧФ старший лейтенант Г. А. Воловик:

«Все наши орудия были разбиты в боях или вышли из строя из-за сильного износа. Поэтому мы, как пехотинцы, вечером 30 июня держали оборону в районе Панорамы в сторону железнодорожного вокзала. Ночью неожиданно нас срочно отозвали на КП полка. Мой командир майор Ф. П. Буряченко сказал мне, что немцы прорываются со стороны Балаклавы, стремясь отрезать город и части в нем. Получен приказ отходить на мыс Херсонес. Нашу колонну — остатки 110 ЗАП, примерно 160 человек, возглавляли

командир полка полковник В. А. Матвеев и комиссар полка батальонный комиссар Н. Г. Ковзель. Когда мы вышли на окраину города, я смог увидеть, как впереди нас, так и позади организованно двигались колонны войск. На всем пути движения немцы вели беспорядочный обстрел дороги артиллерией. Мы потерь не имели. К рассвету прибыли на место, на огневую позицию 551-й батареи нашего 55-го артдивизиона, которая прикрывала огнем своих орудий Херсонесский аэродром. Мы заняли оборону между 35-й батареей и маяком примерно, посередине и в 30–40 метрах от берега Черного моря»^[200].

После проводов командования СОРа генерал Новиков и его штаб вплотную занялись налаживанием связи и управления войсками первого рубежа обороны, а также расстановкой частей второго рубежа обороны на подступах к 35-й батарее. Однако практически наладить связь с войсками первого рубежа не удалось и части там дрались самостоятельно под руководством комендантов секторов. О положении с организацией обороны при принятии командования оставшимися войсками Приморской армии и частями Береговой обороны генерал Новиков говорил так:

«Я не мог организовать лучшей обороны, чем она была. Принимая командование, я уже не имел связи, все было в движении. Офицерский состав здесь, в районе эвакуации. Оборона в самом городе не намечалась. Все мои попытки организовать сборные части не привели ни к чему. Мне со своим штабом было приказано уйти на кораблях»^[201].

Но несмотря на все это, организация обороны 1 июля в составе секторов продолжала действовать. Что это было так, подтверждает начальник связи 95-й стрелковой дивизии подполковник И. Н. Пазников:

«Не имея никаких указаний Командующего армией и штаба, командиры секторов во взаимодействии всех имеющихся сил спланировали наступление по всему фронту. По сигналу громкое „Ура“ и стрельбы из личного оружия подняться в рост и нанести поражение

врагу. В середине дня по сигналу перешли в атаку, не имея артиллерии и танков. Атака была дерзкой и смелой. Немцы дрогнули и стали отходить. Эту атаку я видел и обеспечивал связью командование 4-го сектора. После атаки командный пункт 4-го сектора к 20 часам отошел в район 35-й береговой батареи левее левого ствола» (левого КДП. — Авт.). При этом Пазников отмечает следующую особенность, когда остатки войск 4-го сектора отошли к 35-й батарее:

«1 июля после 20 часов начальник штаба 95-й дивизии майор А. П. Какурин получил устное приказание от Командующего армией генерал-майора Новикова через офицера-морьяка составить список офицеров 95-й дивизии и с этим списком быть у вертикального люка батареи левого ствола через 30 минут. Состоялось общее построение начсостава дивизии. Всего оказалось 45 человек. Через 30 минут открылась крышка люка и поднявшийся моряк спросил: „Кто майор Какурин? Ваши документы!“ Проверив их, моряк попросил Какурина спуститься со списком в люк, за ним спустился моряк. Крышка закрылась и больше мы Какурина не видели»^[202].

Пазников отмечает также, что в этот день 1 июля командир взвода связи 91-го Отдельного батальона связи дивизии лейтенанту А. С. Траценко удалось навести линию полевой телефонной связи от КП 4-го сектора на хуторе Пятницком до 35-й батареи.

Таким образом, остатки войск передового рубежа обороны вели бои самостоятельно, выполняя поставленную им задачу Крыловым только до конца 1 июля. Как показывают факты, не до всех подразделений и групп наших войск в городе и в других местах обороны дошел приказ об отходе на новые позиции. Эти подразделения и отдельные группы бойцов и командиров вечером 30 июня, 1 и даже 2 июля вели с противником бой либо на старых позициях в окружении, либо отходили с исчерпанием боезапаса самостоятельно, иные дрались до конца. Примеров на этот счет есть немало. В хронике Великой Отечественной войны на ЧФ есть такая запись:

«Отдельные воинские части дрались в районах Юхариной балки и Куликова поля и продвигались на запад»^[203].

По рассказу очевидца жителя города Севастополя О. Кондратьева, «днем 1 июля через руины центра города (нынешняя площадь Лазарева) продвигалось небольшое подразделение наших бойцов в 20–25 бойцов. Красноармейцы несли на носилках раненого политрука. Все были при оружии и несли два противотанковых ружья. Спрашивали дорогу к мосту через Карантинную бухту. Неожиданно с верхней улицы над площадью показались немецкие танки. Бойцы рассредоточились и заняли оборону. Противотанковые расчеты открыли огонь и подожгли два танка. Враг отступил и вызвал авиацию, которая произвела штурмовку позиций наших бойцов. Кто они, безвестные герои, отдавшие свои жизни за Родину?»^[204]

По рассказу П. Е. Чепурного из 79-й курсантской (морской) стрелковой бригады, военком бригады полковой комиссар С. И. Костяхин сформировал в Лабораторной балке сводный отряд бойцов бригады из разных частей в 400 человек. В отряде было 2 орудия, несколько пулеметов, противотанковые гранаты. Утром 1 июля отряд принял бой на Балаклавском шоссе с танками и пехотой противника. Бой длился 1 час. Враг потерял до 20 танков подбитых и сожженных и сотни солдат. Потери отряда составили три четверти от общего числа.

В последующих боях были уничтожены еще несколько танков. Костяхин был контужен и захвачен немцами и после зверских пыток расстрелян^[205].

В первой половине дня 1 июля с поста на Павловском мыску на водную станцию переправились три сигнальщика-краснофлотца из ОХРа и сообщили, что немцы уже заняли здание Учебного отряда, написал командир ОХРа капитан 3-го ранга М. Е. Евсеев. Это были моряки из героического отряда охраны водного района Главной базы флота, державшие до последнего противодесантную оборону Карантинной бухты, Приморского бульвара до Водной станции. «Оружие — винтовка, штык и граната, а в Карантинной бухте под берегом наготове катер с пулеметом. И хотя краснофлотцев было немного, все они были в неотразимой готовности людей,

сплотившихся воедино бороться в неравном бою с превосходящими силами врага, стоять насмерть и отдать свои жизни за победу»^[206].

О каком полноценном руководстве отходящими остатками войск со стороны Новикова может идти речь, если о нем даже начальник Особого отдела 142-й Отдельной стрелковой бригады И. М. Харченко узнал после войны? О том, что командование армии оставило Севастополь, ему стало известно от офицера в морской форме, а о том, что генерал Новиков оставлен для организации дальнейшей обороны, лично он и другие не знали^[207].

Но вернемся к событиям ночи и утра 1 июля 1942 года на других участках фронта, все более сокращающейся территории СОРа.

В условиях отсутствия связи и возможности управления остатками войск передового рубежа обороны Новиков и его штаб направили все усилия на создание второго рубежа обороны между бухтой Камышовой (хутор Пелисье) и хутором Гречанова, где сосредотачивались остатки 109-й, 388-й стрелковых дивизий, 142-й бригады и сводных батальонов из ВВС, ПВО, Береговой обороны и Приморской армии, которых поддерживала часть армейской артиллерии и 35-я батарея с небольшим запасом снарядов. Как и передовой рубеж, так и второй не имели подготовленных в инженерном отношении позиций, что приводило к большим потерям от огня артиллерии и авиации противника.

Одновременно из числа самостоятельно прибывающих в район 35-й батареи и Херсонесского полуострова остатков частей, подразделений и групп шло формирование сил обороны в непосредственной близости от 35-й батареи. Но сделать это в полной мере было уже невозможно по причине полной неразберихи, неуправляемости таких частей, групп с их общим стремлением эвакуироваться.

Несмотря на это, организация обороны на подступах к 35-й батарее штабом Новикова продолжалась, к ней привлекались также не эвакуированные командиры частей и старшие командиры, отходившие в район Херсонесского полуострова — 35-й батареи. Так, например, командир 9-й бригады морской пехоты полковник Благовещенский в своем отчете отмечает:

«К 22.00 30 июня в районе 35-й береговой батареи мною была обнаружена группа в 150 человек, преимущественно 1-го батальона

под командой командира батальона т. Никульшина. Им было приказано оборонять подступы к 35-й батарее. 3-й батальон, занимавший оборону побережья до 24.00 30.06, оставался на занимаемом рубеже». Далее он пишет, что «в 8.00 1 июля правофланговая 1-я рота 3-го батальона заняла фронт обороны на сушу, заняв рубеж бухта Стрелецкая — выс. 30, 6 — хут. Гороменко, где вела бой до 15.00 1 июля. Подразделения 3-й роты того же батальона заняли позиции на фронте южной части бухты Камышовая и бухты Казачья. А в 9.00 Благовещенский с военкомом бригады явился для доклада Новикову о проделанной работе»^[208].

По воспоминаниям начальника политотдела 9-й бригады морской пехоты Дубенко, утром 1 июля остатки 1, 2, 3-го батальонов подходили к 35-й батарее. Начальник штаба бригады остался на КП 3-го батальона для прикрытия Стрелецкой бухты. Командир бригады Благовещенский и комиссар бригады Покачалов перед своим уходом для доклада Новикову поручили Дубенко собрать остатки бригады, которых оказалось около 300 человек. Все были включены в общую оборону от маяка до 35-й батареи, которая была разбита на секторы^[209].

И все же не все части и командиры выполняли приказание командования обороной на занятие позиций перед фронтом 35-й батареи. По этому поводу можно привести воспоминания майора И. Пыжова из 953-го артполка 388-й стрелковой дивизии. Он, в частности, написал: «Остаток дня 30 июня и весь день 1-го июля мы располагались у 35-й батареи. Кто-то из старших моряков-офицеров формировал отряды и выделял им секторы обороны. Однако мы воспротивились этому. С нами был командир и комиссар полка, начальник штаба. Поэтому мы отошли дальше к маяку. Такое решение диктовалось еще тем, что в районе 35-й батареи накопилось слишком много войск, укрыться было негде, и мы могли стать жертвой первого авиаудара противника»^[210].

Другой участник обороны, помощник командира батальона 7-й бригады морской пехоты старший лейтенант С. В. Ерошевич, написал:

«Приказа на отход к мысу Херсонес мы ни от кого не получали. Просто нечем было удерживать ранее занимаемые позиции. Прибыв на рассвете 1 июля на мыс Херсонес, мы

остатком батальона комбата Бондаренко расположились у самого уреза воды, где до нашего прихода отдыхали летчики. В течение последующих дней занимали оборону в районе 35-й батареи и отражали нападение противника и дальше. А ночью ждали прихода кораблей»^[211].

И таких групп и подразделений было немало. Как вспоминает В. Е. Гурин из группы особого назначения ЧФ, «многие разрозненные части, потеряв над собою власть, стали самовольно уходить с передовой, пробираясь в бухты Казачьи, Камышовую, надеясь на личное счастье попасть на корабль»^[212].

Между тем на втором рубеже хутор Гречанова — хутор Пелисье у бухты Камышовой занял позиции истребительный батальон ВВС ЧФ под командой лейтенанта И. П. Михайлика из 20-й авиабазы ВВС ЧФ. Из его писем следует, что его батальон в составе 3-х рот, вооруженный стрелковым оружием, 4-мя пулеметами «Максим» и 9-ю ручными пулеметами Дегтярева, гранатами, охранял побережье Камышовой бухты от высадки десанта противника одной ротой, а остальными двумя взял под контроль дорогу из Балаклавы к Херсонесскому полуострову. Были вырыты окопы для борьбы с танками противника^[213].

В это же утро с побережья у мыса Фиолент был снят пулеметный взвод из состава 109-й дивизии для укрепления второго рубежа обороны в составе 4-х пулеметов «Максим», которые расположили на позициях через каждые 500 метров друг от друга, написал пулеметчик 2-го батальона, 5-й стрелковой роты 456-го погранполка Н. Ф. Карнаух^[214].

В то же время поток автотранспорта и немногочисленной техники из города к утру 1 июля иссяк, но не уменьшился поток мелких групп военных, одиночек и горожан. Шли разрозненно для безопасности от налетов авиации противника. Находясь у бухты Круглой, где в землянках располагался тыл 92-го армейского инженерного батальона, командир взвода этой части лейтенант Н. Т. Кашкаров написал:

«День 1 июля был характерен движением мелких отдельных групп военных, двигавшихся по дороге мимо бухты в направлении бухты Камышовой, мыса Херсонес. К

середине дня этот поток усилился. Меня окружили 5 командиров резерва из наших войск. От них я узнал, что город ночью сдан. Получен приказ в войсках на отход к мысу Херсонес, где надлежит ждать корабли для эвакуации. В этом потоке движения все перемешалось. В группах держались около младшего командира или командира, самое большее до капитана. Все большое начальство, как испарилось, как не было его»^[215].

Дорога к бухтам от самого Севастополя была изрыта воронками авиабомб и снарядов. Местами стояли разбитые или сгоревшие автомашины, повозки, лежали трупы людей, лошадей, валялись разные носильные вещи. Вражеские самолеты раз за разом на бреющем полете бомбили и обстреливали из пулеметов и пушек идущих. К тому времени на берегах Камышовой и Казачьей бухт, у 35-й батареи, на Херсонесском полуострове у берега моря в районе Херсонесской бухты были сконцентрированы и находились в беспорядочном положении трактора, автотехника, артиллерийские орудия, орудийные лафеты, повозки и другая военная техника. Вражеская авиация весь день бомбила усиленно весь район Херсонесского полуострова, аэродром и район перешейка у 35-й береговой батареи.

«Все мы понимали трагичность создавшегося положения, но не теряли надежды на планомерную эвакуацию защитников Севастополя, — писал В. Е. Гурин. — Многие из нас подумывали о прорыве фронта в направлении Ялтинского шоссе, чтобы прорваться по открытой местности и уйти в горы для продолжения борьбы в тылу у врага.

Мы очень боялись плена, а потому каждый из нас думал как можно дороже заплатить врагу за свою молодую жизнь, за погибших товарищей. Мы дрались до последнего патрона и при первой возможности думали вырваться из окружения»^[216].

Что же представлял собой неведомый для большинства защитников Севастополя Херсонесский полуостров, куда или в каком направлении давались команды отходить?

Херсонесский полуостров является самой южной частью Крымского полуострова. С трех сторон его омывает Черное море. В самой западной части его на мысе Херсонес стоит одноименный с

мысом Херсонесский маяк высотой 59 метров в виде круглой, слабоконической кверху башни. Большая часть полуострова ровная. На нем расположен Херсонесский аэродром. Высота берега у маяка 3–4 метра над уровнем. У основания полуострова возвышенность, выступающая в сторону моря плоским мысом длиной до 400 метров, с высоким почти 40-метровым крутым, обрывистым берегом. Справа и слева от этой возвышенности имеются ложбины. На самой верхней части возвышенности расположена 35-я береговая батарея, первая башня которой находится от берега примерно в 40 метрах. Слева от выступа берега расположена бухта с местным названием Голубая и не установленным названием Ново-Казачья, справа от выступа берега находится Херсонесская бухта. Между берегом 35-й батареи и истоками бухты Казачьей расположен перешеек шириной примерно в 600 метров^[217].

У прибрежных скал Голубой бухты, напротив 35-й батареи, в июне 1942 года бойцами 95-го строительного батальона флота по проекту военного инженера А. Татаринова был построен рейдовый причал консольного типа длиной 70 п. м. 40 п. м. причала имели ширину настила 3,5 метра, который крепился на балках к скале, и подобно карнизу нависал над водой. Остальные 30 п. м. причала из-за нехватки материалов и времени сделали в виде висячего настила на тросах, торец которого упирался в большую скалу. Остаток этой скалы с куском вертикально торчащего рельса и поныне виден с берега^[218].

Как пишет Моргунов, утром 1 июля враг обрушил всю свою мощь артиллерии и авиации на нашу оборону на подступах к городу и особенно по самому городу. Затем огонь был перенесен на укороченный рубеж обороны на линии дача Фирсова (на берегу Черного моря) — хутор Иванова — хутор Пятницкого — истоки бухты Стелецкой и на второй рубеж на линии хутора Пелисье — хутор Гречанова у Камышовой бухты. В воздухе непрерывно находилось по 25–30 самолетов противника, которые, как на полигоне, не встречая ответного зенитного огня, сбрасывали бомбы на наши позиции и на бреющем полете вели огонь из пушек и пулеметов. После того, как был израсходован боезапас, береговую батарею № 14 у Стелецкой бухты подорвали. Весь личный состав во главе с ее командиром Г. И. Халифом и политруком Г. А. Коломийцевым погибли в последней контратаке, после того как закончились снаряды.

Главные удары противник наносил по хутору Пятницкого, хутору Меркушева на Камышовую бухту^[219]. По всему фронту разгорелись тяжелые бои, длившиеся с неослабевающей силой целый день. Наши войска отчаянно отстаивали первый рубеж, который поддерживала артиллерия армии, получившая ночью немного боезапаса, доставленного самолетами. Ожесточенный бой шел также в районе железнодорожного вокзала и Куликова поля между противником, стремившимся быстрее овладеть городом, охватывая его с юго-запада, и нашими отдельными группами и подразделениями армии и Береговой обороны, не успевших отойти, и группами рабочих, большинство которых погибло.

Такой же ожесточенный бой шел в районе ветряка ЦАГИ — Георгиевский монастырь, где сражался 456-й погранполк 109-й дивизии.

По воспоминаниям командира истребительного батальона ВВС Михайлика, днем 1 июля со стороны дороги из Балаклавы стали появляться первые группы немецкой пехоты по 15–20 человек. Высылаемые навстречу взводы своим огнем старались не допустить противника в расположение боевых порядков батальона у Камышовой бухты. После 15 часов появились 3 немецких танка. Они были пропущены в глубину обороны, где их забросали гранатами и по смотровым щелям был открыт пулеметный огонь. В результате боя танки повернули по балке в направлении 35-й батареи. Пехоту отрезали, и она отступила к двум домикам городка 35-й батареи по дороге из Балаклавы в Камышовую бухту. Так велись стычки с противником весь вечер и всю ночь, переходя врукопашную^[220].

Если попытаться восстановить примерный ход боевых действий в целом на левом фланге обороны СОРа, пользуясь скудными сведениями из архивов и воспоминаний участников боевых действий этого дня, то, сравнивая их с воспоминаниями Э. Манштейна и его схемой положения сторон по времени в июне 1942 года из его книги «Утерянные победы», видно, что основное направление удара противника было со стороны Балаклавского шоссе в направлении на район 35-й береговой батареи — Херсонесский полуостров с тем, чтобы отсечь и окружить на подступах к ним остатки наших войск, сражающихся на рубеже хут. Пятницкого — истоков бухты Стрелецкой и в городе.

Из рукописи «Береговая артиллерия в героической обороне Севастополя 1941–42 гг.» полковника Л. Г. Репкова, бывшего в тот день 1 июля 1942 года лейтенантом, командиром взвода управления 35-й береговой батареи, следует, что «к середине дня 1 июля противник подошел к городку 35-й батареи, что в 3-х км юго-восточнее от нее, и начал там накапливаться»^[221].

Попытки противника своими передовыми разведгруппами автоматчиков и затем подошедшими несколькими танками, как это следует из сообщения Михайлика, продвинуться вдоль дороги из Балаклавы в Камышовую бухту были отбиты подразделениями батальона ВВС ЧФ.

По данным Репкова, к 16.00 1 июля, по данным Моргунова, к 18.00, а по данным Зарубы, к 19 часам противник подошел к 35-й батарее на расстояние около 1 километра. По нему был открыт ружейно-пулеметный огонь, а затем открыли огонь орудия 35-й береговой башенной батареи шрапнельными снарядами, поставленными на картечь. Было выпущено 6 последних снарядов. Враг понес большие потери и отступил. Но попытки противника на этом не закончились.

В 20 часов этого дня Новиков доносил о положении на сухопутном фронте:

«Алафузову, Буденному.

Противник возобновил наступление на всем фронте, большую активность проявляет на рубеже 36,5 — 36,5 — Стрелецкая бухта. Отдельные отряды ведут бои в городе.

1/VII-42 г. 20 час. 10 мин. Новиков, Хацкевич»^[222].

Если припомнить сообщение Пазникова о возможности самостоятельного принятия решения по отходу войск секторов к Херсонесскому полуострову согласно приказу, переданному Крыловым вечером 30 июня, то становится вполне понятным, что, не имея более сил сдерживать противника и выполнив по времени задачу по прикрытию района эвакуации, а также учитывая настойчивое стремление противника прорваться к бухте Камышовой для окружения остатков войск 1-го рубежа, последние начали отход к району 35-й

батарей, а местами и раньше, с 15.00, как это следует из отчета командира 9-й бригады морской пехоты^[223].

Действительно, через 35 минут после предыдущей радиограммы Новиков дает свое последнее донесение на Большую землю:

«Алафузову, Буденному, Василевскому.

Ожесточенные бои продолжаются на рубеже 16,6 — хут. Бухштаба — Камышовая бухта. Начсостава 2000 человек готовности транспортировки. 35-я батарея действует.

1/VII-42 г. 20 час. 45 мин. Новиков».

В своей книге Моргуновым приведены только эти две последние шифровки Новикова. Но, по свидетельству бывшего начальника шифрпоста Гусарова, шифровок было много.

Вот краткие выдержки из его воспоминаний:

«Наступил рассвет. Бомбежка самолетами. 1-я атака на батарею отбита. Первая шифровка командующему ЧФ. И так весь день 1 июля. Бомбежки, атаки танками и пехотой. За первый день было отбито 8–10 атак.

Писал генерал Новиков большие шифровки, указывая, сколько уничтожено фашистов, что захвачен фашистский танк и наши танкисты ведут огонь из него по противнику, сколько у нас раненых, что патроны на исходе, о рукопашных боях, одним словом, переписка была большая. Кроме исходящих шифровок от нас, было много от командующего флотом, который требовал доносить обстановку каждый час, сообщался каждый выход кораблей из Новороссийска.

Весь день шли жестокие бои, поступали раненые из Севастополя. Все это Новиков доносил командующему ЧФ. В первый же день шли шифровки от начальника штаба ЧФ Елисеева, который перечислял, какие корабли придут 1 июля поздно вечером. Эти шифровки доводились до всего личного состава защитников батареи. Они поднимали дух и героизм бойцов, зная, что о них помнят»^[224].

Если эти шифрдоношения в адрес Октябрьского сохранились, то они бы могли прояснить более точную, последовательную обстановку с обороной СОРа 1 июля и многое другое.

Чтобы отбить прорвавшегося на ближние подступы к 35-й батарее противника, генерал Новиков приказал организовать контратаку, собрать всех, кто может носить оружие. Вероятно, именно в организации сил для этого отпора участвовал полковник Благовещенский со своим комиссаром. Для этой контратаки шла строгая мобилизация, особенно в самой 35-й батарее. Так, начальник шифрпоста Гусаров написал: «Ко мне в шифрпост хотели ворваться автоматчики с полковником, которые по приказу Новикова выгоняли всех из батареи на ее защиту. Я полковника не пустил и позвонил Новикову. Новиков мне ответил: „убери документы, позови полковника“. После разговора с ним полковник ушел»^[225].

Очевидец и участник контратаки младший сержант Г. Вдовиченко из 229-го саперного батальона 109-й стрелковой дивизии рассказал:

«С утра 1 июля я оказался в 35-й батарее. В конце дня на батарее началась мобилизация всех здоровых бойцов и командиров для контратаки. На выходе из батареи каждому, кто не имел оружие, давали винтовку, патроны и одну гранату на двоих. Каждый тридцатый, независимо от воинского звания, назначался старшим группы — командиром взвода. Мы залегли у батареи в районе левого КДП. На башенку этого КДП поднялись три человека: моряк в форме капитана 3-го ранга и два армейских командира. Флотский командир обратился к бойцам и командирам, находящимся вокруг, и сказал, что по приказу Ставки Севастополь разрешено оставить. Всю исправную технику нужно уничтожить. Что ночью придут корабли и чтобы противник не помешал эвакуации, нужно его отогнать от района батареи как можно дальше. Атаку поддерживал счетверенный пулемет на автомашине, ведя огонь через головы атакующих. Противник не ожидал такой яростной атаки и откатился на несколько километров. Часть бойцов осталась на достигнутых позициях и закрепилась, а часть отошла к батарее»^[226].

Другой участник этой контратаки, старшина 1-й статьи И. И. Карякин, радист узла связи штаба ЧФ, написал так:

«1 июля участвовал в организованной атаке, где были собраны все способные и неспособные носить оружие из остатков разбитых частей, половина из которых были раненые в бинтах. Поддерживал атаку счетверенный пулемет. Он стрелял длинными очередями. Немцы отошли, не оказывая никакого сопротивления. Затем контратака выдохлась и все возвратились назад к берегу в ожидании „эскадры“, которая якобы ночью должна подойти и забрать всех оставшихся, как обещали командиры»^[227].

Бывший в тот день у башен 35-й батареи полковник Д. Пискунов подтвердил этот факт:

«С целью улучшения позиций приморцы между 17 и 18 часами вечера 1 июля произвели общую атаку без артиллерийской подготовки на всем фронте. Результат был, как говорят, сверх ожиданий. Было захвачено три танка и несколько батарей. Противник, застигнутый врасплох, бежал. Вражеские танки, захваченные приморцами, были на ходу и после использования их боезапаса по противнику были сожжены»^[228].

После этой контратаки противник не предпринимал никаких боевых действий.

К 22.00 1 июля линия фронта проходила от Каменоломен до Казармы — хут. Бухштаба — хут. Меркушева — хут. Пелисье^[229]. По данным полковника Благовещенского: «К 21.00 1.07.42 г. перед фронтом морской береговой батареи 35 противника не было. По моим наблюдениям противник передовыми частями находился на рубеже старого французского (видимо, турецкого. — Авт.) вала. Его артиллерия вела огонь по нашим боевым порядкам — частей, находящихся в 2 км юго-восточнее бухты Камышовой и Казачьей. К 24.00 1.07. основная масса личного состава пехотных соединений находилась на территории 35-й береговой батареи»^[230].

В итоговой разведсводке штаба Северо-Кавказского фронта было сказано:

«1.07. противник вел упорные бои с нашими частями, заканчивая окружение Севастополя, и к исходу дня бои проходили по рубежу выс. 16, 5 — хут. Бухштаба — бухта Камышовая и в городе Севастополе»^[231].

Обращает на себя внимание последнее донесение Новикова, которое было послано только за его подписью, чего не полагалось по установленным правилам. Не исключено, что в этот момент комиссар 109-й дивизии Хацкевич, как старший политический руководитель СОРа, проводил на 35-й батарее совещание по сложившейся обстановке с обороной, перспективами эвакуации, об остающихся войсках, перспективами в связи с этим возможным продолжением эвакуации, как об этом говорил в своем выступлении Пискунов на военно-исторической конференции в Севастополе в 1961 году.

Но что же происходило в течение всего дня 1 июля на правом фланге обороны СОРа? Кроме упоминаний Моргуновым об отражении атак противника 18-й береговой батареей во второй половине дня, в существующих публикациях ничего более нет, как нет и в архивных документах ЦВМА, отд. ЦВМА и Центр. архиве МО РФ.

А между тем там, в районе ветряка ЦАГИ — Георгиевский монастырь с утра 1 июля героически сражался, оттягивая на себя силы противника и тем самым прикрывая район 35-й батареи, 456-й погранполк 109-й стрелковой дивизии, но сам оказался в окружении.

И только на основании сообщений здравствующих ныне пограничников — командира 6-й роты 2-го батальона 456-го погранполка старшего лейтенанта С. В. Козленкова^[232], командира радиовзвода полка старшего лейтенанта Н. И. Головки^[233], радиста штабной радиостанции полка красноармейца В. А. Володина^[234], старшины транспортной роты полка В. И. Осокина^[235], а также воспоминаний адъютанта командира полка младшего лейтенанта В. М. Голова^[236], помощника начальника штаба полка И. М. Федосова^[237] удалось восстановить события с 30 июня по июльские дни на этом рубеже обороны.

А они в ночь на 1 июля на этом участке фронта развивались в таком порядке. Занимавший позиции в Балаклаве своими батальонами от Генуэзской башни на берегу моря до середины высоты 212,1 (господствующая высота над Балаклавой с востока) 2-м стрелковым батальоном майора Ружникова и далее по склону высоты на север 1-м стрелковым батальоном майора Кекало, а также 3-м батальоном майора Целовальникова на высотах у деревни Кадыковка и штабом полка в деревне Карань, полк в ночь с 30 июня на 1 июля 1942 года по приказу командира полка подполковника Г. А. Рубцова незаметно для противника, во избежание назревающего окружения, в связи с прорывом противника на Сапун-горе и отходом слева 9-й бригады морской пехоты, оставил свои позиции в Балаклаве и перешел на рубеж обороны у ветряка ЦАГИ — Георгиевский монастырь — мыс Фиолент. Вообще о возможности такого самостоятельного отхода из Балаклавы командир дивизии генерал Новиков заранее предупредил Рубцова еще 29 июня на случай прорыва на Сапун-горе или левее Кадыковки. Такой момент наступил в конце дня 30 июня, когда противник уже рвался к Фиоленту со стороны Юхариной балки, — намереваясь окружить Балаклавскую группировку наших войск. В связи с переходом полка на новые позиции командный пункт полка был перенесен на бывший КП 1-го сектора обороны у ветряка ЦАГИ.

На КП полка находились радисты штабной радиостанции полка красноармейцы В. Володин и В. Ушаков. Командир радиовзвода полка старший лейтенант Н. И. Головкин с радиальной автомашиной полка расположился в балке, восточнее Георгиевского монастыря. Его радиостанция работала весь день только на прием для получения указаний от штаба дивизии на 35-й батарее.

К утру полк полностью занял боевые позиции у ветряка и в его районе, используя местами ранее подготовленные окопы, и приготовился к бою. Утром разведка противника обнаружила новые позиции полка, после чего началась их бомбардировка авиацией противника и был открыт артиллерийский огонь. После этого противник начал атаку пехотой и танками. На позиции полка наступали немецко-румынские части. Противотанковыми средствами полка было уничтожено два танка противника. Вражеская пехота понесла большие потери от шрапнельных снарядов, поставленных на картечь от 4-орудийной 152-мм 18-й береговой батареи с мыса

Фиолент, с которой весь день взаимодействовал и поддерживал радиосвязь командир полка Рубцов. Старший лейтенант Головко вспоминает, что, держа рацию на приеме, он не раз слышал его переговоры с батареей открытым текстом с просьбой ударить по такому-то квадрату парой «огурцов». К сожалению, на 18-й батарее к утру 1 июля оставалось всего около 30 шрапнельных снарядов и несколько практических и ни одного бронебойного.

Находящийся на батарее командир дивизиона майор М. Н. Власов приказал командиру батареи старшему лейтенанту Н. И. Дмитриеву бить по немецким танкам практическими снарядами — на дальности прямой видимости. Власов попросил по связи командира 35-й батареи капитана А. Я. Лещенко помочь отбить атаку противника. Лещенко ответил, как это следует из рукописи Л. Г. Репкова, что у него также остались одни практические снаряды. Моргунов пишет, что около 12 часов дня 1 июля совместным огнем 18-й и 35-й батарей практическими снарядами была отбита атака противника танками. Атаковавший наши позиции румынский пехотный батальон из района Юхариной балки понес большие потери от шрапнелей 18-й батареи. После этого враг пустил в ход авиацию, которая начала бомбить батарею. Было произведено несколько авианалетов и в результате было повреждено одно орудие, а личный состав понес значительные потери ранеными и убитыми. Оставшиеся батарейцы по приказу командира подорвали орудия и около 20 часов 1 июля сумели пробиться на 35-ю батарею, где принимали участие в боях, в которых погиб Дмитриев^[238].

В ходе разгоревшегося боя в первой половине дня 1 июля полк пограничников стал испытывать острую нехватку боезапаса. Руководивший боем командир полка Рубцов приказал помощнику начальника штаба полка И. М. Федосову любыми средствами доставить боезапас. Как написал в своих воспоминаниях Федосов:

«Пришлось пробираться через шквальный огонь противника. Дошел до армейского обоза в районе 35-й береговой батареи, на площадке у которого находилось много свезенного и брошенного автотранспорта. Обслуживающего персонала на месте не оказалось. Все ушли к берегу в ожидании посадки и эвакуации. Начал поиск

и нашел среди многих машин исправную, грузовую, груженную боезапасом — патронами к автоматам и, сам сев за руль, на большой скорости прорвался к Рубцову. Он обнял меня и сказал, что представит к правительственной награде»^[239].

Н. Головкин отмечает, что днем 1 июля к нему на радиостанцию пришли медики из Георгиевского монастыря с просьбой связаться с командованием на 35-й батарее и запросить, как быть с эвакуацией раненых и откуда она будет. В то время в Георгиевском монастыре, согласно сообщению бывшего начальника медико-санитарной службы СОРа военврача 1-го ранга А. Н. Власова, находились два походных полевых госпиталя ППГ-356 и ППГ-76 Приморской армии.

Раненых, по оценке К. Головкина, в монастыре и возле него было более 500 человек. Отсутствие медсредств, нехватка медперсонала и жара способствовали большой смертности среди них. Как рассказал Н. Головкин, понимая тяжелую обстановку с ранеными и продолжающимся в тот момент ожесточенным боем полка с наседавшим противником, чтобы не отвлекать командование полка от управления боем, самостоятельно запросил штаб дивизии по вопросу эвакуации раненых. Ответ был примерно таким: «Ждите, эвакуация будет морским транспортом».

К 20 часам остатки полка отошли к мысу Фиолент — Георгиевский монастырь, где заняли круговую оборону, так как противник уже вышел на побережье моря между мысом Фиолент и 35-й батареей. В полку осталось до 150 человек. Из вооружения, по словам Головкина, один 57-мм миномет с ящиком мин, станковый пулемет. Патроны и гранаты те, что были на руках у бойцов и командиров. Свой последний командный пункт Рубцов расположил под обрывом берега на небольшом его сбросе до 20 метров глубиной и шириной до 30–40 метров у скалы мыса Фиолент справа от него в сторону Херсонесского маяка. По указанию Рубцова бойцы проверили возможность пройти вдоль берега по урезу воды в сторону 35-й батареи. Вернувшиеся бойцы доложили, что такой возможности из-за большой крутизны берега в некоторых местах нет. Связались вечером по радио со штабом дивизии. Текст радиодонесения, как помнят Головкин и Володин, был такой:

«От Рубцова штабу.

Полк разбит. Дальше оборону держать не в силах, нет боеприпасов, продовольствия. Осталось 120–150 человек. Просим выслать плавсредства для продвижения к 35-й батарее».

Через час или около этого был получен ответ: «Выйти наверх. Продвинуться к 35-й батарее и занять оборону 1 км южнее ее».

Подписи, как и в случае с запросом медиков, не было. После получения ответа из штаба дивизии Рубцов собрал оставшихся в живых командиров штаба и батальонов и доложил сложившуюся обстановку и приказ из дивизии. Он отметил отличившихся в боях батальоны Ружникова и Кекало, а также их самих, которые дрались врукопашную с фашистами вместе со своими бойцами. Комбат Ружников погиб в блиндаже от прямого попадания снаряда противника. Потом Рубцов сказал так, как запомнил Н. Головко:

«Товарищи, мы сейчас окружены. Жить или умереть. Но нам во что бы то ни стало надо прорваться к 35-й батарее и занять там оборону. Так нам приказано. Наступление на прорыв будем осуществлять с наступлением полной темноты».

После этого уничтожили радиостанцию. Были собраны все командиры и бойцы полка, в том числе бойцы и командиры из других частей и подразделений, оказавшихся в районе мыса Фиолент 1 июля 1942 года. Из всех них был организован сборный полк, куда вошли и раненые с оружием и без него. С наступлением темноты по команде Рубцова и комиссара полка батальонного комиссара А. П. Смирнова сборный полк, в котором было более 200 человек, начал тихо продвигаться по кромке высокого берега моря в сторону 35-й береговой батареи. Когда прошли 1–1,5 км и начали молча ползти к вражеским позициям, неожиданно, как отчетливо помнит Головко, вдруг со стороны 35-й батареи были услышаны крики «Ура». Вероятно, какая-то наша группа от 35-й батареи предпринимала попытку прорыва в горы, к партизанам. Услышав эти возгласы «Ура», командир полка подполковник Рубцов поднялся в рост и скомандовал:

«Вперед, братцы, за родной Севастополь, ура!» Бойцы и командиры бросились в атаку. Ночью трудно было что-либо понять, но при зареве огня и света фар от танков было видно, что противник имеет большое превосходство во всем. Завязался неравный ожесточенный ночной бой.

Понеся большие потери, остаткам полка пришлось отступить. Что случилось с командиром полка Рубцовым и его комиссаром Смирновым, которые шли вместе на прорыв, как видел Головкин, он не знает. Остатки полка отступили назад к мысу Фиолент и Георгиевскому монастырю. Разбившись на мелкие группы, бойцы и командиры стали спускаться под более чем стометровые по высоте отвесные берега у мыса Фиолент и Георгиевского монастыря с тем, чтобы потом попытаться прорваться в горы. Сам Головкин в этом бою был ранен, но двигаться мог и вместе с раненым политруком из полка пограничников Кравченко спустились к морю у Георгиевского монастыря по единственной тропе. Потом к ним присоединился сержант Щербаков с автоматом, и они ночью попытались прорваться в сторону Балаклавы. Головкин был контужен в перестрелке от разорвавшейся мины и попал в плен, из которого вскоре бежал, дошел до своих и воевал до окончания войны в 60-й инженерно-саперной Краснознаменной бригаде командиром радиовзвода.

Об этой ночной попытке прорваться к 35-й батарее написал в своем письме ее участник старшина 1-й статьи Смирнов из манипуляторного отряда № 1 Гидрографии ЧФ, которому все же удалось прорваться:

«У 18-й береговой батареи на мысе Фиолент к ночи этого дня скопилось множество бойцов и командиров из разных частей. Какой-то полковой комиссар (видимо, бат. комиссар Смирнов. — *Авт.*) организовал группу прорыва к 35-й береговой батарее. Бежали люди с винтовками без патронов молча, без „Ура“. Немецкие прожектора освещают (танковые фары, вероятно. — *Авт.*). Вражеские автоматчики длинными трассирующими очередями вырывают целые куски прорывающихся»^[240].

Находясь уже под крутым берегом среди скал мыса Фиолент, тяжело раненый командир 456-го пограничного полка подполковник

Г. А. Рубцов, чтобы не попасть в руки врага, застрелился. Об этом автору написал бывший радист-пограничник В. Володин.

По имевшимся у Д. Пискунова данным, командир и комиссар погранполка во избежание попасть в плен застрелились ^[241].

Оставшиеся бойцы и пограничники спустились под обрывы берега. В течение последующих дней разными группами они пытались прорваться в горы к партизанам, но большинство из них изможденные от обезвоживания и голода, попадали в плен вражеским постам, сторожившим берег. Последние группы пограничников, как рассказал старшина В. Осокин, укрывались под берегом до 20 дней. Немцы кричали сверху в мегафон:

«„Вас комиссары, политруки предали, оставили, а сами ушли!“ Но мы говорили в ответ: „Врешь, гад, не сдадимся!“» ^[242]

Так погиб один из самых стойких в Приморской армии героических полков пограничников.

Но что же происходило в течение ночи и всего дня 1 июля на 35-й береговой батарее? Для общего представления приведем ее некоторые тактико-технические сведения:

35-я двухбашенная, 305-мм береговая батарея была мощным подземным фортом с дальностью стрельбы ее четырех орудий снарядами весом до 471 кг на 40 километров. Железобетонный массив батареи имел толщину стен в 3 метра, а верха — 4,5 метра с верхним земляным покрытием. Внутри массив батареи делился коридором шириной в 3 метра и высотой в 4 метра. По одну сторону находились две 2-х орудийные башни с погребами для снарядов и зарядов вокруг них, а также жилые помещения. С другой стороны коридора располагался машинный зал с дизелями и динамо-машиной, котельная, аккумуляторная, вентиляционная. Командные пункты батареи, отстоящие от нее примерно на расстояние в двести метров влево и вправо параллельно берегу, соединялись подземными ходами-патернами с батареей на глубине от 15 до 45 метров. В левой патерне, недалеко от выхода наверх, в КДП находились радиорубка и прочие вспомогательные помещения. От подземного хода, идущего к левому

КДП, отходил коридор, который разделялся на два выхода к морю. Подземный выход к берегу моря имелся и от первой башни^[243].

Петров и Моргунов покинули 35-ю батарею в 1.50 1 июля после того, как они ввели в курс дела по обороне и эвакуации генерала Новикова и его штаб. К утру все помещения и коридоры батареи, как следует из воспоминаний очевидцев, были переполнены в основном старшим командным составом армии. Оторванные от своих частей, которые из последних сил сдерживали вражеские атаки, командиры находились в тревожном состоянии ожидания предстоящей эвакуации. Для «поддержания духа» многие из них употребляли боевые сто грамм американского коньяка, имевшегося на батарее по поставкам «ленд-лиза». Это сразу бросилось в глаза прибывшему на батарею связисту штаба флота капитан-лейтенанту А. В. Суворову вечером 30 июня^[244].

Скученность, ожидание эвакуации, неопределенность создавали на батарее напряженную обстановку, которая еще более усилилась после эвакуации командования СОРа. В этих условиях перед помощником генерала Новикова по морской части капитаном 3-го ранга Ильичевым стояла непростая, если не сказать большего, задача по организации эвакуации. Сначала надо было весь начсостав записать в список распределения по кораблям, затем организовать порядок их выхода из батареи на берег и проход к рейдовому причалу, когда вокруг будут находиться массы людей. Затем организованно произвести посадку на сторожевые катера с последующей пересадкой на тральщики, которые до прибытия должны лечь в дрейф поблизости от рейдового причала.

Капитан 3-го ранга Ильичев, проявляя беспокойство по поводу предстоящей эвакуации, дал радиограмму начальнику штаба флота:

«Елисееву.

Знают ли сторожевые катера, куда подходить? Прошу дать указание сторожевым катерам, подлодкам и кораблям подходить только к пристани 35-й батареи.

2/VII-42 г. 11 час. 20 мин. Ильичев»^[245].

Такое беспокойство Ильичева объясняется только тем, что согласно плану командования СОРа эвакуация двух тысяч старших

командиров планировалась только с рейдового причала 35-й батареи.

Командование Северо-Кавказского фронта и штаба ЧФ, занимаясь изысканием дополнительных средств эвакуации, вероятно, имело возможность послать в ночь на 2 июля транспортные самолеты, в связи с чем 1 июля в 14.10 начальник штаба флота Елисеев запросил Новикова и Ильичева: «Донести. Можете ли принять „Дугласы“?»

В 15.25 был получен ответ от генерала Новикова:

«Можем. Дадим дополнительно в 19 часов. Готовьте»^[246].

Но, как пишет Моргунов, от самолетов в результате переговоров отказались. Видимо, здесь был учтен негативный опыт посадки на самолеты предыдущей ночи. Теперь обстановка была бы еще худшей ввиду отчаяния многотысячной массы людей.

Здесь надо отметить, что вопросами присылки самолетов и подготовки аэродрома к их приему занимался также комиссар 3-й ОАГ (3-я особая авиагруппа) Б. Михайлов, который вел прямые переговоры со штабом авиации ЧФ в Краснодаре с помощью радионной автомашины, стоявшей на берегу бухты Соленой (залив в бухте Казачьей) и шифрпоста во главе с начальником поста скрытой связи главстаршиной В. Мищенко. Без сомнения, взаимодействие между Новиковым и Михайловым по вопросу самолетов было. Но в 15.15 1 июля, как об этом сообщил прилетевший в Новороссийск на самолете УТ-1 2 июля летчик Королев, радиомашинка прямым попаданием снаряда была уничтожена, что подтвердил в своих воспоминаниях В. Мищенко. Тогда Михайлов послал на 35-ю батарею Мищенко с шифрдокументами, связистов во главе со старшим лейтенантом Сергеевым для продолжения радиопереговоров по самолетам через радиостанцию батареи, но получил отказ, так как от самолетов отказались. Шифрдокументы по приказанию Новикова были сожжены^[247].

К ночи на 2 июля количество людей в районе берега у причала 35-й батареи составило, по оценкам очевидцев, более 10 тыс. человек. Единственным удобным путем вывода начсостава к причалу был путь по подземному переходу батареи с выходом наверх через левый КДП у спуска к берегу у причала. Однако провести многие сотни старших

командиров среди многотысячной массы людей было очень трудно, но другого выхода не было.

Вопрос об организации распределения комсостава по прибывающим кораблям, собранного на батарее, был решен утром 1 июля.

По воспоминаниям военно-морского коменданта порта Севастополь старшего лейтенанта М. Линчика, было решено организовать запись командиров в порядке живой очереди в столовой батарее по предъявлении удостоверения личности, с указанием каждому записанному командиру бортового номера корабля. Эту работу и начал с раннего утра 1 июля и вел до 19–20 часов вечера того же дня старший лейтенант Линчик. Подземные коридоры и помещения батарее были переполнены комсоставом. Линчик сам впервые был на батарее и не представлял ее устройство, а главное — все входы в нее, подземные переходы и прочие необходимые при организации перевозок сведения. Первые лучи солнца, вспоминал Линчик, были видны через входной верхний люк над массивом батарее. Среди многих армейских командиров, находившихся в помещении столовой, он был единственным моряком. Появился Ильичев. Он принес тетрадь, ручку и список прибывающих кораблей и дал команду расписать по кораблям всех старших командиров и политработников по предъявлении документов.

Однако сразу к работе приступить не удалось, так как пришли краснофлотцы-вестовые и накрыли стол для завтрака. Затем пришло новое командование СОРа. За длинным узким столом, среди тесно сидящих старших командиров штаба генерала Новикова был и сам генерал Новиков. Завтрак по тем временам был обильным, и даже выпили свои боевые сто грамм. После завтрака Линчик приступил к записи командиров, для чего было сделано объявление об этом. Сразу же образовалась очередь. Было всем сказано, что время и порядок посадки будут объявлены дополнительно. Запись шла целый день, а наверху шли жесткие бои. По словам Линчика, не все могли записаться на корабли, так как была выполнена норма загрузки. Заполненную тетрадь Линчик отдал Ильичеву. Стали ждать наступления ночи и прихода кораблей^[248].

В книге Моргунова «Героический Севастополь» в тексте последнего донесения Новикова докладывалось в числе прочего о

наличии 2000 командиров, готовых к эвакуации. Эта цифра соответствует результатам подсчета количества старших командиров, а также тому, что это донесение четко подтверждает план командования СОРа по эвакуации второй очереди только начсостава.

С наступлением вечерних сумерек, когда стихли боевые действия, на протяжении всей ночи территория полуострова и района, примыкающего к 35-й береговой батарее, преобразалась и становилась многолюдной.

Сотни и тысячи людей вылезали из-под береговых скал, выходили из различных укрытий, переходя в другие места для выяснения обстановки по приходу кораблей или прилету самолетов. Все ждали «эскадру». Это слово наиболее часто встречается в воспоминаниях участников обороны последних дней, бывших в то время там.

Основная масса людей, наслышанная, что в ночь на 2 июля придут корабли к причалу 35-й береговой батареи, подходила туда. В то же время много военных и гражданских лиц находилось по берегам Камышовой и Казачьей бухт и даже Круглой бухты, не говоря уже о многочисленных раненых. По воспоминаниям А. В. Суворова:

«Район 35-й батареи был переполнен кошмарными событиями. Творилось что-то несусветное. Огромная масса раненых взывала о помощи, просили пить. Многие просили пристрелить, чтобы избавиться от невероятных мучений. Многие здоровые воины были безоружны, так как побросали оружие, когда кончился боезапас. Но стихийно формировались отдельные группы для сдерживания врага и защиты маленького клочка земли на Херсонесе. У этих групп оставались считанные патроны и гранаты»^[249].

В район берега рейдового причала у 35-й батареи, на спуске с берега к причалу, в ложбину и особенно вблизи причала прибывали массы неорганизованных военных от красноармейца и краснофлотца до командиров всех званий, а также много гражданских людей. Стоял шум, гомон, хаотическое движение среди всей этой массы людей. Иногда среди них разрывался снаряд. Гибли люди, но боязнь попасть в плен была сильнее смерти, и это чувство, владеющее каждым из них,

придавало неодолимое стремление попасть на заветную спасительную палубу ожидавшихся кораблей.

На причале и на подступах к нему стояли краснофлотцы-автоматчики из батальона охраны 35-й береговой батареи. Они строго следили, чтобы никто не мог проникнуть на причал. Со всей вероятностью можно утверждать, что капитан 3-го ранга Ильичев как ответственное лицо за организацию эвакуации начсостава, собранного на 35-й батарее, не раз был на причале, проверяя его состояние и охрану. Конечно, в это позднее время он не мог не видеть огромную массу скопившихся там людей с надеждой эвакуироваться. Полученная днем шифровка от начальника штаба флота Елисеева, что кроме указанных кораблей и подлодок, которые придут этой ночью, больше ничего не будет и что надлежит эвакуацию на этом заканчивать, ставили его и генерала Новикова в тяжелое моральное положение. Но приказ есть приказ, и надо было его выполнять. Но ни Ильичев, ни Новиков не могли себе представить, что стихия масс нарушит все планы эвакуации начсостава. В то же время командиры сторожевых катеров, морских охотников и тральщиков, спешивших к причалу 35-й береговой батареи, не могли себе представить всей сложнейшей поистине трагической обстановки на этом последнем клочке севастопольской земли, куда по приказу командования отходили многочисленные остатки войск Приморской армии и Береговой обороны, а вместе с ними большое количество советских, партийных работников области и города, рабочих и работников фабрик, предприятий города и флота, которые фактически, как и армия в своей основной массе, не подлежали эвакуации, хотя об этом они и не знали.

Первым прибывшим кораблем к причалу 35-й батареи из Новороссийска по эвакуации был сторожевой катер СКА-052, который, по сообщению бывшего помощника командира этого сторожевого катера лейтенанта А. Ф. Краснодубца, подошел к нему примерно в 22 часа 1 июля 1942 года^[250]. Это сообщение впервые опубликовано в 1995 году, и поэтому во всех военно-исторических изданиях по обороне Севастополя о нем нет никаких сведений. Но, как написал и рассказал автору исследования капитан 1-го ранга А. Ф. Краснодубец, вышедшая 1 июля (он написал, что 30 июня, но ошибся. — Авт.) в начале ночи группа сторожевых катеров старшего лейтенанта Скляра в составе трех катеров на переходе морем подверглась налету вражеской

авиации в количестве 40 бомбардировщиков. Все три катера получили повреждения, и два из них, СКА-0115 и СКА-078, возвратились и, прибыв в Туапсе, доложили, что СКА-052 был охвачен дымом и, видимо, погиб. Так посчитали и вражеские летчики. На самом деле на корме катера загорелись пустые бочки из-под бензина, которые были сброшены в море. Вышедший из строя правый мотор починили. В этом бою комендоры СКА-052 сбили немецкий бомбардировщик. В темноте СКА-052 вышел к мысу Айя, а затем вдоль берега подошел к району рейдового причала 35-й батареи. С причала катер заметили и осветили ракетой. Подошли к причалу, и тут на него без всякой очереди прыгнула масса людей. Катер накренился. Дали задний ход, чтобы не лечь на борт. Потом спустили шлюпку и подобрали плавающих людей. В целях экономии топлива сначала пошли курсом на мыс Сарыч, а потом круто от него на юг. В том районе катер пытался атаковать вражеский торпедный катер, но дружным огнем пушек и пулеметов, а также автоматов морских пехотинцев его отогнали. В 40 милях от крымского берега повернули на 90 градусов к берегам Кавказа. Отбились от налета 2-х «Юнкерсов» и пришли в Новороссийск, выполнив приказ.

По докладу командира отряда Склера о гибели СКА-052 в журнале боевых действий штаба ЧФ в Туапсе была сделана запись: «СКА-052 не вернулся в Туапсе. Утоплен авиацией»^[251].

Но позже в оперативной сводке штаба ЧФ от 5 июля 1942 года сообщалось:

«В 20–00 до 20–57 01.07.42 г. СКА-078, СКА-0115, СКА-052 на переходе в Севастополь у мыса Сарыч в 20 милях, были атакованы 97 Ю-88 и Ю-87, сбросивших 500 бомб. Повреждены, убиты 5, ранено 15 человек. С наступлением темноты 052 отстал и самостоятельно прибыл в Новороссийск. 2 СКА прибыли в Туапсе»^[252].

Был ли в момент прихода СКА-052 на причале Ильичев, трудно сказать. Его помощник старший лейтенант Линчик, постоянно находившийся вечером 1 июля в помещении батареи, говорил, что появляющийся время от времени Ильичев не сообщал ему об обстановке и своих делах.

Как пишет Моргунов, генерал Новиков, руководя боем на передовых рубежах, был ранен (ранение в руку). Какие действия предпринимались им и что происходило в 35-й батарее в эти последние часы 1 июля 1942 года, где находился генерал Новиков со своим штабом и морской оперативной группой, в переполненных помещениях и коридорах которой ожидали команды на эвакуацию около двух тысяч командиров и политработников Приморской армии и Береговой обороны, где находилось немало раненых и личный состав батареи?

Когда в тот вечер 1 июля на фронте обороны наступила относительная тишина, основная масса защитников была в районе 35-й батареи и Херсонесского полуострова. Все с нетерпением ждали прихода кораблей, все, кто знал об этом. Но, как свидетельствуют письма ветеранов, многие не знали об их приходе.

По воспоминаниям начальника шифрпоста старшего лейтенанта Гусарова, начальника радиопоста капитан-лейтенанта Островского, старшего по связи в Севастополе капитан-лейтенанта Суворова, военно-морского коменданта порта Севастополь Линчика, капитана 2-го ранга Зарубы, а также полковника Пискунова, события в тот вечер и ночь на 2 июля развивались примерно так.

Во-первых, вероятно, учитывая предстоящие сложности с эвакуацией через рейдовый причал на прибывающие корабли, Новиков и Ильичев решили подготовить запасной вариант эвакуации штаба дивизии и моропергруппы либо на подводной лодке, либо на самолете, для чего по указанию Ильичева Гусаров сначала дал шифровку на одну из подводных лодок, находящейся в районе 35-й батареи или вблизи нее, позывные которой у Гусарова были, с текстом примерно такого содержания:

«Командиру ПЛ...

Подойти к Херсонесскому маяку. Быть в позиционном положении. Мы подойдем на катере. Никого не брать.

Новиков, Ильичев 21 час. 30 мин. 1 июля 1942 г.».

В это время в районе 35-й береговой батареи находилась подводная лодка А-2 и на подходе были ПЛ 112 и М-111 и другие. Но

подводные лодки не могли всплыть и выйти на связь из-за действия вражеских катеров противолодочной обороны и поэтому не смогли передать шифровку. На вторую шифровку, которая адресовалась Октябрьскому насчет присылки самолета, текст которой был примерно такого содержания:

«Командующему ЧФ
Вышлите самолет. Херсонесский аэродром держим. Сил
остается очень мало.

Новиков, Ильичев 22.00. 1.07.42 г.».

был получен ответ, когда погас свет в 23.45. Обработывали эту шифровку при свечах. Гусаров позвонил Новикову, чтобы доложить о ней, но ответил заместитель его и сказал, что Новиков на посадке. И добавил: «С документами сами знаете что делать, а в остальном действуйте самостоятельно». Так вот, в последней шифровке сообщалось:

«Новикову, Ильичеву
Самолетов у меня нет. Держите батарею и Херсонес.
Буду присылать корабли.

Октябрьский».

О том, что вместо обещанных четырех тральщиков придут только два и 10 сторожевых катеров, Новиков уже знал по радиограмме из Новороссийска, как писал Гусаров. Но он не знал, что не придут еще и два сторожевых катера из отряда Склера, получившие повреждения во время налета вражеских самолетов, учитывая, что катера шифрсвязь не имели. Что касается двух тральщиков БТИЦ № 14 и БТИЦ № 16, то на переходе в 19.00 они были атакованы самолетами противника.

БТИЦ № 14 получил повреждения, которые позже исправил, но поврежденную машину ввести в строй не смогли и поэтому продолжили свой путь на второй с меньшей скоростью, БТИЦ-16 был в его охранении. Подойдя к 22.00 к подходной точке минного фарватера № 3 и не обнаружив створных огней, тральщики повернули назад, но в 23.40 снова вернулись и, не найдя створных огней (которые, как уже

упоминалось, не были включены, так как не поступило команды на их включение)^[253], с разрешения оперативного дежурного штаба ЧФ «Действовать по обстановке» — легли на обратный курс, подняв на обратном пути с гидросамолета ГСТ-9, потерпевшего аварию, 33 человека. Таким образом, возможности по эвакуации начсостава значительно сократились^[254].

И еще небольшой, но все же заметный факт. Как писал Гусаров, «вечером 1 июля, когда стемнело и бои прекратились, капитан 3-го ранга Ильичев привел в шифрпост военного прокурора Черноморского флота Кошелева и сказал, чтобы его накормили. Это было сделано. Кошелев умылся, покушал — тогда еще работала кают-компания. Ильичев с нашим старшиной поднялись туда и старшина принес еду и чайник воды. Прокурор в кают-компанию не пошел, так как был не по форме одет. Часть еды он отнес своему помощнику, который остался за пулеметом, что говорит о его честности, бесстрашии и высокой воинской культуре»^[255].

Но что же было дальше? Когда и при каких обстоятельствах покинул 35-ю береговую батарею генерал Новиков? Сопровождал ли Новикова на причал Ильичев, а если нет, то где Ильичев в это время был? При сопоставлении воспоминаний защитников, Ильичев, отвечающий за всю организацию эвакуации комсостава, в это время, скорее всего, находился в шифрпосту или радиопосту, или на причале. Видимо, не без указания Ильичева раненых из-под берега стали переносить на причал. Носили раненых не только мужчины, но и женщины, среди них были девушки, в том числе секретарь Балаклавского райкома комсомола Р. С. Иванова-Холодняк^[256].

Примерно между 22.00 и 23.00 генерал Новиков и сопровождающие его командиры начали выходить из 35-й береговой батареи через амбразуру башни. Но, как написал полковник Пискунов, со слов майора Какурина, начальника штаба 95-й стрелковой дивизии, выходявшего вместе с генералом, перед ними на их пути из батареи встала стихия в лице находившихся на батарее людей, которые внимательно следили за деятельностью Новикова. В результате оказались задержанными начальник штаба 109-й стрелковой дивизии подполковник С. Камарницкий, майор А. Какурин и начальник разведки 95-й дивизий майор И. Я. Чистяков^[257].

Сообщение Пискунова относительно обстоятельств выхода генерала Новикова из 35-й батареи дополняют воспоминания И. Зарубы, который незадолго до конца дня 1 июля попал в батарею через левый командно-дальномерный пост. До этого по телефону у постового батареи, установленного у башни, узнал от вышедшего с ним на связь Ильичева, что ночью придут тральщики и сторожевые катера, что с посадкой начсостава будет тяжело и неизвестно, как она пройдет. По словам Зарубы, все помещения 35-й батареи были переполнены в основном высшим и старшим комсоставом Приморской армии. Организовывались группы и очередность посадки. Чтобы немного отдохнуть, он прилег в дизельном помещении батареи. Где-то в 23 часа, писал он, его разбудил армейский офицер в звании майора. Как оказалось, он был из штаба 109 дивизии. Обращаясь к Зарубе, майор сказал:

«Товарищ моряк, идемте со мною, нужно вывести наверх из батареи раненого генерала. Скоро взорвут батарею». По воспоминаниям Зарубы, Новиков был легко ранен в руку^[258]. (Вероятно, помощь Зарубы понадобилась как старшего морского командира, чтобы вывести из батареи Новикова и его штаб более коротким путем, так как коридоры батареи были забиты комсоставом.) Главный вход в батарею был разбит и непроходим.

«Мы вышли из дизельной. Майор открыл дверь напротив и среди группы командиров, примерно человек в 20, я увидел человека с лампасами на брюках (гимнастерки на Новикове не было) небольшого роста. Все прошли в боевое отделение башни и стали вылезать через амбразуру башни на поверхность земли. Подходя к пристани, остановились. Пристань и вся дорога к ней были забиты людьми. На пристани почти все лежали. Раздавались выкрики: „Погрузка раненых в первую очередь!“ Тот же майор стал говорить: „Пропустите раненого генерала!“ Группа тихо двинулась, прошли пристань, по мосткам перешли на большой камень»^[259].

В то же время Пискунов говорил: «Мне известно, что Новикова выносили на руках, как раненого. Он не шел собственным ходом»^[260].

Вероятно, Новикова поддерживали под руки с двух сторон в связи с ранением, чего Пискунов не знал. По какой причине Новиков шел без гимнастерки, неясно. Возможно, из-за раненой руки, а может, и потому, чтобы не привлекать внимание немецких агентов, которые там были.

Встречал ли Новикова на причале его помощник Ильичев, Заруба не упоминает, как и о случае их задержки в 35-й батарее. Но то, что Ильичев в то время был на причале и наводил порядок, предпринимая решительные действия, такие сведения имеются в воспоминаниях ветеранов обороны.

Политрук Е. А. Звездкин из гидрографии флота, как и ряд других товарищей, подтверждает факт прохождения Новикова и командиров его штаба с возгласами: «Дорогу генералу Новикову!» При этом припоминает, что показался месяц и окончательно стемнело.

По метеорологическим данным, вечерние сумерки в Севастополе в эти дни лета заканчиваются в 22 часа. Следовательно, группа генерала Новикова прибыла на причал между 22 и 23 часами. Прошло какое-то время, когда с моря послышался гул моторов. Томительное ожидание многотысячной толпы военных и гражданских людей на берегу, раненых на причале сменилось на реальную надежду эвакуироваться. Как написали старший лейтенант Г. Валовик, старший краснофлотец В. Кирсанов, политрук Е. Звездкин, с моря показались три сторожевых катера, один из которых стал помалу сдавать кормой к причалу. В этот момент, пишет Валовик, толпа на берегу стала неуправляемой. Сам Валовик стоял на берегу с колонной бойцов и командиров из числа остатков 110 ЗАП ЧФ, прибывших по команде организовано, как и многие другие части.

Но вот «катер ударился бортом в первый пролет причала, что-то затрещало, — вспоминает рядовой П. В. Егоров, — находившийся по ранению на причале второго пролета, заслон из моряков-автоматчиков охраны не выдержал»^[261].

Несмотря на предупредительную стрельбу автоматчиков охраны, толпа, прорвав заслон, стремительно бросилась по всему причалу. Под ее напором по всей длине причала были сброшены в воду не только находившиеся на причале раненые, но и первые и последующие ряды людей прорвавшейся толпы, оказавшихся на краю его.

Немного погода рухнула секция причала вместе с людьми. В воде образовалось месиво из барахтающихся и пытающихся спастись сотен людей, часть которых утонула, а напор не ослабевал, и люди по инерции некоторое время падали в воду. Подходивший к первому пролету сильно накренился от нахлынувших на его палубу людей, которые почти все, не удержавшись, попадали в воду. Катер выпрямился и отошел от причала. Командир в мегафон передал, что посадка невозможна и катер отошел несколько дальше в море. Многие поплыли к катеру.

Толпой на причале, вблизи обрушившейся секции, был зажат полковник Д. И. Пискунов.

В момент прорыва заслона краснофлотцев-автоматчиков из охраны причала часть толпы бросилась по подвесному мостику-настилу, чтобы добраться до скалы, на которой находилась группа генерала Новикова. Но на своем пути встретила автоматчиков охраны с капитаном 3-го ранга Ильичевым, которые открыли предупредительный огонь, а потом и на поражение, так как ничего не помогало. Об этих обстоятельствах свидетельствует старшина 1-й статьи И. И. Карякин:

«После контратаки вечером 1 июля я и старшина 2-й статьи Н. Рыбцов пробрались по подвесному мостику вплотную к скале. На пристани и мостике была сплошная масса людей. На скале находился капитан 3-го ранга Ильичев, оставленный Октябрьским старшим по эвакуации. Его попытки освободить мостик для прохода людей, подлежащих эвакуации, успеха не имели. Он сам и его автоматчики стреляли в передних, не давали вплавь добираться до скалы и били короткими очередями. Нам удалось выбраться на берег и с наступлением темноты, спрятав оружие в скалах, вплавь, скрываясь под настилом мостика, добрались до скалы, где сидели, держась за канаты, пока не подошел сторожевой катер СКА-0112. Пользуясь темнотой, мы прыгнули на катер. Было один или два часа ночи. После принятия людей и как только на катер зашел Новиков катер отвалил и ушел в море»^[262].

На катер СКА-0112 попал и политрук Е. А. Звездин. Сидя на берегу у воды, как он написал, «увидел, как первый катер подошел к скале, загрузился до отказа и начал отходить. Когда рухнули под тяжестью людей мостки прорвавшейся толпой, я понял, что организованной посадки не будет и поплыл ко второму катеру. Меня вытащили краснофлотцы. Случайно я попал на этот катер и узнал, что на нем находится Новиков и его штаб»^[263].

И все же когда подошел первый катер и к какой части причала и когда обвалилась секция причала? В какой последовательности и при каких обстоятельствах происходила эвакуация защитников Севастополя сторожевыми катерами и тральщиками с рейдового причала у 35-й батареи? Какой бортовой номер был у первого сторожевого катера, подошедшего к причалу?

В какой-то мере на это может ответить боевое донесение командира БТЩ «Защитник» (борт. № 26) капитан-лейтенанта В. Н. Михайлова и военкома старшего политрука Ф. С. Рубана от 3.07.42 г.:

«ТЩ-26 и 25, приняв по 45 тонн боезапаса и продовольствия каждый, снялись в 04.00 1.07.42 г. из Новороссийска.

В 09.20 РДО за № 063, во исполнение которого выбросили за борт на ТЩ-26 — 27 тонн на ТЩ-25 — 50 тн. Море ухудшилось, ветер норд-ост 7 баллов, море 5–6 баллов, в 23.00 по счислению подошли к подходной точке фарватера ФВК № 3. Створных огней не было, поиск которых продолжался до 00.43. Определились по Херсонесскому маяку. Легли на 1 колено ФВК № 3. Идя по второму колену ФВК, увидели взрыв и пламя колоссальной силы. Это была взорвана 35-я береговая батарея, как было уточнено позже в 01.12 2.07.42 г.

На траверзе мыса Фиолент корабли подверглись пулеметному обстрелу, который продолжался до поворота к рейдовому порту. В 01.15 подошли к рейдпорту близко. К этому моменту подошли 7 сторожевых катеров. С пристани передали светофор:

„ТЩ к пристани не подходить“. (Пристань разрушена, сильный накат.)

На катера с пристани передали:

„Подходить к пристани и перебрасывать людей на тральщики“. Из 7 катеров к пристани подошли СКА-046 и СКА-028. Первую партию приняли в 02.05 2.07.42 г. К этому моменту в районе порта и на скалах находилось скопление огромного количества войск, по которому противник вел усиленный артиллерийско-минометный огонь и ружейно-пулеметный огонь. Погрузка на катера и доставка на корабли проходила в исключительно тяжелых условиях ввиду отсутствия надлежащей организации и руководства. В 02.50 приняв последнюю партию, легли на курс Новороссийск, куда прибыли в 24.00, доставив около 500 человек.

Как было выяснено из показаний военнослужащих, весь берег был занят противником за исключением полосы 500–600 метров шириной от Херсонесского маяка до 2-го створа мерной линии, причем посередине эта полоса была перерезана группой немецких автоматчиков...»^[264]

Из этого боевого донесения, которому не верить нельзя, написанного на свежую память 3 июля, видно, что причал был уже разрушен до прихода тральщиков и 7 сторожевых катеров. Следовательно, причал мог завалиться при подходе либо СКА-052, упомянутого ранее, либо при подходе других катеров, каковыми могли быть, согласно книге К. Воронина «На Черноморских фарватерах», СКА-021 и СКА-0101, взявшие людей у причала в ночь с 1 на 2 июля, хотя, по книге Азарова «Непобежденные», эти два катера ушли из Севастополя в начале ночи 1 июля. Вопрос этот требует уточнения.

Обращает на себя внимание, что переданные светофоры с причала были без подписи. По всей видимости, капитан 3-го ранга Ильичев, не дождавшись прихода тральщиков и катеров, хотя по положению должен был дождаться их и организовать посадку Новикова и его штаба на один из них, с согласия Новикова ушел на батарею, где находились многие сотни старших командиров и политработников, ожидавших решения на эвакуацию. Тем более, что после полуночи

должны были взорвать батарею. Этот вывод следует из сравнения всех этих обстоятельств.

Ильичев не поручал никому из оперативной группы с прибытием тральщиков и сторожевых катеров передавать указания на них сигнальным фонарем Ратьера о порядке подхода катеров к причалу и перегрузке на тральщики, так как в сложившихся условиях скопления больших масс людей на причале и на берегу, как и предполагал он, проводить эвакуацию, вывод, посадку старшего начсостава было невозможно. В действие вступал вариант эвакуации их с необорудованного берега у 35-й батареи.

Кто передал эти светофоры на корабли, сорвавшие эвакуацию старшего начсостава, до сих пор неизвестно.

Находившийся на скале вместе с Новиковым и его штабом капитан 2-го ранга И. А. Заруба писал, что примерно в 01.15 была взорвана 1-я башня 35-й батареи, а за ней последовало еще два взрыва. Уже в Симферопольской тюрьме ему сказали, что о подрыве башен не предупреждали и поэтому погибло, обгорело много офицеров.

«Около 2-х часов ночи 2 июля подошли катера, — пишет он.

Была зыбь. Катера наполнялись мгновенно, многие падали за борт. Я наблюдал за посадкой на два катера. Третий подошел к камню и принял на борт около 70 человек, всю группу. Я тоже сел на этот катер. Катер отвалил и пошел полным ходом»^[265].

Заруба также отмечает такой факт. Когда прибыли на рейд катера, то в толпе стреляли в воздух от радости, что в лунном свете увидели их. Многие бросились вплавь к маневрирующим катерам на рейде, слышал, что раздавались голоса со скалы: «Подходите сюда, примите генерала Новикова».

В связи с нехваткой бензина, как пишут Карякин и Заруба, шли на Новороссийск напрямую поблизости от крымских берегов.

Обычно все корабли из Севастополя шли сразу в сторону турецкого берега, а потом поворачивали к берегам Кавказа во избежание встречи не только с авиацией противника, но и с вражескими катерами.

Идти на видимости крымского берега в это время было нельзя, так как при таком курсе катер был обречен на гибель. Так оно и получилось. На рассвете 2 июля, а Заруба уточняет — в 3 часа, СКА-0112 был обнаружен и атакован четырьмя катерами противника.

После часового неравного боя немцы просто в упор, с короткой дистанции, расстреливали катер. Моторы вышли из строя. Вся прислуга пушек и пулеметов была перебита. Катер стал тонуть и прекратил сопротивление. Около 6 утра появился немецкий самолет Ю-88 и начал обстреливать катер и оставшихся в живых на нем. В это время несколько человек вылезли из кубрика и бросились за борт. Позже подошел немецкий катер С-72, на который были сняты все оставшиеся живые. Из 74 человек и более 20 человек команды в живых оказалось 16 человек. Все были ранены, за исключением одного красноармейца. Среди раненых была одна женщина, раненная в лицо. Катер СКА-0112 от подложенного заряда затонул. На палубе немецкого катера всех раненых перевязали и прикрыли брезентом. Все это происходило на видимости Ялты. Вскоре катер прибыл в Ялту, и все пленные были высажены на песчаную часть берега в порту. Туда же были высажены 15 оставшихся в живых человек с СКА-0124, который был потоплен противником в районе мыса Сарыч. Всего на песчаном берегу оказалось 31 человек и в их числе генерал Новиков, капитан 2-го ранга Заруба, политрук Звездкин, старшина 1-й статьи Карякин, а также другие командиры и бойцы из штаба Новикова и оставшиеся в живых члены экипажа СКА-0112. Здесь надо особо отметить, что, согласно рабочему журналу оперативного дежурного штаба ЧФ, из Севастополя в Новороссийск СКА-0112, СКА-0124 и СКА-028 шли отдельной группой, а не так, как писалось в исторической литературе до сих пор, что СКА-0112 шел один. Прорваться удалось только СКА-028^[266].

Прорыв нашего сторожевого катера подтвердил командир немецкого катера С-72 лейтенант Беренс, который прислал в 1995 году фотографии с обстоятельствами пленения катера и наших людей, перевозки в Ялту и нахождение всех наших пленных со СКА-0112 и со СКА-0124, оставшихся в живых, на песчаном берегу в Ялтинском порту. Фотографии публикуются в данном исследовании^[267].

Что катера шли отрядом в составе трех единиц, такой факт отмечает в одном из своих писем Д. И. Пискунов:

«Несколько слов об обстоятельствах пленения генерала Новикова. Я вспомнил его рассказ, вернее ответ на мой вопрос в плену. Катер, на котором он эвакуировался,

сопровождали еще два. Немцы перехватили их на траверзе Ялты. Состоялся морской бой. Наши катера затонули. Новиков был снят с тонущего катера»^[268].

Пленных погрузили в грузовую машину и привезли в немецкий госпиталь, расположенный в каком-то бывшем санатории. Сделав операции всем раненым и перевязки, разместили в маленьком домике при госпитале. Два человека еврейской национальности, как пишет Карякин, были изъяты из группы и якобы расстреляны. На другой день Зарубу и Новикова отвезли на легковой автомашине в симферопольскую тюрьму и также поместили в отдельный домик, где они вместе пролежали около месяца.

О судьбе комиссара 109-й стрелковой дивизии бригадного комиссара А. Д. Хацкевича Заруба пишет так:

«Я помню, когда в госпитале в Ялте нам делали операции, то нас поместили в отдельное помещение во дворе, а их, его и комиссара, отдельно. На второй день Новикова и меня отвезли в симферопольскую тюрьму, а того нет. Новиков потом мне сказал, что он был тяжело ранен и оставлен в палате»^[269].

По сведениям Зарубы, «Новикова возили в Севастополь к Манштейну. На мой вопрос зачем? Он мне рассказал, что с ним разговаривал фельдмаршал Манштейн. Интересовался, как себя чувствую, не обижают ли, почему не в форме. Приказал одеть в форму, расхваливал доблесть и геройство наших солдат. Предлагал работать на них. Я сказал: „Я солдат и останусь верным присяге и Родине до конца. А за похвалу спасибо“»^[270].

Генерал Новиков погиб в 1944 году в немецком концлагере Флессенбург. Так трагично закончилась попытка эвакуации последнего руководителя героической обороны Севастополя.

Но вернемся к событиям ночи с 1 на 2 июля у рейдового причала и берега 35-й батареи. Как уже отмечалось в приведенном боевом донесении командира БТЩ «Защитник», оба тральщика подошли к рейдовому причалу в 01.15 1 июля и легли в дрейф недалеко от него. Вслед прибыли 7 сторожевых катеров капитан-лейтенанта Глухова. Сам Глухов на СКА-029 пошел в бухту Казачью (видимо, согласно указанию Октябрьского для снятия партактива города), а остальные шесть катеров начали совместную работу по снятию людей с причала

и позже с берега (кроме СКА-0112 и СКА-0124, которые имели задание по эвакуации Новикова и его штаба. — *Авт.*). Эту работу выполняли СКА-046 и СКА-028, которые сделали по несколько рейсов^[271]. Остальные катера ходили малыми ходами недалеко от рейдового причала и принимали людей с воды. СКА-0112 после принятия генерала Новикова с его штабом и СКА-0124, где командиром был лейтенант В. Климов и на борту находился командир 4-го дивизиона сторожевых катеров капитан-лейтенант А. Захаров, а также СКА-028, после принятия людей ушли, как отмечалось одним отрядом.

Что же происходило внутри 35-й береговой батареи после ухода из нее генерала Новикова и его штаба на 2 июля? Об основных событиях, происходящих в те часы, рассказывают непосредственные свидетели, члены морской оперативной группы старший лейтенант Линчик, капитан-лейтенант Островский и старший лейтенант Гусаров.

«После окончания распределения начсостава по кораблям, — рассказывал Линчик, — я по-прежнему находился в помещении столовой батареи, битком набитой командирами. Время шло к полуночи, когда кто-то принес неприятную весть о том, что под тяжестью людей обвалился рейдовый причал. Подробностей не передавали, но стало ясно, что наш план эвакуации комсостава через причал потерпел крах. Что делать дальше, не было никакой ясности. Но вот появился Ильичев и подтвердил, что обвалился не весь причал, а только одна его секция. Но так как на причале и возле него находилась огромная масса неуправляемых военных и гражданских людей, то посадка на катера в такой обстановке невозможна. Единственный выход из создавшегося критического положения — выходить подземным ходом на скалистый берег под 35-й батареей, вызвать сигнальным фонарем к берегу сторожевые катера и произвести посадку командиров в таких сложных условиях. Это единственная возможность, чтобы выполнить задание командования СОРа по эвакуации начсостава. Ильичев скомандовал и мы пошли за ним. Впереди нас и позади шли нескончаемым потоком командиры всех рангов от полковников до майоров, политруки, комиссары. Все они еще надеялись, что наша опергруппа все же организует их отправку на Большую землю.

Списки на посадку теперь были не нужны. Вышли на берег. Ночь была не темной, как-то светло было (появился серп луны. — *Авт*). Недалеко от нас метрах в семидесяти слева просматривался силуэт рейдового причала с частью обрушенного настила причала. Возле причала в воде барахтались или плыли люди. Пройти к причалу с нашего места — подземного выхода на берег батареи из-за крутой стены, уходящей в море, было нельзя. На берегу к нам присоединился Островский с сигнальным фонарем Ратьера. Стали ждать прихода тральщиков и катеров»^[272].

Б. Д. Островский говорил автору, что около 24.00 1 июля по согласованию с армейским командованием и Ильичевым была подорвана электростанция батареи, и она перешла на аккумуляторное освещение. По письму Гусарова, свет погас в 23.45. Фактически дизель-генератор вывели из строя путем заклинивания после выпуска масла и воды^[273].

«Мы перед этим, рассказывал Островский, по указанию Ильичева передали на ЗБФКП в Туапсе, что связь кончаем, так как ожидаем подхода кораблей и после передачи этого донесения доложили Ильичеву»^[274].

Помимо последнего донесения из Севастополя такое же примерно по смыслу сообщение самостоятельно от себя дал радист морской опергруппы из радиорубки 35-й батареи краснофлотец Г. Дудка. Об этом эпизоде написал мичман И. А. Ткаченко — старший смены радистов на ЗБФКП в Туапсе, в то время дежуривший на вахте. Ткаченко пояснил, что еще раньше при своем отъезде из Севастополя они с Дудкой договорились, что в самый критический момент по особому коду между ними и интонации будут приглашать друг друга на связь.

«В один из таких дней меня вызвал Дудка. Мы сразу узнали друг друга. Он передал: „Наше дело плохо. Сворачиваемся. Прощайте, товарищи“. Еще сутки мы несли дублирующие вахты Севастополя. Потом по указанию командования вахту с Севастополем закрыли»^[275].

В то время как Ильичев, Линчик и Островский, находясь на берегу под 35-й батареей с многочисленными командирами вокруг

них, ожидали прихода кораблей, старший лейтенант Гусаров в шифрпосту в связи с тем, что погас свет, уже при свечах обрабатывал последнюю шифровку из Новороссийска от Октябрьского. Получив по телефону от заместителя Новикова сообщение, что Новиков уже на причале, и указание насчет шифрдокументов, здесь же в шифрпосту сожгли все шифрдокументы, предварительно облив их бензином. О том, что опергруппа находится рядом на берегу под 35-й батареей с комсоставом, Гусаров наверняка не знал, а Ильичев в спешке об изменившихся планах места посадки комсостава не предупредил его, и поэтому он со своими старшинами попытался выйти наверх через левый КДП. Но дверь была закрыта и находилась под охраной с обратной стороны. В то же время подход к этой броневой двери был забит ранеными и не ранеными. После начавшегося подрыва батареи, минут через двадцать, вспоминает Гусаров, когда наверху все горело, по трапу сверху из батареи спустился в сопровождении двух автоматчиков обожженный полковник, который, подойдя к двери, постучал и назвал свою фамилию. Постовой краснофлотец с автоматом открыл дверь, и тогда вслед за полковником наверх вышли все. Находясь на берегу, Гусаров увидел, что уже шла посадка на корабли с причала. По времени это было больше часа ночи. Здесь же на берегу он встретил много знакомых командиров из политуправления и разведотдела флота и СОРа. На его вопрос, почему они не эвакуировались, ответили, что на катера могли попасть только раненые, а они остаются на защите батареи, чтобы ночью, когда придут еще корабли, они уйдут на Большую землю. Гусаров им ответил, что корабли не придут, связи больше нет, документы шифрсвязи уничтожены. Тогда командиры предложили вариант прорыва в горы и рассказали, что один отряд в 100 человек прорвался в горы и ушел к партизанам, а второй попал в засаду румын и был уничтожен, возвратилось всего три человека. Гусаров предложил им теперь плыть в море к кораблям, но они не согласились. А с пришедших тральщиков, вспоминает политрук Г. П. Куриленко из 3-го полка морской пехоты, в мегафон кричали: «Кто может, плывите к нам»^[276].

Возвращаясь вновь к боевому донесению командира БТЩ «Защитник», в части зафиксированного по времени колоссального взрыва на 35-й батарее в 01.12 2 июля 1942 года следует отметить, что

у Моргунова в его книге «Героический Севастополь» взрыв 1-й башни указан в 0 час. 35 мин., а 2-й — в 01 час. 10 мин. В известной рукописи Л. Г. Репкова «Береговая артиллерия в героической обороне Севастополя 1941–42 гг.» написано, что в 00.30 2 июля был взорван вход в правый КДП батареи, через 30 минут взорвана 1-я башня, а в час тридцать 2-я башня. Где правильно? Зафиксированный документально с моря в 01.12 взрыв, определяющий и по времени, к нему подходит более всего подрыв 2-й башни. Есть и другие варианты. По информации Л. Г. Репкова, подрыв производила группа батарейцев в составе 12 человек во главе со старшим сержантом Побыванцем. Закладка подрывных зарядов производилась под руководством военинженера К. П. Белого, исполняющего обязанности инженерного отдела ЧФ^[277].

Итак, после прибытия на рейд 35-й батареи 2-х тральщиков и 7 сторожевых катеров в 01.15–01.20 2 июля и передачи им с причала указания о порядке приема людей к причалу направился первый катер. По воспоминаниям ветеранов обороны, после подрыва батареи действительно начался сильный артиллерийский и пулеметный обстрел района 35-й батареи и всего Херсонесского полуострова всполошившимся противником.

Конечно, в такой обстановке командирам тральщиков и сторожевых катеров было нелегко разобраться в истинной обстановке на берегу. Создавалась иллюзия ночного наступления противника.

В ряде воспоминаний отмечается, что когда пришли тральщики и сторожевые катера, то с разных мест на берегу, а не только с причала, их стали вызывать сигнальными фонарями — «морзить». Все переговоры сводились к просьбе подойти к берегу и забрать их.

Старшина 1 статьи Алексеенко, находившийся в эту ночь возле взорванных башен батареи, видел, как катера сигналили клотиковыми огнями, отвечая на сигналы с берега.

Кроме того, эта ночная картина севастопольского берега, озаряемого яркими вспышками разрывов снарядов и мин, непрерывным гулом артобстрела района 35-й батареи и всего Херсонесского полуострова, пулеметной и автоматной стрельбой, вынуждала корабли не стоять на месте, а маневрировать у берега, во избежание попадания случайных вражеских снарядов. Эти

обстоятельства значительно усложняли прием с воды плывущих к ним защитников Севастополя.

Но самым непонятным и отрицательным в этой драматической ночи было то, что никто из командиров прибывающих кораблей, старших групп не попытался выяснить и наладить связь с командованием на берегу для уточнения обстановки, как об этом говорят факты. Попытка же Ильичева передать приказание на прибывшие катера сигнальным фонарем «Здесь врид комфлота, приказываю подойти к берегу» не возымела сразу должных действий, как это следует из показаний Линчика и Островского, приводимых дальше по тексту. По-видимому, для командиров катеров это обстоятельство было неожиданным среди многих других семафоров или просто мигания с берега фонарем. Почему Ильичев в семафоре так обозначил свою должность?

По этому поводу М. Линчик рассказывал, что Октябрьский перед своим уходом из 35-й батареи в начале ночи 1 июля сказал Ильичеву: «Ты остаешься за меня». Так тогда Ильичев сообщил Линчику^[278].

Но надежда на эту всемогущую фразу не сработала. Видимо, это получилось потому, что в первый момент своего прибытия на рейд 35-й батареи внимание командиров кораблей было обращено на рейдовый причал, откуда, как полагали командиры, было дано им указание по организации эвакуации, то есть там находилось, по их мнению, командование. На остальные сигналы с берега они не обращали внимания. Но вот прошло какое-то время, и первый катер подошел к неразрушенной секции причала и принял людей. Находившийся в тот момент Заруба с Новиковым на скале на оконечности причала вспоминает, что «второй катер подошел к обрыву — это подавал сигнал капитан 3 ранга Ильичев, вызывая корабли. Мне рассказывали, что Ильичев мог в числе первых попасть на подошедший сторожевой катер, но он самоотверженно выполнял свой долг. Ильичев крикнул командиру катера: „Отходи!“»^[279].

Но это было не совсем так в части Ильичева, как рассказывал Линчик, который был все время рядом с ним.

Об обстоятельствах подхода одного из катеров к берегу старший лейтенант В. Гусаров писал так:

«На берегу я приказал своим старшинам раздеться и плыть к катерам. Когда я плыл сам, то заметил, что со скалы дают семафор Ратьером. Я прочитал текст: „Командиру катера, немедленно подойдите к скале, здесь командиры штаба флота“. А сигнальщик прочитал, что там комфлот (так оно и было, но этот семафор давал Островский с другого места неподалеку от первого. — *Авт.*) и доложил командиру. Последний решил подойти к этой скале. Стал разворачиваться кормой, потихоньку рывками пошел. Я крикнул своим старшинам Зоре и Кобецу плыть к катеру. Они отозвались, плывем. И когда катер коснулся скалы, все, кто там был, бросились на катер и катер стал малым ходом отходить. Я уцепился за привальный брус и подбежавший матрос меня вытащил на палубу. Я узнал, что сигнал с берега подавал Островский. На катер попали командир и комиссар 35-й батареи и много офицеров, всего 119 человек при норме 40»^[280].

Следующий свидетель этой драматической ночи, капитан-лейтенант А. Суворов, также находившийся на берегу под 35-й батареей в группе командиров 35-й батареи и штаба флота, писал, что с помощью краснофлотца-сигнальщика с Херсонесского маяка Гринева было передано фонарем Ратьера приказание на один из катеров «подойти к берегу, здесь командиры флота и армии». И один из катеров подошел к ним и, по словам Суворова, принял 145 человек, из них 80 командиров из Береговой обороны и 35-й батареи^[281].

По рассказу капитан-лейтенанта Островского, дело обстояло так: «Мы вышли на берег по подземному ходу. Я лично вызывал фонарем катера. Сигналил кораблям, но они не подходили. Видны были силуэты двух или трех катеров. Ильичев стоял рядом и ожидал подхода их, но они не подходили и не отвечали. Практически там подходов не было. Причал поврежденный. Кошелев, прокурор Черноморского флота, бригадный военюрист, находился справа от меня. Как сейчас помню, был он в реглане, скучный. Да веселых там не было. Полковник Горпищенко, командир бригады морской пехоты находился рядом. Горпищенко на катер переправили матросы. Они связали из автопокрышек плотик, посадили его и подтолкнули. Ильичев мне

говорит: „Раз не отвечают, плыви“. Много народа плыло к катерам, ну и я поплыл. Некоторые тонули, не хватало сил. Мне был брошен канат с катера и я взобрался на борт. Это было где-то после двух часов ночи. Командиром катера, как я позже узнал, был Еремин (командир СКА-071 лейтенант С. Т. Еремин. — *Авт.*). На этот катер подняли и Горпищенко». На этот катер попал и В. Гусаров^[282].

А вот что рассказал о событиях этой ночи старший лейтенант М. Линчик:

«С приходом кораблей Ильичев приказал Островскому вызывать сигнальным фонарем катера с приказанием подойти к нам. Текст семафора, как помню, был такой: „Я врид комфлота Ильичев приказываю подойти к берегу“. Передаёт Островский, передаёт, никакого реагирования, никто не отвечает. Наверное командиры катеров запутались, потому что мы морзим, с причала морзят и ещё дальше морзят, везде морзят. Потом Островский разделся до трусов и рванул на рейд, чтобы передать какое-то приказание Ильичева. Он был хороший пловец. Плыть он сам вызвался. Позже видим подходит силуэт катера. Катер уткнулся носом в скалу. Нос катера подо мной. Ильичев неожиданно толкает меня в спину со словами: „прыгай“. Я и прыгнул, да в темноте ногами на палубу не попал, а проскочил мимо и только схватился за поручень и то только двумя пальцами. Катер вдруг дал задний ход и я по инерции полетел в воду. Кроме меня никто не успел прыгнуть на катер, так как нос у него был узкий. Подплыл к берегу. Ильичев следил за мной и помог выбраться. Больше к нам ни один катер не подходил. Стало ясно, что с организацией эвакуации с берега комсостава ничего не вышло, и мы были бессильны что-либо сделать. Это поняли все командиры, плотно стоявшие возле нас и по всему берегу, и они стали расходиться по берегу»^[283].

Что можно сказать об организации эвакуации этой ночью 2 июля 1942 года у берега 35-й береговой батареи в целом? Анализ воспоминаний ветеранов обороны и очень скупых в общем виде

архивных материалов показывает, что, во-первых, командиры отряда тральщиков и сторожевых катеров, как и вообще командиры всех прибывших малых кораблей, при выходе из Новороссийска получили от своего командования инструктаж по вопросу эвакуации в районе причала 35-й батареи в общем виде. То есть прибыть к району причала и принять людей с него, частью перегрузить на тральщики и после своей загрузки уходить. Сколько осталось в Севастополе личного состава войск армии и флота и вообще какая там сложилась обстановка с обороной, они не знали. И, во-вторых, им ничего не было известно о плане командования СОРа и флота эвакуации в первую очередь старшего комсостава армии и флота, собранного специально для этого на 35-й береговой батарее. Не сообщили им и фамилию старшего руководителя эвакуации, и чьи распоряжения они должны выполнять по прибытии на рейд 35-й батареи. Все это можно объяснить тем, что эвакуация началась неожиданно и что командование штаба флота в Туапсе и в Новороссийске не знало фактической обстановки в Севастополе и плана командования СОРа по частичной эвакуации.

Командующий ЧФ вице-адмирал Октябрьский, который смог бы дать более точные инструкции и сообщить фамилию ответственного за эвакуацию старшего комсостава армии и флота, только в 5 утра 1 июля прилетел в Краснодар из Севастополя и находился в пути в Новороссийск, когда все предназначенные корабли для эвакуации уже были в море. Потом этот непростой, деликатный, если его можно так назвать, вопрос по эвакуации в первую очередь собранного старшего комсостава на 35-й батарее по каким-то причинам не был доведен до командиров кораблей, хотя возможность передать эти указания имелась. Наверняка у командования СОРа и флота была уверенность, что Ильичев сумеет организовать отправку собранного комсостава. Но никто не мог предположить, что из-за стихии масс обвалится часть настила рейдового причала и неуправляемые массы военных и гражданских людей займут плотно всю оставшуюся целую часть причала и все подходы к нему с берега, чем полностью исключат возможность эвакуации старшего комсостава через рейдовый причал.

Последующие попытки Ильичева организовать их эвакуацию с необорудованного берега под 35-й береговой батареей не увенчались успехом только по указанным выше причинам, тем более что принятие

на катерах и тральщиках семафоров зависело от матросов-сигнальщиков, которые не были в курсе, как и их командиры, по сути эвакуации.

И еще. Не мог дать Ильичев с причала указаний на корабли об эвакуации с причала, так как там его не было. Были ли эти светофоры умышленными или даны были по незнанию планов эвакуации — неизвестно.

В результате случившегося около двух тысяч высококвалифицированных старших командиров и политработников Приморской армии и Береговой обороны флота оказались невольно брошенными, и в основной своей массе они попали во вражеский плен.

Всю ночь 2 июля продолжалось спасение защитников Севастополя у берега 35-й батареи. Командиры сторожевых катеров самостоятельно принимали решение о подходе к берегу, но большинство из них в этой сложной обстановке принимали людей на плаву или с разных подручных средств, двигаясь галсами на малом ходу во избежание попадания снаряда противника, ведущего огонь по площадям. Первым отрядом сторожевых катеров, ушедшим после 2-х часов ночи с рейда 35-й батареи, был отряд капитан-лейтенанта Захарова в составе СКА-0124, на котором шел он сам, СКА-0112 с генералом Новиковым и его штабом и СКА-028. Как уже упоминалось, СКА-0124 и СКА-0112 погибли в бою с превосходящими силами противника, а оставшиеся в живых от СКА-0124 15 человек и от СКА-0112 16 человек с генералом Новиковым были взяты в плен^[284].

Затем с рейда ушел отряд сторожевых катеров в составе СКА-088, СКА-071 и СКА-046^[285]. Командир отряда капитан-лейтенант Глухов на катере СКА-029 в Казачьей бухте принял с маленького причала людей и вышел на Новороссийск. Как шла приемка там людей, отчетного боевого донесения Глухова в архивах не найдено. Но можно твердо сказать, что не менее драматично, чем у причала 35-й береговой батареи, учитывая то, что он там задержался и вышел в рейс один.

Вышедшие из Новороссийска в Севастополь в 03.00 2 июля СКА-014 и СКА-0105 на переходе морем в 15.00 в районе между мысом Сарыч и маяком Ай-Тодор на расстоянии примерно в 25 милях от берега обнаружили СКА-029, который бомбили самолеты противника и обстреливали с бреющего полета. На катере висел флаг

«Терплю бедствие, окажите помощь». Почти весь экипаж катера погиб. Глухов был тяжело ранен, ранено было и 80 % пассажиров. СКА-014 встал в боевое охранение и вместе со СКА-0105, который взял на буксир 029-й и перегрузил на себя всех раненых, до темноты отбивали атаки самолетов противника. Всего в Новороссийск было доставлено 14 человек комсостава и 50 младшего комсостава, красноармейцев и краснофлотцев^[286].

Последним покинул рейд 35-й береговой батареи отряд тральщиков в 2.50, а по другим данным — в 3.00 2 июля 1942 года. БТЩ «Защитник» принял на борт 320 человек, БТЩ «Взрыв» 132 человека. В 24.00 тральщики благополучно прибыли в Новороссийск^[287].

Прибывшие ночью 2 июля из Новороссийска подводные лодки А-2 (командир капитан 3-го ранга Гуз) и М-112 (командир старший лейтенант Хаханов) только во второй половине дня 2 июля смогли форсировать минный фарватер ФВК № 3 и подойти к берегу в районе Херсонесской бухты — 35-я батарея.

Под утро из бухты Круглой вышло пять небольших катеров разного типа (торпедовозы, «Ярославчики») 20-й авиабазы ВВС ЧФ курсом на Новороссийск. В районе рейда 35-й батареи к ним присоединился шестой катер, вышедший из Казачьей бухты еще вечером 1 июля около 23 часов. Всего на этих шести катерах находилось около 160 человек — почти вся группа 017 — парашютистов-десантников группы Особого назначения Черноморского флота (около 30 человек) и краснофлотцы-автоматчики из батальона охраны 35-й батареи. Все были при оружии. С восходом солнца группу катеров, шедшую в кильватер с расстоянием между катерами в 150–200 метров, обнаружили самолеты противника. Начались атаки самолетов. Моторы катеров перегревались и часто глохли, так как катера были перегружены. По свидетельству командира группы 017 старшего лейтенанта В. К. Квариани, членов группы старшины А. Н. Крыгина, Н. Монастырского, сержанта П. Судака, самолеты противника, заходя со стороны солнца, стали их бомбить и обстреливать из пулеметов по выбору. Прямым попаданием бомб были сразу же потоплены два катера. Катер, на котором находились Квариани и Судак, получил пробоины в корпусе, стал оседать от принятой воды. Заглох один мотор, и катер пришлось поворачивать к

берегу, занятому фашистами. Все это произошло в районе берега неподалеку от Алушты. На берегу произошел бой между десантниками и вооруженной группой татар. В результате неравного боя все, кто остались в живых, были пленены. Раненых татары расстреливали в упор. Подоспевшие итальянские солдаты часть пленных отправили на машине, а часть на катере в Ялту.

Катер, на котором шел В. Гурин, в ходе первого налета самолетами противника отвернул от всей группы на юг, оторвавшись от «эскадры». В одном кубрике находилась тяжело раненная женщина с грудным ребенком. На палубе было много раненых. Шли на одном моторе, так как второй заглох из-за повреждения при налете. Ночью был шторм, катер несло к берегам Турции. На рассвете к ним подошел вышедший из Севастополя буксир «Турист», который принял обессиленных людей и доставил 5 июля в Батуми. Судьба остальных катеров группы Квариани неизвестна. Скорее всего, они были потоплены при нападении немецких самолетов^[288].

Здесь надо отметить, что в группе 017 воевало немало знаменитых моряков-разведчиков, таких, как М. М. Негреба, П. Королев, В. Богданов, С. Елисеев и других, о которых еще в Великую Отечественную войну написал известный документальный рассказ «Батальон четверых» писатель Леонид Соболев. Нескольким группам бойцов и командиров в эти ночи удалось спастись на рыбацких лодках, шлюпках, найденных в разных местах. Сооружались плоты из камер с кузовами машин сверху на них и другие подручные средства спасения. Части из них сопровождала удача, и после многотрудного плавания они добирались до берегов Кавказа, а некоторые даже до Турции. Командование ЧФ на поиск плотов посылало сторожевые катера и подводные лодки. Так, 2.07.42 г. в 4.00 вышел на поиск плотов СКА-2, а в 9.00 СКА-5, а также подводные лодки М-112 и М-111^[289].

Надо отметить, что указанный в тексте буксирный катер «Турист» вышел из Стрелецкой бухты в начале ночи 2 июля вместе с буксирным катером СП-24, как написал в донесении военком разведотдела штаба ЧФ, на которых ушли бойцы и командиры сформированного 1 июля из остатков разных подразделений наших войск отряда старшего лейтенанта Ищенко из разведотдела штаба флота. В течение дня 1 июля отряд отбивал с помощью одного орудия 24-й зенитной батареи яростные атаки фашистов, уничтожив несколько сот гитлеровцев.

Отмечалось, что капитаны указанных буксиров не имели указания на эвакуацию.

Вместе с тем, по заметкам полковника В. Стихина, ночью с 1 на 2 июля среди оставшихся в Стрелецкой бухте разного рода непригодных плавсредств был обнаружен буксир «Таймыр» с исправными двигателями. Оказавшийся в отряде механик старшина 1-й статьи Жарков сумел завести двигатели. На буксире установили два пулемета ДШК, снятые с затопленного катера, и ночью, погрузившись, отряд ушел на Кавказ, умело маневрируя от артобстрела с Северной стороны. В пути следования успешно отбились от налета 3-х «Юнкерсов». О буксире СП-24 в заметке не упоминалось. Требуется уточнение версий^[290].

Не прекращались попытки прорваться в горы к партизанам малыми и большими группами бойцов и командиров. Так, по рассказу начальника политотдела 9-й бригады морской пехоты Дубенко, он вместе с группой Севастопольского горкома партии и во главе с секретарем обкома партии Ф. Д. Меншиковым договорились пробиться с 1 на 2 июля к партизанам. Среди них были С. Багрий и Н. Краевая. Ночью к ним присоединились еще около 150 бойцов и командиров. Но такой группой сразу не решились идти на прорыв и решили продержаться днем 2 июля, а ночью идти на прорыв. Что случилось дальше с этой группой, Дубенко не знал, так как вместе с моряками сел в дырявую шлюпку и попал на подводную лодку М-112^[291].

Ночью 2 июля ждали прихода кораблей не только у рейдового причала 35-й береговой батареи. Их ждали и на берегах бухт Казачьей и Камышовой и даже Круглой. Молча, с надеждой, что еще подойдут корабли, смотрели защитники Севастополя вслед уходящим кораблям. Они не могли поверить, что помощи больше не будет. В сознании не укладывалось, что они фактически брошены на произвол судьбы, на милость врага. Но даже в этот трудный час не все защитники Севастополя думали о спасении. Старшина 1-й статьи Смирнов из манипуляторного отряда № 1, которому удалось пробиться к 35-й батарее с мыса Фиолент, в ночь на 2 июля написал в своих воспоминаниях так:

«35-я бьет. Здесь возле нее мы окопались попеременно с бойцами 7-й бригады морской пехоты, подчиняясь неистребимому желанию сопротивляться. Когда пришли наши корабли ночью с 1 на 2 июля, почему не подбросили патронов и пищи? А немцы все время молчали. Они рады были избавиться от нас»^[292].

В итоге к утру 2 июля 1942 года на берегах Херсонесского полуострова, Камышовой и Казачьей бухт и в других местах оказались оставленными на произвол судьбы десятки тысяч героических защитников Севастополя, в том числе раненых, без боеприпасов, без продовольствия и пресной воды.

Отвечая своему юному напарнику по обороне, П. А. Наконечный из политотдела Приморской армии, когда они после боя ночью увидели подрыв 35-й батареи, сказал: «Нас не предали, но и спасти не могли»^[293].

И все же, несмотря на случившееся, сопротивление наших воинов продолжалось. Здесь уместно привести слова старшины 2-й статьи О. П. Григорьева, пулеметчика отдельного батальона дотов:

«Несправедливо замалчивать тех, кто был брошен на произвол судьбы нашим командованием и коварно подставлен под бомбовые удары авиации и артиллерии противника на обрывах Херсонеса».

Спрашивается, зачем, зная, что кораблей для эвакуации не будет, собрали столько участников обороны, сняв с передовой, где еще можно было оказывать сопротивление? Участники боев говорили:

«Будь мы в окопах, только последний солдат Манштейна дошел бы до Херсонеса»^[294].

Часть вторая

(Утро 2 июля — 12 июля 1942 года)

Ограниченная эвакуация войск Севастопольского оборонительного района в условиях невозможности вывезти всех с уходом на рассвете 2 июля 1942 года двух тральщиков и семи сторожевых катеров с рейда 35-й береговой батареи, взявших на борт в основном с воды около тысячи человек, фактически на этом закончилась. Приход в следующую ночь пяти сторожевых катеров и нескольких подводных лодок не мог решить проблему эвакуации многотысячных войск. Поставленная командованием СОРа задача по спасению боевого ядра Приморской армии и Береговой обороны — двух тысяч старших командиров и политработников, собранных на 35-й береговой батарее, практически провалилась. Оставшиеся разрозненные остатки войск на ограниченной береговой территории района бухт Камышовой и Казачьей, 35-й береговой батареи и Херсонесского полуострова в количестве около 50–60 тысяч, из которых около половины, если не больше, были раненые разной степени, лишенные единого командования, а главное — боеприпасов и продовольствия, пресной воды, несмотря на героическое сопротивление, были обречены на поражение и плен. Попытки прорыва в горы большими группами через плотные заслоны противника оказались безуспешными. Смогли пробиться только малая часть небольших по численности групп бойцов и командиров, партактива города, судьба которых, в общем, была не менее трагична.

Такова общая оценка событий последних дней обороны Севастополя за период 2–12 июля 1942 года.

Рассмотрим подробности событий тех далеких трагических дней. По рассказам очевидцев, в то предрассветное утро 2 июля 1942 года, несмотря на то, что корабли ушли с рейда 35-й батареи, на полуразрушенном причале, возле него и на высоком берегу продолжали стоять плотной стеной тысячи бойцов, командиров и гражданских людей, все еще надеявшихся, что еще подойдут корабли. Они не могли поверить, что их больше не будет, и поэтому упорно стояли, не двигаясь с места, вглядываясь в темноту ночного моря. Но

вот стало светать, и тогда кто-то из командиров на берегу стрельнул в воздух и закричал:

«Да разойдитесь же, скоро рассвет, прилетят немцы и сделают из вас месиво!»

Так вспоминает этот возглас бывший секретарь Балаклавского райкома комсомола Р. С. Иванова-Холодняк, находившаяся в тот момент в плотной толпе на рейдовом причале^[295].

Ее слова перекликаются с воспоминаниями полковника Д. И. Пискунова, также находившегося в толпе на рейдовом причале.

«Для нас стало очевидным, что эвакуация не удалась, но и не была еще потеряна надежда на приход транспортов в предстоящую ночь. И мы решили призвать людей идти в оборону:

„В оборону, товарищи, в оборону!“ — закричали мы. Нас поддержали другие. По всему берегу стали слышны выкрики, призывавших идти в оборону. На наших глазах люди стали строиться в колонны и уходить в сторону переднего края.

Вскоре спуск в Ново-Казачью бухту (Голубая бухта. — Авт.) и причал опустели»^[296].

В то же время, как уже упоминалось, справа от рейдового причала на скалах берега под крутыми обрывами 35-й береговой батареи, к которым не было прохода с его стороны к причалу из-за широкой, отвесно уходящей в море стены, находились многие сотни старших командиров и политработников армии и Береговой обороны, выведенных в эту ночь из ее казематов для эвакуации с необорудованного берега. После провала попыток организовать их эвакуацию, происходившую на их глазах, и убедившись в ее невозможности, они разошлись по берегу. Часть из них укрылась в существовавших тогда многочисленных естественных гротах, пещерах и террасах под обрывами берега батареи, образовавшихся в результате работы морской стихии.

Они были разных размеров и с глубиной, доходившей до десятка метров, хорошо защищавшие от налетов авиации противника. К тому времени в этих естественных укрытиях находилось много раненых и не раненых бойцов и командиров, пришедших по берегу моря со стороны маяка, вышедших ранее из казематов 35-й береговой батареи по подземным выходам либо спустившихся по канатам сверху на отдых от боев, либо для укрытия от бомбежек и артогня противника. Укрывались под берегом и ожидали прихода наших кораблей и в других местах южного побережья от Херсонесского маяка до мыса Фиолент.

«Всю ночь 2 июля 1942 года на берегу Казачьей бухты сплошной массой простояли защитники Севастополя, безмолвно глядя на море, ожидая спасения».

Так написал в своем письме работник Особого отдела Приморской армии капитан В. Смуриков^[297].

Несмотря на артиллерийские налеты и продолжающийся методичный артобстрел района Херсонесского полуострова, аэродрома, 35-й береговой батареи с Северной стороны Севастополя, продолжалось в это предрассветное время массовое общение бойцов, командиров, гражданских лиц по всему району, вышедших из-под берега, из разного рода укрытий. У всех были на слуху вопросы эвакуации, прихода кораблей. Остатки частей и подразделений, которые организовано приходили к берегу у рейдового причала для эвакуации, снова возвратились в свои окопы и землянки на Херсонесском полуострове. Многие неорганизованные и в основной своей массе безоружные бойцы и командиры из разбитых боевых и тыловых частей и подразделений, потерявших свои части, спускались под крутой берег моря, чтобы укрыться от предстоящих огневых налетов авиации противника.

В то же время шел активный поиск и сбор патронов, гранат у убитых, раненых по всей территории района обороны, которые сносились на импровизированные пункты боепитания, организованные рядом командиров под берегом моря, откуда уже в подготовленном виде доставлялись на передовую, где остатки частей

Приморской армии и Береговой обороны флота, сборные отряды и группы готовились к очередным дневным боям с противником.

На их вооружении было 2–3 пушки, в остальном винтовки, автоматы, небольшое количество пулеметов, гранаты и ограниченное количество патронов.

Против остатков наших войск в направлении на бухты Камышовую, Казачью, 35-ю батарею и Херсонесский маяк наступали превосходящие силы передовых частей 72-й, 170-й пехотных и 28-й легкопехотной дивизий немцев при поддержке танков, артиллерии, минометов и многочисленной авиации.

В 05.00 с Херсонесского аэродрома удалось взлететь на учебном самолете УТ-1 летчику Королеву, который, прилетев в Новороссийск, доложил командованию виденную им сверху обстановку на фронте обороны:

«По состоянию на 05.00 2 июля линия боевого соприкосновения проходит на левом фланге от бухты Камышовой, а на правом — на подступах к 35-й батарее. В течение дня 1 июля противник бомбил и штурмовал Херсонесский аэродром, маяк. Сгорело три самолета ЯК, три самолета У-2 и один ПС-84 („Дуглас“). Вся материальная часть выведена из строя. На аэродроме много красноармейцев и краснофлотцев строят плоты и другие плавсредства из подручных материалов. Просят помощи»^[298].

Что касается дальнейших действий и судьбы руководителя эвакуации капитана 3-го ранга А. Ильичева, последнего официального представителя командования СОРа в Севастополе, то, по воспоминаниям М. Линчика, после неудачи с эвакуацией, понимая, что он бессилен что-либо предпринять, предложил Кошелеву и Линчику втроем прорваться в горы к партизанам, отклонив предложение Кошелева застрелиться, чтобы не попасть в плен. До 6 июля они держались вместе. Дважды пытались через подземные ходы 35-й батареи выйти на поверхность берега, но главный вход ее был, как и ряд люков, подорван, а другие наглухо задраены.

С утра 3 июля противник занял берег 35-й батареи. Через одну из дверей они слышали немецкую речь и решили идти вдоль берега в направлении к маяку и там где-то выйти наверх.

В один из дней им удалось из муки, которую кто-то где-то достал, сварить болтушку в каске и одной ложкой на восьмерых командиров впервые за эти дни принять горячую пищу.

Забегая вперед, по свидетельству старшего диспетчера автодорожного отдела армии младшего воентехника Г. П. Бильченко, который на рассвете 3 июля сумел доплыть и попасть на СКА-039, первым вопросом к нему командира катера был вопрос: «Где опергруппа?» Их искали, но в той драматической обстановке, когда под обрывами были тысячи людей и сотни плыли к катерам, найти их было невозможно^[299].

После 5 июля противник отвел свои войска с Гераклеяского полуострова и оставил по всему побережью от Херсонесского маяка до Георгиевского монастыря усиленные посты. В ночь на 6 июля, когда группа Ильичева пробиралась по берегу 35-й батареи в сторону маяка, они неожиданно увидели, как красноармейцы и командиры поднимаются по канату вверх по стене обрыва. Как оказалось, это была группа связистов 25-й Чапаевской дивизии. Вслед за ними решили лезть и они. Наверху залегли. Находившийся метрах в сорока от них патруль обнаружил их, пустил ракеты и открыл огонь. Ильичев и Кошелев побежали по берегу в сторону Балаклавы, а Линчик с другой группой связистов — влево по берегу. Многие погибли, но небольшой группе из 6 человек, в которой оказался Линчик, удалось прорваться через верховья Казачьей бухты и уйти в горы. Эту группу, как потом оказалось при знакомстве, вел начальник связи 25-й Чапаевской дивизии капитан Мужайло. У него был компас, и он хорошо знал местность. В группе были также помощник прокурора Приморской армии, старший сержант и два красноармейца. Последние двое позже ушли, и группа в составе четырех человек продолжила свой путь в горах. В конце июля в горах, где-то над Ялтой, они были схвачены на рассвете во время отдыха предателями из татар в немецкой форме и отведены в комендатуру Ялты. М. Линчик в 1945 году был освобожден из плена американцами и, пройдя госпроверку, был восстановлен в воинском звании, демобилизован и продолжил

морскую службу в Азовском морском пароходстве начальником отдела эксплуатации^[300].

О факте прорыва группы связистов 25-й Чапаевской дивизии упоминает в своих воспоминаниях Д. Пискунов, который тогда тоже был на берегу под обрывом 35-й батареи. После своего пленения 12 июля Пискунов был препровожден в Симферопольскую тюрьму, где в камеру к ним на несколько часов попал Ильичев, который, по одним сведениям, был захвачен в плен в день прорыва, по другим — позже в горах. Кошелев, имея возраст свыше 50 лет и больные ноги, по словам Линчика, скорей всего, погиб при прорыве либо, чтобы не попасть в плен, застрелился^[301].

В 1942 году Ильичев находился в лагере под Винницей, где мичман И. С. Шаров, старший писарь разведотдела штаба флота, с Маципурой увидели его, поздоровались. Он их знал по службе. Спросили, что делаешь? Ответил, что немцы заставили писать чертеж нашей торпеды. Черчу старую. Стол, стул, ватманская бумага на столе, в огороженном школьном дворе колючей проволокой на открытом воздухе, в форме капитана 3-го ранга. Так запомнилось^[302].

Дальнейшая судьба Ильичева прослеживается по книге Моргунова «Героический Севастополь», в которой автор, ссылаясь на воспоминания Зарубы, пишет, что тот видел Ильичева в штрафном концлагере Флессенбург. Ильичева однажды отправили с группой пленных куда-то и, видимо, он погиб. Однако были сведения, что Ильичев в 1944 (скорее в 1945 году) находился в проверочном нашем лагере под Одессой. Посланный Октябрьским офицер не смог туда попасть. Так что дальнейшая судьба Ильичева неизвестна.

Возвращаясь к положению обороны за период с утра 2 июля 1942 года и в последующие дни, надо сказать, что в исторических изданиях, как ранее закрытых («Хроника Великой Отечественной войны на ЧФ», 1946 года, «Отчет по обороне Севастополя» и др.), так и в общей печати, события этих дней даны очень кратко и в общем виде (полстранички), с большими неточностями. Не касаясь причин такого написания, можно отметить, что более объективно, с упоминанием некоторых эпизодов, но в целом так же кратко и в общем виде дается обстановка за эти дни в фундаментальной книге П. Моргунова «Героический Севастополь».

В связи с этим естественны вопросы: кто, где и какими силами руководил обороной в эти дни? Было ли общее руководство, как об этом пишет Д. Пискунов? Как складывался в действительности ход боевых действий? Восстановить полную картину этих событий возможно только при глубоком сравнительном анализе многих воспоминаний участников обороны. Попытаемся с помощью имеемых воспоминаний приоткрыть картину последних дней обороны.

События за 2 июля Моргунов излагает так:

«Весь день 2 июля до поздней ночи в районе 35-й батареи шли тяжелые бои. Наши бойцы неоднократно переходили в контратаки, обороняли батарею, башни которой были подорваны, но другие помещения сохранились и освещались аккумуляторной батареей. К вечеру вражеским автоматчикам с танками удалось прорваться к аэродрому, где в бой вступили бойцы из подразделений ВВС. Малочисленные остатки наших войск к исходу 2 июля продолжали удерживать лишь район 35-й батареи и отдельно район Херсонесского аэродрома. Гераклеяский полуостров почти весь был занят противником. Еще действовали отдельные группы бойцов, возглавляемые командирами, проявлявшими личную инициативу»^[303].

Этот день в штабе Северо-Кавказского фронта обстановку на Севастопольском фронте по данным итоговой разведсводки № 46 с 27 июня по 3 июля 1942 года оценили так:

«К исходу дня 2 июля 1942 года противник в основном закончил Севастопольскую операцию, понеся огромные потери, после ввода в бой дополнительных резервов и подошедших частей 46 пд, 204 пп. 97 пд, 24 и 20 пп, 125 пд.

02.07.42 года противник овладел Севастопольским оборонительным районом. В течение 2 и 3 июля проходили бои противника с отдельными частями и группами бойцов в различных частях, потеряв 60 тыс. убитыми и ранеными, до 280 самолетов, до 200 орудий и до 250 танков»^[304].

И еще, из архивных данных политдонесений Политуправления ЧФ:

«2 июля продолжались ожесточенные рукопашные бои в районе 35-й береговой батареи, на аэродроме, у Херсонесского маяка, у бухты Казачья. В течение 1 и 2 июля противник пытался прорваться в район аэродрома, где была расположена 928 зенитная батарея, и 11 раз контратакой наших бойцов отбрасывался, неся большие потери».

И далее:

«Оборону 35-й батареи, аэродрома и пристани наши бойцы держали до утра 3 июля, ожидая прихода катеров, подводных лодок и самолетов, но так как ничего не было, оставшиеся политработники и командиры стали организовывать отряды и с боем прорываться в горы. Так, например, командир 55-го дивизиона майор Буряченко с группой 200 бойцов и военкомом 114 дивизиона, политруком Донюшкиным с группой в 250 человек повели свои отряды на прорыв на Балаклаву.

По данным военкомов, начальников политотделов соединений и частей остались неэвакуированными 32 480 человек. Осталось начсостава 2813 человек. Младшего начсостава и рядовых 29 667 человек. С личным составом осталось 470 политработников, в том числе 10 из Политуправления ЧФ.

Прибыло на Кавказ начсостава 559 человек. Младшего начсостава и рядовых 1116 человек»^[305]. (Указан только действующий состав. — Авт.).

Некоторые пояснения. При изложении событий 1–12 июля учитывалось, что участники в своих воспоминаниях изложили их из-за давности времени с неточной последовательностью по времени действия по дням. Встречающиеся несоответствия по времени, как правило, устранялись при личном общении, но во многих случаях такой возможности не было, и поэтому ряд ценных фактов

соотносились приблизительно к тем или иным дням событий, что должно быть устранено в дальнейших исследованиях.

Чтобы лучше представить обстановку, в которой воевали защитники Севастополя в последние дни обороны на подступах и у самой 35-й батареи в течение 1–2 июля 1942 года и в последующие дни, стоит обратиться к воспоминаниям одного из активных защитников города, члена группы Особого назначения ЧФ В. Е. Гурина, в которых очень точно подмечены многие особенности тех тяжелых дней, дополняющие отмеченное исследованием:

- на всей береговой кромке на глубину до 300 метров плотной массой от бухты Стрелецкой и до 35-й батареи был сосредоточен весь автотранспорт;

- над пропастью круч обрывистых скал были спущены вниз через 50–100 метров закрепленные веревочные канаты, по которым лазили бойцы на отдых, располагаясь на террасах и в углублениях берега моря;

- внизу у берега моря бойцы роют лунки для поступления в них соленой воды, которую они пьют, утоляя жажду. Пить таким способом слабо опресненную воду неприятно, но другого выхода нет;

- заняв на подступах к мысу Херсонес на открытой местности круговую оборону, бойцы укрепляют окопы, а в районе 35-й ложной батареи используется старый земляной оборонительный вал, но, к сожалению, наша оборона простреливается со всех сторон артиллерией противника, минометами, не говоря об авиации противника;

- раненых скопилось в Камышовой и Казачьей бухтах более 18 тыс. человек;

- у многих бойцов и командиров было трофейное оружие и боеприпасы к нему, немецкие рожковые автоматы, гранаты, фугасы шли в дело с нашим громким «ура»;

- авиация противника беспрерывно висела над нами, бомбя и сбрасывая агитационные листовки, в которых предлагалось прекратить бессмысленное сопротивление и сдаваться в плен, уничтожая евреев и комиссаров;

- несмотря на все трудности, бойцы упорно дрались и никто не проявлял трусости;

— из числа легкораненых и оставшихся без командиров бойцов ими и другими командирами были собраны отряды и направлены для осмотра и укрепления террас, на которых отдыхали бойцы и командиры;

— бойцы поднимались на оборону с воспаленными глазами, безразличные ко всему происходящему. Малодушные кончали жизнь — стрелялись, бросались с круч в пропасть, разбиваясь и калечась;

— сотни трупов были прибиты волнами к берегу моря, а так как убирать их было некуда, зловоние стояло в воздухе страшное^[306].

После ухода с рейда 35-й батареи сторожевых катеров и тральщиков 2 июля 1942 года по инициативе старших командиров было принято решение организовать массовый прорыв обороны противника в направлении Ялтинского шоссе. Как это происходило, рассказывает участник прорыва начальник Особого отдела НКВД 142-й Отдельной стрелковой бригады И. М. Харченко:

«После того, как ночью прибыл корабль для эвакуации, на который с трудом попало немного смельчаков, была взорвана 35-я морская батарея. Надежды на спасение пропали. Выйдя на берег, заметили скопление бойцов и командиров человек триста. А когда приблизились, увидели, что выступает полковник. После уточнения оказалось, что это был начальник артиллерии 25-й Чапаевской дивизии полковник Гроссман. Перед отрядом добровольцев была поставлена задача: перед рассветом 2 июля сделать прорыв в сторону Балаклавы. Все понимали на что идут. Принимал участие в этом прорыве лично я, мой заместитель А. И. Зарва и другие работники отдела. Отряд численностью, примерно, в триста человек тихо продвигался к линии прорыва, а когда приблизились на расстояние человеческого голоса, то по сигналу зеленой ракеты двинулись вперед. Встреченный шквальным огнем пулеметов, минометов и артиллерии отряд понес большие потери. Погиб мой заместитель Зарва. Попав в большую воронку при беге, где лежал уже один раненый, мы несколько раз выглядывали из нее и при свете ракет было видно большое количество лежащих трупов на поле боя»^[307].

В этой атаке участвовал один из организаторов этого прорыва член группы Особого назначения ЧФ В. Е. Гурин. Он подтверждает, что прорвать трехэшелонную оборону противника удалось немногим. Потеряв много бойцов, пришлось с боем отойти на старые позиции^[308].

Еще 1 июля авиация противника стала бомбить расположенный вдоль берега автотранспорт, сбрасывая на него зажигательные бомбы. От горения автомашин вокруг все заволгло черным, удушливым дымом, и бойцы стали надевать противогазы, у кого они были, считая, что фашисты проводят газовую атаку.

Позже немецкие снайперы просачивались в район сгоревших автомашин и оттуда стали уничтожать наш командный состав. Старший лейтенант Г. Воловик подтверждает, что действительно на рассвете 2 июля после ухода катеров какой-то командир в плащ-палатке с орденом Ленина на груди призывал всех, у кого есть оружие и боеприпасы, присоединиться, чтобы пробиться в горы через Балаклаву^[309].

Как писал политрук пулеметной роты 3-го стрелкового батальона 142-й отдельной стрелковой бригады П. Т. Герман, дни с 1 по 4 июля были сплошной обороной. Так запомнилось. С наступлением темноты отчаявшиеся люди с криками «ура!» рвались на врага и на какую-то сотню метров, другую оттесняли его, а с утра враг гнал нас к району 35-й береговой батареи. Начались массовые опускания к воде, под скалы. Цель у всех была одна — дожидаться кораблей для спасения, а их не было. О том, что оборона прекращается, я ни от кого не слышал. Оборонявшиеся сами по себе с винтовками продолжали удерживать эту узкую полосу вдоль берега. Связи между частями и даже внутри нашего батальона не стало.

Был случай, когда разбитую противотанковую пушку какие-то артиллеристы приспособили на подпорках и через ствол навели на самоуверенный вражеский танк, уверенный, что у нас нет артиллерии, единственным выстрелом подожгли его. Какая это была радость для всех! Мы это видели!

Второй случай. Над всеми нами открыто летал двукрылый вражеский самолет. Не спеша, медленно, на бреющем полете, не стреляя. Наши из всех винтовок палили по нему, и все бесполезно.

А какой-то моряк стрельнул по нему из противотанкового ружья, и самолет бултыхнулся в море на виду у всех. Ликование наших бойцов было неопишное! Забылось на какое-то время наше безысходное положение.

В одну из ночей подходил какой-то корабль и на расстоянии стал спускать шлюпку, которая подошла близко к берегу. К ней бросилась масса людей. Шлюпка отошла. Вслед ей поплыли многие, несколько человек взобрались на прибрежную скалу-камень и застрелились или застрелили друг друга с возгласом: «За Родину, за Сталина!» Враг бросил в темноту бухты несколько мин и люди мгновенно оставили место скопления.

«На Херсонесе у каждого в голове в первую очередь вода, — написал старшина 1 статьи В. К. Каплунов. — Жара, все тело обожжено от раскаленных камней. Я, например, терял рассудок и лез напролом, чтобы завладеть немецкой флягой. Был такой случай, когда я нашел ПТР и 4 патрона и подбил два легких танка, где добыли канистру воды и четыре фляги кофе. Воду отдали раненым. Бои были врукопашную и психическую, но нечем было стрелять. Пришлось спуститься вниз, к морю. Дважды выходил в море на плотике, потом на шлюпке в надежде, что наши катера подберут. Когда рассвело, а мы в 1 километре от берега, нас стали расстреливать мессера. Из 12 человек до берега добрались трое, в том числе и я».

Рубеж нашей обороны на утро 2 июля был такой же, как и накануне по состоянию на 22.00: от каменоломен на берегу моря (примерно 1,5 км от 35-й батареи) и от них до казарм 35-й батареи, далее до хутора Бухштаба, хутора Меркушева и хутора Пелисье у бухты Камышовой, что соответствовало данным летчика Королева.

Левым флангом на участке Казачьей бухты, как уже упоминалось в первой части исследования, руководил начальник отдела химслужбы СОРа полковник В. С. Ветров. По данным военврача 2-го артдивизиона ЧФ И. С. Ятманова, между Камышовой и Казачьей бухтами оборону возглавляли начальник ПВО СОРа полковник Н. К. Тарасов и командир полка дзотов и дотов Береговой обороны ЧФ полковник Н. Г. Шемрук^[310]. По данным Михайлика, его батальон со своими ротами стоял на позициях у дороги, идущей из Балаклавы в Камышовую бухту, а также на ее берегах для предотвращения высадки немецкого десанта. В то же время об общем руководстве со стороны

командования он не упоминает и, судя по письму, все решения на бой и отход он принимал сам.

По данным Пискунова, в состав сил обороны входили остатки частей и подразделений, сохранившие свою организацию, — 25-й, 588-й, 106-й, 95-й, 172-й стрелковых дивизий, 7-й, 8-й, 9-й бригад морской пехоты, 79-й бригады морской пехоты и других подразделений и сборных групп.

В районе 35-й батареи было установлено командиром 177-го отдельного артдивизиона ЧФ, героем обороны Малахового кургана майором В. Ф. Моздалевским два полевых орудия с комплектом снарядов, привезенных на аэродромной машине с аэродрома, доставленных ранее транспортной авиацией. Собрав 2 июля команду артиллеристов из краснофлотцев, вели непрерывный огонь из орудий по врагу. Было подбито несколько танков, уничтожено много пехоты. Оставшись с тремя артиллеристами, Моздалевский погиб. Там же погиб и другой герой обороны Малахова кургана, капитан-лейтенант А. П. Матюхин^[311].

2 июля действовало одно зенитное 45-мм орудие 551-й батареи 55-го зенитного артдивизиона ПВО ЧФ под командой старшего лейтенанта К. Беликова, расположенное между маяком и 35-й батареей на южном берегу моря, а также 76-мм орудие 79-й бригады морской пехоты^[312].

Такова была расстановка сил, средств и командования на утро 2 июля 1942 года. Что касается общего руководства силами обороны, то об этом будет сказано далее по тексту.

Бои с противником 2 июля 1942 года начались в полночь^[313].

Ночная атака была одна и отбита, подтверждает комбат Михайлик^[314]. По данным Пискунова, артподготовка противника 2 июля началась в 10 утра. Наши войска не сумели заблаговременно занять оборону, с которой ушли, и на виду у противника вышли на рассвете на рубеж обороны, с которого ушли в бухту на посадку. Противник подошел по противотанковому рву. Личный состав 388-й и 25-й стрелковых дивизий перешел в атаку. Этот поступок со стороны наших войск оказался неожиданным для противника, и наши войска стали стремительно продвигаться вперед, обратив противника в бегство. Противник поднял свои резервы, перешел в контратаку и начал теснить их. Создалось критическое положение, так как он мог на

плечах наших отступающих ворваться на 35-ю батарею. На помощь были брошены 800 человек, в основном моряков. Увидев помощь, отступающие повернули и совместными усилиями отбросили противника. К исходу 2 июля наши части оказались на том же рубеже, на котором были вечером 1 июля. Отряд 79-й бригады морской пехоты и 95-й стрелковой дивизии провели бой ручными гранатами, захватили два танка и потом ходили на них в атаку. Там были лейтенант Д. А. Миронов, старшие лейтенанты Володя и Григорий Д. На правом фланге у моря во время преследования врага было убито не менее 200 немцев, захвачено несколько исправных орудий. Из 7 танков 4 танка были подбиты из противотанковых ружей. В этом бою участвовал сержант Иван Чапай, у которого было только 8 патронов.

Еще один случай героизма был в этот день на мысе Фиолент. Четыре стрелка и политрук были прижаты к морю противником. Они приняли бой. Противник, пытаясь захватить их в плен, атаковал взводом. Наши бойцы подпустили противника на близкое расстояние и в мгновение срезали их из автоматов. Тогда противник предпринял атаку тремя танками и 25 автоматчиками. Два танка были подбиты, много было убито и ранено немецких солдат, но когда иссякли боеприпасы, бойцы и политрук с криком: «Да здравствует Родина! За Сталина!» бросились с обрыва в море^[315].

На левом фланге обороны, по данным Михайлика, на участке батальона ВВС ЧФ 2 июля наши позиции бомбили самолетами, в промежутках между налетами велся прицельный огонь артиллерией по площади всего поля боя в течение всего светового дня. Фашисты трижды пытались двумя ротами пойти врукопашную, но оставалось еще много живых и их отбрасывали за пределы позиций батальона. Ночью велись отдельные стычки с переходом врукопашную^[316].

На этом участке обороны, по рассказу старшины 1-й статьи П. Голова из отряда бойцов ОХРа, немцы стали концентрировать свои войска в лощине, идущей от Камышовой и Казачьей бухт. Машины подвозили войска. Появилось 7 танков. Группа из 35 человек во главе с мичманом Березанским по приказу капитана 3-го ранга Евсеева была собрана для обороны. На вооружении группы было 1 противотанковое ружье и 46 патронов, 3 автомата, пулеметы и гранаты. Патронов было мало. С большим трудом удалось достичь высоты в районе Казачьей бухты, где нашли и заняли дзот. В 9 утра немцы скопились в лощине,

танки рассредоточились по мелкому кустарнику за лощиной и открыли огонь по нашим позициям. До 50 фашистов двумя цепями пошли на нас. Подпустили их метров на 80–100 и срезали. Вторая цепь залегла в 150–170 метрах. Часов в 12 заметили, что немцы пошли в атаку в районе берега Казачьей бухты. Находившаяся там группа моряков из батальона ВВС ЧФ бросилась в атаку и отбросила их в лощину. С берега 8 бойцов принесли боезапас. Потом немцы пустили 2 танка и 70 автоматчиков. Подбили один танк, другой повернул обратно. Пехота остановилась. Вечером 4 бойца пошли в тыл (это 400–500 метров) за водой. Принесли соленой, пресной не было, и немного боезапаса. Нашли сахар и развели морскую воду. В час ночи 5 немцев шли к подбитому танку, наши их уложили. Противник открыл минометный огонь [\[317\]](#).

На правом фланге обороны, из сообщения Лощенко, с утра 2 июля — снова оборона и бои. Немцы бросили в атаку 3 танка и много автоматчиков. Мессера сверху обстреливают из пулеметов. У него было 5 гранат на эти три танка. Подорвали один, у второго слетела только гусеница, третий повернул назад. Немецкие автоматчики несколько раз пытались атаковать в течение дня, но были отброшены. Бой длился до сумерек. Мы были истощены. Не было пищи, воды. Воду пили морскую. Боезапаса было мало. Расходовали его в исключительных случаях. Сообщили, что полковник Гроссман ранен в ноги. О Ветрове сведений не было [\[318\]](#).

Эту обстановку дополняет рассказ В. Гурина, члена особой группы Черноморского флота, командира взвода автоматчиков и отделения ПТР, который весь день 2 июля был на передовой:

«Немецкие самолеты заходят с моря и беспрепятственно бомбят прибрежную полосу, а затем включают сирены и с пикирования обстреливают из пулеметов кручи и террасы скал, на которых находятся наши бойцы. Отдыхать не пришлось. Связные вызывали всех на оборону. Когда мы поднялись наверх, то увидели, что там шел жестокий бой. Враг вел себя нагло.

Пройдя вдоль окопов, с болью в душе смотрели мы на погибших воинов, которых было очень много. Участок от 35-й ложной батареи до бухты Казачьей к исходу дня был

прорван в нескольких местах. Немецкие танки с пехотой на борту прорывали нашу оборону и выходили к морю. Нам угрожало с наступлением темноты отход в бухту Казачью и полное окружение там. Наши командиры своей выдержкой и стойкостью вдохновляли каждого из нас драться до конца. Деваться нам было некуда. Враг шаг за шагом теснил нас. Все наши резервы были задействованы, а меры к восстановлению обороны в разорванных ее участках были невозможны, так как не было сил и средств. Всюду были фашисты, но все-таки 2-го июля враг не смог опрокинуть нас в море».

Необычной и счастливой оказалась судьба этого храброго разведчика. После того как он с бойцами своего взвода и другими защитниками отбили за этот день десятую атаку врага, они сдали свои окопы подразделениям бойцов 8-й бригады, сменивших их. Со своими бойцами он спустился вниз под берег на отдых. Увидел, что на берегу бойцы связывали плот из бортов обгоревших автомашин, чтобы пройти вдоль берега до мыса Фиолент и там, поднявшись по отвесным скалам, прорваться в горы по ущелью Коза в район действия крымских партизан. Берег моря в ночное время постоянно освещался навесными осветительными ракетами и контролировался противником. Случайно обнаружив кем-то приготовленную надутую камеру от автомашины на берегу, вошел в нее и поплыл в море, оставив своим бойцам автомат и гранаты, а у себя на шее трофейный пистолет. Отталкивая трупы, стал выбираться на свободную воду. Были слышны звуки ночного боя, частые автоматно-пулеметные длинные очереди, взрывы гранат, мин. Берег освещался разрывами снарядов, но постепенно они смолкли. Примерно через 6 часов, как он вспоминает, когда чуть стало светать, услышал рядом русскую речь. От счастья закричал. Его услышали и крикнули, чтобы быстрее плыл. Вскоре, выбиваясь из сил, увидел надстройку с пушкой и понял, что спасен. Его подобрала и вытащила на палубу матросы подводной лодки Щ-203. Спросили фамилию, из какой части. Командир сказал, что он родился в рубашке.

Во второй половине дня 4 июля Щ-203 прибыла в Новороссийск.

Случайность спасения Гурина была обусловлена тем, что он все время греб и, того не ведая, смог заплывать за внешнюю линию минных

заграждений, за которой в тот момент ночи в надводном положении находилась на подзарядке аккумуляторов ПЛ Щ-203^[319]. «По состоянию на 12.00 3 июля 1942 года подводная лодка Щ-203 следует в Новороссийск из Севастополя», — так было записано в рабочем журнале оперативного дежурного штаба ЧФ^[320].

В каких сложных условиях блокады прорывались к Севастополю наши подводные лодки, видно из приводимых данных из вахтенных журналов некоторых из них.

Из восьми подводных лодок, вышедших из Новороссийска 29–30 июня, удалось форсировать ФВК № 3 и подойти к берегу в районе 35-й береговой батареи только подводным лодкам А-2 и М-112.

ПЛ А-2, где командиром был капитан 3-го ранга Гуз, прибывшая к подходу ФВК № 3 в 4.15 1.07.42 г. с грузом 13 т боезапаса и 2,5 т продовольствия, сразу же была атакована двумя катерами противника, сбросившими серию из восьми глубинных бомб. Всплыв в 19.45, не смогли определиться, так как весь берег от Фиолента до Херсонесского маяка был в огне. С момента прибытия до 20.50 1.07.42 г. на лодку было сброшено более 200 бомб. В 1.02 2.07.42 г. из штаба ЧФ была дана шифровка за № 2210, которой приказывалось выбросить в море боезапас и следовать в Херсонесскую бухту за людьми. На выброску боезапаса было затрачено 3 часа. В 13.50 02.07.42 г. лодка вошла в ФВК № 3 и прошла его на глубине 25 метров по счислению, слыша на втором колене фарватера шуршание минрепов о левый борт. В 21.18 2.07. подошли к Херсонесской бухте и легли на грунт на глубине 18 метров. Подготовили документы государственной важности к уничтожению на случай захвата ПЛ противником. За период с 05.25 до 20.20 было сброшено на ПЛ 75 бомб и такое же количество снарядов.

В 21.59 лодка всплыла в позиционное положение в расстоянии 1 кабельтова (182 м) от берега. Услышали на берегу ружейно-пулеметную и артиллерийскую стрельбу. Белые ракеты. Лодка подошла к берегу на полкабельтова. Плавсредств вокруг не было обнаружено. Тогда затемненным белым светом начали вызывать берег, но, кроме мигания, в трех местах ничего не писалось. И только после длительного запроса голосом на берегу началось пересвистывание. Началась стрельба и пуск белых ракет в сторону подводной лодки с берега. В 22.30 подошла первая группа из 4-х человек и до 23.00 еще

две группы по 5 человек. Бойцы плыли на камерах. Простояли до 24.00 2.07.42 г. Никто более не подходил. Поднялась луна, и корабль стал просматриваться. Переменили место в 00.00 3.07.42 г. Противник на прежнем месте стоянки произвел 30 выстрелов из артиллерийских орудий. В 04.30 определились и легли на выход по ФВК № 3 [\[321\]](#).

Подводная лодка М-112 вышла из Новороссийска в Севастополь 29 июня в 16.39. Подойдя к ФВК № 3 в 8.15 1.07.42 г., слышали непрерывные разрывы авиабомб. Тогда ушли на глубину 20 метров и попытались пройти к берегу ФВК № 2, но через перископ обнаружили 2 катера противника. Решили все же идти к берегу по ФВК № 3. Весь берег был в огне и разрывах и над ним летают самолеты противника. В 5.27 легли на курс 270° и вскоре на курс 23°, войдя в ФВК № 3. Береговые батареи постоянно обстреливают фарватер. 2.07.42 г. в 19.40 был обнаружен барказ между 2 и 3 створами. Прошли под перископом между барказом и берегом. В 19.50 барказ был утоплен авиацией противника. В 21.00 всплыли на траверзе Херсонесской бухты. Была видна разрушенная батарея, а на побережье наблюдалось скопление людей. Всплыли полностью. На берегу были видны сильные пожары, слышна сильная перестрелка автоматчиков, перебежки людей. Лодку обстреляли из автоматов и винтовок. Приняли светограмму с берега: «Идите на луч». В 23.03 слева на траверзе показалась шлюпка, в которой оказалось 8 человек. От спасенных бойцов командир лодки узнал, что Севастополь сдан. Все бухты и район 35-й батареи заняты немцами. Для облегчения и дифферентовки подводной лодки было выброшено за борт 5 ящиков боезапаса и потом еще 5. В 23.59 всплыли в крейсерское положение в подзарядку. В 00.44 03.07.42 г. прямо увидели катер-охотник. Срочное погружение. В 10.25 4.07.42 г. возвратились в Новороссийск [\[322\]](#). Не все командиры подводных лодок оказались такими смелыми и храбрыми, как эти двое. К сожалению, в выводах своего командования отмечалось у ряда из них, не выполнивших задания, отсутствие должной решительности и настойчивости, отсутствие элементарного риска, весь расчет которых строился на безопасности корабля [\[323\]](#).

В целом подводники, по заключению своего командования, самоотверженно выполнили все задания по доставке материальных ресурсов в Севастополь и вывезли в условиях блокады самые ценные

кадры Севастопольского фронта в последние дни обороны Севастополя^[324].

По данным командира батальона ВВС ЧФ лейтенанта Михайлика, а также других участников боев тех дней, в 09 часов утра 2 июля после артиллерийской подготовки, при поддержке минометов немцы пошли в наступление силой до 2-х рот со стороны бухты Круглой. Впереди шли румыны, а за ними немцы без рубашек, с косынками на шее. Бой приняла 1-я рота, 2-я рота держала под обстрелом дорогу из Балаклавы, 3-я рота обороняла Камышовую бухту от возможной высадки десанта противника. В течение дня бои велись с переменным успехом, доходя до рукопашной. Появились танки и начали обстреливать район Камышовой и Казачьей бухт. К вечеру 3-я рота была оттянута в расположение позиций батальона у Камышовой бухты. Как пишет Михайлик, учитывая безысходную обстановку, решили попробовать отдельными малыми группами по 30–40 человек прорваться в горы. Через связных был передан об этом приказ. Сделали несколько попыток, но, пройдя порядка 500 метров, группы встречали превосходящие силы противника и массированный заградительный огонь. Решили отказаться от этого плана, тем более что попытки прорыва делались в условиях давления противника с левого фланга, который начал обходить позиции батальона. По условному сигналу зеленой ракеты остатки подразделений батальона начали отход к аэродрому, но на пути отхода между верховьями Казачьей бухты и Малой (Соленой) Казачьей бухтой стоял тяжелый танк противника. В этот день немцы своими подвижными группами в составе танков и автоматчиков нащупывали и местами прорывали нашу слабеющую оборону. По данным В. Мищенко, в 19.00 2 июля три танка противника с автоматчиками на броне прорвались между 35-й батареей и берегом Казачьей бухты и заняли позицию в оконечности южного берега бухты Соленой, где, крутясь на одной гусенице, зарылись в землю и повели огонь по доту, где ранее располагался командный пункт 3-й особой авиагруппы (ОАГ), а также по другим сооружениям аэродрома. Во время наблюдения за обстановкой через верхнее вентиляционное отверстие дота прямым попаданием снаряда немецкого танка был убит руководитель обороны аэродрома полковой комиссар Б. Михайлов. По утверждению В. Мищенко, бывшего в момент гибели в доте, это произошло в 19.15 2 июля 1942 года.

Четвертый танк противника остановился несколько ближе к верховьям Казачьей бухты и стал препятствием для отхода подразделений батальона ВВС ЧФ. Добровольцы-краснофлотцы батальона гранатами уничтожили его. Остатки батальона заняли позиции в капонирах возле 20-й МАБ. Командир 20-й МАБ интендант 2-го ранга Н. Н. Губкин приказал создать группу добровольцев для уничтожения прорвавшихся танков с автоматчиками. Вызвались четыре пятерки краснофлотцев, которые, вооружившись гранатами, автоматами и пистолетами, около 2-х часов ночи 5 июля тихо на плоту подобрались к другому берегу бухты Соленой, завязали бой, уничтожив один вражеский танк и всех автоматчиков. Два вражеских танка успели уйти^[325].

Утром 2 июля у Херсонесского маяка, по сообщению начальника зарядной станции 20 МАБ старшего сержанта С. П. Ильченко, был собран весь обслуживающий персонал 20-й МАБ (сапожники, портные, шоферы и др.) и комиссар базы старший политрук Лукьянов дал команду: «Всем, кто может носить оружие, идти в оборону». Старшим сформированного подразделения в составе 108 человек он назначил воентехника Жукова. Было сформировано два взвода. Рота заняла позиции в районе 20-й МАБ и ниже КП 3-й ОАГ, где окопались, заняв землянки, капониры или воронки от авиабомб и снарядов^[326].

В район Херсонесского полуострова вплоть до маяка в течение 1 и 2 июля отходили остатки различных частей армии и Береговой обороны, рассредоточиваясь и занимая оборону в основном по южному берегу во избежание потерь из-за скученности в районе 35-й батареи. Как отмечалось, от 35-й батареи до маяка заняли по южному побережью остатки подразделений 9-й бригады морской пехоты, остатки батальона Бондаренко 7-й бригады морской пехоты. В районе берега от Херсонесской бухты до маяка у 551-й батареи заняли позиции в окопах и блиндажах остатки ПО зенитного артполка ЧФ с командиром полка В. А. Матвеевым и комиссаром полка батальонным комиссаром Н. Г. Ковзелом. За ними вдоль берега в сторону маяка заняли остатки 953-го артполка Приморской армии с командиром полка подполковником В. В. Полонским. Под скалами Херсонесской бухты расположилась штабная рота 109-й стрелковой дивизии, а также другие группы и подразделения, занимавшие для обороны и укрытия капониры, командные пункты и другие сооружения аэродрома, маяка, террасы, пещеры под берегом.

Количество раненых и убитых в первые дни июля, особенно 2 и 3 июля, росло неимоверно быстро из-за многочисленных контратак, массированных бомбардировок, артиллерийского, минометного, пулеметного и стрелкового огня противника. Тем более, что на оставшейся у наших войск небольшой территории размером примерно 5×3 км, где находились десятки тысяч защитников Севастополя, чуть не каждый вражеский снаряд, бомба или пуля находили свою жертву.

Командир санитарного взвода 20 МАБ военфельдшер С. В. Пух написал, что их выносили с поля боя и собирали на первом этаже Херсонесского маяка. Потом были заняты второй, третий и даже самый верхний этаж маяка. 3 июля во время массированного налета самолетов противника рядом с маяком упала тонная авиабомба. В результате взрыва рухнула часть стены маяка, похоронив под своими обломками сотни раненых.

Он также отметил, что после 30 июня перестало осуществляться снабжение медикаментами, в результате чего раненых, особенно тяжелых, нечем было перевязывать, накладывать шины, что ускорило гибель многих сотен тяжелораненых^[327].

Что же касается легкораненых, то многие из них перевязывались подручным материалом и продолжали воевать.

По данным старшего лейтенанта медслужбы К. Н. Кварцхелии, чей медицинский пункт находился в доте КП 3-го ОАГ, к вечеру 2 июля после гибели полкового комиссара Михайлова раненых в доте было уже свыше 60 человек. Ей удалось отправить часть из них на трех шлюпках, а также на подошедшем катере, всего около 40 человек^[328].

По данным военврача 2-го ранга Иноземцева, в бывший КП ИЛ-2 непрерывно поступали раненые, и вскоре он был полностью забит^[329].

Под скалами берега Херсонесской бухты находился госпиталь «Подкаменный», как его называют ветераны, в котором была более двухсот тяжелораненых, не говоря о легкораненых. Вообще, раненых под обрывами берега от 35-й батареи до маяка было не одна тысяча. Понятие «раненый» перестало в тех условиях быть чем-то особенным^[330].

2 июля авиация противника произвела усиленную бомбардировку аэродрома, стремясь исключить всякую возможность возобновления его деятельности.

Помощник командира 551-й батареи старший лейтенант Наумов пишет, что «особенно усиленно нашу батарею начали бомбить в первых числах июля. На батарею пикировало по 10–15 самолетов Ю-87 или Ю-88. Они одновременно бомбили и нашу батарею и 35-ю батарею. Уже в округе не стреляла ни одна зенитная батарея. Наша вела огонь последняя. Личный состав проявлял исключительный героизм, раненые не покидали позиций. Разрывами бомб заваливало людей, орудия. Их откапывали и снова вели огонь. Сначала была разбита одна пушка, потом вторая и третья. Осталась одна пушка командира Глика»^[331].

Старший лейтенант Г. Воловик отмечает такую особенность. В боях при наступлении на наши позиции 2 июля противник проявлял осторожность, так как у нас действовало одно орудие 551-й батареи. В критические моменты оно открывало огонь по танкам и пехоте, но к концу дня снаряды закончились, а утром 3 июля оно было разбито прямым попаданием авиабомбы^[332].

По рассказу младшего сержанта Г. И. Овсянникова из 404-го артполка 109-й стрелковой дивизии, он со своими командирами находился у скал возле Херсонесского маяка. «Было много народу из других частей. Уже вечерело. Нас собрал полковник пехоты и сказал, что связь с Большой землей есть, маяк работает, но беда в том, что последняя бухта занята немцами. Надо от бухты их отбросить. И мы опять пошли отгонять немцев. По-моему, это была бухта Казачья»^[333].

При отражении атак немцев, писал Г. Воловик, было много случаев, когда краснофлотцы-смельчаки выползали навстречу танкам и бросали гранаты под гусеницы, а когда танки разворачивались, поджигали их бутылками с горючей жидкостью. К 3 июля эти боеприпасы были израсходованы^[334].

Вот один фронтовой тыловой факт глазами гражданского человека Р. С. Ивановой-Холодняк. После подрыва башен 35-й батареи она с подругой отвела от башен батареи раненного в ногу председателя Балаклавского горсовета Михайлиди к спуску у Херсонесской бухты, а сами по просьбе одного из командиров съездили на полуторке за водой к маяку. Полуторку нашли среди множества автотранспорта, находившегося в скученном состоянии у берега бухты. Эти машины поочередно бойцы разгоняли и сбрасывали с обрыва в море. Когда приехали на маяк, то внутрь их не пустили, а взяли три их бидона и

вскоре вынесли полными пресной воды. Воду доставили, а машину водитель направил в море. Потом с подругой они и другие девушки собирали у убитых и раненых патроны, гранаты, винтовки и автоматы и подносили к группе бойцов под скалами, которые их чем-то промывали, заряжали диски к автоматам.

Какие-то бойцы пришли с линии фронта и рассказывали, что где-то недалеко какой-то командир, подпустив вражеский танк, подорвал его вместе с собой. Потом привели небольшого роста красноармейца и стали его подбрасывать на руках и кричать, что он герой, подорвал немецкий танк и заслуживает награды. И это все происходило, когда противник ни на минуту не прекращал артобстрел полуострова^[335].

Санинструктор Н. М. Бусяк из 1-го батальона 8-й бригады морской пехоты написал, что враг применял на Херсонесе психические атаки с воздуха, сбрасывая помимо бомб, рельсы, пустые бочки, а иногда и с горючим. После бомбежки — сумерки. Не поймешь, день или ночь. Жара 40°, бойцы истощены до безумия. Нет перевязочных материалов, нехватка командиров, войска раздроблены. Нет воды и хлеба. Но дрались, и в ход шло все, что было под рукой: обломки бревен, булыжники и мат^[336].

Старший лейтенант В. А. Типиков из 20-й МАБ, отражавшей атаки противника в западной части Херсонесского полуострова в составе роты ВВС ЧФ, вспоминает, что 2 июля командир роты объявил, что придут транспортные суда и будет эвакуация с небольшого причала в Херсонесской бухте^[337].

Действительно, в ночь со 2 на 3 июля ожидался подход сторожевых катеров, однако он не был связан с ходившими слухами среди бойцов и командиров, что придет «эскадра», придут 14 кораблей для эвакуации. К сожалению, эти слухи были заблуждением не только рядового, но и командного состава армии, в том числе и временного руководства армией, о котором пойдет речь ниже.

Выступая на военно-исторической конференции в 1961 году в Севастополе, полковник И. Хомич говорил: «У меня все время звучала цифра 14 кораблей. Мне генерал Новиков сказал: „За нами идут 14 кораблей“. Все говорили об этих 14 кораблях. Их ждали дни и ночи и дрались до последнего человека»^[338].

Выступивший вслед полковник Д. Пискунов говорил уже о 14 транспортах с катерами, которые должны были придти в ночь со 2 на 3

июля. К сожалению, и Хомич, и Пискунов, и другие товарищи ошибались. В действительности Новиков говорил о 14 кораблях, которые должны были прийти в ночь с 1 на 2 июля, согласно списку кораблей, врученных Октябрьским Ильичеву на 35-й батарее вечером 30 июня перед своим вылетом на Кавказ.

В списке значились 4 быстроходных тральщика, 10 сторожевых катеров и пять подводных лодок, которые предназначались для вывоза в первую очередь старшего комсостава. Фактически в ночь с 1 на 2 июля пришли только 2 тральщика и 8 сторожевых катеров. Как уже упоминалось, два БТЩ, получив повреждения и простояв у ФВК № 3 у подходной его точки, не сумев определиться из-за отсутствия створных огней, повернули назад. Из трех сторожевых катеров, вышедших первыми по эвакуации, два получили повреждения и вернулись в Туапсе, третий пришел к 35-й батарее, где у причала взял людей и прибыл в Новороссийск. 7 сторожевых катеров отряда Глухова прибыли на рейд 35-й батареи. Таким образом, вместо 14 кораблей прибыло 10, но в темноте ночи всех их не разглядели (по воспоминаниям участников, их было от 2-х до 5 катеров) и посчитали, видимо, за первый отряд кораблей по эвакуации, и поэтому думали, что те 14 кораблей (транспортов) придут в следующую ночь.

Почему все были введены в такое заблуждение? Видимо, Новиков в той общей неразберихе до конца сам не разобрался и посчитал, что 14 кораблей еще придут. Только так можно объяснить надежды и высказывания Хомича и Пискунова, а вместе с ними и других участников последних дней обороны в сложившемся положении с приходом кораблей. С другой стороны, эта распространяемая надежда помогала драться с врагом до последней возможности.

В своем выступлении на этой военно-исторической конференции Д. Пискунов рассказал, что он занимался не только вопросами формирования резервов для обороны, но и подготовкой мест подхода катеров в Херсонесской бухте для последующей перегрузки людей на транспорты.

Согласно воспоминаниям Пискунова, временное руководство армией в составе бригадного комиссара (Хацкевича) и начальника штаба майора Белоусова разместилось в штольне берега Херсонесской бухты, где ранее отдыхали летчики с Херсонесского аэродрома. Свой командный пункт Пискунов расположил в гроте берега той же

Херсонесской бухты, но в его пониженной части. По его словам, подполковник Бабушкин через восстановленную радиостанцию в 35-й батарее держал связь с Новороссийском через подводную лодку в море, ввиду ограниченной по дальности мощности радиопередатчика. Командовавший правым флангом обороны полковник Гроссман свой КП держал на 35-й ложной батарее. На все КП была подана проводная связь с 35-й батареей.

П. Моргунов отмечает, что 2 июля около 10 ч. 30 мин. штабом Черноморского флота была перехвачена радиограмма открытым текстом на волне командования СОРа: «Танки противника реагируйте немедленно Колганов». До сих пор не удалось установить, кто ее передал и кому она была адресована. Имела ли она отношение к временному руководству армией? Была ли у Бабушкина какая-то радиосвязь с войсками на фронте обороны? Эти и многие другие вопросы; связанные не только с деятельностью временного руководства армией, о работе которого, в частности, имеются пока только косвенные сведения, требуют дальнейшего изучения. Одних воспоминаний Пискунова по этому важному вопросу недостаточно. К тому же из пяти членов временного руководства армией в живых тогда остался только Пискунов. Так, например, по положению рубежей обороны за июльские дни имеются расхождения с воспоминаниями других участников обороны и архивными данными.

Подводя итоги боевых действий за 2 июля 1942 года, можно сказать, что в этот день наша оборона устояла, и в Херсонесской бухте готовились к приему сторожевых катеров.

В своем выступлении на военно-исторической конференции в части приема катеров и транспортов в Херсонесской бухте и на ее рейде Пискунов кратко отметил следующее:

«Я возглавлял всю подготовительную работу. Было принято решение принимать транспорта в районе мыса Херсонес — бухте Херсонесской. Было подготовлено 6 причалов (мест на необорудованном берегу. — Авт.) для приема катеров, так как понимали, что транспорта вплотную к берегу не подойдут. Вот почему было подготовлено 6 причалов для подвоза к транспортам катерами людей с учетом большого погружения в воду.

Затем на каждый причал были выделены группы автоматчиков для поддержания порядка. Был подготовлен Херсонесский аэродром для приема самолетов, так как имелись сведения, что они должны были прилететь. Был спланирован план прихода войск на посадку с фронта. Вокруг меня вырос огромный актив моряков-специалистов. Я был, собственно, центром, вокруг которого все вращалось. Со мной советовались по делам моряки-специалисты. Я был начальником 1-го причала. В штольне было 50 человек старшего командного и политического состава соединений. Принимались меры, чтобы их во чтобы то ни стало эвакуировать. Были приняты меры к тому, чтобы эвакуировать тов. Меньшикова. Он был предназначен на посадку на катер на 3-м причале, где размещался штаб руководства в эти дни»^[339].

Некоторые пояснения к этим воспоминаниям. Подготовка причалов, как это следует из последующих пояснений Пискунова, заключалась в промерах глубин у берега для возможности подхода катеров вплотную к берегу. На каждый причал было выдано по электрическому фонарику для обозначения места подхода катеров.

Касаясь вопроса эвакуации секретаря обкома партии по пропаганде и партизанскому движению в Крыму Ф. Д. Меньшикова, следует сказать, что действительно Меньшиков с секретарем Севастопольского горкома комсомола А. Багрием и другими сопровождающими товарищами в первой половине дня 2 июля пришли со стороны маяка, как об этом написал Пискунов и подтверждает секретарь Балаклавского горкома комсомола в те годы Р. С. Холодняк^[340]. По словам Пискунова, Меньшиков читал и одобрил воззвание к бойцам и командирам Приморской армии, подписанное от имени Военного совета армии Пискуновым и представителем политотдела армии батальонным комиссаром Файманом, в котором они призывали бойцов и командиров держать оборону, чтобы обеспечить эвакуацию. А если она не удастся, то нужно пробиваться в ночное время в горы.

Пискунов свел Меньшикова с бригадным комиссаром, а после неудачи с посадкой на катера Меньшиков с бригадным комиссаром

ушли по берегу и находились внутри 35-й батареи, где позже, чтобы не попасть в руки врагов, покончили с собой.

В части некоторых подробностей организации посадки на сторожевые катера в Херсонесской бухте на рассвете 3 июля по данным Пискунова, еще в полночь был запрошен Новороссийск, откуда пришел ответ, что самолетов не будет, но катера ждите. Согласно разработанному плану эвакуации с фронта начали подходить подразделения армии. Фронт оголялся. На берегах Херсонесской бухты скопилось много бойцов и командиров. Подошедший начальник штаба майор Белоусов проявил тревогу, так как катеров не было, а на марше все новые подразделения, фронт был совсем оголен. Но вот катера прибыли и стали приближаться к берегу. По словам Пискунова, он хорошо видит командира сторожевого катера и предупреждает, что здесь будут грузиться тяжелораненые старшие командиры и политработники. Командир катера отвечает, чтобы начинали выносить раненых поближе к берегу и бросает швартовный конец. В это время случилось непредвиденное. Люди, стоявшие на спуске в бухту, лавиной бросились вдруг на берег, смяв охрану, и столкнули вынесенных раненых в воду. Катер дал задний ход, отошел несколько. Толпа утихла. Но когда стал снова подходить, то толпа снова бросилась к катеру, стали плыть к нему. Катер отошел в море. Такая же картина наблюдалась, по его словам, и на других местах подхода катеров к берегу. Пискунова масса людей толкнула в воду. Когда выплыл на берег, он подошел к бригадному комиссару и майору Белоусову, которые стояли в окружении комсостава частей у командного пункта и выражали свое недовольство организацией посадки. Произошел обмен мнениями. Все пришли к выводу, что нужно драться до конца. По призыву идти в оборону бойцы и командиры стали уходить на позиции. Таким образом, организация посадки из-за стихии масс была сорвана. Иллюзии Пискунова насчет прибытия вместе с катерами транспортов рассеялись много лет спустя, когда Пискунов встретил одного из спасшихся 3 июля на одном из катеров; тот сказал, что никаких кораблей на рейде в ту ночь, кроме сторожевых катеров, не было ^[341].

О некоторых обстоятельствах эвакуации в ночь на 3 июля из Херсонесской бухты и организации обороны 2 июля рассказал лейтенант С. Н. Гонтарев из 134-го гаубичного артполка 172-й

стрелковой дивизии. По его словам, он со своим подразделением отошел 2 июля к 35-й береговой батарее и затем к маяку. Проводилась организация обороны. Организовывались группы. Было сказано, что придут корабли. В его группе было 600–700 человек. В организации обороны участвовал майор Кац. Слышал, что полковник Пискунов руководил обороной на участке, где был Гонтарев. Отбирали всех здоровых. Одних раненых отправили к маяку, других под берег, третьих в 35-ю батарею.

Со 2 на 3 июля организация обороны существовала, но не знаю, кто это делал. Часовые были расставлены на спусках к берегу Херсонесской бухты. Катера пришли с запозданием, когда засветился слегка утренней зарей восток. Видел там Пискунова. Что получилось. Все в обороне, так как был приказ отбросить ночью со 2 на 3 июля немцев. Патроны были не у всех. Но здесь попытки прорваться не было. Надо было прикрыть эвакуацию. Гонтарев был ранен и находился в Херсонесской бухте на камне. Ночь. Раненые уснули. Вдруг видит, что идут 4 катера, а один из них прямо к большому камню, где находился он. Катер подошел, слегка толкнулся носом о камень. С катера бросили конец. Поймав его, хотел закрепить за камень. Бросилась толпа, и катер отошел, а Гонтарев полетел в воду. Катер отошел в море, остановился. На местах погрузок утонула масса людей.

Когда взошло солнце, увидел Пискунова без фуражки, худой, черный и рядом с ним Л. И. Яценко из 95-й дивизии. Пискунов смотрит в море, стоит, как статуя, лицо неподвижное, как парализованное.

Потом говорит: «Какая армия погибает!», а Яценко: «Такую армию за год не подготовишь». А Пискунов: «Такую армию и за десять лет не подготовишь»^[342].

Нельзя не рассказать здесь о благородном, геройском поступке одного из местных севастопольских рыбаков, который, рискуя жизнью, доставил раненого майора на один из катеров на рассвете 3 июля, как об этом написал автоматчик из 747-го стрелкового полка 172-й стрелковой дивизии А. И. Почечуев, находивший тогда под обрывами берега у 35-й батареи: «Поутру, только начало сереть, со стороны моря на плоту из досок гребет человек. Немец с берега надо мной дал по нему очередь. Тот прилег. Потом снова начал грести руками. Очень

больно было смотреть на это и я снял последним патроном немца. Немцы это сразу не заметили. Я помог ему сойти на берег. Ему было лет 55–60. Сказал, что с вечера взял раненого майора на плот, а теперь возвращается домой, а дома его старуха ждет. Одет он был в морскую робу»^[343].

О том, как происходила эвакуация из Херсонесской бухты 3 июля, написали бат. комиссар А. Кулаков из Особого отдела штаба ЧФ, шедшего на СКА-039, и командир СКА-019 лейтенант Н. А. Оглы-Аскеров.

Утром 2 июля 1942 года от 4-й пристани холодильника Новороссийской ВМБ с 09.28 до 11.10 отошло пять сторожевых катеров — СКА-019, СКА-039, СКА-0108, СКА-038 — и в 13.35, сгруппировавшись, отряд под командой командира звена старшего лейтенанта В. П. Щербины снялся на Севастополь. На борту катеров находились 4 командира и 16 краснофлотцев под командой А. Кулакова, имевших особое задание. К заданной точке катера подошли на рассвете 3 июля 1942 года. На море стоял туман, тишина. Спустили резиновую шлюпку и послали на берег лейтенанта Дебирова для установления связи с командованием и порядка организации приема людей. Через 15 минут услышали шум, крики, послышалась пулеметная и автоматная стрельба. Приблизились к берегу. Туман стал рассеиваться. Увидели, что к катерам плывет масса пловцов. Сбросили с катеров концы. Приплыл Митрофанов и сообщил, что лодку перевернули, а Дебиров утонул. Немцы открыли артиллерийский и минометный огонь, услышав стрельбу на берегу. К командиру СКА-039 привели приплывшего связного командира с берега, который сообщил, что надо прислать шлюпки, так как многие не умеют плавать.

Н. А. Оглы-Аскеров рассказывает так. Свой катер он приблизил к берегу на 15–20 метров. С катера на берегу заметили большую группу людей, некоторые из них вошли по грудь в воду.

Слышались просьбы подойти ближе. СКА уткнулся носом в песок. На катер хлынули люди. Дали задний ход, но моторы заглохли. Катер плотно сидел на песке, а люди продолжали взбираться.

Аскеров крикнул в мегафон проходившему недалеко флагманскому катеру СКА-059, чтобы тот стянул его с берега, что тот и сделал. На борт СКА-019 было принято более 100 человек^[344].

Фактически, согласно сводке о поступлении личного состава частей РККА и РККФ из Севастополя за 2–7 июля 1942 года по состоянию на 12.00 7 июля 1942 года, 4 июля прибыло из Севастополя на СКА-082 — 108 человек, на СКА-0108 — 90 человек, на СКА-019 — 79 человек, на СКА-038 — 55 человек, в том числе 39 человек начсостава, на подводной лодке М-112 — 8 человек. Почему не указана СКА-039 и почему на СКА-019 оказалось менее 100 человек, как это утверждал Аскеров, неясно^[345].

Что касается приплывшего связного командира с берега на СКА-039, то скорей всего, им мог быть пулеметчик из пулеметной роты 381-го стрелкового полка 109-й стрелковой дивизии, красноармеец П. В. Егоров из Сталинграда. Вот что написал автору этот высокого воинского долга и личной ответственности защитник Севастополя:

«Ожидали эскадру, как нам обещали. Вместо эскадры появился катер. Все взоры были обращены к нему. Он стоял на рейде метров 150–200 от берега. Услышал у собравшихся командиров, чтобы кто-то поплыл на катер. Сказал, что я плавать могу. Спросили откуда я, ответил — из Сталинграда. Тогда кто-то сказал: „Волжанин, плыви и скажи, чтобы катер подошел к выступу, а они перейдут туда“. Снял обмундирование и поплыл к катеру. Подплывая к катеру, сказал, что направлен специально сказать, куда надо подойти катеру. Матрос бросил швартовный конец, не успел ухватить, как катер пошел на то место, куда сказал. Он уткнулся в берег и дал задний ход. Несколько человек зашли на него и он ушел в открытое море. Возвратился на берег, оделся и с группой командиров пошли в партизаны»^[346].

В хронике Великой Отечественной войны на ЧФ события этой ночи 3 июля 1942 года отмечены так:

«В течение ночи продолжалась эвакуация мелкими кораблями и подводными лодками. 3 июля Севастополь был оставлен советскими войсками. 2 самолета МБР-2, вылетевшие в район Севастополя в ночь на 3 июля с целью

эвакуации личного состава, не выполнили задания из-за того, что не был выложен ночной старт и Казачья бухта обстреливалась пулеметным огнем противника. По сообщению экипажей южнее Херсонесского маяка наблюдалось большое скопление людей. С берега сигнализировали фонарями, давали красные и белые ракеты. У береговой черты стоял один морской охотник и несколько шлюпок. В районе 35-й батареи наблюдались взрывы артснарядов. Дневная авиаразведка из-за облачности не дала результатов»^[347].

Эту картину эвакуации в Херсонесской бухте дополняет авиамеханик из 40-го авиаполка ВВС ЧФ В. М. Осотов, из сводного бат. ВВС: «Прошел в сторону аэродрома по берегу. Вся дорожка усеяна трупами людей. Отдельные капониры для самолетов разрушены. Под скалами берега множество военных и гражданских людей. Опустился под берег по „лазам“, сделанных нами раньше напротив каждого капонира нашей эскадрильи. Была еще ночь, ближе к рассвету 3 июля 1942 года. Вдруг слышим гул моторов, всмотрелись, катера-охотники идут со стороны Херсонесского маяка вдоль берега и направляются в наш район. Остановились по одному вдоль берега в 200–500 метрах. И тут началось! Все море от берега заполнили человеческие головы, все плыли к катерам. Это что-то невероятное! Над катерами и над местом 35-й батареи сделал один или два круга самолет с бортовыми огнями. Я понял, что это был наш самолет. Покружив, он ушел в море. От скалы отошел один армейский товарищ и говорит мне, что не плывешь, плыви, а я не умею плавать. Спасибо ему. Я поплыл, наметив курс на самый крайний, так как видел, как на другом катере матросы вытаскивали из воды канатами бойцов. На моих глазах два матроса тянут канат с человеком, а за него цепляются два-три, потом все обрываются в море и так почти на всех катерах. Я подплыв к катеру ухватился за металлическую пластину, отошедшую от привального бруса. Матросы меня вытащили на палубу. Лежал, а потом, придя в себя, посмотрел на воду — просто ужас берет, от самого берега до катеров все люди. Время стоянки истекло и катера взяли курс на Новороссийск»^[348].

«Наутро, — написал в своем письме-воентехник 2-го ранга Г. П. Сорокин, — начальник артснабжения из 134 артполка 172 стрелковой дивизии, у берега, сколько было видно, в 7–8 человеческих тел толщиной тысячи погибших полоскались волной. Факты достоверны»^[349].

«Страшно становится, когда вспоминаешь, что произошло в Херсонесской бухте утром 3 июля 1942 года. На моих глазах утонуло много людей. Их тела в самых разнообразных позах хорошо были видны в воде», — так подвел итог этой эвакуации полковник Д. Пискунов.

После того как выплыл на берег, пишет Пискунов, присоединился к бригадному комиссару и майору Белоусову, которые стояли в окружении командного состава частей у своего командного пункта. Состоялся серьезный обмен мнениями о создавшейся обстановке. Все пришли к выводу, что нужно драться до конца. По приказу уйти в оборону, люди возвращались в оборону, но тут произошла неприятность. Наши люди встретились с противником на полпути на линии Камышовой бухты — мыс Фиолент. В то же время в Камышовую бухту вошли катера противника и ударом в спину лишили нас возможности восстановить положение. По желанию, по упорству, по духу я считаю, что в этот день мы восстановили бы положение, но удар противника в спину решил исход. В 18 часов наши части отошли к 35-й батарее и в темноте линия фронта оказалась между верховьями Камышовой и Казачьей бухт.

Таким образом, на исходе дня 3 июля, подытожил Пискунов, противник вышел на побережье юго-западной части Гераклеяского полуострова, а начиная с утра четвертого июля приступил к очистке бухт от осевших там воинов Приморской армии. Причем район бухт Песчаной, Камышовой, Казачьей и Херсонесской он очистил от наших войск 4 июля. Район Стрелецкой и Карантинной бухт — 5 июля. Очистка Ново-Казачьей (Голубой) бухты и 35-й батареи растянулась до 12 июля 1942 года и повторялась дважды 9 и 12 июля^[350].

Однако, по сведениям капитана В. Смурикова, ранним утром 3 июля к берегу Казачьей бухты в районе расположения раненых и части наших бойцов вышли немцы, которые их пленили^[351].

Что касается очистки берега Херсонесского полуострова между маяком и 35-й батареей, то, по данным В. Мищенко, за Херсонесской

бухтой в сторону маяка был участок берега, где скрывалась группа наших воинов до 17 июля^[352].

С наступлением рассвета 3 июля 1942 года на поле аэродрома и вокруг него разгорелись жестокие бои. Начались танковые атаки фашистов. Со всех сторон из капониров для самолетов на танки бросались с гранатами красноармейцы и краснофлотцы. В этот день отражением атак руководили инициативные командиры. По воспоминаниям военврача И. Иноземцева, возле его землянки, где он находился по ранению, руководил боем и стрелял по щелям танков инженер-майор, высокий и широкоплечий, из аэродромной команды. При каждой танковой атаке он выбегал из землянки и кричал: «Товарищи! Способные держать оружие выходите, на нас опять идут танки!» Из его землянки то и дело выскакивал с наганом легкораненый лейтенант в армейской форме. Он бежал со связкой гранат во весь рост, а затем после броска гранаты полз по земле по-пластунски. В этих боях подбили два танка. Один загорелся и ушел, второй опрокинулся в воронку из-под авиабомбы. После контратаки собирали патроны и набивали пулеметные ленты, готовились к следующему бою. Атаки чередовались с бомбежками и артобстрелами. Землянки переполнены ранеными. Жарко, душно, жажда, морская горько-соленая вода вызывала еще большую жажду. Всех не покидала надежда на приход наших кораблей^[353]. День 3 июля 1942 года, как отмечает старший лейтенант Г. Воловик, который находился на позициях 55-го зенитного артдивизиона, был днем кошмара. Погибло и было ранено много наших воинов. Весь день бомбежки, минометный и артиллерийский обстрел наших позиций, затем шли атаки противника и наши контратаки.

«Мы много раз ходили в контратаки, — вторит ему старший лейтенант Наумов. — Немцы подошли к аэродрому. Мы вели огонь из винтовок и пулеметов. В наших атаках на противника все перемешалось. И наши и остатки других частей. Бои шли по участкам. Пытались прорваться в горы, но не получилось. Потери были большие. Мы все были в морской форме и были хорошей мишенью для противника, немцы в маскхалатах. Комбат К. Беликов с группой краснофлотцев ворвался в расположение немцев. Они начали кричать: „Русс, сдавайся!“ Беликов поднял людей и прорвался обратно к нам»^[354].

«Во второй половине дня 3 июля наш участок атаковали фашисты с пятью танками и тремя бронетранспортерами. Эта группа противника двигалась со стороны 35-й батареи. Бой длился до вечера, и мы с большими потерями все же отогнали фашистов», — так запомнил этот день сержант С. П. Ильченко из 20 АГ^[355].

Так шли бои в течение всего дня 3 июля.

Согласно политдонесению Политуправления ЧФ, оборону 35-й батареи, аэродрома и пристани наши бойцы держали до утра 3 июля, ожидая катеров, подводных лодок и самолетов, но так как ничего не было, оставшиеся политработники и командиры стали организовывать отряды и с боем прорываться в горы. Так, например, командир 55-го зенитного дивизиона майор Буряченко с группой в 200 человек и военкомом 114-го зенитного дивизиона Донюшкиным в 250 человек повели свои отряды на прорыв^[356].

В этой попытке прорыва, а по сообщению Пискунова, она была предпринята днем 3 июля в основном силами ПВО ЧФ, участвовал и Г. Воловик, который написал, что им тогда пришлось отступить и снова занять свои позиции, так как не смогли прорвать огневые заслоны немцев. Наутро вступили в последний бой^[357].

Вторая крупная попытка прорваться в горы, по сообщению Пискунова, была произведена в ночь на 4 июля, в которой участвовало более двух тысяч человек. Противник, очевидно, учитывая, что имеет дело с людьми, находившимися в отчаянии, отвел свои войска, оставив охранение. Наша разведка точно установила, что было три огневых точки в охранении противника. Две огневых точки тихо сняли, а с третьей постигла неудача. Очевидно, попался экспансивный человек. Вместо того, чтобы тихо подползти к пулемету, метрах в пятнадцати от него он поднялся и с криком бросился на пулемет. Пулеметчик успел дать очередь. Слышал потом, что человек двести прошло, но их частично выловили^[358].

Очень образно описал обстановку перед этим прорывом и ее ход в ночь с 3 на 4 июля военврач 2-го ранга И. П. Иноземцев:

«Еще до наступления сумерек в нашей землянке стали говорить о подготовке к прорыву в горы. Батальонный комиссар из Приморской армии стал подбирать группу людей для этого. Ко мне подошел военврач Кирпичев. Он

был одет в ватник и подпоясан туго ремнем, за который засунул две ручные гранаты и наган. Кругом продолжали рваться снаряды, все горело. Над аэродромом стоял едкий дым и смрад. Казалось, что все ушли, кроме раненых. Мы с медсестрой спустились под обрыв берега Херсонесской бухты около КП ПЕ-2, где было большое скопление раненых. Вдруг в первом часу ночи 4 июля со стороны немцев затрещали пулеметы, забил ураганный артиллерийский шквал огня. Земля дрожала от разрывов снарядов. Над головой полетели трассирующие пули. Мы поняли, что наши пошли на прорыв. А фашисты думали, что идет высадка морского десанта и поэтому открыли огонь по всем площадям полуострова.

Прорыв наших товарищей не удался. Немцы из пулеметов косили людей, как косой. Только 18 человек смогли свернуть и уйти на ложную батарею. В их числе были лейтенант Знаменский, старший лейтенант Щербаков и майор Соловьев»^[359].

По сообщению участников прорыва, в нем участвовали также раненые и немало безоружных людей. Отмечается, что район прорыва был освещен осветительными ракетами. Это была последняя крупная попытка прорыва в горы. Потом из-под скал было немало других попыток прорыва группами разной численности, большинство которых либо погибли, либо были взяты в плен, и только небольшой части удалось прорваться в горы.

Надо отметить, что прорвавшиеся 3 июля к капонирам и сооружениям аэродрома отдельные группы немцев к вечеру 3 июля отошли к перешейку между Казачьей бухтой и 35-й батареей. Этот рубеж обороны и остался до 6.00 4 июля 1942 года.

Наши бойцы и командиры вынуждены были спуститься под обрыв на всем протяжении берега от Херсонесского маяка до 35-й батареи и дальше в сторону мыса Фиолент.

Согласно воспоминаниям полковника Пискунова, он вместе со своими помощниками, бригадным комиссаром и майором Белоусовым в ночь на 4 июля перешел из Херсонесской бухты под берег 35-й батареи. Здесь Пискунов встретился утром 4 июля с полковником

Хомичем, полковником Васильевым, майором Жуковским, майором Какуриным и многими другими старшими командирами, которых знал по обороне. На вопрос, видели ли они секретаря обкома партии тов. Меньшикова, Ответили, что видели. А майор Чистяков, начальник оперативного отделения 95-й дивизии, пояснил, что т. Меньшиков и молодой человек укрылись в батарее. Пискунов обратил внимание на то, что настил причала из досок оказался разобранным для строительства плотов и подручных средств для переправы через море^[360].

Наступило утро 4 июля 1942 года. Рано утром немцы с воздуха разбросали листовки с призывом сдаваться в плен, что они делали каждый день. Реакции не последовало. Тогда вновь началась огневая обработка всего участка обороны на Херсонесском полуострове, небывалая по мощности. «На этот раз немцы решили нас стереть с лица земли, — вспоминает Г. Воловик. — Такой бомбардировки, артиллерийской и минометной, еще не было. Боеприпасы у нас кончились. Вражеские самолеты бомбят с воздуха, истребители на бреющем полете ведут пулеметный обстрел. Все, кто держал оборону в окопах, вжимались в землю. Особенно много людей погибало, в том числе и гражданских, находившихся на узкой прибрежной полосе берега под скалами. Немецкие истребители заходили с моря и, подлетая к берегу на бреющем полете, в упор расстреливали скопления беззащитных людей. Прибрежная вода была полна трупов. Положение было отчаянное. К тому же июльская жара, четыре дня без пресной воды и пищи и удушающий трупный запах от заваленных ими окопов.

После огневой подготовки немецкая пехота начала штурмовать нашу линию обороны. Отвесный огонь заметно ослабел. Стрелять было нечем. Немцы, видно, понимали, что наша оборона выдыхается, чтобы не нести потери, отходили и вновь повторяли бомбежку и артобстрел. Стремясь расчленив нашу оборону, они после огневой подготовки повели наступление клиньями при поддержке танков, один из которых пришелся на позиции 55-го дивизиона. Немцы расчленили нашу оборону на участки, и началось массовое пленение защитников Севастополя. Стволами орудий к морю стояла цепь немецких танков. Основная масса наших бойцов и командиров была пленена в 14–15 часов 4 июля 1942 года»^[361].

Большинство наших бойцов и командиров было пленено под угрозой оружия. Но было и другое. Красноармеец А. П. Авдошенко, автоматчик из 138-й стрелковой бригады, написал, что «4 июля, часов в 9—10 утра немцы после сильной артиллерийской подготовки с гребня у 35-й батареи бросили в атаку танки. Наш последний рубеж обороны был прорван. Со стороны маяка бежали наши бойцы с белыми тряпками и нижними рубашками в руках и махали ими. Это был конец»^[362].

Что было делать фактически безоружным защитникам Севастополя, прижатым к морю вооруженными до зубов фашистами? На этот непростой вопрос в какой-то мере дают ответ слова одного из старших командиров, оказавшегося в те трагические часы в землянке неподалеку от Херсонесского маяка, слова которого сохранил в своей памяти младший сержант Г. И. Овсянников, разведчик-наблюдатель 1-го дивизиона 47-го отдельного артполка 109-й дивизии:

«Утром 4 июля моряки и приморцы на досках, лодках и вплавь уходили в море в надежде, что их подберут наши корабли. Немецкие самолеты стреляли по ним из пулеметов.

Около 12 часов подошли немецкие танки и с берега стали стрелять навесным огнем по нас, а с моря самолеты из пулеметов. Наш командир 1-го артдивизиона капитан Коновалов спрашивает у полковника пехоты, находившегося в землянке: „Что будем делать?“ А он отвечает, что у нас есть три выхода: утопиться, застрелиться или плен, но только из плена можно бежать и мы будем еще полезны Родине. Нашли железный ящик из-под патронов, завернули свои партийные и комсомольские билеты и удостоверения в целлулоид и положили в него, зарыв в скалах возле маяка»^[363].

Часов в 14—15 они попали в плен. Отвечая на вопросы анкеты, Овсянников написал: «Мы даже не знали, что наш командир дивизии генерал Новиков был оставлен за командующего и о новом Военном Совете ничего не было известно. Бабушкин — командир нашего артполка и комиссар нашей дивизии бригадный комиссар Хацкевич, которых я лично знал, это очень хорошие, преданные патриоты нашей Родины. В плену я очень много хорошего слышал о полковнике

Пискунове. Из плена бежал и еще освобождал Прагу. Все так и получилось, как предсказал полковник пехоты»^[364].

Много севастопольцев, жертвуя жизнью, уничтожали фашистов. 4 июля во время последнего боя один из командиров поднял руки вверх и двинулся к немецкому танку, ползающему по нашим окопам; раздался сильный взрыв, а от командира ничего не осталось. Танк загорелся. Так написал свидетель этого героического подвига неизвестного командира сержант С. П. Ильченко из 20-й АБ ЧФ^[365].

«К нам, севастопольцам, фашисты относились особо, считая нас трижды коммунистами, — писал секретарь политотдела 95-й дивизии политрук Н. И. Андриянов и добавил: — Мы, работники политотдела, после безуспешной попытки прорваться в горы в ночь на 4 июля, посоветались и решили, всячески маскируясь, по-прежнему проводить среди наших бойцов в плену политработу в новых условиях»^[366].

После пленения основной массы наших воинов, скопившихся на Херсонесском полуострове, на аэродроме стали хозяйничать фашисты. В 150 метрах от КП ПЕ-2 была вырыта яма, куда втаскивали наших павших бойцов и командиров. Но сопротивление продолжалось на отдельных участках полуострова. За минным полем в камнях отстреливались до 8 июля около 50 моряков, из которых остались в живых трое тяжелораненых. В числе погибших были старшины 1-й статьи шифровальщики морской оперативной группы генерала Новикова В. С. Кобец и И. О. Зоря. Об этом написал один из оставшихся трех в живых, старшина 1-й статьи из 20 АБ ЧФ В. А. Семенов^[367].

До 7 июля сражались остатки 953-го артполка под берегом между маяком и Херсонесской бухтой. Командир полка подполковник Полонский после тяжелого ранения застрелился^[368].

4 июля немцы взорвали скалу, под которой располагался наш госпиталь в Херсонесской бухте. Под берегом этой бухты и в других местах было много раненых. Немцы, видя одно из больших таких мест с ранеными (напротив КП ПЕ-2), в течение 10 минут забрасывали их гранатами, написал военврач И. П. Иноземцев, находившийся неподалеку. В результате из 150 человек остались в живых около 15. Весь берег в этом месте был покрыт трупами, наваленными друг на друга. Тяжелораненые кричали, просили их пристрелить. Кто мог

двигаться, полз к воде и тонул. Немцы пристрелили всех, кто не мог подняться и идти. Жестокость, варварство фашистов было беспредельным.

5 июля с рассвета немцы продолжили зачистку южного берега Херсонесского полуострова от маяка до 35-й батареи. Неподалеку от маяка под обрывом находилась группа наших воинов.

«На обрыве показался немец с белым флагом, — пишет связистка из полка связи армии Т. А. Любецкая. — Его наши ребята сняли из винтовки. После этого нас накрыли огнем и потом подошли катера с двух сторон и нас пленили. Посадили на камни у берега. Стояла гробовая тишина. Даже крикливые немцы молчали. Стали всех собирать и строить по 10 человек в колонну. Весь берег был зажат танками и танкетками. Немцы только СС. Пленных было много, сколько глаз видел, вся дорога до горизонта. Нас повели. У Камышовой бухты лежали немцы в шортах и стреляли по загнанным в воду нашим бойцам. Когда заканчивали убивать, брали очередную десятку и загоняли в воду. Если кто падал от изнеможения, то немцы его убивали»^[369].

В момент пленения немцы выявляли политработников, коммунистов и евреев и тут же на месте их расстреливали. Перед пленением многие командиры срывали с себя знаки различия или переодевались в форму бойцов, чтобы избежать расстрела. Некоторые командиры и даже рядовые предпочитали смерть плену. И таких было немало. Это была трагедия наших воинов, которые считали, что попали в безвыходное положение.

«4 июля попал в плен, — написал краснофлотец-радист из учебного отряда ЧФ Н. А. Янченко. — По дороге нас конвоировали предатели из татар. Они били дубинками медперсонал. После тюрьмы в Севастополе нас конвоировали через Бельбекскую долину, которая была заминирована. Там очень много погибло наших красноармейцев и краснофлотцев. В Бахчисарайском лагере набили нас, яблоку некуда упасть. Через три дня погнали в Симферополь. Сопровождали нас не только немцы, но и предатели из крымских татар. Видел один раз, как татарин отрубил голову краснофлотцу»^[370].

«На рассвете у Камышовой бухты вели столько пленных, что просто не верили своим глазам, что так много воинов было в строю. Весь день шли колонны пленных. Мы не раз поднимались в атаки,

чтобы отбить от конвоиров своих братьев», — написал в своем письме краснофлотец из 8-й бригады морской пехоты И. В. Антонюк. И потом, когда их пленили, он вспоминает: «... нас построили и погнали по четыре в ряд. Все рваные, грязные. Немцы стреляют, бьют прикладами, стреляют то вверх, то в кого-либо, то по колонне.

Когда вывели на Ялтинскую дорогу, то, не доходя до Сапун-горы, навстречу шла колонна танков. Они не свернули, а нас фрицы тоже не повернули вправо. Тех, кто пытался выбежать из колонны, немцы расстреливали из автоматов.

Так с головы и до хвоста колонны одну шеренгу танки и задавили гусеницами. Нас не останавливали. Танки тоже все время шли. Многие бросились бежать, но были расстреляны»^[371].

По рассказу В. Мищенко, он с краснофлотцем И. П. Москаликком были взяты в плен утром 5 июля под берегом Херсонесской бухты. Свою флотскую форму прикрывали зелеными плащ-накидками, так как немцы расстреливали моряков в черной морской форме. У Москалика под накидкой был немецкий автомат с двумя рожками, из которого он неожиданно открыл в упор огонь по фашистам, когда они проходили между двух их шеренг, уничтожив много фашистов слева и справа от себя. Когда побежал к берегу, был убит. Таких героических подвигов тогда было немало. В. Мищенко, шедший в одной из колонн пленных, свидетельствует, что из трех тысяч их колонны до лагеря в Симферополе «Картофельное поле» дошла только половина пленных, остальные были расстреляны в пути конвоем из немцев и предателей из крымских татар^[372].

4 июля 1942 года, как написал И. Михайлик, он с несколькими своими бойцами находился на аэродроме в доте. Примерно в девять утра началось пленение. В этот момент слышны были пулеметные очереди со стороны Херсонесского маяка. Примерно через полчаса после этого и эти остатки неизвестной воинской части были пленены. Эта часть находилась на западном берегу полуострова недалеко от маяка.

«Нас согнали всех вместе и вели по дороге вдоль капониров к Соляной бухте. На берегу бухты было много тяжелораненых. Немцы разрешали подбирать их на плащ-палатки и нести их с собой. Так мы прошли Казачью бухту,

где спуск с 35-й батареи. Колонну остановили, и немец переводчик объявил, чтобы вышли врачи, и указал место им. Потом человек двадцать отобрали из строя и приказали снести тяжелораненых вниз. Туда же увели врачей. Нас повели дальше. Я не видел, чтобы во время пленения или по дороге к этому первому месту нашей остановки кого-то расстреляли. Но нам объявили, что раненым, которые могут идти, разрешается идти в общей колонне, но если кто отстанет, то будет расстрелян. Так оно и было на всем пути до Бельбека.

Когда стали обходить Камышовую бухту, то увидели, что румыны собирают убитых. Увидев нас, они стали стрелять по нашей колонне. Очень многие, особенно голова колонны, пострадали. Немцы их разогнали.

На Бельбеке немец-переводчик объявил, чтобы комиссары и политруки вышли в указанное место. Затем вызвали командиров. А в это время предатели из крымских татар ходили между пленными и выискивали названных людей. Если кого находили, то сразу уводили и еще человек 15–20, рядом лежавших.

Мы с Кисловым попрощались и вышли в колонну командиров»^[373].

Жительница города Севастополя Л. А. Тарасенко, которой в 1942 году было 14 лет, написала, что до сих пор в памяти стоит бесконечная черная лента попавших в плен защитников Севастополя. В большинстве своем они были раненые, контуженые, в почерневших от крови повязках под палящими лучами июльского неба.

«Озверевшие от долгого сопротивления немцы выхватывали из колонны моряков и стреляли их в упор. Наши бойцы то в одном, то в другом месте дрались с немцами-конвоирами. Когда мы вышли на шоссе, я была потрясена, увидев, как огромные машины наезжали на пленных, и когда проехали, то люди были расплющены как лягушки на асфальте. Человеческая жизнь для оккупантов

ничего не значила. Сколько безымянных героев легло тогда, но непокоренных духом!»^[374]

Изоощренность в убийстве наших военнопленных фашистами и их прихлебателями из числа предателей крымско-татарского народа не знала границ.

Военфельдшер 3-го батальона 287-го стрелкового полка 25-й Чапаевской дивизии А. П. Мараренко (Лукашевская) вспоминает, что «их тогда захватили в плен эсесовцы. Гнали вместе с нашими ранеными по дороге на Инкерман босиком. Били и расстреливали обессиленных. Тяжелораненых мы волокли на себе. В Инкермане за колючей проволокой речка Черная. Кто кинулся попить, умыться, там и остался. Всех забросали гранатами»^[375].

И таких примеров было много. Наших воинов, попавших в плен, гнали из района последних боев на Херсонесе по разным дорогам из Севастополя в Бахчисарай и Симферополь. После прохода каждой колонны по обочинам дорог лежали застреленные наши бойцы и командиры, ослабевшие от ран и голода. Особенно немцы ненавидели наших моряков-краснофлотцев и старались их убивать без всякого повода. И таких примеров жестокой расправы с ними можно привести очень много.

«Немцы в черной форме с засученными руками, верзилы с пьяными мордами из колонны выхватывали пленных и в 5–6 шагах стреляли в затылок им. Пока дошли до Бахчисарая, и половины не осталось от колонны», — вспоминает краснофлотец А. П. Утин^[376].

Причину такой ненависти к морякам очень точно выразил в своем письме снайпер из 772-го стрелкового полка 386-й стрелковой дивизии Ф. П. Городов:

«Моряки дрались, не жалея своей жизни. Если пехота дрогнет, туда морскую пехоту, и успех обеспечен. Да, это были смелые, бесстрашные и преданные своей Родине люди, поэтому немцы их так ненавидели и сильно их боялись, когда они шли в наступление». «Нас, защитников Севастополя, — писал он в своем письме, — стрелял, кто хотел, а матросов вообще не оставляли». Городов приводит пример. Когда он шел в колонне пленных, то видел, что «одного нашего бойца, раненного в голову, вели под руки два его товарища. Гимнастерка у него была расстегнута и была видна тельняшка. Немец-конвоир

заметил ее и доложил офицеру. Всех троих сразу же вывели из строя и тут же у обочины расстреляли»^[377].

Все военнопленные проходили сначала предварительную фильтрацию на месте пленения, где отделяли отдельно командиров, рядовых, раненых, которые подлежали лечению и транспортировке либо уничтожению. В полевом лагере под Бахчисараем фильтрация проходила более тщательно. Прошедшие через этот лагерь Г. Воловик, А. Почечуев и многие другие отмечают, что там подразделение предателей из крымских татар, переодетых в немецкую форму, будоражило всю массу военнопленных, выискивая евреев, пытаясь, кто укажет на комиссара. Всех выявленных концентрировали в специальной загородке из колючей проволоки, размером 8×10. Вечером их увозили на расстрел. Почечуев пишет, что за шесть дней его пребывания в этом лагере каждый день расстреливали по 200 человек, собранных в эту загородку. Эти выявления и расстрелы продолжались во всех лагерях на пути их следования на Украине, Польше, Германии.

Надо отметить, что немцы широко использовали наших пленных в Севастополе и его окрестностях на разминировании, а также на расчистке завалов, разных раскопках и других работах. В Севастополе размещалось в первые дни после захвата города более десяти мест, где содержались разной численности наши пленные. По воспоминаниям старшины 1-й статьи Н. Н. Алексеенко из 279-го отдельного батальона связи 109-й стрелковой дивизии, после неудачной попытки пробиться морем из-под берега Фиолента в район мыса Айя 4 июля он был захвачен в море вражеским катером, доставлен в Балаклаву и затем в лагерь на Куликово поле, где содержалось около 4500 наших пленных. Оттуда он в числе 200 человек был взят на «работу», а фактически на разминирование минных полей в районе Мекензиевых гор. После такого разминирования, когда шеренгой по сто человек с расстоянием между людьми в 1 или 1,5 метра с палками-щупами в руках шли по минному полю, а сзади вторая такая шеренга, то в живых осталось человек 16. Получивших ранения при взрыве мин пристреливали^[378].

В таком же разминировании, но под Балаклавой, участвовал и чудом остался жив старшина 1-й статьи А. М. Восканов из 79-й бригады морской пехоты. Была одна особенность. За ними в 50 м шла

шеренга татар с палками, а позади на расстоянии немцы с автоматами^[379].

Как уже упоминалось, 5 июля немцы отвели свои войска с побережья Гераклеяского полуострова от мыса Фиолент до Херсонесского маяка и оставили усиленные посты, особенно в районе 35-й береговой батареи, где под скалами укрывалась еще не одна тысяча наших воинов, которые надеялись на приход наших катеров, но в то же время делались попытки прорваться в горы. Такие попытки шли неоднократно, но находящиеся сверху над обрывом вражеские посты уничтожали или брали в плен наших бойцов. Редко кому удавалось прорваться.

Рассказывает политрук А. Е. Зинченко. «С 1 по 5 июля я находился под скалами берега в районе Херсонесского маяка. Все время без воды, пищи под непрерывным обстрелом сверху и с моря, с катеров. Со скалы на нас бросали связки гранат. Под скалами встретился с секретарем Корабельного райкома партии Ворониным, начальником военторга Жарковским. От Воронина узнал, где находятся партизанские базы — в алуштинских, зуйских и старокрымских лесах. Подобрали группу, вооружились автоматами и гранатами, пистолетами и решили идти на прорыв в ночь на 6 июля между Казачьей бухтой и 35-й батареей. Когда настала ночь, с моря был дан сигнал с катеров: „Кто может плыть — плывите. Ближе подойти не можем“. Немцы открыли огонь по катерам и плывущим к ним людям, навесив осветительные ракеты на парашютах.

А наша группа вместе с другими пошла на прорыв. Я предложил ребятам своей группы переплыть Казачью бухту. Когда переплыли, то нас оказалось 20 человек. Пробирались кустарниками между Севастополем и Балаклавой. Встретили две машины немцев, но они повернули назад. На рассвете Воронин и Жарковский ушли от нас. Прошли все крымские леса, но не встретили ни одного партизана. Так мы бродили по лесам до сентября месяца, а в сентябре решили по 2 человека пробиться к линии фронта через станцию Джанкой. Мне удалось это сделать, и войну я закончил в составе 46-й армий в звании старшего лейтенанта»^[380].

Положение наших воинов под скалами было очень тяжелым. «Днем немцы сидели на крутом берегу, пишет воентехник 2-го ранга Сорокин, — кидали вниз гранаты, стреляли и не давали возможности

набрать хотя бы морской воды. Смелчак с каской пробежит, наберет воды между трупами, очередь с автомата положит его рядом с другими. Так было. Зато ночью мы отгоняли немцев»^[381].

По данным А. И. Лощенко, 3 июля их на правом фланге обороны у 35-й батареи немцы прижали к берегу. Пришлось спуститься под обрыв берега. Переодевшись в гражданский костюм, который дала ему жена, он, выйдя из-под берега, был взят в плен. При этом он наблюдал возмутительное варварство фашистов, которые заставляли наших командиров садиться на корточки и расстреливали их в голову сзади. Один из наших командиров быстро схватил камень и кинулся на немца с возгласом: «Умрем за Родину, за Сталина!», сшиб фашиста с ног и впился зубами в его горло. Фашисты бросились на помощь. Фашист был мертв, а тело нашего командира — кровавое месиво. Ему приказали лезть под скалу, и тут же он был ранен. Притворившись мертвым, с наступлением сумерек спустился под обрыв, где встретился с полковником Гроссманом. Попытались строить плот, но камеры пропускали воздух. Последняя попытка была в ночь на 6 июля. Вчетвером поднялись наверх, ползли, но были освещены прожектором. Немцы открыли огонь. Был тяжело ранен в ногу. Спустились под берег 9 июля, катера противника очищают берег. Берут всех под скалами 35-й батареи — полковника Солоутникова — начальника артснабжения армии, полковника Васильева — помощника начальника артснабжения армии и многих других. Лощенко с Гроссманом спрятались под скалу. Немцы ее забрасывают гранатами, после чего наши военнопленные выносят его и Гроссмана наверх. Немцы отправили их в городок 35-й батареи. Несли их на руках. Гроссмана в один барак, его в другой. По сведениям майора Попова из 110-го полка связи Приморской армии, Гроссман был расстрелян^[382].

Общее положение наших бойцов и командиров, в котором они оказались под обрывами южного берега Херсонесского полуострова и от 35-й батареи до мыса Фиолент, очень точно выразил авиамеханик 2-й авиаэскадрильи 3-го истребительного полка ВВС ЧФ В. Н. Фокусов, находившийся в эти дни там.

«Мы, четыре человека с комиссаром эскадрильи, надеялись, что придут наши корабли и вывезут нас на Большую землю. Все жили этой надеждой. Под берегом

скопилось много защитников Севастополя, оставшихся без оружия и боеприпасов. Ночью мы подавали световые сигналы в море. Но наши надежды не оправдались. Мы несколько раз пытались пройти, переплыв под скалами, незаметно выбраться на берег и уйти к партизанам, но немцы не давали никакой возможности подняться на берег. Они бросали вниз под скалы гранаты, стреляли, кричали, чтобы мы вышли наверх, но мы не сдавались. Надеялись на помощь своего родного флота. Но флот так и не помог нам»^[383].

5 июля в 2.30 из Новороссийска в Севастополь снялся последний отправляемый туда отряд сторожевых катеров в количестве шести единиц. Отряд шел в составе 3-х звеньев по два сторожевых катера в каждом под общим руководством капитан-лейтенанта Тарасова: СКА-039 и СКА-0175 под командой старшего лейтенанта Щербины, СКА-0108 и СКА-088 под командой капитан-лейтенанта Склера, СКА-074 и СКА-071 под командой капитан-лейтенанта Тарасова. Все три звена по приходу к берегу Севастополя действовали самостоятельно парами. В пути следования с 11.35 до 19.08 отряд катеров подвергался семи атакам самолетов противника.

«В 23.30 5 июля СКА-088 и СКА-0108, согласно донесению командира звена Склера, прибыли в район Херсонесского полуострова, объявив готовность № 1. В 24.00 пошли десятиузловым ходом в расстоянии 100 метров от берега, который непрерывно освещался ракетами. Стрельбы не было слышно. В 00.11 6 июля подошли к берегу на 50 метров ближе. С берега был открыт по катерам огонь из пулеметов. В ответ был открыт огонь из пушек и пулеметов. Поставили дымовую завесу, сбросив в 00.25 в воду МДШ (морскую дымовую шашку), и прекратили огонь по берегу. По сброшенной МДШ с берега был открыт огонь шрапнелью. Людей не было видно. В 01.00 легли на курс 138° и пошли в базу. В 04.55 обнаружили шлюпку, с которой сняли 12 военнослужащих РККА. В 13.42 6 июля прибыли в Новороссийск.

Звено сторожевых катеров старшего лейтенанта Щербины в точке широты 44–23,1 и 33–21,6 долготы взяли на борт 7 человек, находившихся в кузове автомашины на автомобильных камерах. В 00.09 прошли траверз мыса Фиолент в расстоянии от него в 2–2,5

мили. Курс 316°. В 00.27 изменили курс на 87°. В 00.53 подошли на четверть кабельтова к пристани 35-й батареи. С берега начался ружейный обстрел. В 00.57 заметили с берега белые проблески и легли курсом на них. Подошли к Херсонесскому маяку на 1,5 кабельтова, откуда был открыт огонь из пушек и ружейный. Остановили моторы для прослушивания. Подойдя правее маяка на 25–50 метров, людей не заметили на берегу. В 01.05 пошли вдоль берега до 35-й батареи на расстоянии от берега в 40–50 метрах под непрерывным обстрелом. В 01.10 застопорили моторы и стали звать голосом людей с берега и дали белую ракету по берегу. Снова в 01.35 осмотрели берег. Обстрел продолжался. Людей на плаву не было видно. В точке широта 44–32,4 и долгота 33–25,2 подобрали 3-х человек с плота. От них узнали, что на берегу людей около 2000 человек в камнях и пещерах. Противник обстреливает людей под берегом. Противник вооружен пулеметами, автоматами и минометами. Вблизи причала стоят три танка. Командир дивизиона старший лейтенант Щербина приказал СКА-0175 следовать с нами в направлении проблесков на берегу. В 02.03 и в 02.08 подошли к берегу, спустили шлюпку с целью сообщить, чтобы люди вплавь шли к катеру, так как к берегу подойти нельзя.

В 02.09 убило старшего лейтенанта Щербину (3 раны). С согласия лейтенанта госбезопасности Мухачева легли на курс 180° для следования в базу совместно с СКА-0175. В течение 2-х часов разведки катеров вблизи берега не видел. В 02.30 встретил по курсу СКА-074 и СКА-071. В 18.15 6.07.42 г. прибыли в базу». Так написал в своем боевом донесении командир СКА-039 старший лейтенант Верба.

Из боевого донесения капитан-лейтенанта Тарасова следует, что при подходе к месту операции в 01.20 6.07.42 г. катера освещались ракетами по всему берегу от мыса Фиолент до Херсонесского маяка. Велась стрельба вдоль берега. По всей возвышенности берега сидели автоматчики. В момент окончания горения ракет подходил к берегу на 2–3 кабельтова, но ничего не было обнаружено. С мыса Херсонес била пушка, но всплески ложились мористее.

Между мысом Фиолент и Балаклавой была замечена артиллерийская перестрелка. В 00 часов 40 минут огонь велся с двух противоположных сторон. Был обнаружен пустой плотик в 02.25 в расстоянии 4–4,5 мили от берега^[384].

В донесении Тарасова упоминается факт артперестрелки в 00.40 6 июля в районе между мысом Фиолент и Балаклавой. Со всей очевидностью можно утверждать, что это были бойцы и командиры, шедшие на прорыв в горы из-под высокого берега мыса Фиолент, согласно рассказу старшины 1-й статьи Н. Алексеенко, который был участником этого прорыва, но в числе группы прорывающихся морем на подручных средствах.

С группой бойцов в течение 2–4 июля он прорывался к мысу Фиолент от 35-й батареи вдоль берега моря, часто вступая в бой с противником и отгоняя его на 200–500 метров от него. Под берегом Фиолента, как ему сказал один из лейтенантов-финансистов, собралось 1600–1800 человек. На совете командиров было решено ночью на 5 (6) июля прорываться в горы, а кто умеет плавать — плыть морем на подручных средствах в район берега между мысом Айя и Балаклавой. Пловцов набралось около 200 человек, в основном моряков. В их числе был и Алексеенко.

С наступлением сумерек (видимо, все же 5 июля) часть пловцов, не дожидаясь начала общей атаки, начала плыть вдоль берега. Алексеенко был примерно в середине растянувшихся по морю пловцов. В их распоряжении было всего около 5 часов темного времени.

В море слышал взрывы гранат на берегу, мин, автоматные очереди. Рассвет застал середину плывущих на траверзе Балаклавы, откуда вышли два катера, перетопили почти всех, взяв на борт человек 12, в том числе Алексеенко. На причале их соединили с 50 бойцами, прорывавшихся берегом. Они сказали, что почти все погибли^[385].

Факт прорыва из-под скал Фиолента подтверждает В. Мищенко, которому об этом рассказывали многие участники прорыва^[386].

Из показаний группы военных, прибывших на СКА-039 в количестве 10 человек 6.07.42 г., в том числе помощника начальника политотдела по комсомолу 25-й Чапаевской дивизии старшего лейтенанта В. В. Воропаева, командира орудия 359-й зенитной батареи младшего сержанта В. Т. Тарабрикова, химиста 4-го дивизиона дотов и дзотов старшины 2-й статьи Селиванова, обстановка под берегом в районе 35-й батареи была такой:

«Личный состав различных частей окружен в районе 35-й батареи и скрывается в щелях, траншеях (террасах) под обрывом. Основное количество людей находится западнее пристани, где лежат раненые и имеется часть гражданского населения. 4 июля в этой траншее было обнаружено 30 мешков сухарей, которые были распределены между всеми. Вода в воронках на берегу. Противник выставил дозоры и часовых по всему берегу. Днем в район щелей и траншей изредка бросают гранаты. Ночью освещают морской сектор ракетами и временами ведут огонь. Настроение у личного состава — в плен не сдаваться. Наметили два плана прорыва. Первый прорыв через окружение сушей с боями, второй обойти линию дозоров морем, высадиться на берег в гористой местности и соединиться с партизанами. Для этого собираются группы по 4–10 человек, которые сооружают плоты и ночью выходят в море. Подобранный личный состав как раз и выполнял этот план, находясь на плотках в двух группах. Первая вышла от берега с 3 на 4 июля и была подобрана на зюйд-весте от Балаклавы в 8–10 милях. Плот был сооружен из кузова трехтонки на 12 резиновых камерах. Продовольствие — мешок риса, воды на 10 суток. Вторая группа из 4-х человек отошла от берега в ночь с 5 на 6 июля, которую подобрали в том же районе. Плот из досок на надувных камерах. Сухари и вода на 3 суток. Обе группы имели револьверы, винтовки, патронов по несколько штук. По их заявлению при попытках отойти от берега в ночь с 3 на 4 июля несколько плотов было обстреляно и уничтожено. 4 и 5 июля небольшая группа людей вступила в перестрелку с румынским часовым и были расстреляны. Старшим командиром, возглавляющим осажденных, является подполковник, фамилию которого не знают. Из разговоров знают, что на берегу имеется комсостав флота и армии. 7.07.42 г.»^[387].

Кто же был этот подполковник, руководитель, возглавляющий осажденных? Со всей уверенностью можно утверждать, что им был начальник штаба 109-й стрелковой дивизии подполковник

С. А. Камарницкий, который, по воспоминаниям начальника МПВО Корабельного района Севастополя Лубянова, с группой 288 человек укрылся в 35-й батарее, когда немцы 3 июля заняли весь берег над ней. Осажденные разместились в помещении главного боезапаса (артпогребов). Была сформирована рота с разбивкой по взводам. На батарее был обнаружен склад продовольствия, где был рис, мука, сахар, хлеб и крупы. Но пресной воды на батарее почти не было. Немного ее оказалось в котле, но ее давали только раненым. Ночью по штормтрапу спускались на берег (от 1-й башни) и приносили ведрами морскую воду. Давали по кружке. Варили на бездымном порохе рис с сахаром и тоже давали по кружке. Так питались с 5 по 10 июля. Спали в вентиляционных ходах. Утром 7 июля подошли два немецких катера и открыли огонь. Снаряды рикошетировали и рвались в толпе, спешившей укрыться в коридоре и складе боезапаса. Через полчаса обстрел прекратился. Немцы приставили пожарные выдвижные лестницы. Раздался крик тревоги. Лубянов и другие бойцы бросились к входам. У каждого были автоматы, гранаты. Дав немцам подойти поближе, забросали гранатами и открыли огонь. Немцы отошли на катера, которые минут через 10–15 ушли. Среди защитников батареи было убито 33 человека, еще больше было раненых. Среди убитых был подполковник Камарницкий, майор и другие командиры и рядовые. Руководство группой принял на себя старший лейтенант Буянов. Ежедневно уходившие на разведку люди не возвращались. 8 июля из посланной группы вернулся матрос Миша. Он сказал, что в районе Камышовой немцы и к мысу Фиолент их тоже много, особенно в бывшем Георгиевском монастыре. Можно пробраться в сторону городка 35-й батареи, так как нет сплошной охраны, они сидят по 5–6 человек группами.

9 июля около 7 часов утра снова появились немецкие катера. Оставив по 2 человека у каждого вентиляционного воздухозаборника, Буянов всем приказал укрыться в складе боеприпасов, а броневую дверь закрыть. Немцы опять поставили пожарные лестницы. Их снова забросали гранатами, и они отошли на катера, которые минут 30–40 вели огонь из пушек и пулеметов и потом ходили вблизи батареи целый день. 10 июля, когда было спокойно, члены партии решили, что укрываться бессмысленно. Надо пробиваться в горы. Было решено идти двумя группами. Одна в сторону маяка, вторая в сторону

Фиолента. Днем 10 июля заготовили побольше вареного риса и оставили его тяжелораненым. Первая группа в 09.30 вечера в количестве 4-х человек пошла в сторону маяка. Во второй группе, в числе которой был Лубянов, предварительно сходили за морской водой. Но когда двинулись, то вниз обвалился камень, шум. Немцы осветили берег. Едва укрылись в пещере. Немцы бросали гранаты. Часа через два, когда стихли разговоры немцев сверху, пошли. Шли местами вплавь. Лубянов и политрук остались на берегу на дневку, двое других ушли вперед. Политрук к вечеру застрелился, так как у него была гангрена ноги. Вокруг было много трупов. Большинство застрелившихся. Увидел вдали городок 35-й батареи. Залез в одну из разбитых машин. Проснулся — немец с собакой. Привели к офицеру, а там были все, что ночью вышли из батареи. Группа старшего лейтенанта Буянова шла в сторону Фиолента и наскочила на немецкую заставу. Пытались прорваться с боем, но потеряли трех человек, а сам он был ранен в руки. Нас поместили в лагерь в винограднике на Рудольфовой горе, где уже было около 5–6 тысяч наших пленных^[388].

Сообщение Лубянова подтверждается рассказом старшины 1-й статьи В. И. Потапова из комендантского взвода охраны 35-й батареи, бывшим в те дни июля под командой старшего лейтенанта Буянова, которому со старшиной 2-й статьи Овечкиным удалось уйти в горы самостоятельно от всех групп^[389].

Независимо от группы Комарницкого внизу в подземном ходопотерне, который шел от массива батареи к левому КДП и имел выход к морю, до 9 июля оставалось много наших воинов, укрывавшихся от бомбежек, обстрелов с моря и с берега в надежде на приход наших катеров.

Р. С. Иванова-Холодняк, которая находилась там до 9 июля, рассказала, что попала в подземный ход батареи случайно, когда с подругой пробиралась 3 июля из Херсонесской бухты берегом, а где и вплавь в сторону Фиолента в надежде попасть в Балаклаву. Возле входа в подземный ход ее предупредили бойцы, что дальше хода нет. У Голубой бухты немцы. По ее сведениям, в радиорубке, о которой ей рассказали радисты, наладили прием передач с Большой земли и слышали, что Севастополь оставлен и все войска планомерно эвакуированы. Наладить передачу сообщений о положении оставшихся защитников Севастополя не получалось, по причинам, ей

неизвестным. За водой ходила с чайником в массив батареи к баку и поила раненых и бойцов. В какой-то из дней подошел какой-то корабль. Стали семафорить, а он оказался румынским. Кто семафорил, ушли в радиорубку, и вскоре оттуда вышли ребята и сказали, что решено выходить наверх. Выходили и шли берегом в сторону Херсонесской бухты к пониженной части берега, где был выход на берег. По пути в скалах видели бойцов, которые стригли друг друга под машинку, брились и, видимо, тоже собирались идти вместе со всеми. Шли гуськом друг за другом, иначе невозможно было пройти. На выходе на берег в Херсонесской бухте вокруг стояли немецкие автоматчики, некоторые немцы были с фотоаппаратами и фотографировали нас. Всех обыскивали и забирали ценные вещи. Показали, где сесть мужчинам и женщинам. Выходили долго. Пришел немецкий офицер с переводчиком и приказал: «Комиссарам, командирам, юдам встать!» Сначала никто не поднимался, потом, после с третьего раза, поднялся один, потом другой, а потом поднялись вдруг все. Никто не остался сидеть. Немец разругался и ушел. Построили всех в колонну по четыре, мужчины впереди, женщины позади и повели в сторону Фиолента. В колонне Иванова-Холодняк видела работников обкома партии Куликовского, Кувшинникова, секретаря Севастопольского горкома комсомола Багрия и других. Меньшикова в колонне не было. Был слух, говорила она, что он застрелился. Говоря о наших бойцах и командирах, Иванова-Холодняк сказала: «Я не видела панического страха на их лицах. Это были самоотверженные люди. Лица их были усталые, запыленные и сосредоточенные. И отбиваться нечем. Глядя на них, и мне не было страшно. И когда подошли катера, они ведь кинулись к ним не из-за страха. Это была не паника, а естественное желание не попасть в плен. Они прекрасно сознавали, что если им удастся эвакуироваться, то война для них не будет закончена»^[390].

По данным полковника И. Ф. Хомича, плененного в этот день 9 июля 1942 года под обрывом 35-й батареи, было пленено около пяти тысяч приморцев^[391].

После этой зачистки берега, в которой участвовали 9 вражеских катеров, в 35-й батарее, как упоминалось выше, укрылись в воздухоочистительных ходах-патернах группа С. А. Камарницкого и небольшие группы в составе 5 человек: одна Пискунова, другая

майора А. М. Белоусова, которые продолжали искать возможность прорваться в горы.

Полковник Пискунов в своих воспоминаниях писал о неоднократных попытках прорваться в горы из-под крутого, обрывистого и высокого берега 35-й батареи в течение 5–12 июля 1942 года.

При этом он отмечает, что ночью 6 июля он со своей группой прошел в Херсонесскую бухту с целью разведки. Перед их взором предстала жуткая картина. Берег бухты вдоль уреза воды на всем его протяжении был завален трупами. Они лежали кучами и просто в ряд так, что ногу негде было поставить между ними. Это был результат расправы озверевшего врага во время очистки этой бухты от оставшихся войск Приморской армии днем 4 июля 1942 года.

Немецкие и румынские офицеры неоднократно сверху кричали нам сдаваться, но им отвечали на это огнем. В ночь на 6 и 7 июля были две попытки прорваться в горы, но они окончились для этих больших групп неудачно. Пыталась прорваться берегом в сторону Балаклавы группа врачей.

7 июля решили пробиваться через башни 35-й батареи, находившихся под охраной противника, предварительно сняв часовых. Был сформирован отряд для этого в 80 человек из людей в основном 95-й стрелковой дивизии, куда вошла и группа Пискунова. Возглавил отряд начальник штаба 95-й дивизии майор А. М. Кокурин. День 8 июля ушел на подготовку. И в этот день немцы начали лить в башни мазут, смешанный с керосином и бензином. Набросали зарядов и подожгли. Начались взрывы и пожар.

9 июля с приходом катеров противника к берегу 35-й батареи и зачистки берега, враг повторил выкуривание из батареи. Снова лили горючее и бросали заряды. Снова большой пожар. В живых остались люди, находящиеся в воздухоочистительных ходах, имевших прямой выход в крутом берегу над морем. 10 июля противник закрыл выходы из башен и проник в батарею.

12 июля противник занял позиции по краю берега у батареи и с 8 утра в течение около трех часов забрасывал берег ручными гранатами. Потом подошло несколько катеров, с которых спустили резиновые лодки, в которые сели по три автоматчика. Началась последняя зачистка берега.

Гражданских лиц оказалось человек двадцать, в основном женщины, их увели сразу. Военных было 120. В их числе было 10 женщин военных медиков и 15 рядовых. Остальные — комсостав, в основном, средний. В числе пленных оказались командир артполка подполковник И. И. Хаханов, зам. командира 109-й стрелковой дивизии полковник Имановили, командир армейского артполка майор Б. Н. Регент, начхим 95-й дивизии майор М. В. Рубинский, подполковник Н. К. Карташев из штаба ЧФ, бывший начарт 386-й дивизии полковник Д. Д. Коноплев, подполковник К. А. Кудий, капитан А. Н. Чуйков, начальник штаба одного из полков 109-й стрелковой дивизии, командир 134-го гаубичного артполка майор Голубев, полковник И. Н. Карташев, начальник артиллерии 95-й дивизии полковник Д. И. Пискунов и другие^[392]. В этот день 12 июля 1942 года, можно сказать, фактически закончилась героическая оборона Севастополя, которая длилась не 250 дней, а 259. По некоторым данным, в воздухоочистительных ходах 35-й батареи и в недоступных для противника некоторых местах южного побережья Херсонесского полуострова и до мыса Фиолент еще оставались небольшие группы защитников Севастополя. Их судьба пока неизвестна. Взятый в плен 12 июля сержант управления штаба 95-й стрелковой дивизии Н. Л. Анишин написал, что «когда нас вывели на берег, то перед строем пленных вышел немец и произнес короткую речь, если ее можно так назвать. Он сказал: „Немецкое командование вас милует, потому что вы храбро сражались“. Так с достоинством охарактеризовал он нас, защитников Севастополя, но в родном Отечестве мы оказались в немилости»^[393].

Рядовой 142-й отдельной стрелковой бригады Ф. П. Землянский, находившийся в 35-й батарее и взятый в плен в этот же день запомнил, как немец-переводчик перед строем пленных сказал что «мы своим бессмысленным сопротивлением задержали отправку немецких войск на Кавказский фронт» и когда он кончил говорить, то из строя пленных вышел подполковник или полковник и сказал следующее:

«Дорогие мои товарищи, защитники Севастопольской обороны, мы сейчас в плену у врагов, но мы не сдались, мы стойко и честно защищали наши священные рубежи. И если кому из нас доведется остаться в живых, то передайте

соотечественникам о том, что мы свой воинский долг
выполнили до конца, пусть знают об этом люди!»[\[394\]](#)

Послесловие

Заканчивая краткое исследование событий последних дней героической обороны Севастополя за период 29 июня — 12 июля 1942 года, в заключение хотелось бы привести небольшую выдержку из статьи вице-адмирала, доктора военно-морских наук К. Сталбо, в которой, на наш взгляд, очень емко и точно подводятся итоги обороны Севастополя 1941–1942 гг.

«Невольно вспоминаются слова декабриста М. А. Бестужева: „Севастополь пал, но с такою славой, что каждый русский, а в особенности моряк, должен гордиться падением, которое стоит блестящих побед“».

И далее. Эти слова перекликаются в полной мере с оценкой окончания обороны Севастополя академика Е. В. Тарле:

«Оборона Севастополя является изумительной летописью о патриотизме, самоотверженности военных качеств и доблести русского народа. Только русский моряк и русский солдат могли, создать такую поразительную историческую драму, написанную русской кровью»^[395].

Эпопею героического подвига воинов Приморской армии, частей и соединений Черноморского флота, защищавших Севастополь до последней возможности, необходимо продолжить, так как осталось еще очень много «белых пятен» в истории ее последних дней. Надо более глубоко исследовать все обстоятельства боевых действий наших войск с 1 по 4 июля 1942 года в городе, на подступах к району 35-й береговой батареи, события на 16-й ложной и 35-й береговой батареях, Херсонесском аэродроме и под берегом от Херсонесского маяка до мыса Фиолент в полном объеме. Уточнить все обстоятельства действий сторожевых катеров по эвакуации, проверить версию полковника Д. Пискунова о временном руководстве обороной 2 июля 1942 года, восстановить обстоятельства попытки прорыва наших воинов из-под берега Фиолента в ночь на 6 июля 1942 года и ряд

других событий с тем, чтобы полностью показать героическую трагедию и подвиги воинов Севастопольского фронта, оставленных сражаться до конца из-за невозможности вывезти всех на Большую землю.

Что касается количества оставленных войск, то, согласно 1 тому отчета по обороне Севастополя, по учетным данным с 21 мая по 30 июня в СОРе прошло 126 967 человек. Общие потери за это время составили 90 511 человек, в том числе убитых — 24 647 человек, раненых 55 289 человек, пропавших без вести 10 357 человек. Всего было потеряно, то есть исключено из списков действующей армии и Береговой обороны ЧФ с 21 мая по 3 июля 1942 года, 90 511 человек. За этот период было эвакуировано 18 635 раненых, 7116 жителей и 147 заключенных.

С 30 июня и июль месяц вывезено командного состава 1349 человек, рядового состава 1489 человек и раненых 99 человек. Всего за 3-й штурм Севастополя вывезено раненых — 18 734 человека, командного и рядового состава 4345 человек. Если исключить из общего числа воинов 12 6967 человек, количество убитых и вывезенных, то осталось в СОРе 79 241 человек, в том числе боевого и тылового состава 42 686 человек, раненых 36 555 человек.

Надо сказать, что расчет потерь по 3 июля 1942 года в данном отчете, когда их учет с 30 июня не велся, видимо, был дан по средним показателям потерь за июнь месяц. В действительности потерь было намного больше в условиях открытой местности Херсонесского полуострова и скученности там многотысячных неуправляемых масс войск, в том числе раненых и убитых при обороне за период до 12 июля, утонувших при эвакуации, умерших от ран из-за отсутствия медпомощи. Таким образом, количество боевого и тылового состава оставшихся войск фактически было меньшим, а если учесть, что немцы расстреляли в период пленения раненых, которые не могли идти, а также выявленных коммунистов, политработников, лиц еврейской национальности, то общая цифра попавших в плен наших воинов явно была завышена противником, в том числе и за счет многочисленных гражданских лиц, находившихся с войсками в надежде эвакуироваться^[396].

Приложение

Борьба за Крым в 1942 году[\[397\]](#)

Керченско-Феодосийская десантная операция

(26 декабря 1941 — 3 января 1942 года)

Планируя Керченскую операцию, командование Закавказского фронта первоначально ставило перед войсками весьма узкую задачу, сводящуюся, в сущности, к занятию лишь восточного побережья Керченского полуострова с последующим методическим наступлением на запад с целью выхода на фронт Джантара, Сейтджеут.

Первоначально эта операция мыслилась в виде выброски морскими транспортными самолетами парашютных десантов на восточный берег Керченского полуострова (мыс Хорни, маяк Кизаульский) с последующей переброской на полуостров главных сил для развития наступления на фронт Тулумчак, Феодосия.

Операцию предполагалось осуществить силами 56-й и 51-й армий (7–8 стрелковых дивизий, 3–4 артиллерийских полка резерва Главного командования, 3–4 танковых батальона, авиация обеих армий и 2 авиадивизии дальнего действия).

Морской флот должен был содействовать высадке десанта и обеспечивать фланги наступающих армий.

В дальнейшем план операции претерпел некоторые изменения. Окончательный вариант операции был выработан к 13 декабря командованием Закавказского фронта после согласования с командованием Черноморского флота. Предусматривалось одновременно с форсированием Керченского пролива произвести высадку нескольких десантов — морского (2 дивизии и бригада со средствами усиления) в районе Феодосии, авиадесанта в районе Владиславовки, вспомогательного морского десанта в районе Арабата и Ак-Моная. Задача десантов — овладеть Ак-Монайским перешейком и нанести удар в тыл керченской группировке противника.

Осуществление этого плана должно было привести к оперативному окружению противника в западной части Керченского полуострова.

В операции должны были участвовать 51-я и 44-я армии (в составе 9 стрелковых дивизий и 3 стрелковых бригад) и средства

усиления — 5 артиллерийских полков, мотопонтонные и инженерные батальоны, 2 авиадивизии дальнего действия и 2 авиаполка.

В состав 51-й армии перед началом операции входили 224, 396, 302, 390-я стрелковые дивизии, 12-я и 83-я стрелковые бригады, батальон морской пехоты Азовской военной флотилии, 265, 457, 456, 25-й корпусные артиллерийские полки, 1-й дивизион 7-го гвардейского минометного полка, 7-я отдельная огнеметная рота, 75, 132, 205-й инженерный батальоны, 6-й и 54-й мотопонтонные батальоны Азовской военной флотилии, Керченская военно-морская база.

Армией командовал генерал-лейтенант В. Н. Львов.

В состав 44-й армии перед началом операции входили 236, 157-я стрелковые дивизии, 63-я горнострелковая дивизия, 251-й горнострелковый полк, 105-й горнострелковый полк с дивизионом легкого артиллерийского полка, 1-й дивизион 239-го артиллерийского полка, 547-й гаубичный артиллерийский полк, 61-й инженерный батальон.

Армией командовал генерал-майор А. Н. Первушин.

В резерве находились 400, 398-я стрелковые дивизии и 126-й отдельный танковый батальон, который в конце декабря 1941 года отдельными подразделениями участвовал в десанте.

156-я стрелковая дивизия из состава Закавказского фронта была выделена для обороны побережья Азовского моря.

Общее руководство операцией осуществлял командующий Закавказским фронтом (с 30 декабря — Кавказским фронтом) генерал-майор Д. Т. Козлов. Высадка войск была возложена на Черноморский флот под командованием вице-адмирала Ф. С. Октябрьского и входившую в его состав Азовскую военную флотилию, возглавлявшуюся контр-адмиралом С. Г. Горшковым.

Десантирование возлагалось на Азовскую военную флотилию, Керченскую военно-морскую базу и Черноморский флот.

Планом предусматривалось высадку десантов начать: силами 51-й армии — на рассвете 26 декабря, силами 44-й армии у горы Опук — 26 декабря, а у Феодосии — 29 декабря.

На 1 декабря 1941 года в обороне на Керченском полуострове находились 46-я пехотная дивизия вермахта и 8-я кавалерийская бригада румын. В период с 11 по 13 декабря немецкое командование

перебросило сюда 73-ю пехотную дивизию и дивизионы штурмовых орудий.

Общая численность войск противника на Керченском полуострове составляла 10–11 тысяч человек. Они входили в состав 11-й немецкой армии (штаб — город Симферополь).

Оборона противника состояла из укреплений полевого и долговременного типа. Глубина оборонительной полосы равнялась 3–4 км. Город Феодосия и прилегающий к нему район были оборудованы как сильный узел сопротивления.

Наиболее сильно был укреплен район Еникале, Капканы, Керчь. Здесь было максимальное количество пехоты и огневых средств.

С 3 по 25 декабря войска 51-й и 44-й армий, средства усиления и военно-воздушные силы, предназначенные для участия в предстоящей операции, производили перегруппировку и сосредоточение в районы погрузки, на корабли и суда.

Плохие метеорологические условия этого периода осложнили проведение перегруппировки и особенно перебазирование авиации с аэродромов Кавказа.

Поддерживающие военно-воздушные силы (132, 134-я дивизии АДД, 367-й бомбардировочный полк СБ, 792-й полк пикирующих бомбардировщиков Пе-2, 9 истребительно-авиационных полков) были недостаточно укомплектованы материальной частью. На вооружении состояли устаревшие типы самолетов (ТБ, СБ, И-153, И-16). Скоростных истребителей и бомбардировщиков в составе военно-воздушных сил было не более 15 %, и то часть из них находилась в тылу на аэродромах дивизий дальнего действия (132-й и 134-й), входя органически в состав последних, и самостоятельного участия в операциях не принимала. 702-й полк пикирующих бомбардировщиков на Пе-2 бомбометанию с пикирования обучен не был и использовался как разведывательный.

Аэродромная сеть Краснодарской области была абсолютно не подготовлена для приёма большого количества самолётов. Прибывшее на этот театр командование военно-воздушных сил Закавказского фронта плохо знало местные условия. Огромный аппарат военно-воздушных сил Северо-Кавказского округа не был использован в помощь командованию и зачастую даже мешал работе штаба фронта.

Военно-воздушные силы Черноморского флота сразу не были подчинены фронту оперативно и в основном продолжали обеспечивать оборону Севастополя. Активное участие в действиях на Керченском полуострове они принимали только от случая к случаю. Вследствие плохой организации и тяжёлых метеорологических условий перебазирование сопровождалось многочисленными авариями и вынужденными посадками. В начальной стадии операции смогло принять участие фактически только 50 % авиачастей, предназначенных для её осуществления. Остальные 50 % продолжали оставаться на тыловых аэродромах и на трассе. Необходимых транспортных средств для высадки десанта во Владиславовке фронт к началу операции не получил.

Тренировка войск к предстоящим действиям (погрузка, выгрузка, действия десанта) была проведена наспех и недостаточно организовано. Кроме того, эффект специальных тренировочных занятий был сильно снижен, так как часть соединений, прошедших эту специальную подготовку, затем была отстранена от участия в операции (345-я стрелковая дивизия, 79-я стрелковая бригада, которые были переброшены на усиление Севастопольского гарнизона) и заменена соединениями, которые пройти специальной подготовки не успели.

Инженерные части проделали огромную работу по устройству путей, ремонту пристаней, изысканию ресурсов и подготовке плавучих средств, а также средств погрузки и выгрузки войск (сходни, лестницы, лодки, плоты и т. д.). Войска получили большое количество средств заграждения — мины, малозаметные препятствия, взрывчатые вещества — для закрепления занятых рубежей по высадке десанта. Для усиления льда Керченского пролива были собраны и подготовлены местные средства (камыш), были отремонтированы пристани Темрюк, Кучугуры, Пересыпь, на косе Чушка, Тамань, Комсомольская и другие.

В первые и последующие эшелоны войск обязательно включались саперные подразделения.

Однако при определении соотношения сил в десантной операции следовало бы исходить из того, сколько войск позволяют высадить переправочные средства в первом эшелоне. В данном случае многое зависело также и от погоды.

Подготовка к проведению десантной операции, как уже отмечалось, началась с 3 декабря. Командующий 51-й армией высадку

передовых десантов со стороны Азовского моря решил произвести в следующих пунктах: у Ак-Моная — 1340 человек, у мыса Зюк — 2900 человек, у мыса Тархан — 400 человек, у мыса Хрони — 1876 человек, у мыса Еникале — 1000 человек. Всего намечалось высадить 7616 человек, 14 орудий, 9 минометов калибра 120 мм, 6 танков Т-26.

Согласно «Расчету сил и средств для высадки морских десантов Азовской военной флотилией», для высадки в район Казантипского залива предназначалось 530 человек, для высадки на мысе Зюк в западной группе — 2216 человек, две 45-мм пушки, две 76-мм пушки, четыре 37-мм пушки, девять 120-мм минометов, три танка Т-26, а также 18 лошадей и одна радиостанция (танки были переправлены на барже «Хопер», которая буксировалась пароходом «Никополь». — *Прим. авт.*), для высадки в восточной группе — 667 человек и две 76-мм пушки. В район мыса Хрони высаживалось 1209 человек, две 45-мм пушки, две 76-мм пушки, три танка Т-26 (доставлены буксирным пароходом «Дофиновка» и баржей «Таганрог». — *Прим. авт.*) и одна автомашина в составе западной группы, 989 человек, две 76-мм пушки и две 45-мм пушки в составе восточной группы. В Еникале планировалось высадить 1000 человек. На суда Азовской военной флотилии были погружены части 244-й стрелковой дивизии и 83-й стрелковой бригады.

Посадка десанта должна была производиться ночью, высадка — за 2 часа до рассвета. Каждому отряду были приданы боевые корабли, которые должны были огнем своих орудий поддержать высадку.

Районом погрузки для соединений 51-й армии назначался Темрюк и частично Кучугуры. Керченская военно-морская база силами 10 групп трех отрядов должна была высадить десант из состава 302-й стрелковой дивизии (3327 человек, 29 орудий, 3 миномета) в районе маяк Нижне-Бурунский, станции Карантин, Камыш-Бурун, Эльтиген и коммуны «Инициатива».

В состав первого броска входило 1300 человек. Высадка должна была производиться внезапно, без артиллерийской подготовки, под прикрытием дымовой завесы с торпедных катеров.

Погрузка войск на суда производилась в Тамани и в Комсомольской.

10 декабря в Новороссийск прибыл командующий Черноморским флотом с оперативной группой для руководства подготовкой и

непосредственным ходом операции.

Решением командующего Черноморским флотом наличные силы флота были разделены на 2 группы. Группа «А» предназначалась для высадки десанта в Феодосии, и группа «Б» — у горы Опук^[398].

В состав группы «А» входил отряд корабельной поддержки: крейсер «Красный Кавказ», крейсер «Красный Крым», эскадренные миноносцы «Незаможник», «Шаумян», «Железняков». На эти корабли было погружено 5419 человек, 15 орудий, шесть 107-мм минометов, 30 автомашин и 100 т боеприпасов. Данная материальная часть принадлежала 251-му стрелковому полку 9-й горнострелковой дивизии, 633-му стрелковому полку 157-й горнострелковой дивизии, батальону морской пехоты, двум батальонам 716-го стрелкового полка 157-й стрелковой дивизии, 256-му артиллерийскому полку. Остальные корабли группы «А» были объединены в 2 отряда транспортов и 2 отряда их охранения.

1-й отряд транспортов перевозил 236-ю стрелковую дивизию. На эти корабли (8 транспортов) было погружено: 11 270 человек, 572 лошади, двадцать шесть 45-мм орудий, восемнадцать 76-мм орудий, семь 122-мм орудий, 199 автомашин, 20 танков Т-37/Т-38, 18 тракторов, 43 повозки, 6 двуколки и 313 т боеприпасов.

2-й отряд транспортов (7 кораблей) перевозил 63-ю горнострелковую дивизию (без 246-го горнострелкового полка).

Для организации самой высадки группе «А» был придан отряд высадочных средств: 2 тральщика, 2 буксирных парохода, 15 катеров типа МО, 6–10 самоходных баркасов.

В состав группы «Б» входили корабли высадки и силы прикрытия.

На корабли высадки (канонерские лодки «Красный Аджаристан», «Красная Абхазия», «Красная Грузия», один буксир, один болиндер, несколько катеров МО) было погружено 2493 человека, 42 лошади, 14 орудий, шесть 120-мм минометов, 8 автомашин, 230 т боеприпасов и продовольствия из 105-го горнострелкового полка и 1-го дивизиона 239-го артиллерийского полка.

На транспорт «Кубань», перешедший из группы «А» в состав отряда «Б», погружено 627 человек, 72 лошади, 9 орудий 814-го полка.

Корабли высадки поддерживали силы прикрытия: крейсер «Молотов», лидер «Ташкент» и эскадренный миноносец «Смышленный».

Пункты погрузки — Новороссийск, Анапа и Туапсе. Погрузка должна была производиться только ночью, высадка первого броска — до рассвета, после мощного огневого шквала судовой и корабельной артиллерии по порту и городу Феодосия.

Выгрузку трех дивизий (236, 63-й и 157-й) в районе Феодосии предполагалось осуществить в течение двух суток.

25 декабря 5 отрядов, посаженных на суда Азовской военной флотилии в районах Кучугуры и Темрюк, вышли в море для выполнения поставленной задачи. Несмотря на сильный шторм при подходе к берегу и противодействие со стороны противника, отрядам удалось 26 декабря высадиться в районе мыса Зюк (1000 человек) и в районе мыса Хрони (1500 человек).

В последующие дни из-за шторма высадка не производилась. Лишь 31 декабря началась массовая высадка десантов. За 26 и 31 декабря было высажено 6000 человек, 9 танков Т-26, орудия и 10 минометов^[399].

Керченская военно-морская база действовала тремя отрядами. За период до 30 декабря, несмотря на сложные условия десантирования и выгрузки войск, она высадила в районах Камыш-Буруна, Эльтигена и Старого Карантина 13 225 человек и выгрузила 47 пушек и 198 минометов.

Черноморский флот десантировал два отряда «А» и «Б». Действия отряда «Б» не были достаточно организованными, и вместо высадки в районе горы Опук отряд лишь 30 декабря произвел высадку десанта в районе Камыш-Буруна (2000 человек).

В 13 часов 28 декабря в Новороссийске началась посадка десанта отряда «А» для следования в район Феодосии. В 3 часа 29 декабря отряд был уже в районе порта Феодосия. С 4 часов 30 минут до 11 часов 30 минут 29 декабря было высажено на берег 1700 человек. К 31 декабря в район Феодосии было высажено 40 519 человек и выгружено 43 танка, 184 орудия и 52 миномета.

В период с 26 по 29 декабря противник огнем и контратаками стремился сбросить в море высадившиеся десанты советских войск. Для этого он использовал ближайшие резервы и подтянул в восточную часть полуострова соединения из района Феодосии и даже из внутренних районов Крыма.

В течение 28 и 29 декабря наша разведывательная авиация отмечала непрерывное движение колонн пехоты противника, артиллерии, машин и обозов с запада к району Керчи и пунктам высадки наших войск. Движение войск противника проходило беспрепятственно. Наша бомбардировочная авиация бомбила колонны противника, нанося им большой урон.

Высаженные на побережье Керченского полуострова десанты были относительно малочисленны, часто не имели средств усиления, даже тяжелого оружия пехоты. Поэтому, встречая ожесточенное сопротивление противника, они не были в состоянии расширять захваченные плацдармы и переходили к обороне.

К исходу 29 декабря высаженные десанты занимали небольшие участки территории вдоль всего побережья Керченского залива и на южном берегу Азовского моря севернее и северо-западнее Керчи.

Обстановка в восточной части Керченского полуострова резко изменилась в нашу пользу 29 декабря, когда нашими частями, высаженными в Феодосийском порту, была взята Феодосия. Захват Феодосии и дальнейшее продвижение наших частей к северу от города создали реальную угрозу окружения всей группировки противника в восточной части полуострова.

Поэтому командование 11-й немецкой армии решило любой ценой удержать за собой район к северу от Феодосии и тем самым выиграть время, необходимое для вывода войск с Керченского полуострова. В ночь на 30 декабря немцы без боя оставили город Керчь и в последующие дни поспешно отводили свои части в западном направлении.

Недостаточно хорошо организованная разведка, плохое состояние дорог и исключительно тяжелые в конце декабря метеорологические условия, не позволившие продолжать высадку десантов на Азовском море, дали противнику возможность оторваться от наших войск и организовать арьергардными частями оборону ряда промежуточных рубежей.

Противнику удалось ускользнуть на запад из намечавшегося окружения. Но Керченский полуостров был освобожден, и противник вынужден был перейти к обороне на рубеже Киет, Изюмовка. Обе стороны закрепились на занимаемых рубежах до конца января 1942 года.

Операции советских войск на Керченском полуострове

(январь — апрель 1942 года)

За 9 суток активных боевых действий в Керченско-Феодосийской операции на фронте в 250 км было высажено свыше 42 тысяч войск, которые продвинулись на 100–110 км. В итоге десантной операции был захвачен важный в оперативном отношении плацдарм. Керченская группировка противника понесла значительные потери.

Вместе с тем командование Кавказского фронта переоценило результаты победы на Керченском полуострове и недооценило возможности противника к маневру и созданию прочной обороны.

2 января был утвержден план наступления войск Кавказского фронта в направлении Джанкой — Чонгар — Перекоп (51-я армия) и частью сил на Симферополь (44-я армия). 9-й стрелковый корпус 44-й армии наступал вдоль южного берега Крыма с одновременной высадкой десантов в Алуште, Ялте, Евпатории. План отражал незнание состояния войск противника из-за отсутствия разведданных, завышение своих возможностей и просчеты в определении соотношения сил. Задача уничтожения крымской группировки врага и освобождения всего Крыма в тот момент была явно нереальной.

Продолжая наступать, войска 51-й и 44-й армий к 6 января 1942 года вышли на рубеж реки Чурук-Су, где были остановлены противником. 14 января 1942 года начали наступление уже немецкие войска. 18 января войсками вермахта вновь была захвачена Феодосия, а части Красной армии отошли на Акмонайские позиции.

Несмотря на разгром вермахта под Москвой и на других участках советско-германского фронта, боеспособность вооружённых сил Германии оставалась достаточно высокой. Особенно это ощущалось на юге, где большинство советских соединений были недавно сформированы, нуждались в оснащении и не получили боевого опыта. При этом условия наращивания сил в Крыму ухудшались — немецкая авиация становилась многочисленнее и активнее. В тот период Генеральный штаб полагал, что в Крыму советских войск и боевых

средств достаточно, чтобы разгромить противника на этом ТВД. Ставка продолжала требовать от командующего фронтом новых и новых наступательных действий. Для помощи в организации наступления 20 января она направила в Крым своего представителя — армейского комиссара 1-го ранга Л. З. Мехлиса и генерал-майора П. П. Вечного.

Если подходить к анализу неудач Красной армии объективно, то недостаточная подготовленность частей в ходе проведения десантной операции не зависела от отдельных личностей. Она заключалась в объективных упущениях подготовки и организации управления войск, наиболее ярко проявившихся в боях на Керченском полуострове. Так, перед войной в теории и практике обучения армии и флота десанты не превышали одной дивизии. Таким образом, ни теоретически, ни практически войска не были подготовлены к высадке такого крупного десанта. Не обладая специальными десантными судами и высадочными средствами, флот не был готов к подобному десанту и в техническом отношении.

Командование фронта не имело полноценного штаба в ходе планирования и управления десантной операцией, так как основной состав штаба оставался в Тбилиси, а в Краснодаре находилась лишь его оперативная группа.

Штабы флота и фронта недооценили проблему сбора транспортных (плавучих) средств и их подготовки к операции. Не было даже ориентировочного плана перевозки войск, техники и снабжения в Севастополь, Керчь, Феодосию и между портами Кавказа. В связи с общим недостатком морского транспорта было принято решение перевозить дивизии на плацдарм в уменьшенном составе, оставляя на Кавказском побережье тяжелые орудия, танки и, как тогда говорили, обозы. Это обстоятельство главным образом и определило малый оперативный успех войск 51-й и 44-й армий после их высадки в Крыму.

Лев Захарович Мехлис прибыл на Кавказский фронт 20 января 1942 года. Накануне (18 января) немецкие войска, перейдя в наступление, захватили Феодосию. Под угрозой потери оказался важный оперативный плацдарм, захваченный советскими войсками на Керченском полуострове в ходе Керченско-Феодосийской десантной

операции. А ведь отсюда по плану Ставки ВГК должно было начаться освобождение всего Крымского полуострова.

Вместе с армейским комиссаром 1-го ранга прибыли заместитель начальника Оперативного управления Генерального штаба — начальник Южного направления генерал-майор П. П. Вечный и военный комиссар артиллерийского комитета Главного артиллерийского управления дивизионный комиссар П. А. Дегтярев.

Двух дней хватило армейскому комиссару, чтобы составить представление о положении дел на фронте. 22 января он докладывал И. В. Сталину: «Прилетели в Керчь 20.01.42 г...Застали самую неприглядную картину организации управления войсками...

Комфронта Д. Т. Козлов не знает положения частей на фронте, их состояния, а также группировки противника. Ни по одной дивизии нет данных о численном составе людей, наличии артиллерии и минометов. Д. Т. Козлов оставляет впечатление растерявшегося и неуверенного в своих действиях командира. Никто из руководящих работников фронта с момента занятия Керченского полуострова в войсках не был...»

Основные положения этой телеграммы были подробно раскрыты в приказе войскам фронта № 12 от 23 января 1942 года, анализировавшем итоги неудачных для Кавказского фронта боев 15–18 января, копия которого также была отправлена И. В. Сталину. Приказ, подписанный командующим войсками фронта Д. Т. Козловым, членом военного совета Ф. А. Шаманиным, а также представителями Ставки Л. З. Мехлисом и П. П. Вечным, констатировал, что были допущены «крупнейшие недочеты в организации боя и в управлении войсками».

Так, после успешного завершения десантной операции в районе Феодосии и выхода частей 44-й и 51-й армий на реку Чурук-Су войска не закрепились на занятом рубеже, не организовали соответствующей системы огня, бдительного боевого охранения, непрерывной разведки и наблюдения. В период боев командование и штабы этих армий не сумели организовать взаимодействие пехоты с авиацией. Командиры дивизий не использовали всей мощи огня артиллерии, мелкими группами бросали легкие танки Т-38 и Т-26 на неподавленную противотанковую оборону. При контратаках пехота за танками не шла, артиллерия ее не поддерживала. Плохо было организовано управление войсками от штаба армии и ниже. Штаб фронта не знал истинного положения дел в районе Феодосии. Основной рубеж обороны

Керченского полуострова — Акмонайские позиции — был также подготовлен неудовлетворительно.

В приказе отмечались факты «позорного бегства в тыл» и потери управления войсками старшими и высшими командирами: командиром 9-го стрелкового корпуса генерал-майором И. Ф. Дашичевым, к тому времени уже арестованным по приказу Ставки, командиром и военным комиссаром 236-й стрелковой дивизии комбригом Морозом и батальонным комиссаром Кондрашовым, командиром 63-й горнострелковой дивизии подполковником Цендзиевским и некоторыми другими. При этом констатировалось, что в отношении трусов и дезертиров репрессивные меры на поле боя, как того требует приказ Ставки ВГК № 270, не применяются, а в войсковом и армейском тылу до сих пор отсутствует должный порядок.

Приказ обязывал:

«1. Командованию армий, дивизий, полков учесть опыт боев 15–18.01.42 г., немедленно навести порядок в частях.

...Полковую артиллерию и артиллерию ПТО иметь в боевых порядках пехоты...

2. Паникеров и дезертиров расстреливать на месте как предателей.

3. В трехдневный срок навести полный порядок в тылах. Организовать бесперебойное питание в любых условиях.

4. За проявленную трусость, потерю управления в бою Мороза и Цендзиевского снять с занимаемых должностей и предать суду военного трибунала».

Предавались суду также несколько политработников и работников военной прокуратуры фронта, без приказа оставивших поле боя.

Л. 3. Мехлис дал указание специально проверить состояние ВВС и артиллерии фронта, в решающей степени определявших его боеспособность. Здесь также были вскрыты серьезнейшие недостатки^[400].

Л. 3. Мехлис действовал с присущими ему энергией, напором, свои возможности как заместителя наркома обороны и представителя Ставки ВГК использовал сполна. С ходу невысоко оценив командуящего войсками фронта генерала Д. Т. Козлова, он взял все

нити управления на себя. Л. З. Мехлис вел почти непрерывные переговоры по «Бодо» (тип телеграфного аппарата. — *Прим. авт.*) и обменивался телеграммами со Ставкой, Генеральным штабом, главными управлениями Наркомата обороны. Запрашивал людское пополнение, технику, боеприпасы.

Уже 23 января 1942 года заместитель начальника Генерального штаба генерал-лейтенант А. М. Василевский проинформировал Л. З. Мехлиса, что в соответствии с просьбой последнего и по указанию члена ГКО товарища Г. М. Маленкова фронту отпускается 450 ручных пулеметов, 3 тысячи автоматов ППШ, по 50 минометов калибра 120 мм и 82 мм. В пути находились два дивизиона реактивных минометов М-8. Были также обещаны средние танки и танки КВ, противотанковые ружья и патроны к ним, другое вооружение и техника.

24 января в ходе новых переговоров с Василевским Мехлис узнал об удовлетворении его просьбы, обращенной к Сталину, о направлении пяти (просил четыре) «рот Мельникова» (очевидно, имеются в виду огнеметные роты — по фамилии начальника ГВХУ генерала П. Г. Мельникова). А вот получить штурмовики и бомбардировщики пока не удалось, вместо них высылались ремонтные бригады и запасные части для организации ремонтных работ на месте.

Действительно, Ставка ВГК напрягала все свои силы, чтобы обеспечить войска Крымского фронта всем необходимым. 29 января 1942 года между СССР, Великобританией и Ираном был подписан договор, положивший конец пронемецкой политике, проводившейся прежним правительством Ирана. Напряженность в этом регионе спала, и у советского командования появилась возможность перебросить из Ирана (советские войска были введены в Иран 25 августа 1941 года. — *Прим. авт.*) наиболее необходимые на советско-германском фронте танковые части. Поскольку войска, дислоцированные на территории Ирана, входили в состав Кавказского фронта, большинство танков, переброшенных из Ирана, попало в Крым.

Одной из первых в состав Крымского фронта вошла 55-я танковая бригада, имевшая на 27 февраля 1942 года 66 танков Т-26 и 27 танков ХТ (ОТ-130, ОТ-133). Всего 93 танка. Такой же состав имела 56-я танковая бригада.

39-я и 40-я танковые бригады прибыли на Крымский фронт в сокращенном составе, не имея в своем составе пехоты, артиллерии и некоторых тыловых структур. Распоряжением Л. З. Мехлиса им были приданы усиленные стрелковые роты и по 3 противотанковые пушки на бригаду. Их буксировали танки Т-34, которые находились во втором эшелоне. Состав обеих бригад был типовой: 10 КВ, 10 Т-34 и 25 Т-60 имела каждая бригада.

В составе 226-го отдельного танкового батальона на 27 февраля 1942 года было 16 танков КВ, а в составе 24-го танкового полка — 46 танков Т-26.

Стремясь к сосредоточению внимания на крымских делах, представитель Ставки поставил вопрос о реорганизации фронтового управления «с целью разгрузить Военсовет от забот по Закавказью». Это предложение получило поддержку Генштаба и через несколько дней было реализовано.

28 января 1942 года Ставка ВГК организовала новый Крымский фронт, который в условиях превосходящих сил Черноморского флота на ТВД должен был разгромить противника в Крыму.

Как обычно, предметом особой заботы были у Л. З. Мехлиса кадры. От командующего ВВС Красной армии генерал-лейтенанта авиации П. Ф. Жигарева он уже 24 января добился назначения нового командующего авиацией фронта — генерал-майора авиации Е. М. Николаенко. Получил согласие Г. М. Маленкова на немедленное направление на Крымфронт 15 тысяч пополнения из русских или украинцев («Здесь пополнение прибывает исключительно закавказских национальностей. Такой смешанный национальный состав дивизий создает огромные трудности», — поясняет Л. З. Мехлис в разговоре по «Бодо»).

Начальника артиллерии Красной армии генерал-полковника артиллерии Н. Н. Воронова он настоятельно просит командировать 30 командиров батарей полковой и дивизионной артиллерии, 60 командиров минометных рот, начальника штаба артиллерии для 44-й армии.

Будучи начальником Главного политического управления, Л. З. Мехлис, естественно, особое внимание уделял кадрам политработников. Судя по архивным документам, он связывался по этому вопросу со своим заместителем в Москве армейским

комиссаром 2-го ранга Ф. Ф. Кузнецовым по несколько раз в неделю, особенно на первых порах.

23 января он телеграфировал:

«1) Командируйте немедленно в мое распоряжение 300 обученных политруков, участвовавших в войне, и еще 1000 политбойцов. Все нужно очень срочно...

2) ...Дайте указание прислать на армию (44-ю) прокурора и председателя трибунала и по 4–5 работников прокуратуры и трибунала. Желательно всех с опытом войны. Об отправке известите».

В ответ только до 10 февраля Ф. Ф. Кузнецов, выполняя указания своего начальника, направил на Крымфронт двух кандидатов на должности комиссаров дивизий, 15 комиссаров полков, 45 комиссаров батальонов, 23 военкомов артдивизионов и батарей, 15 инструкторов по пропаганде, 7 политработников коренной национальности для работы в армянских, грузинских и азербайджанских частях, 4 — знающих немецкий язык, 300 политруков, 1688 политбойцов.

Все усилия представителя Ставки ВГК, подчинялись задачам предстоящего наступления советских войск в Крыму. Внести решительный перелом в события на полуострове, — именно для этого, как осознавал Л. З. Мехлис, его командировали сюда И. В. Сталин и Ставка. В этом русле и действовал. В успехе не сомневался: буквально сразу по прибытии в Крым заявил А. М. Василевскому, что «мы закатим немцам большую музыку». Новое развитие получили свойственные армейскому комиссару грубое администрирование, перетряска кадров, упование на идеологию в ущерб тщательной организационной и материальной подготовке войск к наступлению.

Он постоянно торопил командующего фронтом с началом активных действий и уже 25 января добился издания приказа по фронту на проведение частной наступательной операции с целью освобождения Феодосии.

Однако Ставка ВГК рекомендовала пересмотреть срок начала операции, пополниться резервами, прежде всего танками, провести перегруппировку войск, введя прибывшую на Крымский полуостров 47-ю армию в стык 51-й и 44-й армий. Своей директивой № 170071 от

28 января 1942 года она уточнила: «Основной задачей предстоящей операции иметь помощь войскам Севастопольского района, для чего главный удар фронта направить на Карасу-базар и выходом в этот район создать угрозу войскам противника, блокирующим Севастополь». По указанию Ставки войска фронта должны были готовиться с расчетом начать операцию 13 февраля.

Между тем Л. З. Мехлис и под его давлением Д. Т. Козлов продолжали форсировать подготовку наступления, представив 1 февраля в Ставку его план.

К этому времени 51-я армия состояла из 224, 390-й и 396-й стрелковых дивизий; 302-й и 138-й горнострелковых дивизий, 105-го горнострелкового полка; 12-й и 83-й стрелковых бригад; 39-й и 40-й танковых бригад; батальона 55-й танковой бригады; 25-го и 547-го артиллерийских полков.

44-я армия имела 157, 404-ю и 398-ю стрелковые и 63-ю горнострелковую дивизии; 457-й артиллерийский полк и дивизион гвардейских минометов.

47-я армия находилась во втором эшелоне и имела 400-ю стрелковую, 77-ю горнострелковую и 72-ю кавалерийскую дивизии; 143-ю стрелковую бригаду, 13-й мотострелковый полк и 229-й отдельный танковый батальон.

На Таманском полуострове фронт имел резерв — две стрелковые дивизии (156-я и 236-я), а также 126-й отдельный танковый батальон (33 Т-26). 24-й танковый полк (46 Т-26) прибыл на Крымский фронт в начале февраля 1942 года.

При этом руководство Крымфронта по-прежнему ошибочно предполагало, что имеющееся превосходство в живой силе позволит не только взломать оборону противостоявших немецких войск, но и в ближайшее время полностью освободить Крым. Реальная действительность оказалась более суровой, чем ожидал представитель Ставки. Многочисленные трудности потребовали дополнительной отсрочки, о чем и была запрошена Москва.

15 февраля Л. З. Мехлис вместе с П. П. Вечным были срочно вызваны к И. В. Сталину для доклада «О степени готовности войск и о ходе подготовки их». Очевидно, Верховный оказался не в полной мере удовлетворен им, поскольку приказал немедленно перебросить из СКВО (Северо-Кавказского военного округа. — *Прим. авт.*) на

усиление Крымфронта 271, 276-ю и 320-ю стрелковые дивизии. Характерно, что в разговоре с командующим войсками СКВО генералом В. Н. Курдюмовым 16 февраля Л. З. Мехлис потребовал «очистить» дивизии от «кавказцев» и заменить их военнослужащими русской национальности.

Суровая зима, сковавшая льдом северную часть Керченского пролива на участке между косой Чушка — Еникале, несколько улучшила положение с подготовкой наступательной операции. Прочный лед, усиленный мастерством саперов, позволил организовать ледовую дорогу, которая действовала 27 дней: с 28 декабря 1941 года по 1 января 1942 года и с 20 января по 11 февраля 1942 года. По ней в Крым были переброшены: 6 стрелковых и 1 кавалерийская дивизия, 2 стрелковые бригады, 15 зенитных дивизионов, 1 арtpолк, 3 автомобильных батальона, 3 дорожно-эксплуатационных полка, 11 батальонов аэродромного обслуживания. Всего по ледовой дороге с Таманского полуострова в Крым было переправлено: людей 96 618, лошадей — 23 903, автомашин — 6519, орудий калибра 122-мм — 30, орудий 76-мм — 103, орудий зенитных — 122, орудий 45-мм — 45, тракторов — 46, танкеток — 10, повозок — 8222, кухонь — 103.

Однако ледовые дороги скоро растаяли и многие тыловые части и учреждения остались по ту сторону пролива. В то же время разгрузка одного судна занимала 2–3 ночи. Главной ударной силой противника — авиации — противопоставить пока было нечего. На плацдарм спешно перебрасывали дивизионы зенитной артиллерии, которой катастрофически не хватало. Командующий фронтом приказал противовоздушную оборону порта осуществлять зенитной артиллерией боевых кораблей.

После захвата противником Феодосии снабжение 44-й армии осуществилось через порт Камыш-Бурун. Но накопить в войсках какие-либо запасы не удавалось.

Наступление войск фронта началось 27 февраля. Группировку из четырех дивизий 51-й армии поддерживало всего 170 орудий, а 3 дивизии 44-й армии — 62 орудия. Главный удар наносили войска 51-й армии в районе населенного пункта Кой-Асан. Для прорыва немецкой обороны были использованы танки 39, 40, 55-й танковых бригад, а также 229-го отдельного танкового батальона. Фронт атаки этих соединений не превышал 5 км; таким образом, удавалось достичь

плотности 34 танка на 1 км. Советские танковые соединения и части двигались тремя эшелонами. Танковым бригадам и 229-му отдельному танковому батальону придали по роте саперов, которые предполагалось везти за танками на специальных волокушах (металлических или деревянных), но в связи с размоканием грунта от волокуш пришлось отказаться и посадить саперов на танки первого эшелона с задачей разминировать проходы для техники и личного состава советских войск. Несмотря на все эти мероприятия, 7 танков подорвались на минах. Во втором эшелоне двигались танки, буксирующие противотанковые пушки с автоматчиками на броне. Танки командования двигались впереди второго эшелона. В третьем эшелоне шли пехотные подразделения. Несмотря на такую тщательную подготовку, советское наступление потерпело неудачу.

Вследствие сильного дождя грунтовые дороги раскисли и затрудняли движение войск. Танки по целине двигаться не смогли, дороги для автотранспорта оказались непроходимыми, подвоз частям и соединениям прекратился. Тем не менее 27 февраля советским войскам удалось продвинуться вперед, захватить несколько населенных пунктов и несколько десятков артиллерийских орудий. На следующий день противник вновь отбил свои позиции, а также населенный пункт Кой-Асан, превращенный в главный узел обороны.

2 марта командование фронта, потеряв 93 танка, перед лицом явной неудачи приняло решение о приостановке наступления, с целью закрепиться на занятых рубежах и «перейти в наступление, когда подсохнет почва».

Полагая, что многие беды идут от недостаточной партийно-политической работы в частях, Л. З. Мехлис требовал от своего заместителя по ГлавПУ Ф. Ф. Кузнецова непрерывного пополнения. В ответ Крымфронт получил в марте двух военкомов (военных комиссаров. — *Прим. авт.*) дивизий, одного военкома танковой бригады, 9 — военкомов полков, 25 — военкомов батальонов, 15 — военкомов танковых рот, 500 политруков, 750 замполитруков и 2307 политбойцов. Кроме этого, за первую неделю апреля — еще 400 замполитруков и 2 тысячи политбойцов. Симптоматична приписка Ф. Ф. Кузнецова на последней телеграмме Л. З. Мехлису: «Больше политбойцов нет!»

Пытаясь восполнить огромные потери в минувших боях, Мехлис обязывает командование взяться за «выкачку из тылов». При этом рекомендации армейского комиссара 1-го ранга не лишены трезвой оценки положения дел: «Здесь нужен не приказ, а практическая работа. Надо сократить также заградительный батальон человек на 60–75, сократить всякого рода команды, комендантские... Изъять из тылов все лучшее, зажать сопротивляющихся тыловых бюрократов так, чтобы они и пищать не посмели...»

Как и прежде, Л. З. Мехлиса отличали поистине нечеловеческая энергия и работоспособность. Не зная покоя сам, он не давал такого же покоя и другим. «Много работаю, — пишет он сыну. — Разъезжаю всеми видами транспорта до верховых коней включительно. Война идет всюду. Полон веры, что разобьем немца».

Однако принятые меры не смогли изменить ситуацию. В ходе возобновившегося 13 марта наступления силами отдельных ударных групп Крымфронта «были достигнуты лишь незначительные тактические успехи в улучшении позиций». Кой-Асанский узел вражеской обороны так и не был преодолен.

В тактике советских войск ничего не изменилось. Начало атаки было назначено на 10.00 13 марта 1942 года. В 9.00 начался дождь и мокрый снег, в результате чего грунт оказался таким же вязким, как и в конце февраля 1942 года. Согласно приказу представителя Ставки Л. З. Мехлиса, танки на этот раз были приданы пехотным соединениям: 229-й отдельный танковый батальон (4 танка КВ) был придан 77-й стрелковой дивизии, 39-я танковая бригада (2 КВ, 6 Т-34, 11 Т-60) — 236-й стрелковой дивизии, 56-я танковая бригада (90 Т-26) — 12-й стрелковой бригаде, а 40-я танковая бригада (2 КВ, 7 Т-34, 21 Т-60) — 398-й стрелковой дивизии. Командиры танковых бригад были подчинены командирам стрелковых дивизий и бригад. При подобном применении танков не достигалось ни компактного массированного удара, ни эшелонирования в глубину. Таким образом, не представлялось возможным создать «наращивания» удара из глубины, а легкие танки Т-26 из 56-й танковой бригады оказались без прикрытия тяжелых. Генерал-инспектор АБТ войск Крымского фронта генерал-майор танковых войск Вольский, узнав о подобном решении, пытался протестовать, созваниваясь с начальником штаба фронта. Однако ничего не изменилось, танки пошли в атаку по

первоначальному плану. Размокание грунта еще более ухудшило этот вариант применения бронетанковой техники, так как в последний момент из-за боязни потерять танки КВ по причине поломок коробки передач, было отдано распоряжение — «танкам КВ в атаку не ходить». Но до 229-го отдельного танкового батальона это приказание не дошло, и он участвовал в наступательной операции в полном объеме.

После начала атаки пехота быстро «залегла», и танки, вышедшие на высоту 26,7, вынуждены были отойти на исходные позиции. В последующие дни (после 13 марта 1942 года. — *Прим. авт.*) танковые бригады совместно с пехотой вели бои местного значения и серьезного успеха не имели. С 13 по 19 марта 1942 года 56-я танковая бригада потеряла 88 танков (56 было подбито, 26 — сгорело, 6 — подорвались на минах), 55-я танковая бригада потеряла 8 танков, 39-я танковая бригада — 23 танка, 40-я танковая бригада — 18 танков, 24-й танковый полк — 17 танков, 229-й отдельный батальон — 3 танка.

К 25 марта 1942 года от некогда бывшей бронетанковой мощи оставались жалкие остатки: в 39 тбр было 4 танка (2 КВ, 2 Т-60), в 40 тбр — 13 танков (все Т-26), в 56 тбр — 31 танк (все Т-26), в 24 тп — 4 танка (все Т-26), в 229 отб — 2 танка КВ. Зато немецкое командование, ранее обходившееся на ТВД только штурмовыми орудиями, в конце марта начало переброску в Крым 22-й танковой дивизии.

22-я танковая дивизия начала формироваться 25 сентября 1941 года. Ее основная сила — 204-й танковый полк — был сформирован по двухбатальонной схеме, и к началу активных боевых действий (20 марта 1942 года. — *Прим. авт.*) имел в своем составе 45 танков Pz.Kpfw.II, 77 Pz.Kpfw.38(t), включая командирские танки, а также 20 средних танков Pz.Kpfw.IV^[401].

20 марта 1942 года в 7.30 до двух батальонов пехоты противника при поддержке 50 танков 22-й танковой дивизии вермахта перешли в контратаку из района Ново-Михайловка в направлении Корпечь. В результате непродолжительного боя до 15 танков с автоматчиками ворвались в этот населенный пункт, а отдельные машины достигли южных скатов высоты 28,2. Около 13.00 противник силою до батальона пехоты при поддержке 60 танков, действуя из района «три кургана» (2 км северо-восточнее Ново-Михайловки), возобновили атаку в общем направлении на Корпечь. В 15.00 противник из района кладбище и «железнодорожная будка» (2 км западнее Кой-Асан) снова

контратаковал в общем направлении на высоту 28,2. На этот раз атаку поддерживало до 70 танков. Все немецкие атаки были отбиты огнем нашей артиллерии и атаками частей 39-й и 40-й танковых бригад. Немцы потеряли до 35 танков, из них 17 осталось на поле боя, после осмотра 8 машин оказалось в полной исправности. Таким образом, ни одной из противоборствующих сторон не удалось одержать вверх. В течение конца марта — начала апреля 1942 года на фронте установилось временное затишье.

За 2 месяца пребывания на Крымском фронте Л. З. Мехлис как представителю Ставки не удалось внести необходимый перелом в ходе боевых действий. Тщательную подготовку наступления (выучку штабов и войск, материальное и боевое обеспечение, разведку и т. п.) подменяли нажим, голый приказ, репрессии, массовая перетасовка командных и политических кадров.

Неудача с наступлением фронта не на шутку ударила по самолюбию заместителя наркома обороны, представителя Ставки. Л. З. Мехлис не мог не понимать, что его кредит доверия у Сталина не может быть вечным.

Думать об этом Мехлису не хотелось. Он давно привык не рефлексировать, а действовать. Руководствовался армейский комиссар привычной для себя логикой: если при всей его активности случилась неудача, значит, надо работать еще больше, выявлять пустозвонов, лодырей, не умеющих провести отданный приказ в жизнь. А то — и скрытых врагов.

Объектом пристального внимания Л. З. Мехлиса стал руководящий состав фронта, в первую очередь, — его командующий. Пользуясь возможностью прямого доклада Верховному Главнокомандующему, эмиссар Москвы неоднократно пытался убедить его в необходимости сменить генерал-лейтенанта Д. Т. Козлова.

Из телеграммы Л. З. Мехлиса и П. П. Вечного И. В. Сталину от 9 марта 1942 года:

«...Вследствие того, что и сам командующий Козлов — человек невысокой военной и общей культуры, отягощать себя работой не любит, исходящие от командования документы редакционно неряшливы, расплывчаты, а иногда искажают смысл. Во избежание неприятностей их приходится часто задерживать для исправления...»

Вероятно, Л. З. Мехлис пришел к выводу, что комфронта хоть и удобен своей податливостью, но очень уж зауряден. Рядом с ним победы не видать.

29 марта 1942 года в Москву уходит новый доклад:

Товарищу Сталину

«Я долго колебался докладывать Вам о необходимости сменить командующего фронтом Козлова, зная наши трудности в командирах такого масштаба. Сейчас я все же решил поставить перед Ставкой вопрос о необходимости снять Козлова». И далее представитель Ставки ВГК суммирует выводы о нем: тот ленив, неумен, «обожравшийся барин из мужиков». Кропотливой, повседневной работы не любит, оперативными вопросами не интересуется, поездки в войска «для него наказание». В войсках фронта неизвестен, авторитетом не пользуется. К тому же «опасно лжив».

Рисуя в негативном свете командующего фронтом, Л. З. Мехлис в то же время не удержался от комплимента самому себе: «Если фронтовая машина работает в конечном итоге сколько-нибудь удовлетворительно, то это объясняется тем, что фронт имеет сильный военный совет, нового начштаба (документ послан после снятия генерал-майора Ф. И. Толбухина. — *Прим. авт.*), да и я не являюсь здесь американским наблюдателем, а в соответствии с Вашими указаниями вмешиваюсь в дела. Мне кажется, что дальше оставлять такое положение не следует, и Козлова надо снять».

Любопытно, что в этот же день Сталину о необходимости снятия Козлова (чуть ли не под копирку) доложили Шаманин, Булатов, Колесов — члены военного совета Крымского фронта. «Оппозиция» командующему приобретала, явно не без инициативы Мехлиса, скоординированный характер.

Последующий трагический исход Крымской оборонительной операции, в котором во многом повинен командующий фронтом, казалось бы, делает честь прозорливости представителя Ставки. Но ведь не сбросить со счетов и то обстоятельство, что многие ошибки и просчеты Козлова — следствие жесткого пресса со стороны Мехлиса. Так что, еще вопрос, кого из них следовало для пользы дела отзывать.

Однако Сталин полагал, что Козлов сумеет справиться с делом, и на предложение Мехлиса заменить командующего генералами Н. К. Клыковым или К. К. Рокоссовским согласием не ответил.

Тогда Л. З. Мехлис «взялся» за начальника штаба генерал-майора Ф. И. Толбухина. Он послал в Ставку шифровку с предложением снять последнего с должности. Здесь армейский комиссар достиг большего.

10 марта у Мехлиса состоялся разговор по «Бодо» с А. М. Василевским:

«У аппарата ВАСИЛЕВСКИЙ...

Докладываю следующее: по вашей шифровке о тов. Толбухине тов. Сталин принял решение освободить его от обязанностей начальника штаба фронта и временно до назначения нового начальника штаба исполнение обязанностей НШ фронта возложить на генерала Вечного. Военный совет фронта поставил вопрос об оставлении тов. Толбухина во фронте на должности помощника командующего фронтом по укомплектованию и формированию или же на должности заместителя командующего 47-й армии. Тов. Сталин и к тому и другому предложению отнесся отрицательно...

У аппарата армейский комиссар 1-го ранга МЕХЛИС:

Я считаю, что Толбухина не следует здесь оставлять и целиком согласен с мнением товарища Сталина...».

Начальником штаба фронта в конце концов стал генерал-майор П. П. Вечный.

По инициативе Л. З. Мехлиса полностью сменился и состав военных советов Крымского фронта и всех трех входивших в него армий. Постановлением ГКО членами военного совета фронта в дополнение к Ф. А. Шаманину были назначены секретарь Крымского обкома ВКП(б) В. С. Булатов и полковой комиссар Я. С. Колесов.

Сомнительная с точки зрения конечного результата перетасовка кадров коснулась и командующих армиями. Ее избежал лишь командующий 51-й армией генерал-лейтенант В. Н. Львов, несомненные достоинства которого не мог не оценить даже весьма подозрительно настроенный Мехлис. Он упомянул Львова в телеграмме Сталину в числе тех лиц, которые могли бы сменить Д.Т. Козлова.

А вот на командующего 47-й армией генерал-майора К. Ф. Баронова пало особое подозрение. К его «разработке» представитель Ставки ВГК подключил особый отдел НКВД фронта, откуда вскоре получил специальное сообщение: БАРОНОВ, 1890 года, служил в царской армии, член ВКП(б) с 1918 года, утерял партбилет. В

1934 году «за белогвардейские замашки» исключен из партии при чистке, потом восстановлен.

Родственники тоже «замазаны»: брат Михаил — участник Кронштадтского мятежа, «врангелевец», живет в Париже. Другой брат — Сергей в 1937 году осужден за участие в «контрреволюционной организации». Жена — «дочь егеря царской охоты». Сам Баронов изобличался в связях с лицами, «подозрительными по шпионажу». Сильно пьет. Штабом почти не руководит. Часто уезжает в части и связи со штабом не держит.

И участь генерала была решена. Напрасна была его апелляция к представителю Ставки: просьбу Баронова оставить на фронте и на строевой работе Мехлис не пожелал даже выслушать.

В 44-й армии после выбытия в результате тяжелого ранения командарма генерал-майора А. П. Первушина его обязанности выполнял начальник штаба полковник С. Е. Рождественский. Мехлис отказался утвердить его в этой должности, и командующим 44-й армией стал генерал-лейтенант С. И. Черняк. Об истинной оценке их обоих представителем Ставки свидетельствует сделанная им, правда, уже после эвакуации из Крыма, запись:

«Черняк. Безграмотный человек, не способный руководить армией. Его начштаба Рождественский — мальчишка, а не организатор войск. Можно диву даваться, чья рука представила Черняка к званию генерал-лейтенанта».

Война не научила Л. З. Мехлиса верить людям. Скорее наоборот: неудачи первого года войны явно обострили традиционную для него подозрительность, недоверие. С тем же жаром, с каким в свое время он слушателем Института красной профессуры разоблачал скрытых «троцкистов», а редактором «Правды» громил «правый уклон», представитель Ставки теперь выявлял и выкорчевывал «чуждые элементы», повинные, на его взгляд, в неудачах Крымского фронта. Он насадил без преувеличения атмосферу самого настоящего сыска, наущничества и негласного надзора, о чем свидетельствует хотя бы приводимый ниже документ, найденный нами в фондах ЦАМО.

Спецсообщение заместителю наркома обороны Л. З. Мехлису начальника особого отдела НКВД 44-й армии старшего батальонного

комиссара Ковалева от 20 апреля 1942 года:

«Согласно вашего распоряжения (стилистические особенности сохранены. — *Прим. авт.*) мной изучены настроения командующего 44-й армией генерал-лейтенанта Черняка и члена военного совета 44-й армии — бригадного комиссара Серюкова в связи с состоявшимся заседанием военного совета Крымского фронта 18 апреля 1942 года.

После заседания, возвратившись к себе в землянку, Черняк в беседе с начальником штаба Рождественским, высказывая свое недовольство, заявил так:

„Как мальчишку гоняют при всех подчиненных. Если не ладно — научи, а зачем это делать на совещании“. (Все выделения сделаны рукой Мехлиса).

И далее:

„Хоть иди ротой командовать. „Засыпался“, но ничего, в Москву отзовут“...

На второй день, днем в беседе с генерал-майором Наненшвили Черняк жаловался на придирчивое к нему отношение со стороны тт. Мехлиса и Козлова...»^[402].

Из текста специального сообщения ясно, что подслушивались разговоры и других должностных лиц, в том числе члена военного совета армии, начальника политотдела. Слежка была тотальная. Выразительна и многообещающая резолюция Мехлиса на документе — «Хранить».

Армейский комиссар активно «чистил» кадры. А одновременно воевал... с пленными. И не шутя почитал это за геройство, за доблесть. Иначе, наверное, не стал бы писать об этом сыну (оправдывая себя, правда, соображениями отмщения):

«В городе Керчи до 7 тысяч трупов гражданского населения (до детей включительно), расстреляны все извергами фашистами (во время оккупации в 1941 году. — *Авт.*). Кровь стынет от злости и жажды мстить. Фашистов пленных приказываю кончать.

И Фисунов (начальник секретариата Мехлиса. — *Авт.*) тут орудует хорошо. С особым удовлетворением уничтожает разбойников».

В конечном счете подобный стиль в работе с людьми обернулся огромными потерями.

В целом в ходе февральских и мартовских наступлений были достигнуты лишь незначительные тактические успехи в улучшении позиций. Кой-Асанский узел вражеской обороны так и не был преодолен. Равновесие сил было очевидным. Простое перемалывание живой силы не могло привести к решительной победе одной из сторон. Для достижения победы необходимо было создавать огневое превосходство, а силы и средства фронта были израсходованы в бесплодных атаках.

На 10–12 дней командование фронта решило отказаться от наступательных действий, дать отдохнуть войскам. Представитель Ставки Л. З. Мехлис в это время «заменял» начальника штаба фронта Ф. И. Толбухина генерал-майором П. П. Вечным, командующего 47-й армией С. И. Черняка генерал-майором К. С. Колгановым, командующего 44-й армией С. Е. Рождественского генерал-майором С. И. Черняком. Перетасовка этих и других командиров вряд ли была оправданна. 44-ю армию из второго эшелона поставили в общую линию фронта, ширина которого была 18–20 км; на каждую армию приходилось по 6 км, где действовали 5–7 дивизии. Образовалась чрезмерная плотность войск, тыловых частей и учреждений. Сюда же были переброшены запасные полки всех трех армий, армейские курсы. Маневр войск практически был исключен, затруднено обычное движение транспорта.

Войска Крымского фронта и Севастопольского оборонительного района создавали угрозу уничтожения противника до тех пор, пока сохранялись надежные коммуникации с Кавказом. Это отчетливо представлял и противник. Поэтому еще в январе он захватил один из портов снабжения — Феодосию. Затем он усилил блокаду Керчи и Севастополя, всего Крыма, используя главным образом авиацию, мины и артиллерию. Потери транспортных судов вынудили командование флотом перейти к перевозкам на боевых кораблях. Нарком ВМФ поставил вопрос о совершенствовании организации и об улучшении управления военно-морскими силами на Черном море. Он предлагал освободить адмирала Ф. С. Октябрьского от командования Севастопольским оборонительным районом, чтобы он мог сосредоточиться на управлении флотом.

Ставку также не удовлетворяло оперативное руководство силами в Крыму, на Кавказе и Черном море, но она смотрела на проблему еще шире. С целью объединения усилий Крымского и Северо-Кавказского фронтов, а также Черноморского флота 21 апреля 1942 года было образовано Главное командование Северо-Кавказского направления во главе с Маршалом Советского Союза С. М. Буденным, которому были подчинены Крымский фронт, Севастопольский оборонительный район, Северо-Кавказский военный округ (позже фронт), Черноморский флот (вместе с Азовской военной флотилией).

С. М. Буденный начал с укрепления боеспособности войск в Севастополе и на Керченском полуострове. 28 апреля он прибыл в село Ленинское на командный пункт Крымского фронта и сделал рекомендации по усилению обороны, ее эшелонированию, созданию резервов, смене командных пунктов, так как, прекратив наступление, войска фронта продолжали сохранять прежние боевые порядки. Они не были готовы к новому наступлению и не приняли оборонительного порядка для отражения наступления противника. Однако в руках главкома направления не было сил и средств для прикрытия войск и коммуникаций от удара с воздуха, нечем было в случае необходимости усилить фронт. Авиация и силы ПВО были распылены между фронтом, армиями и флотом.

В то же время противник сам готовил наступление против советских войск на Керченском полуострове. В Крым прибыли и уже побывали в боях 22-я танковая и 28-я легкая пехотная дивизии вермахта.

Манштейну удалось получить от Антонеску дополнительно 7-й румынский армейский корпус в составе 19-й пехотной дивизии и 8-й кавалерийской бригады. Противник создал мощные группы артиллерии и танков. Но самое главное, он сосредоточил на короткое время операции большие силы 4-го воздушного флота и особенно ударный 8-й авиационный корпус. В его составе были и большие силы зенитной артиллерии. В результате люфтваффе удалось установить господство над Керченским полуостровом и блокировать морские подходы к нему.

Таким образом, из-за недостатка в вооружениях и организации, отсутствия опыта наступления в сложных условиях операция советских войск по разгрому сил противника в Крыму не удалась.

При этом стороны понесли значительные потери. Сохранявшаяся в Крыму обоюдоострая обстановка подталкивала противоборствующие стороны на операции с целью решительного поражения врага и полного овладения полуостровом. Противнику удалось упредить советское командование в сосредоточении сил.

Разгром советских войск на Керченском полуострове

(8-20 мая 1942 года)

Немецкое командование, планируя в новой кампании лета 1942 года удар на южном крыле советско-германского фронта в сторону Закавказья, решило предварительно, до наступления главных сил, улучшить оперативное положение своих войск в первую очередь захватом всего Крыма. Оно наметило вначале блокировать Крымский полуостров и отрезать его от Новороссийска и других портов Кавказа, разгромить наиболее сильную группировку советских войск в Крыму — Крымский фронт и овладеть Керченским полуостровом, а затем решительным штурмом взять Севастополь. Захват Крыма создавал противнику благоприятные условия для наступления на Кавказ от Ростова как сухопутным путем, так и через Керченский пролив. Победа давала возможность усилить давление на Турцию и другие страны Среднего Востока (и Балкан), а также высвобождала сильнейшую 11-ю армию вермахта и румынский корпус для участия в главной операции (на Кавказе).

План новой кампании был объявлен Гитлером на совещании 28 марта 1942 года.

Советское Верховное Главнокомандование приняло решение на ведение весной и летом 1942 года стратегической обороны. Однако оно хотело удержать в своих руках стратегическую инициативу, с трудом добытую в боях под Москвой. Поэтому были спланированы активные действия на отдельных направлениях. В том числе намечалось провести большое наступление в районе Харькова и освободить Крым.

Вместе с тем, после неудачных попыток предпринять решительное наступление в феврале — марте 1942 года, перейдя к обороне, командование Крымского фронта не предприняло всех необходимых мер по реорганизации боевых порядков. Они по-прежнему были рассчитаны на ведение наступательных действий. Все 3 армии располагались в одном эшелоне, тогда как необходимо было

иметь по меньшей мере одну армию в резерве. Дивизии располагались в одну линию, а их боевые порядки были крайне уплотнены. Каждое из соединений занимало для обороны полосы протяжением в среднем до 2 км. Меры по созданию глубокоэшелонированной обороны командованием фронта приняты не были даже тогда, когда стали поступать сведения, что противник готовится к активным наступательным действиям. Правда, отдельные дивизии все же начали выводить в резерв, однако задачи им не были определены, и рубежей, выгодных для обороны, они не занимали.

Замена некоторых дивизий первой линии не проводилась; так, на участке прорыва противника находилась бессменно 63-я горнострелковая дивизия. В ней были перебежчики на сторону врага, убийство уполномоченного особого отдела и командира полка. Это был сигнал к реорганизации, но дивизия даже не сменялась со своего участка.

По боевой подготовке соединений и частей были даны указания, составлены многочисленные планы, но ход их учебы никто не контролировал.

Группировка войск по своему построению отвечала идее наступления, с нанесением главного удара правым крылом. Артиллерия также имела наступательную группировку и к обороне подготовлена не была.

В условиях действий на открытой местности, характерной для Керченского полуострова, нужна была эшелонированная противотанковая и противовоздушная оборона, хорошо оборудованная в инженерном отношении и обеспеченная сильными резервами, размещенными вблизи дорог и достаточно удаленными от передовых позиций. Этим требованиям оборона войск Крымского фронта не отвечала.

В начале апреля противник увеличил силы в Крыму, в том числе морские и воздушные. На аэродромах Крыма появился 8-й бомбардировочный авиакорпус генерала Рихтгофена; в портах — итальянские и немецкие подводные лодки, торпедные катера, десантные баржи.

В первой декаде апреля вражеская авиация начала блокаду берегов Крыма: минировала подходы к Севастополю и Керчи, наносила систематические бомбовые удары по портам Севастополя,

Керчи, Новороссийска, судам и кораблям в море. Было зарегистрировано 28 налетов на Керчь, Камыш-Бурун и корабли, находящиеся в проливе, отмечено сбрасывание с самолетов в пролив 169 мин. Часть населения Керчи и Новороссийска, спасаясь от систематических изнуряющих бомбежек, ушла из города.

Возникли перебои с обеспечением продовольствием, боеприпасами, с подвозом пополнения. Из-за этого не удалось возместить потери, понесенные в ходе февральско-апрельских боев, а они составили более 225 тысяч человек. Тем не менее общее соотношение сил и средств к началу мая оставалось в пользу советских войск. К 8 мая 1942 года в составе Крымского фронта находились 16 стрелковых и одна кавалерийская дивизии, 3 стрелковые и 4 танковые бригады, 3 танковых батальона, 9 полков артиллерии резерва Главного Командования, 3 полка гвардейских минометов и другие, более мелкие части. Противник уступал: в живой силе — в 2 раза, в танках — в 1,2 раза, в артиллерии — в 1,8 раза. Немцы, правда, располагали большей по численности авиацией — в 1,7 раза.

Блокировать Севастополь противник начал с самого начала войны постановкой мин с самолетов. Средств борьбы с донными магнитными минами тогда еще не было. Вечером 22 июня 1941 года подорвался на mine и затонул буксир, через день подорвался плавучий кран, 30 июня — шаланда, а 1 июля получил повреждение от подрыва на mine эскадренный миноносец «Быстрый».

Авиация и мины создавали большую опасность для плавания советских кораблей и судов. Эта опасность увеличивалась от собственных минных заграждений, поставленных в первые дни с целью обороны баз и побережья. В 1941 году у своих берегов и баз были поставлены 8371 мина и 1378 минных защитников, в том числе 675 мин в Азовском море, 150 мин в Керченском проливе, свыше 4 тысяч мин на подходах к Севастополю и Евпатории.

Обычно к минным заграждениям прибегают при угрозе вторжения или нападении более сильного флота. В данном случае не исключалась возможность прохода в Черное море кораблей итальянского и немецкого флотов. Но этого не случилось, а поставленные заграждения затрудняли собственное судоходство и приводили к случаям подрыва своих кораблей.

Фарватеры, проложенные между заграждениями, ограничивали свободу маневрирования. Зимой и весной 1942 года по ним ежедневно в среднем проходило по 60 судов. Это использовал враг, обстреливая суда и корабли дальнобойной артиллерией.

Блокадные действия противника еще больше изолировали между собой Керчь, Севастополь и порт снабжения Новороссийск. Все это говорило о подготовке немецкого командования к активным наступательным действиям.

На Керченском полуострове, несмотря на имевшиеся сведения о готовившемся наступлении, войска фронта оставались в наступательной группировке, которая была создана с целью полного освобождения Крыма от противника.

Сложилась противоречивая и очень опасная ситуация: группировка войск фронта к маю 1942 года оставалась наступательной, однако наступление по ряду причин все откладывалось, а оборона не укреплялась. Тыловые оборонительные рубежи фронта — Турецкий вал и Керченские обводы — существовали лишь на оперативных картах. Лишь 6 мая, то есть всего за сутки до вражеского наступления, И. В. Сталин распорядился, чтобы «войска Крымского фронта прочно закрепились на занимаемых рубежах, совершенствуя их оборонительные сооружения в инженерном отношении и улучшая тактическое положение войск на отдельных участках, в частности, путем захвата кой-асановского узла». А ведь еще 21 апреля Верховный Главнокомандующий ставил задачу на продолжение операций по очистке полуострова от противника.

Во многом именно по этой причине требование Ставки ВГК об усилении обороны оказалось невыполненным. Оборонительной группировки войск для отражения ожидаемого наступления врага не было создано. Все 3 армии (47, 51-я и 44-я, всего 21 дивизия) находились в одном эшелоне фронта. Небольшие резервы, так же как и пункты управления, располагались близко к переднему краю, что ставило их под угрозу ударов вражеской артиллерии. Главная полоса протяженностью 27 км не имела необходимой глубины (она не превышала 4 км), а вторая была создана лишь на правом фланге. Левый, приморский фланг не обеспечивался прикрытием со стороны моря. Там не было кораблей, которые поддерживали бы фланг сухопутных войск. Артиллерийские противотанковые резервы

фронтового и армейского подчинения не были созданы, противовоздушная оборона войск также не была организована должным образом. Фронтowej тыловой рубеж — позиции Турецкого вала и керченского оборонительного обвода — в инженерном отношении не были завершены и войсками не занимались.

Не последнюю роль в этом сыграла и позиция представителя Ставки ВГК. В конкретной обстановке апреля — начала мая он уверовал в неспособность немцев к наступлению. «Не принимайте ложные маневры противника за истину», «надо смотреть вперед, готовить колонные пути и мосты, отрабатывать действия по разграждению» — на таких позициях, по воспоминаниям генерал-полковника инженерных войск А. Ф. Хренова, стоял Мехлис. Громя «оборонительную психологию некоторых генералов», он отрицательно влиял тем самым на командование фронта.

Л. З. Мехлис в докладе И. В. Сталину признавал позднее: «Обстановка требовала перехода войск Крымского фронта к жесткой обороне и решительного изменения группировки, в основном сохранявшей неизменно наступательный характер...» Но к осознанию этой истины он пришел, когда все уже было кончено. А пока, едва получив указание продолжать наступление, он 22 апреля шлет телеграмму Сталину на уже привычную тему: «Время идет, фронт в большом долгу перед Ставкой, в части вливается пополнение... ведется работа по устранению выявленных в ходе боев крупных недостатков и очистке частей от сомнительных элементов. Во всей этой работе Козлов по сути стоит в стороне, подмахивая подносимые штабом бумаги. Вопрос о руководстве больше, чем назрел, ибо пора более решительно подготовить большую операцию с привлечением части сил Приморской армии...

Л. Мехлис, П. Дегтярев».

Верховный и на сей раз не поддался на уговоры армейского комиссара, однако наступательный пыл у последнего это не охладило. «Всякие разговоры о возможности успешного наступления немцев и нашем вынужденном отходе Л. З. Мехлис считал вредными, а меры предосторожности — излишними», — вспоминал адмирал Н. Г. Кузнецов, побывавший 28 апреля вместе с маршалом С. М. Буденным на командном пункте Крымского фронта в селе Ленинское. Будучи уверенным в «слепоте» немцев, Лев Захарович

отвергал даже самые скромные предположения, что им известно местоположение штаба фронта. Подобная самонадеянность обошлась очень дорого.

Противнику же удалось определить слабое место в обороне наших войск и сосредоточить здесь крупные силы авиации и танков.

Все эти обстоятельства в совокупности с открытым характером местности Керченского полуострова предопределили успех немецких войск.

Противник силами шести пехотных дивизий и одной легкой дивизии занимал укрепленный рубеж Киет — Кой-Асан — Дальние Камыши, имея в непосредственном тылу подвижные войска — танковую дивизию и кавалерийскую бригаду. В состав указанной группировки противника входили: 170, 182, 186, 46-я и 50-я пехотные дивизии, 26-я легкая пехотная дивизия, 19-я румынская пехотная дивизия, 22-я танковая дивизия и 8-я кавалерийская бригада румын.

Число танков и самоходных орудий противника на Керченском направлении в начале мая 1942 года доходило до 200. Сюда были подтянуты основные силы 22-й танковой дивизии, 190-го и 197-го дивизионов штурмовых орудий. 190-й легкий дивизион штурмовых орудий перед началом операций на Керченском полуострове получил в свой состав (18 StuG III) батарею новейших самоходных установок StuG III Ausf.F.

Готовясь к наступлению, в конце апреля и начале мая противник производил усиленную авиационную разведку Керченского полуострова, систематически производил удары бомбардировочной авиацией по путям сообщения наших войск, производил усиленный подвоз боеприпасов, сосредотачивал авиацию на аэродромах в Крыму и на Черноморском побережье, пополнял танковые части.

Войска Крымского фронта после безуспешных попыток путем частных операций захватить Кой-Асан и другие пункты, имея значительные потери, приводили себя в порядок (восстанавливали матчасть, пополнялись личным составом), перейдя к обороне. Театром военных действий в тот момент являлся Керченский полуостров (протяженностью с севера на юг от 18 до 24 км, с востока на запад — 80 км — от Керчи до Кой-Асана, не считая самой узкой части на восток от Керчи).

Танковые войска фронта состояли из четырех танковых бригад (39, 40, 55, 56 тбр) и трех отдельных танковых батальонов (229, 124, 126 отб).

В боях также участвовали бронедивизион 72-й кавалерийской дивизии и с 14 мая — бронепоезд № 74, построенный на заводе имени Войкова в Керчи.

Имея значительные потери в предшествовавших боях, танковые части пополнялись новой техникой, производили восстановление боевых машин и к 8 мая заканчивали его.

8 мая 1942 года боевой состав танковых соединений и частей характеризовался следующими данными.

Все танковые бригады и 229-й отдельный танковый батальон находились в подчинении командования фронта, но в случае перехода противника в наступление поступали в подчинение командующих армиями: 55-я танковая бригада — 47-й армии; 40-я танковая бригада и 229-й отдельный танковый батальон — 51-й армии, 56-я и 39-я танковые бригады — 44-й армии. 124-й и 126-й отдельные танковые батальоны входили в состав 44-й армии.

55, 40-я и 56-я танковые бригады и отдельные танковые батальоны были расположены в зоне артиллерийского огня противника.

Вне зоны артогня находилась только 39-я танковая бригада, расположенная в 17 км от линии фронта.

Между тем события приобретали все более грозные очертания. 6 мая, в день получения распоряжения Сталина о переходе фронта к обороне, от начальника штаба Северо-Кавказского направления генерал-майора Г. Ф. Захарова поступила информация чрезвычайной важности. Перелетевший линию фронта летчик-хорват предупреждал: немцы готовятся наступать. Информацию подтверждали и другие источники. В ночь на 7 мая военный совет Крымского фронта направил в войска соответствующие распоряжения, но сделано это было так неспешно, что к утру до многих адресатов они так и не дошли. Свою губительную роль явно играла уверенность, что не немцы нам, а мы им «закатим большую музыку».

7 мая весь день вражеская авиация бомбила расположения штабов фронта и армий, боевые порядки войск, их тылы, зенитные батареи. Была полностью нарушена связь, противовоздушная оборона,

парализована работа штабов. Рано утром 8 мая вражеская авиация нанесла сильный удар по городу Керчь и порту. Но здесь они встретили отпор истребителей и огонь зенитных батарей.

К этому времени Крымский фронт располагал общим численным превосходством над противником в силах и средствах: в дивизиях — в 2 раза, в людях — в 1,5, в артиллерии — в 1,4, в самолетах и танках силы были примерно равны.

Наступлению сухопутных войск противника (более 6 дивизий 11-й немецкой армии) предшествовал еще один массированный удар вражеской авиации по плотным боевым порядкам 44-й армии. Ряд пунктов был подвергнут бомбардировке за день до 10 раз.

Войска, особенно на участке 44-й армии, в течение всего дня непрерывно подвергались бомбардировкам и атакам авиации. При этом, как 8 мая, так и в последующие дни, атаки авиации были особенно ожесточенными по тем районам, куда впоследствии противник вводил в прорыв танки. В период с 8 по 11 мая над Керченским полуостровом находилось до 800 самолетов одновременно.

После бомбардировки авиацией последовала мощная артиллерийская обработка участка прорыва на 5–6 км в районе расположения 63-й горнострелковой дивизии и частично 276-й стрелковой дивизии 44-й армии. Артиллерийский и минометный огонь по частям первого эшелона продолжался в течение часа, а затем был перенесен в глубину.

Сбросив огромное количество авиабомб и снарядов, противник взорвал наши минные поля, разрушил препятствия на участке прорыва и подорвал устойчивость частей 63-й горнострелковой дивизии. После авиационной и артиллерийской подготовки противник перешел в наступление, используя танки и пехоту, нанося главный удар на участке 63 гсд. Осью движения он избрал дорогу Феодосия — Керчь, применяя излюбленный им метод действия на дорогах. Одновременно на побережье Феодосийского залива, в районе горы Ас-Чалуле, 15 км северо-восточнее Феодосии, в тыл 63 гсд был высажен шлюпочный десант в количестве около 250 человек. Высадка десанта противнику удалась практически безнаказанно, так как этот участок охранялся малыми силами, если вообще охранялся.

Оборонявшиеся в первом эшелоне две стрелковые дивизии не выдержали удара трех немецких дивизий, поддержанных значительными силами пикирующих бомбардировщиков, и были вынуждены отступить на восток. Отступление происходило в беспорядке и походило на бегство. Для приостановки отступления были задействованы 72-я кавалерийская дивизия и даже ремонтно-восстановительный батальон 44-й армии, но эти попытки ни к чему не привели.

Когда командованию фронтом стало ясно, что противник основной удар наносит на своем правом фланге, был отдан приказ парировать этот удар частями 44-й армии и частью сил 51-й армии, но из-за нарушенной связи своевременная реализация этого приказа была затруднена.

Ввиду того что местность была совершенно открытой, все расположения и передвижения наших войск были хорошо известны противнику. Вместе с тем ведение авиационной разведки с нашей стороны стало практически невозможным.

По боевым порядкам немецких войск открыл стрельбу 25-й гвардейский минометный полк под командованием майора М. М. Родичева. Наступавшие танки и мотопехота «отхлынули» от участка местности, накрытого полковым залпом «катюш».

Однако несмотря на ожесточенное сопротивление наших войск, противник к исходу дня прорвал обе полосы обороны 44-й армии на участке 5 км по фронту и до 10 км в глубину.

Докладывая об этом Верховному Главнокомандующему, Л. З. Мехлис сетовал на господство вражеской авиации, острый недостаток снарядов и мин, просил перебросить с Таманского полуострова стрелковую бригаду для занятия обороны на Керченском обводе. Вот когда стала доходить до его сознания вся пагубность пренебрежения мерами обороны!

Представитель Ставки не мог не отдавать себе отчета, что события развиваются совершенно иначе, нежели он предполагал. Срочно потребовался «козел отпущения».

Из телеграммы Л. З. Мехлиса И. В. Сталину 8 мая 1942 года: «Теперь не время жаловаться, но я должен доложить, чтобы Ставка знала командующего фронтом. 7-го мая, то есть накануне наступления противника, Козлов созвал военный совет для обсуждения проекта

будущей операции по овладению Кой-Асаном. Я порекомендовал отложить этот проект и немедленно дать указания армиям в связи с ожидаемым наступлением противника. В подписанном приказании командующий фронтом в нескольких местах ориентировал, что наступление ожидается 10–15 мая, и предлагал проработать до 10 мая и изучить со всем начсоставом, командирами соединений и штабами план обороны армии. Это делалось тогда, когда вся обстановка истекшего дня показывала, что с утра противник будет наступать. По моему настоянию ошибочная в сроках ориентировка была исправлена. Сопrotивлялся также Козлов выдвижению дополнительных сил на участке 44-й армии». Донос, однако, успеха не имел. Верховный был настолько раздосадован неудачей на юге, что в ответной телеграмме не посчитал нужным сдержать гнев даже в адрес своего любимца.

8 мая в боях с наступающим противником приняли участие танковые соединения и части, расположенные в полосе 44-й армии — 126-й отдельный танковый батальон, 39-я танковая бригада и 56-я танковая бригада. 126-й отдельный танковый батальон, приданный 276-й стрелковой дивизии, перешел в контратаку от совхоза Арда-Эли в направлении феодосийской дороги на юго-запад. В результате контратаки батальон достиг противотанкового рва, уничтожив 2 средних танка противника, 8 противотанковых орудий, 6 станковых пулеметов и до двух рот пехоты, потеряв при этом 4 танка Т-26, 4 человека убитыми и 24 ранеными.

Части 56-й танковой бригады 8 мая уничтожили 7 танков (средних) противника, 5 противотанковых орудий, до трех рот пехоты и артиллерийский обоз противника на феодосийской дороге, потеряв при этом 17 танков (из них 7 КВ), 15 человек убитыми и 25 ранеными.

39-я танковая бригада, имея задачу уничтожить прорвавшегося противника в районе совхоза Арда-Эли, высота 50,6, выдвинулась для поддержки контратаки 404-й стрелковой дивизии РККА. При подходе к Балке Черная командир бригады получил донесение от своей разведки, что 16 средних танков и до полка немецкой пехоты подходят к высоте 50,6, и решил с ходу атаковать части вермахта. В результате враг был отброшен. В течение дня бригада отразила еще несколько атак противника на данном направлении, оказав поддержку 404-й стрелковой дивизии. Немецкие части, потеряв 8 танков и около 400 человек убитыми, 8 мая в этом направлении новых попыток

наступления больше не предпринимали. Потери бригады составили 7 танков (из них 2 КВ), 47 человек убитыми и ранеными, 25 человек пропали без вести.

В итоге 8 мая 39-я танковая бригада, выдвинутая командованием 44-й армии с запозданием из занимаемого района, вела встречные бои с наступавшим противником, задержав его продвижение. Отходившие части 63-й горнострелковой дивизии практически не оказывали сопротивления противнику, а части 404-й стрелковой дивизии, действовавшие в направлении Кош, совхоз Арма-Эли, оказали бригаде слабую поддержку.

К исходу первого дня вражеского наступления оборона войск 44-й армии оказалась прорванной на 5-км участке и в глубину до 8 км. В результате действий авиации противника было потеряно управление фронтом, армиями, нарушено управление дивизиями, парализованы войска. Продвижение войск и тылов из-за непрерывных налетов авиации также было затруднено.

В результате действий 8 мая практически только танковые части Крымского фронта оказали серьезное сопротивление противнику, задержав его продвижение на рубеже высоты 63,8, совхоза Арма-Эли, Балка Черная. Отход частей 276-й и 404-й стрелковых дивизий и отсутствие сопротивления противнику частей 63-й горнострелковой дивизии не дали возможности закрепить успех, достигнутый танковыми частями.

Одновременно противник с целью демонстрации вел в наступление на фронте 47-й и 51-й армий, но его атаки были отбиты.

В первый день наступления противника, 8 мая, его авиация вывела из строя более половины зенитных средств; тем самым были обеспечены благоприятные условия для ее действий в последующие дни. И если 7–9 мая самолеты противника вели налеты в основном на высотах 1000–2000 метров, то 10 и 11 мая — уже на высотах 300–700 метров.

9 мая на фронте 47-й армии противник активности не проявлял, на фронте 51-й армии пытался незначительными силами овладеть высотой 69,4 (юго-западнее Крым-Шибани), но безуспешно.

Части противника, действовавшие против 44-й армии, к полудню достигли Сейтджеут и совхоза Арма-Эли, которым вскоре овладели. Возникла реальная угроза левому флангу 51-й армии.

Между тем вечером 8 мая командование Крымского фронта отдало приказ, согласно которому основной удар по прорвавшемуся противнику должна была наносить 51-я армия. Ей передавались также все части, ранее приданные 44-й армии.

Атака была назначена на утро 9 мая, однако части в установленный срок не сосредоточились в указанных районах, и командующий 51-й армией генерал В. Н. Львов перенес атаку на 14.00. Но и к этому времени части также не сосредоточились. К вечеру противник сам перешел в наступление на этом направлении. Стрелковые части под непрерывным бомбометанием и атаками танков не проявляли должной стойкости.

Основной удар на себя приняли 56-я танковая бригада и 229-й отдельный танковый батальон. Несмотря на превосходство сил противника, они продержались на рубеже Мезарлык-Оба до полудня 10 мая, после чего под натиском танков и пехоты противника начали отход на север.

В этом же направлении в ночь с 10 на 11 мая отступали и части 47-й армии, что привело к дезорганизации управления и неразберихе. Отходом практически никто не руководил, и он не был организован. Дело доходило до того, что отдельные автоматчики противника просачивались в боевые порядки и открывали огонь по отступающим.

Боевой состав танковых частей к утру 9 мая выглядел следующим образом:

124, 126-й отдельные танковые батальоны и 39-я танковая бригада 9 мая и в дальнейшем оставались в составе 44-й армии, 40-я танковая бригада — в составе 51-й армии, этой же армии в ночь на 9 мая были переподчинены 56-я танковая бригада и 229-й отдельный танковый батальон. 55-я танковая бригада оставалась в составе 47-й армии.

Танковые части 44-й армии с утра 9 мая вступили в бой с противником. 124-й отдельный танковый батальон, сосредоточенный на западных скатах горы Кабуш-Убе, около 10.00 получили от заместителя командующего 44-й армии задачу атаковать танки противника, которые к этому времени подходили с запада в район горы, и в дальнейшем прикрывать отход частей армии.

Батальон атаковал танки и пехоту противника, двигавшиеся в направлении феодосийской дороги. В результате боя батальон подбил 5 немецких танков, уничтожил 6 противотанковых орудий, 2

минометных батареи и рассеял до батальона пехоты противника. 124-й отб потерял 5 танков.

В дальнейшем батальон отошел к Кошаю, где находился в обороне до вечера 9 мая. После вторичного короткого боя в районе Кошая батальон отошел и занял оборону западнее Карач.

126-й отдельный танковый батальон, отведенный по приказу заместителя командующего 44-й армией в район Сейтджеута для совместных действий с 39 тбр, с 9 часов утра вел бой в этом районе, отражая атаку 40 танков и пехоты противника. В ходе боя было уничтожено 5 бронемашин, 2 средних танка, 4 противотанковых орудия с расчетами и до роты пехоты. К вечеру батальон отошел к феодосийской дороге, где огнем с места сдерживал наступление превосходящих сил противника. Задень потери 126-й отдельного танкового батальона составили 5 танков, 5 человек убитыми и 20 ранеными.

39-я танковая бригада совместно со 126-м отдельным танковым батальоном и во взаимодействии с 643-м стрелковым полком в течении дня 9 мая удерживали высоту 46,5 и Сейтджеут, отбивая атаки превосходящих сил противника. К исходу дня бригада с боем отошла к Обенчи-Корсан, где атаковала мотоколонну противника, двигавшуюся по дороге на Сарылар. В дальнейшем бригада отошла в Дабиюш, где находились остатки 404-й стрелковой дивизии и других частей. В условиях отсутствия связи со штабом 44-й армии и соседями командир бригады объединил под своим командованием имеющиеся группы пехоты: 47 человек 63 гсд, 227 человек 404 сд, 229 человек школы младших лейтенантов, 176 человек 276 сд и 276 человек 54 мп, организовав оборону. В течении дня бригада уничтожила 4 танка противника, одно самоходное орудие, 5 автомашин, около 100 человек, потеряв при этом 2 танка Т-60.

Танковые части 51-й армии действовали следующим образом.

40-я танковая бригада к утру 9 мая сосредоточилась в 1 км севернее кургана Кош-Оба, в готовности для контрудара совместно со 128-й стрелковой дивизией. Около 20.00 бригада атаковала танки противника в направлении кургана Сюрук-Оба, подбив 6 танков. После этого бригада вернулась на исходное положение.

56-я танковая бригада с ротой 18-го мотоциклетного полка обороняла район Мезарлык-Оба, после чего отошла к Пяти Курганам,

где заняла оборону, отражая атаки численно превосходящего противника (до 100 танков при поддержке пехоты). В этих боях бригада потеряла 9 танков Т-26, 15 человек убитыми и 12 ранеными.

Особенно ожесточенные бои 9 мая вел 229-й отдельный танковый батальон, занимавший оборону на северных скатах кургана Сюрук-Оба. Встретив огнем с места противника, наступающего из района Арма-Эли, батальон уничтожил 28 танков неприятеля, потеряв 5 тяжелых танков КВ. В дальнейшем в отражении танковой атаки приняла участие артиллерия. После боя, длившегося до темноты, противник потерял 50 подбитыми танков.

55-я танковая бригада 9 мая боевых действий не вела.

Таким образом, танковые части 51-й армии отразили атаку до 100 танков противника в направлении кургана Сюрук-Оба, а части 44-й армии в направлении феодосийской дороги в течении дня методом подвижной обороны и контратаками сдерживали наступление превосходящих сил противника в восточном направлении.

Действия танковых частей не были закреплены усилиями стрелковых дивизий.

К исходу 9 мая в полосе 44-й армии уже не имелось сплошного фронта. Остатки занимавших оборону стрелковых дивизий мелкими группами непрерывно отходили в восточном направлении. Части 72-й кавалерийской дивизии, имевшие задачу остановить поток отступавших, не смогли ее выполнить.

На левом крыле 51-й армии в связи с отходом 236-й стрелковой дивизии с ночи на 10 мая 1942 года также образовался промежуток от Пяти Курганов до городка Кайман, не занятый частями Крымского фронта.

После того как 9 мая нашему командованию не удалось ликвидировать прорыв немцев и его глубина возросла до 30 км, причем в полосе не только 44-й, но и 51-й армии, представитель Ставки был вызван к прямому проводу. Переговоры командования Крымским фронтом с Верховным Главнокомандующим состоялись 10 мая в 2 часа 55 минут.

Мехлис, Козлов и Колосов доложили, что левый фланг они отводят за Акмонайские позиции. Задержать противника они надеются силами 12-й и 143-й стрелковых бригад и 72-й кавалерийской дивизии. 156-я стрелковая дивизия ставилась на Турецкий вал. Они просили

также с Тамани 103-ю стрелковую бригаду, а также разрешения перенести КП фронта, в связи с непрерывной бомбежкой, в каменоломни, на северную окраину Керчи.

Ответ был таков:

«СТАЛИН:

1) Всю 47 армию необходимо немедленно начать отводить за Турецкий вал, организовав арьергард и прикрыв отход авиацией. Без этого будет риск попасть в плен.

2) 103 бригаду дать не можем.

3) Удар силами 51 армии можете организовать с тем, чтобы и эту армию постепенно отводить за Турецкий вал.

4) Остатки 44 армии тоже нужно отводить за Турецкий вал.

5) Мехлис и Козлов должны немедленно заняться организацией обороны на линии Турецкого вала.

6) Не возражаем против перевода штаба на указанное вами место.

7) Решительно возражаем против выезда Козлова и Мехлиса в группу Львова.

8) Примите все меры, чтобы вся артиллерия, в особенности крупная, была сосредоточена за Турецким валом, а также ряд противотанковых полков.

9) Если вы сумеете и успеете задержать противника перед Турецким валом, мы будем считать это достижением. Все.

МЕХЛИС: Сделаем все в точности по вашему приказу...

СТАЛИН: Скоро придут три полка авиации в Ейск и в Новороссийск в распоряжение Буденного. Можете их взять для вашего фронта. Торопитесь с исполнением указания, время дорого, вы всегда опаздываете... Все приказы главкома, противоречащие только что переданным приказаниям, можете считать не подлежащими исполнению...»

Итак, окончательно поняв, что ни Мехлис, ни Козлов «пороха не изобретут», Верховный ставит им как задачу максимум: отвести свои части и задержать части противника на рубеже Турецкого вала. Напомним, что как сам вал, так и Керченские обводы фактически не были оборудованы в инженерном отношении и серьезной преграды для противника не представляли.

Неразворотливость, пассивность командования Крымского фронта и представителя Ставки служила врагу дополнительной подмогой.

Приказ на отвод своих 47-й и 51-й армий генералы Колганов и Львов получили из штаба фронта лишь к концу 10 мая, а начали его реализацию еще сутки спустя. Между тем уже к исходу 10 мая передовые части немцев вышли к Турецкому валу. До Керчи им оставалось чуть более 30 км. Частям 47-й армии — в два с половиной раза дальше.

На прибрежную полосу шириной не более 1 км, по которой отступали дивизии обеих армий, обрушился шквал огня. Берег сплошь усеяли тела погибших. Их участь разделил и генерал Львов, командующий 51-й армией.

Танковые части за сутки боев в общей сложности потеряли более 40 машин, и к утру 10 мая их боевой состав выглядел следующим образом:

10 мая 55-я танковая бригада была переведена в подчинение 51-й армии, распределение остальных танковых частей по армиям осталось без изменений.

Действия танковых войск 51-й армии. 56-й танковой бригаде с ротой 13-го мотопехотного полка была поставлена задача удерживать рубеж Пять Курганов (западнее кургана Сюрюк-Оба).

Противник накапливался перед фронтом бригады, сосредотачивая танки и пехоту для наступления. Район расположения бригады находился под сильным артиллерийским и минометным огнем. К полудню 10 мая в бригаде осталось три танка Т-60 и два Т-26, батарея ПТО расстреляла все свои снаряды. Командир бригады принял решение остатки частей отвести на Огуз-Тобе, где они вечером 10 мая были подчинены командиру 55-й танковой бригады.

40-я танковая бригада днем 10 мая получила приказ поддержать 650-й стрелковый полк, на участке которого противник перешел в наступление. Командир бригады решил с ходу атаковать противника танками КВ, которые выбили неприятеля с высоты 63,2, восстановив положение 650 сп. В этом бою бригада уничтожила 4 танка и 2 противотанковых орудия противника, потеряв 2 танка КВ и один — Т-34. После атаки танки бригады вернулись в исходное положение.

55-я танковая бригада, расположенная на северо-восточных склонах кургана Огуз-Тобе, получила задачу атаковать противника во взаимодействии с 77-й горнострелковой дивизией. В момент выступления во второй половине дня бригада подверглась

массированному налету авиации противника. При подходе к железной дороге танки бригады были встречены огнем танков противника, находившихся с другой стороны железнодорожного полотна, и противотанковых орудий. Одновременно по бригаде вели огонь танки противника со стороны кургана Сюрук-Оба.

В ходе боя, длившегося до темноты, бригада потеряла 7 танков КВ, семь Т-26, 2 танка КВ вышли из строя по техническим причинам. При этом было уничтожено около 20 танков противника. Оставшиеся танки 55-й танковой бригады были отведены на юго-восточные скаты городка Огуз-Тобе.

5 танков 229-го отдельного танкового батальона, из которых 4 были неисправны, вели огонь по танкам противника с места из района северо-восточных скатов высоты 42,7. При этом был подбит один танк КВ.

Танковые войска 44-й армии 10 мая активных действий не вели. 124-й отдельный танковый батальон в течение дня по приказу сверху дважды в течении дня менял позиции, боевых действий не вел.

126-й отдельный танковый батальон был отведен на рубеж Турецкого вала, где занял оборону.

39-я танковая бригада совместно с остатками различных стрелковых частей (63 гсд, 404 сд, 276 сд, 54 мп) занимала оборону в районе Джаб-Тобе. К вечеру 10 мая бригада была подчинена командиру 404-й стрелковой дивизии.

11 мая противник продолжал наступление против левого крыла 51-й армии, пытаясь овладеть городом Огуз-Тобе и выйти к Арабатскому заливу. Вражеская авиация нанесла сильный удар по командному пункту 51-й армии. Погиб один из наиболее решительных командиров Крымского фронта генерал Львов. Командование принял начальник штаба армии полковник Г. П. Котов.

В полосе 44-й армии противник продолжал наступление, преимущественно используя танки и моторизованные части, преследуя отступающие разрозненные части армии.

В течении всего дня продолжались массированные налеты авиации, самолеты противника действовали, как правило, на малых высотах, так как зенитной обороны уже практически не существовало.

В целях объединения действий авиации Крымского фронта и Авиации дальнего действия, Ставка приказала авиацию Крымского

фронта, флота и Северо-Кавказского направления временно подчинить заместителю командующего Авиацией дальнего действия генералу Н. С. Скрипко. Были приняты и другие меры по оказанию помощи войскам Крымского фронта. Однако события развивались стремительно в неблагоприятную для нас сторону.

После проведенных накануне боев 11 мая боевой состав танковых частей выглядел следующим образом:

55-я танковая бригада совместно с 77-й стрелковой дивизией и оставшимися танками 56-й танковой бригады с утра 11 мая вела ожесточенный бой с танками и пехотой противника в районе города Огуз-Тобе. В ходе этого боя, длившегося до полудня, было уничтожено 12 танков противника. При этом в обеих бригадах боеготовых танков не осталось, и командующий 51-й армией отдал приказ отвести их штабы в тылы.

Находившаяся неподалеку, севернее кургана Кош-Оба, 40-я танковая бригада бездействовала. Командир бригады не проявил инициативы, не атаковал противника во фланг и тыл, что ему следовало бы сделать в сложившейся обстановке. Во второй половине дня 11 мая по приказу командующего 51-й армией бригада начала отход в направлении на Ак-Монай и далее по берегу Арабатского залива. В район Керчи прибыло 8 оставшихся танков Т-60 бригады, где они действовали до 18 мая совместно с частями 51-й армии.

229-й отдельный танковый батальон получил приказ на отвод оставшихся танков в тыл для восстановления, однако по пути в районе Семь Колодезей 2 танка были уничтожены. Оставшиеся 2 танка 13 мая дошли до Турецкого вала, где вели бой с противником, уничтожив 6 его танков. При этом батальон потерял свои последние две машины...

Основная часть сил 51-й армии уже не вела организованной обороны, и 11 мая командующий армией отдал приказ на отвод дивизий к рубежу Турецкого вала. Это решение не было проведено в жизнь. Сам приказ был недостаточно вразумительным, ставилась задача «отходить на Турецкий вал». Однако этот рубеж не был подготовлен к обороне, и многие части проходили мимо него, открывая тем самым путь для движения противника. Попытки формирования отрядов из отступающих не увенчались успехом, так как они практически сразу же разбегались после налетов авиации. Лишь на левом участке части 72-й кавалерийской дивизии, 39-й

танковой бригады и погранчасти сдерживали противника. Но это не дало должного эффекта, так как немецкие войска вышли на шоссе Султановка — Керчь. Созданные наспех отряды по Керченскому обводу также оказались неустойчивыми. Частей и тем более дивизий как самостоятельных боевых единиц уже не было. Поток неуправляемой массы людей устремился к переправе.

Части 47-й армии беспорядочно продолжали отход по берегу Арабатского залива.

Видя, что командование фронтом и представитель Ставки окончательно утратили нити управления и положение наших войск становится все более угрожающим, Ставка ВГК 11 мая в 23.50 отдает по «Бодо» приказ главкому Северо-Кавказского направления маршалу Буденному:

«Ввиду того, что Военный совет Крымфронта, в т. ч. Мехлис, Козлов, потеряли голову, до сего времени не могут связаться с армиями, несмотря на то, что штабы армий отстоят от Турецкого вала не более 20–25 км, ввиду того, что Козлов и Мехлис, несмотря на приказ Ставки, не решаются выехать на Турецкий вал и организовать там оборону Ставка Верховного Главнокомандования приказывает Главкому СКН маршалу Буденному в срочном порядке (фактически такой выезд состоялся только 13 мая. — *Авт.*) выехать в район штаба Крымского фронта (г. Керчь), навести порядок в Военном совете фронта, заставить Мехлиса и Козлова прекратить свою работу по формированию в тылу, передав это дело тыловым работникам, заставить их выехать немедленно на Турецкий вал, принять отходящие войска и материальную часть, привести их в порядок и организовать устойчивую оборону на линии Турецкого вала, разбив оборонительную линию на участки во главе с ответственными командирами. Главная задача — не пропускать противника к востоку от Турецкого вала, используя для этого все оборонительные средства, войсковые части, средства авиации и морского флота»^[403].

12 мая Козлов и Мехлис, вняв наконец приказу Ставки, выехали на Турецкий вал в район Султановки, куда вышли части 44-й армии генерала Черняка. Представитель Ставки позднее докладывал Сталину, как штаб 44-й армии и представители фронта останавливали отходящие в беспорядке разрозненные подразделения и отдельных людей. Очень похожая картина предстала перед Мехлисом и севернее, в районе железной дороги:

«Части 47 армии беспорядочно отходят под жесточайшим воздействием авиации. Отход был неорганизованный. Ни одной части найти не удалось. Шли разрозненные группы»^[404].

Отсутствие нормальной связи, утрата управления войсками, беспорядочность, а то и паника усугублялись действиями Мехлиса и других руководителей. Резонны, на наш взгляд, упреки, высказанные по этому поводу адмиралом Н. Г. Кузнецовым: «...Мехлис во время боя носился на „газике“ под огнем, пытаясь остановить отходящие войска, но все было напрасно. В такой момент решающее значение имеют не личная храбрость отдельного начальника, а заранее отработанная военная организация, твердый порядок и дисциплина».

А они-то, как ни прискорбно, отсутствовали. Так или иначе, но лишь 13 мая, то есть спустя трое суток после приказа Ставки, «основные оставшиеся части и соединения, — как доложил Мехлис Сталину, — сосредоточились на линии Турецкого вала и приступили к занятию обороны»^[405].

Действия танковых частей 44-й армии. 124-й отдельный танковый батальон по приказу начальника штаба фронта к вечеру 11 мая совершил марш из района Семь Колодезей к Турецкому валу, где занял оборону совместно с частями 143-й стрелковой бригады. В бою 13 мая батальон уничтожил 6 танков противника, 2 штурмовых орудия и 8 машин с мотопехотой, потеряв при этом 6 своих танков. Оставшиеся 2 машины были переданы в 126-й отдельный танковый батальон.

126-й отдельный танковый батальон в ночь с 11 на 12 мая по приказу Члена военного совета фронта был отведен в район Айман-Кую и Сараймин. 12 мая он был пополнен 12 танками, скорее всего, из 79-го учебного танкового батальона, а также трофейными: 5 Т-26,

ХТ-133, 2 Pz.Kpfw.IV Ausf.F1, 4 Pz.Kpfw.38(t). В указанном районе с 13 мая по 15 мая батальон совместно с 417-м стрелковым полком занимал оборону, отражая атаки превосходящих сил противника, подвергаясь при этом многократным ожесточенным налетам вражеской авиации. В этих боях батальон потерял все танки, а оставшиеся 3 неисправные машины взорвал. За 2 дня боев 13 и 14 мая батальоном уничтожено 17 танков противника, 8 противотанковых орудий, 3 бронемашины до роты пехоты и около эскадрона конницы противника.

39-я танковая бригада 12 мая по приказу заместителя командующего 44-й армией была отведена в район Марфовки, а затем — в Чурбан, где заняла оборону. В бою 14 мая бригада уничтожила 4 танка противника. В этот же день по приказу командования бригада была переброшена на окраину города Керчь. В течении всего дня 15 мая остатки бригады (5 Т-60, 1 Т-26) совместно с бронедивизионом 72-й кавдивизии и пехотой 156-й и 404-й стрелковых дивизий обороняли город Керчь, а с 16 мая танки бригады действовали в обороне совместно с частями 157-й стрелковой дивизии.

Потеряв в ожесточенных боях всю материальную часть, оставшийся в живых личный состав бригады 15–16 мая был переправлен на восточный берег.

Майские события показали, что противник не ждал, а навязывал свое развитие событий. 13 мая танками и пехотой при активной поддержке с воздуха он нанес удар на фронте Султановка — Ново-Николаевка. К исходу дня 156-я стрелковая и 72-я кавалерийская дивизии были отеснены на линию Андреевка — Чурбаш. Турецкий вал был, таким образом, прорван.

На следующий день положение войск фронта усугубилось еще больше. Из доклада Л. З. Мехлиса И. В. Сталину:

«В течение 14.5 бои на всем фронте Керченского обвода продолжались с неослабевающей силой. Противник танками и пехотой по-прежнему наносил удар по нашему центру в направлении Андреевка — Керчь и по левому флангу Чурбаш — Керчь, нанося одновременно непрерывные мощные бомбовые удары по нашим войскам, скоплениям обозов и разрушая все пристани и причалы в порту Камыш-

Бурун, Керчь, завод Войкова и на переправах в Еникале, Опасная и Жуковка. Войска несли тяжелые потери, особенно в материальной части. Недоставало огнеприпасов.

Обозы и тылы трех армий, собравшиеся на узком пространстве восточной части Керченского полуострова, разбивались авиацией. Армии к этому времени (к утру 15 мая) в своем составе имели только отдельные организованные части и соединения»^[406].

Героизм, стойкость отдельных частей, подразделений, групп бойцов и командиров были не в состоянии переломить общую обстановку, отход наших войск при непрерывной бомбежке приобретал все более стремительный и неуправляемый характер. Под угрозой оказалась Керчь — место дислокации штаба фронта.

Видя, что командование Крымским фронтом окончательно утрачивает нити управления, Ставка отдает приказание, которые, как ни прискорбно, способны были разве что облегчить агонию. Но и они носили противоречивый характер.

Так, на рассвете 14 мая из Москвы поступило распоряжение Сталина о начале отвода войск на Таманский полуостров. К вечеру (в 18.10) И. В. Сталину доложили ответную телеграмму:

«Бои идут на окраинах Керчи, с севера город обходится противником. Напрягаем последние усилия, чтобы задержать [его] к западу от Булганак.

Части стихийно отходят. Эвакуация техники и людей будет незначительной. Командный пункт переходит Еникале. Мы опозорили страну и должны быть прокляты. Будем биться до последнего. Авиация врага решила исход боя.

Мехлис»

Очевидно, панический тон телеграммы заставил Верховного Главнокомандующего принять решение, фактически отменявшее распоряжение о начале эвакуации. 15 мая в 1.10 Верховный телеграфирует генералу Д. Т. Козлову:

«Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Керчь не сдавать, организовать оборону по типу Севастополя.

2. Перебросить к войскам, ведущим бой на западе, группу мужественных командиров с рациями с задачей взять войска в руки, организовать ударную группу с тем, чтобы ликвидировать прорвавшегося к Керчи противника и восстановить оборону по одному из керченских обводов. Если обстановка позволяет, необходимо там быть Вам лично.

3. Командуете фронтом Вы, а не Мехлис. Мехлис должен Вам помочь. Если не помогает, сообщите...»

Пожалуй, впервые Верховный высказал сомнение относительно пользы от пребывания армейского комиссара на Крымском фронте.

15 мая пала Керчь. В этот день в дневнике начальника генерального штаба сухопутных войск вермахта Ф. Гальдера появилась запись: «Керченскую операцию можно считать законченной. Город и порт в наших руках». Немецкий генерал торопился. Сопротивление наших войск было еще отнюдь не сломлено. 17 и 18 мая Гальдер вынужден был засвидетельствовать в своем дневнике «ожесточенное сопротивление северо-восточнее Керчи». Тем не менее Крымский фронт был, по сути, обречен.

Как в эти драматические дни и часы держался представитель Ставки ВГК? Что испытывал он, видя, какой катастрофой заканчивается его пребывание на Крымском фронте? Чувствовал ли какую-то вину за собой?

Судьба хранила Мехлиса. 14 мая, находясь на КП 44-й армии, вместе с сопровождающими он попал под обстрел. Тяжело ранило начальника политуправления армии, порученца Мехлиса, были разбиты автомашины, у представителя Ставки же — ни царапины. Надо отдать ему должное — в подобных переделках он неизменно сохранял хладнокровие.

Мужества не доставало в другом: в признании собственной несостоятельности, порочности методов, которые использовал армейский комиссар в работе с людьми.

Таким образом, анализ действий войск Крымского фронта свидетельствует, что наиболее ожесточенное сопротивление противнику оказали танковые части. В течение 8–9 мая они дважды

останавливали наступление прорвавшегося численно превосходящего противника. 8 мая наступление вермахта было остановлено на линии высота 63,8, совхоз Арма-Эли, высота 50,6; 9 мая — на рубеже Пять Курганов, курган Сюрук-Оба.

В эти дни впервые на Крымском фронте развернулись полноценные танковые бои. Наши танки в этих боях действовали, как правило, при слабой поддержке артиллерии.

Потеря управления штабом фронта и штабами армий привела к запозданию с введением в действие танковых бригад и разрозненности их действий. Этому же послужило и отсутствие инициативы со стороны командира 40-й танковой бригады подполковника Калинина, который в условиях отсутствия связи со штабом армии бездействовал, в то время когда другие бригады вели бой с противником поблизости от него.

По обстановке 55-я танковая бригада слишком долго оставалась в составе 47-й армии, в связи с этим введение ее в бой запоздало на сутки.

Тем не менее танковые части, задержав продвижение противника, обеспечили условия отвода других частей на новые рубежи обороны. Однако эти условия использованы не были.

В результате на небольшом пространстве у переправы (ширина 5 км, глубина — 3 км) скопилось большое количество людей и машин. Противника сдерживали лишь небольшие разрозненные отряды из наиболее стойких сил 51-й и 44-й армий, остатков танковых частей. Командование фронта направило всех штабных офицеров для развертывания обороны и сдерживания бегущих. Переправа началась и продолжалась все время под бомбежкой авиации, а с 15 мая противник смог вести по переправе артиллерийский минометный огонь. Когда часть людей была уже переправлена, внезапно был отдан приказ приостановить переправу, и в течении суток ее не было.

Плана эвакуации штаб фронта не имел вплоть до 16 мая, да и в дальнейшем он до конца разработан не был и до войск не доведен. Средства эвакуации также не были своевременно затребованы.

Последующие события показали, что планового, организующего начала, в том числе со стороны представителя Ставки, по сути, так и не было. Командование Керченской военно-морской базы, получив указание об эвакуации частей, само поспешило преждевременно

переправиться на Таманский полуостров в ночь на 16 мая. Ряд других руководящих работников также поторопился перебраться на противоположный берег Керченского пролива. Заместитель командующего войсками фронта генерал-полковник Черевиченко убит еще 13-го, генерал-майор Крупников, помощник командующего по формированиям, и ряд других генералов — 15-го, один член военного совета, Колесов, правда, контуженный, был эвакуирован 16-го, другой — Шаманин — убит 17-го. В этот же день командный пункт фронта переместился на Таманский полуостров в поселок Кордон Ильича.

Плавсредства, предназначенные для эвакуации, подавались нерегулярно и несвоевременно. Командиры многих гражданских судов отказывались подходить к берегу под бомбежкой и артогнем, симулировали аварии. При потенциальной возможности переправлять в сутки 30–35 тысяч человек, 17 мая смогли эвакуировать чуть больше 22 тысяч, в иные дни и того меньше. Установленная очередность — раненые, материальная часть тяжелой артиллерии, реактивные минометы — не соблюдалась. Под видом раненых, признавался Мехлис в докладе Сталину, толпы невооруженных, деморализованных бойцов с бою захватывали суда и переправлялись на косу Чушка.

Полные трагизма картины нарисовала в коллективном письме Верховному Главнокомандующему группа политработников 51, 47-й и 44-й армий: «...Мы считаем, что неправильно информировали Вас, как прошли события на Керченском полуострове. В основном вся техника и транспорт, и склады всех трех армий остались у врага. 11 мая начали отходить, и до Керчи не было подготовлено ни одного оборонительного рубежа. Всю технику и транспорт никто из командования Крымского фронта не старался рассредоточить. И враг это использовал... в основном все разбомбил.

Никакого руководства этим отходом не было, кто куда смог, тот бежал, а в первую очередь генералы. На переправах лежали раненые, и их топтали ногами, не оказывали никакой помощи. Красноармейцы многие строили плоты на камерах из автомашин, на которых многие тонули, а часть из них унесло в Черное море. Отход наших войск не прикрывался ни авиацией, ни полевой и зенитной артиллерией, что дало возможность врагу непрерывно бомбить отходящие войска уже на Таманском полуострове и в море — наши суда. На всей площади переправы и косы было устлано трупами наших бойцов, командиров и

политработников. Это все произошло благодаря предательскому командованию Крымского фронта, иначе считать нельзя...»^[407].

Л. З. Мехлис до вечера 19 мая находился на плацдарме и переправился с последними частями 51-й армии, войдя, таким образом, в число тех около 140 тысяч человек, которых удалось эвакуировать на Таманский полуостров.

В документах базы также сообщается об эвакуации 47 установок РС, 25 гаубиц, 27 минометов, 600 автомашин, 109 тонн боеприпасов. Из 140 тысяч эвакуировавшихся человек было 23 тысячи раненых. Бойцы и командиры, не успевшие переправиться, либо попали в плен, либо продолжали борьбу в керченских каменоломнях. Но многие погибли, израсходовав все средства борьбы.

Как уже отмечалось, не лучшим образом было организовано и управление войсками. В донесении заместителя командующего Северо-Кавказским фронтом по танковым войскам подчеркивалось, что «трудно было понять, кто же в действительности был ответственным лицом, так как командование фронтом не находилось в общих руках. Слишком много времени уходило на согласование вопросов, приходилось тратить по 6–7 часов, чтобы разрешить какой-либо вопрос». В донесении также отмечается, что на войсках пагубно отразилась посылка ответственных и безответственных лиц в армии и части с разными поручениями и полномочиями. Эти уполномоченные передавали приказы, по-своему развивая их основные мысли, сковывали инициативу командиров, снимали с них ответственность.

Командные пункты были слишком близко расположены к передовым частям: в 47-й армии — в 9 км от переднего края, в 51-й армии — в 7 км, в 44-й армии — в 11 км.

Запасные командные пункты не были подготовлены.

Командный пункт фронта находился в 30 км от наших передовых частей, а запасной — еще ближе.

В результате даже при незначительном продвижении частей управление терялось. Переход на новые КП в армиях проводился хаотически: командующий, член военного совета и начальник штаба садились в машины и уезжали. Весь остальной аппарат даже не знал, куда двигаться.

Командование опоздало с отдачей приказа на переход в контрнаступление более чем на сутки, части втягивались в бой

порознь. В связи с этим компактного удара не получилось. Кроме того, приказы менялись, в то время как войска находились в движении.

Отход частей на Турецкий вал не был подготовлен, а сам приказ на отход запоздал. Части начали отход в беспорядке, когда на флангах «висел» противник. В этих условиях приказы хотя и писались, но они либо не доходили, либо опаздывали и не соответствовали обстановке.

Отсутствие глубокоэшелонированной обороны, наступательный характер группировки советских войск привели к тому, что противник, прорвав фронт на участке 63-й горнострелковой дивизии, смог свой тактический успех развить в оперативный.

Черноморское побережье практически не охранялось, что позволило противнику высадить в тыл и без того недостаточно устойчивой 63-й горнострелковой дивизии десант в количестве 200–250 человек и вызвать панику в ее рядах.

В боях (только с 8 мая) Крымский фронт потерял более 150 тысяч человек, свыше 4,6 тысяч орудий и минометов, 417 самолетов и почти 500 танков, 400 автомашин. Это означало жестокое поражение, существенно осложнившее обстановку на южном крыле советско-германского фронта.

Может возникнуть вопрос: в какой степени виноват в происшедшем Л. З. Мехлис?

С большой долей вероятности утверждать, что при той обстановке на Крымском фронте, которую в значительной степени определил своим поведением Л. З. Мехлис, иного исхода боев трудно было ожидать. По сути, абсолютную власть в Крыму получил человек, поднявшийся к вершинам власти в военном ведомстве благодаря не полководческому таланту, а близости к Сталину, незаурядному умению выявлять и искоренять «врагов народа». Постигнув законы классовой борьбы, такие люди убеждены, что уж законы вооруженного сопротивления освоить им ничего не стоит. Главное — напор, партийная идейность, твердая уверенность, что «нет таких крепостей, которые не взяли бы большевики».

С этой точки зрения Мехлис был ярким и зловещим представителем 1937 года. Но таким же представителем, только с обратным знаком, оказался другой главный участник крымской коллизии — командующий фронтом Козлов, который, по мнению

И. В. Сталина, больше, чем немцев, боялся наделенного почти диктаторскими полномочиями эмиссара из Москвы.

Годы, связанные с репрессиями военных кадров, породили у генерала Козлова (да только ли у него одного?) страх перед стоящими за Мехлисом высокими инстанциями, боязнь ответственности, опасение противопоставить разумное с точки зрения военной науки решение безграмотному, но амбициозному напору представителя Ставки. Истории было угодно свести их, как две половины критической массы в атомной бомбе, на Крымском фронте, словно для того, чтобы со всей трагичностью проявили себя последствия беззакония 30-х годов.

Крым поставил на военной и политической карьере Мехлиса крест. Даже Сталин, столько лет благоволивший к нему, вынужден был признать: безграмотность в военном деле, произвол, диктаторские замашки подчас несли даже опасность той системе власти, которую олицетворял собой вождь. И потому последний предпочел хотя бы на время войны отодвинуть «мехлисов» на задний план, давая ход настоящим талантам в военном деле.

Это можно было бы счесть за справедливость судьбы, если бы только за свои деяния Мехлис отвечал сам, один, а не те десятки тысяч советских воинов, что остались навек в крымской земле или пополнили число узников фашистских концлагерей.

4 июня 1942 года Ставка проанализировала причины поражения фронта и затем довела их до действия армии. Основную причину провала Керченской оборонительной операции она видела в том, что командование фронта — Козлов, Шаманин, Вечный, представитель Ставки Мехлис, командующие армиями фронта, и особенно 44-й армии — генерал-лейтенант Черняк и 47-й армии генерал-майор Колганов, обнаружили полное непонимание современной войны.

Директивой от 4 июня Ставка потребовала от командующих и военных советов всех фронтов и армий извлечь уроки из крайне неудачных действий командования Крымским фронтом.

Поражение Крымского фронта было тяжким событием весны 1942 года. Прежде всего оно сказалось на судьбе Севастополя. В течение мая фронт потерял несколько десятков тысяч человек личного состава, почти 3,5 тысячи орудий и минометов, более 250 танков и 400 самолетов. В ходе сражений на Керченском полуострове погибли

многие опытные командиры Красной армии. Захваченную боевую технику и тяжелое вооружение советских войск противник затем частично использовал против защитников Севастополя.

Падение Севастополя

(2 июня — 4 июля 1942 года)

Между вторым и третьим наступлениями немцев на Севастополь прошло более 5 месяцев.

Это время было использовано севастопольцами для проведения ряда активных частных операций с задачей восстановить утраченное на некоторых участках за время второго наступления немцев положение и для сковывания противника.

Одновременно части севастопольского гарнизона усиливали оборону. Вновь было построено 344 ДОТа, 64 ДЗОТа, 423 пулеметных гнезда с бронированными и бетонными оголовками и большое количество окопов и разного рода заграждений.

Части получили пополнение в количестве 11 877 человек. Кроме того, на усиление гарнизона города прибыли 386-я стрелковая дивизия и 9-я бригада морской пехоты. Была сформирована 109-я стрелковая дивизия.

С резервными частями и подразделениями систематически проводились занятия.

Противник, овладев Керченским полуостровом, с 20 мая начал переброску своих войск с Керченского направления под Севастополь с целью возобновить наступление и в кратчайший срок овладеть городом.

Учитывая силу нашей обороны и стойкость защитников Севастополя, немецкое командование решило создать крупную группировку, способную в несколько дней сломить сопротивление советских войск и выполнить задачу, которую немцы не смогли решить в предыдущие 7 месяцев.

К началу третьего наступления противник сосредоточил под Севастополем 11 пехотных дивизий, 2 горнострелковые бригады, 22-ю танковую дивизию, 2 отдельных танковых батальона (223, 300), 2 дивизиона штурмовых орудий (190, 197) и 6–7 отдельных пехотных полков, 5 артиллерийских полков усиления, батареи и орудия большой мощности. Всего в этой группировке было 204 тысячи человек. В

общей сложности немцы имели 1325 орудий, в том числе орудия калибра 210 и 305 мм, 720 минометов, 450 танков, 1060 самолетов.

Для участия в штурме Севастополя впервые были привлечены специальные бронетанковые части.

300-й танковый отдельный батальон (Panzer-Abteilung 300) управляемых гусеничных снарядов был создан 8 сентября 1941 года как экспериментальное подразделение (Minen-Rauem-Abteilung 1), но уже 15 сентября он был переименован в 300-й танковый батальон. Переименование было связано в первую очередь с решением о передаче этого подразделения из подчинения инженерных в танковые войска. 3 февраля 1942 года в составе батальона были сформированы две легкие и средняя рота. Легкая рота радиоуправляемого танкового оружия (leichte Panzer-Kompanie F.L.), организованная согласно приказу № 1159 от 5 января 1942 года, включала танк радиоуправления и контроля (созданный на базе Pz.Kpfw.III), предназначенный для наведения радиоуправляемых гусеничных снарядов В-IV Sprengstofftraeger, а также эти танкетки-снаряды. Средняя рота радиоуправляемого танкового оружия, организованная согласно приказу № 1160 от 5 января 1942 года, включала в свой состав единственный Pz.Kpfw.III, предназначенный для управления по проводам минами-танкетками Goliath Sprengstofftraeger. 300-й танковый батальон был отправлен на советско-германский фронт в апреле 1942 года и принимал участие в последнем штурме Севастополя.

223-я отдельная танковая рота была сформирована 10 апреля 1942 года. Она была оснащена тяжелыми танками французского производства В1 bis (по немецкой классификации Pz.Kpfw.B2). Во время последнего штурма Севастополя рота оперативно подчинялась 22-й танковой дивизии вермахта. В тот момент это подразделение насчитывало 17 танков Pz.Kpfw.B2 (из них 12 в огнеметном варианте — Pz.Kpfw.B2 (F.L.)). Данное подразделение появилось на фронте 10 апреля 1942 года и вело боевые действия в районе Севастополя. 15 июня 1942 года данная рота была переформирована в отдельный танковый батальон «Крым» (номер «223» за батальоном также сохранился), но вторую роту батальона сформировали лишь после взятия Севастополя.

Наши войска в Севастополе насчитывали 106 тысяч (7 стрелковых дивизий, 3 бригады морской пехоты), орудий и минометов — 606, самолетов — 60, а также 2 отдельных танковых батальона (81-й и 125-й), имевших на вооружении 39 танков, в основном легкие Т-26.

В процессе боев противник подтянул еще 3 пехотные дивизии и 3 пехотных полка с других фронтов, а советское командование перебросило под Севастополь морем 2 бригады морской пехоты.

Таким образом, к началу третьего наступления немцы превосходили войска Красной армии в живой силе в 2 раза, в артиллерии — в 3,3 раза, в танках — в 12 раз, в авиации — в 18 раз. Очень большое превосходство немцев в авиации дополнялось близостью их баз к объектам действий. Непрерывное патрулирование немецких самолетов в воздухе почти исключало появление наших самолетов над районом Севастополя. Благодаря такому превосходству в воздухе немцам удалось установить полную воздушную блокаду Севастополя. Для борьбы с нашими транспортными и боевыми кораблями, подвозившими в Севастополь все необходимое для защитников города, немцы выделили специальную группу в составе 150 самолетов, 20 торпедных катеров и нескольких подводных лодок.

План немецкого командования предусматривал нанесение двух мощных концентрических ударов по городу с целью раскола нашего фронта на три изолированные части, окружения и уничтожения каждой из них в отдельности. Противник предполагал покончить с Севастополем в 4 дня.

54-й армейский корпус в составе 132, 50-й и 24-й пехотных дивизий при поддержке 100 танков, имея 22-ю пехотную дивизию во втором эшелоне, наносил главный удар. Этот удар наносился из района Камышлы, Бельбек в направлении северо-восточного берега Северной бухты.

Вспомогательный удар вдоль Ялтинского шоссе на Севастополь наносил 30-й армейский корпус силами 28-й легкой и 170-й пехотной дивизий с 60 танками, имея во втором эшелоне 72-ю пехотную дивизию.

На сковывающем направлении, на участке Верхний Чоргунь — Мекензия действовали румынские части: 1-я горнострелковая бригада и 18-я пехотная дивизия.

Армейский резерв состоял из 6–7 отдельных пехотных полков и 22-й отдельной танковой дивизии, которая в конце июня (30 июня 1942 года) имела в своем составе 28 Pz.Kpfw.II, 114 Pz.Kpfw.38(t), 12 Pz.Kpfw.III, 11 Pz.Kpfw.IV (L/24) и 11 Pz.Kpfw.IV Ausf.F2^[408].

К началу третьего наступления немцев наша оборона организационно окрепла. Ответственность защитников Севастополя за судьбу города возросла еще больше, особенно в связи с тем, что на получение подкрепления извне они уже рассчитывать не могли.

К этому времени Приморская армия под командованием генерала И. Е. Петрова, составлявшая основу Севастопольского оборонительного района, занимала следующее положение. Первый сектор (фронт — 7,5 км), комендантом которого был командир 109-й стрелковой дивизии генерал П. Г. Новиков, обороняли 109-я и 388-я стрелковые дивизии. Второй сектор (фронт — 12 км), возглавлявшийся командиром 386-й стрелковой дивизии полковником Н. Ф. Скутьельником, удерживали части 386-й стрелковой дивизии, 7-я и 8-я бригады морской пехоты. Третий сектор (фронт — 8,5 км), где комендантом был командир 25-й Чапаевской стрелковой дивизии генерал Т. К. Коломиец, обороняли части 25-й дивизии, 79-я морская стрелковая бригада, 3-й полк морской пехоты, 2-й Перекопский полк морской пехоты. Оборона четвертого сектора (фронт — 6 км) возглавлялась командиром 95-й стрелковой дивизии полковником А. Г. Капитохиным. Здесь действовали части 95-й и 172-й стрелковых дивизий. В резерве командующего Приморской армией находились 345-я стрелковая дивизия полковника И. О. Гузя, местный стрелковый полк береговой обороны, один полк 308-й стрелковой дивизии, два отдельных танковых батальона, бронепоезд «Железняков».

В каждом секторе обороны Севастополя на усиление стрелковым войскам были приданы артиллерийские полки, пулеметные батальоны береговой обороны, батареи противотанковых артиллерийских полков.

С 20 мая противник начал артиллерийскую пристрелку боевых порядков войск, КП частей и соединений, позиций артиллерии, аэродромов и тыловых учреждений войск, продолжавшуюся до 1 июня 1942 года.

2 июня германская сторона начали артиллерийскую и авиационную подготовку, которая продолжалась 5 дней. По заявлению

самых же немцев, подобной подготовки по времени и плотности огня в военной истории Германии не было.

Со 2 по 7 июня немцы сделали 9 тысяч самолето-вылетов и сбросили на наши войска и город 46 тысяч бомб крупного калибра. Самолеты противника непрерывными волнами по 30–40 машин совершали налеты на боевые порядки войск. Артиллерия выпустила 126 тысяч тяжелых снарядов. В среднем на каждый квадратный метр полосы нашей обороны на направлениях предстоящих ударов приходилось 1,5 тонн металла.

Подготовка завершилась утром 7 июня двухчасовым мощным огнем всей артиллерии и авиации противника по нашим боевым порядкам.

Немцы не рассчитывали на внезапность наступления. Расчет строился на уничтожении живой силы, препятствий и заграждений и деморализации оставшихся в живых наших бойцов и офицеров. Следует отметить, что первые два дня бомбардировки действительно произвели сильное моральное воздействие на обороняющиеся войска. В дальнейшем защитники Севастополя адаптировались к этим условиям и на продолжавшуюся бомбардировку практически не обращали внимания (насколько это было возможно).

В 5 часов 7 июня предшествуемая танками немецкая пехота, прижимаясь вплотную к огневому валу, двинулась в атаку. Главный удар немцы наносили на узком участке фронта в 1,5 км. Немецкие автоматчики двигались во весь рост непосредственно за танками.

За ними шла пехота и артиллерия сопровождения, поддерживаемые с воздуха массированными авиационными ударами.

Тактика немцев была построена на нанесении удара тараном. Они стремились проделать узкий коридор, а затем расширить образовавшийся прорыв в сторону флангов. Поэтому на путях своего движения к Северной бухте они, не считаясь ни с чем, выбрасывали на каждый метр тонны металла. Так, за 7 июня на наши боевые порядки было сброшено 9 тысяч бомб.

Советские войска оказали упорное сопротивление. Особенно огромный урон противнику наносила наша артиллерия всех калибров, в том числе и береговая. О силе нашего сопротивления и главным образом об эффективности огня нашей артиллерии лучше всего можно судить по официальным донесениям самих же немецких офицеров.

Вот что в них сказано: «Наше наступление наталкивается на планомерно оборудованную, сильно минированную и с большевистским упорством защищаемую систему позиций. Первые дни боев показывают, что под адским артиллерийским огнем противника наступление дальше вести невозможно»^[409].

Несмотря на упорство наших войск и ожесточенность боев 7 и 8 июня, немцам удалось последовательно овладеть рядом высот в глубине обороны, а затем выйти к рубежу Мекензиевы горы. Это продвижение стоило немцам более 5000 человек убитыми. Наши потери за два дня составили 1500 человек убитыми и ранеными.

Советские войска проявляли исключительный героизм. Вот один из эпизодов: 2-я рота 514-го полка в районе Бельбек попала в окружение, ни один человек не дрогнул и не отступил, вся рота упорно дралась целый день и погибла геройски, нанеся огромный урон противнику.

Уже на третий день наступления немцы, вследствие больших потерь, понесенных 50-й пехотной дивизией, ввели в бой второй эшелон корпуса, 22-ю пехотную дивизию. В свою очередь, советским командованием был введен в бой резерв оборонительного района, 345-я стрелковая дивизия. В итоге боев 9 и 10 июня наступление немцев было остановлено непосредственно южнее рубежа Мекензиевы горы.

10 июня противник впервые с начала третьего штурма Севастополя ввел в действие свои танковые части, ранее находившиеся в районах сосредоточения. Немцы свои танки применяли мелкими подразделениями (3–10 танков) и в тесном взаимодействии с пехотой. Танки противника действовали крайне осторожно, как правило, не выходя из боевых порядков своей пехоты. Отмечены единичные случаи, когда группы из 10–12 танков врываются в боевые порядки нашей пехоты и вели беспорядочный огонь из пушек и пулеметов, стремясь зайти во фланги. Во всех этих случаях танки противника успеха не имели. Наша пехота, хорошо подготовленная к встрече с танками, успешно отражала их атаки, нанося им при этом чувствительные потери. Характерно, что, потеряв 2–3 машины, немецкие танки быстро откатывались назад. В отдельных случаях для прорыва нашей обороны (например в полосе действий 345-й стрелковой дивизии) немцы использовали советские трофейные танки КВ (4 штуки)^[410].

В течение 11 июня наше командование силами третьего и четвертого секторов, при поддержке артиллерии всего района предприняло контрудар с целью восстановить положение на стыке этих секторов.

Немцы в этот день ввели в бой дополнительно 4-ю румынскую горнострелковую бригаду. Развернулись ожесточенные бои, окончившиеся успешно для советских войск. Немцы были выбиты с захваченных позиций, и наши части овладели позициями Мекензиевы горы.

12 и 13 июня противник произвел перегруппировку, а 14 июня возобновил атаки, стремясь прорваться к Северной бухте. Но ни в тот день, ни 15 и 16 июня немцам не удалось продвинуться вперед. Большие потери в соединениях вынудили немецкое командование прервать свое наступление для подтягивания новых резервов.

Наступление немцев на направлении вспомогательного удара вдоль Ялтинского шоссе началось также 7 июня. Наиболее ожесточенные бои на этом участке развертывались с 12 по 16 июня. 12 июня противник ввел в бой в направлении на Камары полк 72-й пехотной дивизии и до 100 танков и штурмовых орудий. К концу дня ему удалось несколько вклиниться в нашу оборону. На следующий день немцы продолжали ожесточенные атаки на позиции в районе Камары, высота 164,9. Наступление вели 2 полка пехоты с танками и при поддержке мощной авиации. Высоту 164,9 упорно оборонял 602-й стрелковый полк. Атаки немцев ни днем, ни в ночь на 14 июня успеха не имели. Лишь 14 июня, после того как противник ввел в бой два полка 73-й пехотной дивизии, наши войска оставили высоту. В это же время 381-й стрелковый полк, оборонявшийся в районе совхоза «Благодать», был атакован во фланг. Вследствие неблагоприятно сложившейся обстановки наше командование решило отвести эти два полка на рубеж совхоз «Благодать», высота 123,3.

Пытаясь развить свой наметившийся успех, немцы 16 июня подбросили в район совхоза «Благодать» части 24-й пехотной дивизии, которые совместно с двумя полками и танками 30-го армейского корпуса перешли в наступление на совхоз «Благодать», Кадыковку.

Удар немцы наносили на узком участке, по частям, понесшим уже значительные потери. Это позволило им вклиниться в оборону защитников Севастополя на стыке первого и второго секторов и в ночь

на 17 июня захватить совхоз «Благодать». Дальнейшее наступление противника было остановлено.

На других участках фронта противник также вел решительные атаки. В частности, румыны 11 июня произвели крупную атаку на наши позиции в районе высоты 269,0. Пьяные румынские офицеры и солдаты решили психической атакой воздействовать на наших бойцов. Эта психическая атака стоила румынам 200 солдат и офицеров убитыми.

Наиболее критическими днями для частей четвертого сектора, оборонявшего подступы к Северной бухте, были дни с 17 по 20 июня. Сгруппировав здесь 4 полка пехоты с танками, немцы 17 июня атаковали наши подразделения в четвертом секторе. К этому времени гарнизон четвертого сектора насчитывал не более двух полков. Для создания сплошного фронта обороны не хватало войск; кроме того, у подразделений не было необходимого количества боеприпасов. Все это в сильной мере затрудняло организацию длительной обороны занимаемых рубежей. Тем не менее каждый метр советской земли давался немцам дорогой ценой. Лишь во второй половине дня 17 июня немцам удалось оттеснить наши части и занять ряд высот в глубине обороны. В 22 часа немцы возобновили свое наступление, однако большего успеха за этот день они добиться не смогли, если не считать проникновения отдельных групп автоматчиков к восточной окраине Буденновки и блокировки батареи Б-30. В этот день немецкая авиация произвела на участок четвертого сектора 960 самолето-вылетов и сбросила 4500 бомб.

18 июня немецкие части, при поддержке авиации, огня тяжелой артиллерии и реактивных батарей, продолжали теснить подразделения четвертого сектора. Предпринятая во фланг противнику контратака силами 138-й стрелковой бригады (резерв района) не смогла существенно изменить обстановку, и наши части, ведя тяжелые оборонительные бои, вынуждены были отойти.

К исходу дня они отошли на рубеж верховья балки Голландия, Братское кладбище, Буденновка и Учкуевка.

Весь день 19 июня противник продолжал бомбить наши боевые порядки, по которым было сброшено до 4000 бомб крупного калибра, и Севастополь, на который было сброшено несколько тысяч одних

зажигательных бомб. Город был объят пламенем, а дым простирался далеко за его пределами.

С наступлением темноты наши части вынуждены были отойти на северные укрепления Севастополя. Эти укрепления, защищавшие с севера непосредственные подступы к Северной бухте, удерживались нашими слабыми подразделениями в течение 20, 21 и 22 июня.

Против горстки защитников северных укреплений противник направил 3 полка пехоты с танками. Но и это не помогло. Тогда немцы решили сравнять наши укрепления с землей и уничтожить засевших там защитников. Только за 21 июня они произвели на северные укрепления 600 самолето-вылетов, и все-таки продвижение их измерялось несколькими десятками метров.

Однако отсутствие резервов и особенно боеприпасов, а также непрерывные атаки немцев, заставили наше командование принять решение об оставлении этих позиций. В ночь на 23 июня по приказу командования Приморской армии героические защитники северных укреплений были перевезены на лодках на южный берег Северной бухты, где они вновь заняли оборону.

Части третьего сектора к этому времени отошли на рубеж высота 255,3, южный берег Мартыновской балки.

С отходом четвертого сектора на южный берег Северной бухты участь северной стороны Севастополя была решена. Все корабли и плавучие средства были переведены из Северной бухты в бухты Камышевую и Стрелецкую. Одновременно была начата постройка пристаней для эвакуации.

Наступая на северо-восточную оконечность Северной бухты, немцы не прекращали своих попыток прорваться к Севастополю вдоль Ялтинского шоссе. 17 июня на стыке первого и второго секторов полк немецкой пехоты с танками 6 раз переходил в атаку на высоту 157,6. Не добившись здесь определенных результатов, противник перенес центр тяжести своих усилий на северо-восток в направлении высоты 135,7. Здесь развернулись ожесточенные бои. Подразделения 7-й бригады морской пехоты оказали упорное сопротивление. Высота неоднократно переходила из рук в руки, и в конечном счете немцы, потеряв до 60 % своего состава, вынуждены были отказаться от последующих атак.

С утра 18 июня дивизия немцев, усиленная 30 танками, повела одновременное наступление частью сил из района совхоза Благодать на Кадыковку и частью сил из района высоты 119,8 на высоты Карагач. Наши части отбили девять атак и уничтожили до двух полков пехоты. Несмотря на эти потери, противник не отказался от своих попыток прорвать нашу оборону и уничтожить оборонявшие ее части. Большие потери понесли и наши войска. К исходу дня они были оттеснены противником на рубеж высоты 55,1, высота 135,7, Черная речка. Атаки противника в течение 19 и 20 июня были безуспешны.

В связи с угрозой охвата частей третьего сектора и принимая во внимание относительно слабую плотность нашей обороны во всех секторах, командующий армией принял решение на отвод в ночь на 21 июня левофланговых частей второго и третьего секторов на главную линию обороны — Памятник, высота 256,2. Это мероприятие было весьма своевременным, так как уже с утра немцы предприняли на этом участке наступление с задачей окружения и уничтожения наших частей. Удар был нанесен по пустому месту, а в последующем противник встретился с организованной обороной, занятой нашими войсками на Федюхиных высотах. К вечеру 21 июня немцам удалось оттеснить наши подразделения к западу, а 22 июня овладеть высотой 157,6.

К 23 июня линия нашей обороны проходила на правом фланге по бывшему рубежу прикрытия эвакуации, в центре — по главному рубежу обороны, на левом фланге — по южному берегу Северной бухты, то есть южнее рубежа прикрытия эвакуации.

За 16 дней боев темпы продвижения противника измерялись десятками метров в сутки. Запланированное быстрое продвижение с решительной целью превратилось в медленное прямолинейное наступление.

Противник добился незначительного тактического успеха. Но и этот небольшой успех, хотя он и стоил противнику колоссальных потерь в людях и технике, создал весьма невыгодную для нас обстановку: севастопольский оборонительный плацдарм сузился до предела.

Ряды защитников настолько поредели, что от некоторых частей остались только отдельные подразделения. Пополнение не поступало, а боеприпасы из-за блокады подвозить было почти невозможно.

Авиация из-за дальности базирования, а главное, вследствие абсолютного превосходства в воздухе противника, помочь ничем не могла. Тем не менее в рядах наших бойцов и офицеров не было уныния или неверия в свои силы и в возможность дальнейшего продолжения обороны.

В период с 23 по 27 июня противник сосредоточил основные усилия против Инкерманских высот, прикрывавших с востока кратчайшее направление к Севастополю. Части, оборонявшие Инкерманские высоты, занимали выдвинутое положение и поэтому угрожали флангам противника, вклинившимся в нашу оборону севернее и южнее этих высот. Во второй половине дня 23 июня немцы силами двух дивизий перешли в наступление против наших частей на участке Новые Шули, Мартыновская балка. За день боя 132-я пехотная дивизия немцев была «перемолота» нашими войсками. Однако немецкие части вышли на южные скаты Мартыновской балки.

Для парирования наступления противника на этом участке из резерва района были выброшены 4 батальона, которым было приказано занять оборонительный рубеж по линии прикрытия эвакуации.

25 июня немцы вынуждены были произвести перегруппировку и подтянуть свежие резервы.

26 июня, после проведенной перегруппировки, ввода в бои свежих резервов и переформирования 132-й пехотной дивизии и 4-й румынской горнострелковой бригады, противник вновь перешел в наступление на высоту 169,4 и гору Сахарная Головка. В результате упорного боя немцам удалось овладеть высотой 169,4. 27 июня наши войска по приказу командования оставили гору Сахарная Головка. В ночь на 28 июня наши части оставили Инкерманские высоты и были отведены на вторую линию обороны.

Пятидневные бои за Инкерманские высоты не дали противнику желаемых результатов. Окружить и уничтожить по частям подразделения третьего сектора ему не удалось.

Несмотря на исключительное сопротивление наших частей, положение их с каждым днем становилось все тяжелее и тяжелее.

Вследствие сужения оборонительного плацдарма артиллерия противника всех калибров могла обстреливать всю глубину нашей обороны.

Особенно ожесточенной бомбардировке и обстрелу подвергались город и аэродромы. Так, 25 и 26 июня на аэродромы было сброшено 1770 авиабомб и выпущено 8396 тяжелых снаряда. Авиация была вынуждена полностью перебазироваться на кавказские аэродромы. Отсутствие боеприпасов не позволяло нашей артиллерии бороться с самолетами противника и отвечать огнем на интенсивный обстрел наших позиций, баз и города.

По мере продвижения противника к Севастополю атаки его становились все более и более ожесточенными.

28 июня немцы предприняли многочисленные атаки на левом фланге нашей обороны. Эти атаки были успешно отбиты нашими частями ружейно-пулеметным огнем и штыковыми ударами. В течение всего дня в воздухе непрерывно находились немецкие бомбардировщики, взаимодействующие с пехотой и танками. За день они сбросили свыше 3500 бомб. 132-я пехотная дивизия немцев при поддержке танков и массированного удара авиации овладела Инкерманским монастырем и рощей северо-западнее его и оттеснила наши части непосредственно к Инкерману.

Кольцо блокады вокруг Севастополя все более сжималось. Враг наседал со всех сторон. 29 июня немцы нанесли удар вдоль Ялтинского шоссе с задачей прорвать фронт нашей обороны на стыке первого и второго секторов и выйти к Севастополю с юго-востока. К 16 часам, после ввода в бой свежих резервов, противник овладел хутором Дергачи и высотой 194,2. Высадившийся в районе Килен-Бухта десант немцев обошел с северо-запада гору Суздальскую и отрезал оборонявшиеся здесь подразделения от остальных частей.

В ночь на 30 июня наши части были отведены на рубеж прикрытия эвакуации и непосредственно к слободе Корабельной. 30 июня по решению Ставки Верховного Главнокомандования началась планомерная эвакуация защитников Севастополя с временных пристаней.

В этот день немцы подошли непосредственно к городу и завязали уличные бои на окраинах. Части, отведенные в город, защищали каждый дом. Ярусное расположение города позволяло создавать сплошные многослойные полосы огня вдоль улиц и переулков.

Все попытки противника овладеть Севастополем 1 июля не увенчались успехом. В течение 2 и 3 июля отряды прикрытия

продолжали вести с немцами упорные уличные бои. Основные силы Севастопольского оборонительного района отходили к западному побережью полуострова, где уже к 5.30 2 июля отдельные соединения были посажены на суда для последующей отправки на Кавказ. Остальные части были брошены и остались погибать в Севастополе.

Отряды прикрытия не сдавали города, пока была еще возможна эвакуация. К исходу 3 июля держаться уже не было возможности, и отряды прикрытия стали самостоятельно прорываться в горы к партизанам для продолжения борьбы с немцами.

Командование Черноморского флота бежало из города на самолете, а для эвакуации командования сухопутных войск, партийных и советских руководителей предоставило две подводные лодки.

Оставленные на произвол судьбы защитники Севастополя сражались до последнего патрона. Расчет тяжелой башенной батареи Б-35 взорвал себя вместе с орудием, многие краснофлотцы бросались с маяка на камни, не желая сдаваться в плен. Пожалуй, это был один из самых драматических периодов Великой Отечественной войны.

Утром 4 июля противник оказался в Севастополе, но ему достались лишь пепелище и обломки домов и предприятий. Сооружения были разрушены и взорваны, оборудование предприятий вывезено или уничтожено.

Действия танковых частей советских войск. 81-й отдельный танковый батальон находился в армейском резерве и располагался в хуторе (500 м юго-восточнее Пышнова). 125-й отдельный танковый батальон был придан 25-й стрелковой дивизии и располагался в ее оборонительной полосе — северные отроги оврага Мартыновский — в засадах. К началу боевых действий 81-й танковый батальон имел Т-34, двенадцать Т-26, БТ-7, а также сформированный при нем из свободного личного состава танкистов один взвод автоматчиков — 40 человек, и один взвод противотанковых ружей — 12 ружей. Для большей маневренности оба взвода были посажены на тягачи Т-20 «Комсомолец». Батальон имел задачу уничтожать возможный воздушный и морской десанты. На вооружении 125-го отдельного танкового батальона находилось 25 танков Т-26.

Впервые танкисты приняли участие в боевых действиях 8 июня 1942 года. В районе безымянной высоты (2 км южнее Камышалы) через боевые порядки пехоты в тыл 287-му стрелковому полку

просочились до 250 автоматчиков противника с минометами. Для их ликвидации командование 25-й стрелковой дивизии выделило одну стрелковую роту и одну танковую роту в составе 6 машин. В результате решительных и внезапных действий автоматчики противника были уничтожены. Потери танковой роты: один человек убит, подбит один танк. Несколько позже танкисты приняли участие в ликвидации прорыва пехоты и 10 танков противника в районе оврага Мартыновский в направлении балки Графской. В этом бою советские танкисты проявили мужество и высокое мастерство. Ими было уничтожено четыре танка, три противотанковых орудия, большое количество пулеметов и более 100 солдат и офицеров противника. Собственные потери составили: один убит, один ранен, был подбит танк.

Во всех последующих боях на северном участке фронта основные задачи танкистов заключались в коротких атаках и контратаках с целью уничтожения живой силы и техники противника. Как правило, танки всегда действовали в непосредственном взаимодействии с пехотой и артиллерией.

С отходом наших частей на рубеж Северная бухта, Цыганская балка, Четаритор 125-й отдельный танковый батальон с северного участка был переброшен на южный и расположен в Хомутовой балке. Батальон имел задачу: войти в связь с частями второго сектора обороны, произвести разведку противника на главных направлениях контратак, привести в порядок материальную часть.

Противник, подвергая непрерывным ожесточенным бомбардировкам боевые порядки наших войск, не считаясь ни с какими потерями, подвозя все новые резервы и вводя танки, рвался к городу. В этой сложной обстановке танковые батальоны получили задачу: совместно с частями 383-й стрелковой дивизии, 7-й бригады морской пехоты контратаковать противника и не допустить выхода его на рубеж высоты Карагач, Сапун-гора. На этом рубеже и к западу от него развернулись ожесточенные бои. Действия танковых батальонов, находившихся в боевых порядках пехоты, определялись конкретной обстановкой. В случаях, когда превосходство в танках было на стороне противника, наши танки отходили в боевые порядки пехоты и совместно с ней из укрытий вели огонь на поражение. При равенстве сил или когда противник был слабее, танки при поддержке артиллерии

стремительно атаковали его и не допускали к боевым порядкам пехоты. В этих боях, длившихся несколько дней, противник потерял 16 танков, 12 орудий, 9 минометов, значительное количество пулеметов и до 300 солдат и офицеров. Наши потери составили 9 танков, из них 2 на исходных позициях от прямого попадания бомб.

В последующие дни танкисты также вели ожесточенные бои. 81-й отдельный танковый батальон, отойдя на рубеж Казачьей бухты, отражая атаки численно превосходящего противника, 2 июля потерял последние 4 машины. Оставшийся в живых личный состав (4 офицера, 5 солдат и сержантов) во главе с командиром батальона был эвакуирован в город Новороссийск.

125-му отдельному танковому батальону к исходу 30 июня была поставлена задача отойти в район хутора Пятницкого и удерживать противника на рубеже Коммуна, хутор Познова.

1 июля 1942 года батальон, отражая яростные атаки, отходил на рубеж Камышовой бухты. 2 июля, подвергаясь непрерывной ожесточенной бомбардировке и артобстрелу, под натиском численно превосходящих сил противника батальон также отошел на рубеж Казачьей бухты.

3 июля командир батальона майор Листобаев, старший политрук Осокин и группа из пяти бойцов, имея один, последний уцелевший танк с 15 снарядами, вступили в неравную схватку сседавшим противником. Дальнейшая их судьба неизвестна.

Таким образом, отражая атаки немецких войск в ходе третьего штурма Севастополя, танкисты проявили мужество и героизм. За весь период боевых действий не было отмечено ни одного случая трусости или ухода с поля боя. В июне — июле 1942 года ими было уничтожено 32 танка, 20 орудий, 9 минометов, 37 пулеметов, более 1500 солдат и офицеров противника^[411].

Выводы и уроки

Плачевные итоги боев Красной армии на территории Крыма в 1941–1942 годах имели свои причины. Это, в первую очередь, низкий квалификационный уровень боевой подготовки командного состава РККА, в том числе и отдельных руководителей высшего звена. Тем не менее бои в Крыму показали высокую боеспособность отдельных частей Красной армии и подразделений ВМФ СССР. Несмотря на то что советские войска оставили Севастополь, героический подвиг его защитников стал символом мужества российских солдат и продемонстрировал всему миру решимость народов нашей страны к сопротивлению.

Источники и литература

Архивные документы:

1. Доклад инспектора по АБТВ Красной Армии о проделанной работе по обеспечению боевых действий Крымского фронта с 30 января по 25 марта 1942 года. ЦАМО, ф. 38, оп. 80038 сс, д. 27. лл. 74-120.

2. Отчет штаба АБТВ Северо-Кавказского фронта о боевых действиях танковых войск Крымского фронта с 8 по 20 мая 1942 года. ЦАМО, ф. 215, оп. 1209, д. 2, лл. 1-35.

3. Доклад заместителя командующего Северо-Кавказским фронтом по АБТВ от 21.5.1942 года о причинах отступления наших частей с Керченского полуострова. ЦАМО, ф. 38, оп. 80038 сс, д. 55, лл. 235–244.

4. Доклад об использовании танков в Севастопольской операции с 1.6.42 по 1.7.1942 г. ЦАМО, ф. 216, оп. 4273, д. 9, лл. 24–29.

Литература:

1. Батов П. И. В походах и боях. М., Воениздат, 1974. 528 с.

2. Вениковский Л. И. Борьба за Крым в 1941–1942 годах. Военное издательство НКО, 1943. 52 с.

3. Дегтярев П. А., Ионов П. П. «Катюши» над полем боя. М., Военное издательство, 1991. 236 с.

4. Замятин М. Н. Керченская операция (декабрь 1941 г. — январь 1942 г.). Военное издательство НКО, 1943. 52 с.

5. Ортенберг Д. Год 1942. М., Издательство политической литературы, 1988. 460 с.

6. Рубцов Ю. В. Л. З. Мехлис — представитель Ставки ВГК на Крымском фронте (январь — май 1942 года) // Геополитика и безопасность. М. АРБИЗО, 1994. № 2. С. 95–100.

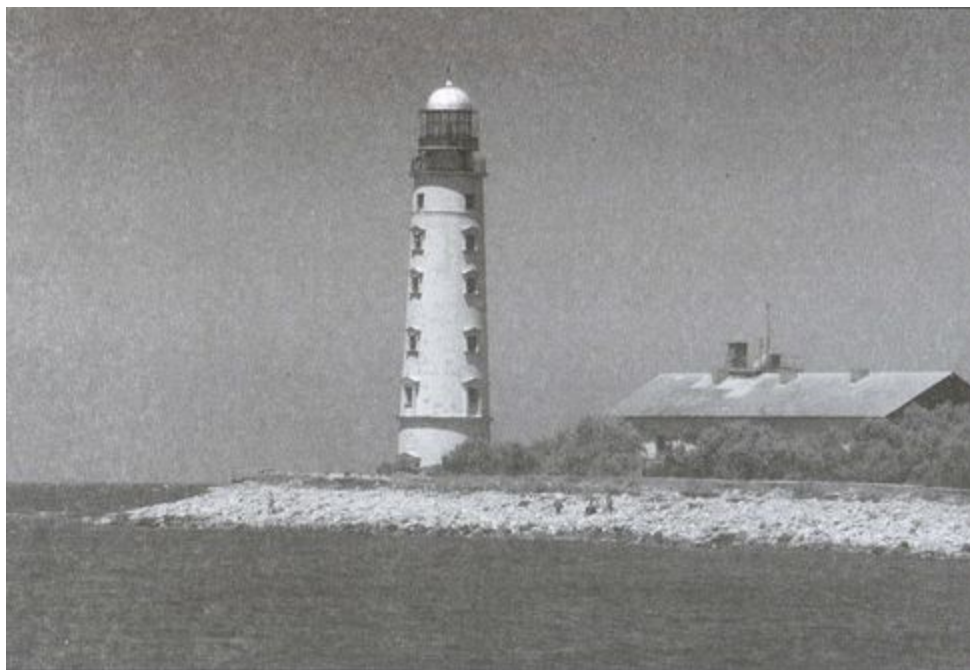
7. Цветков И. Ф. Гвардейский крейсер «Красный Кавказ». Ленинград, «Судостроение», 1990, 264 с.

8. Axworthy M., Serbanescu H. The Romanian Army of World War 2. Osprey Military, 1991. 48 p.

9. Kurowski F. Sturmgeshuetz dor! (Assault Guns to the Front!) J. J. Fedorowicz Puplishing, 1999. 282 p.

10. *Tomas L. Jentz*. Panzertruppen 1933–1942. Schiffer Military History, 1996, p. 287.

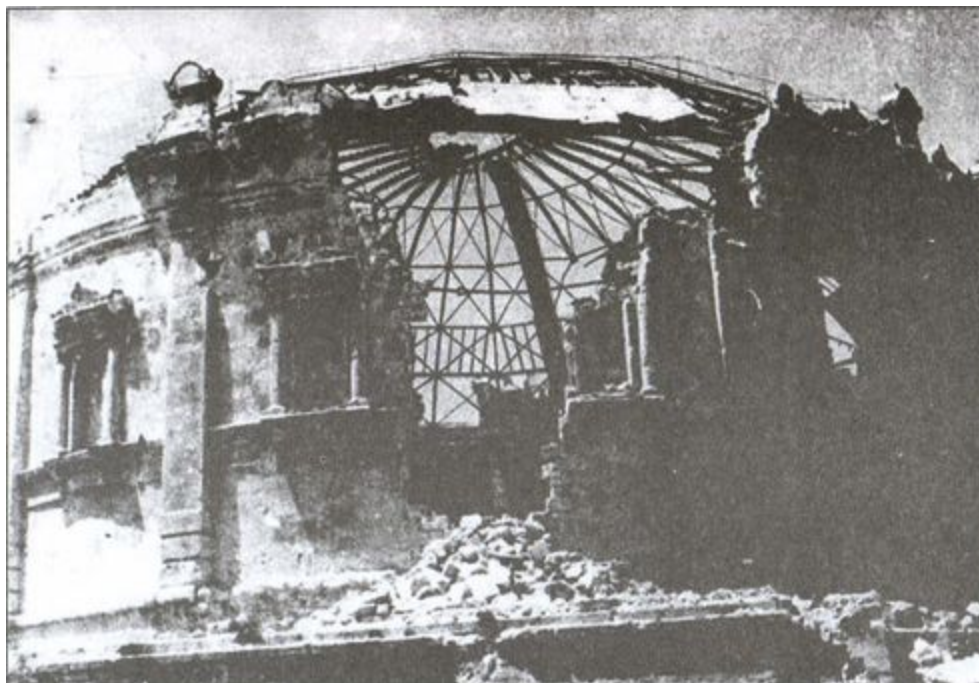
Иллюстрации

Херсонесский маяк. Современный вид

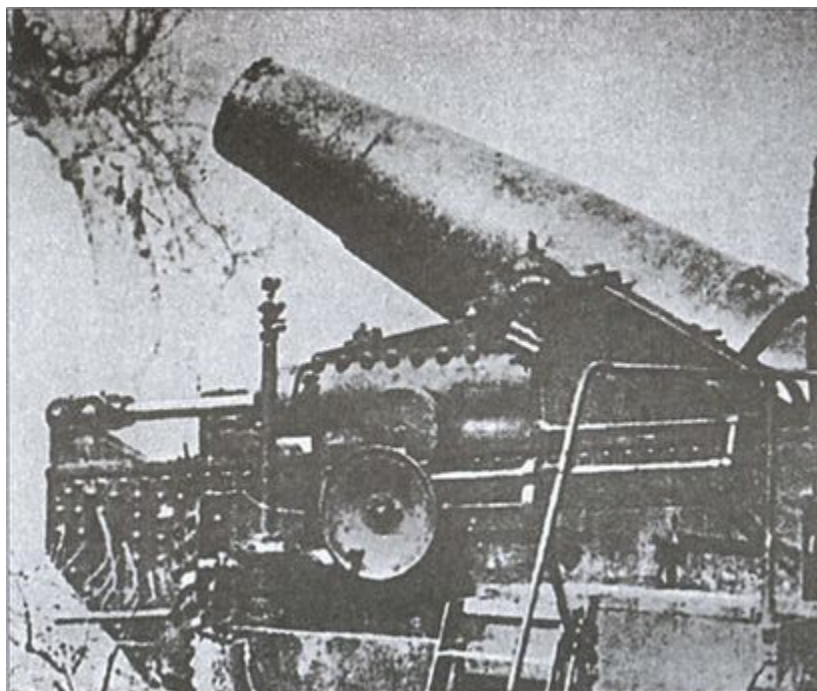
Мыс Фиолент. Современный вид

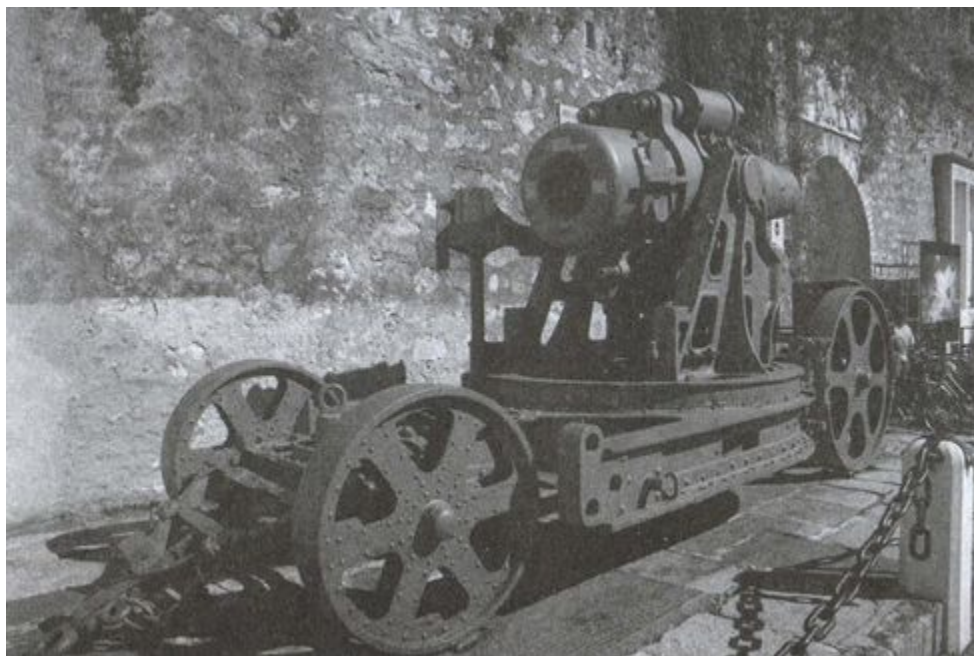
Здание Севастопольской панорамы, разрушенное немцами

Севастополь в начале Великой Отечественной войны

Мортира «Карл»

305-мм мортира фирмы «Шкода»

Эрих фон Манштейн с сентября 1941 г. по ноябрь 1942 г. командовал 11-й армией, действовавшей в Крыму

Немецкий легкий танк Pz.Kpfw.38(t) в районе Севастополя

Французский танк В-1 bis, переделанный немцами в огнеметный

Г. К. Жуков

Н. Г. Кузнецов

Б. М. Шапошников

А. М. Василевский

Н. Ф. Ватулин

На командном пункте Приморской армии. Слева направо: Н. И. Крылов, И. Е. Петров, Н. К. Рыжи. Севастополь, май 1942 года

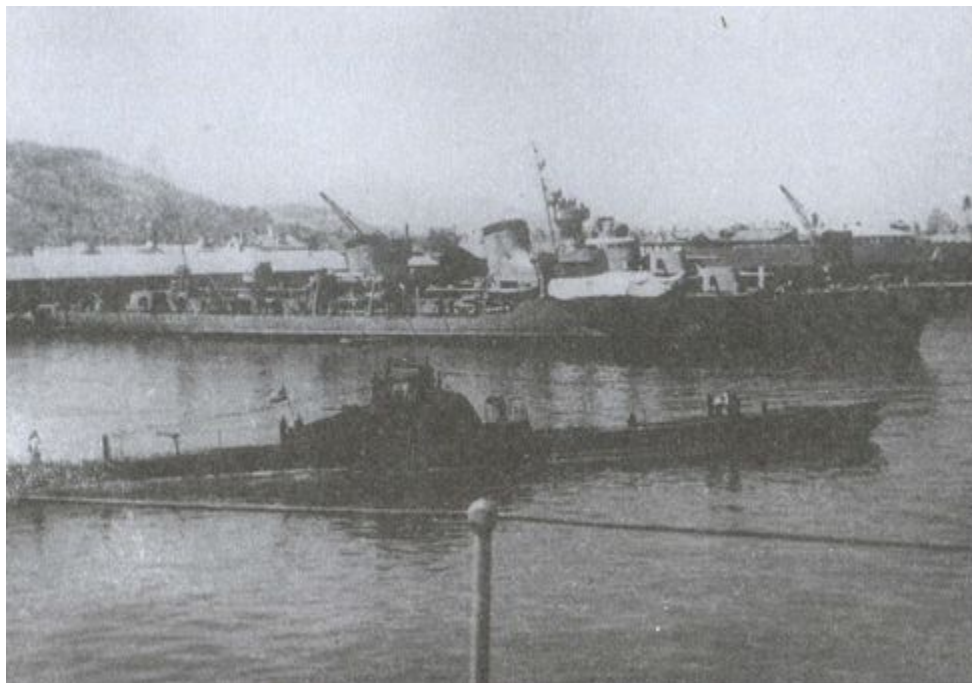
Ф. С. Октябрьский

Гвардейский эсминец «Сообразительный» в боевом походе

Моряки лидера «Ташкент»

Лидер «Ташкент» (на заднем плане)

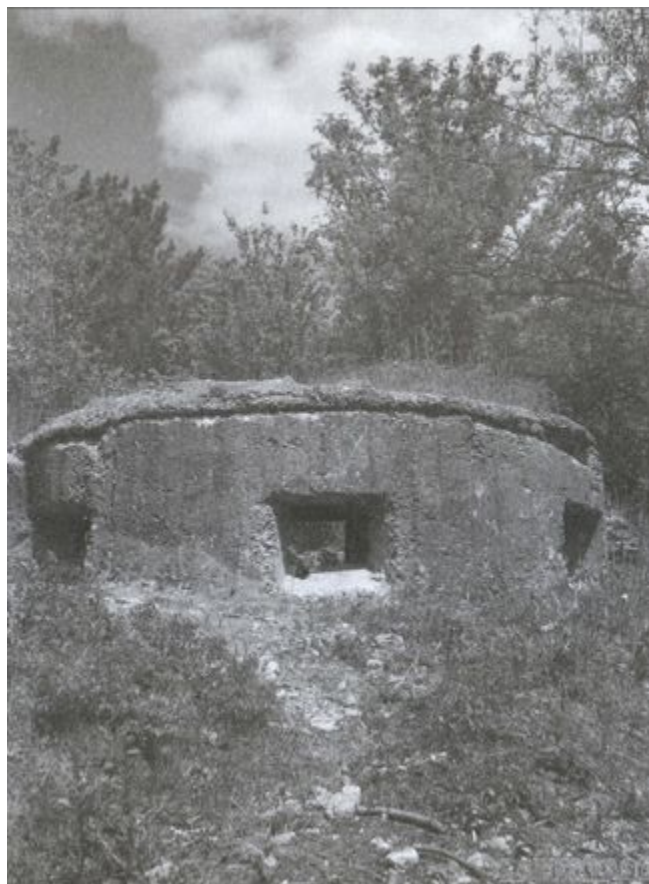
Герои-краснофлотцы

Бойцы 7-й бригады морской пехоты

Оборона Севастополя. 1942. Художник А. А. Дейнека

Остатки оборонительных сооружений на Сапун-горе

Медаль «За оборону Севастополя»

Мемориал защитникам Севастополя

notes

Примечания

Воспоминания участников обороны Севастополя 1941–42 гг.
последних дней. Фонд музея КЧФ д. НВМ.

Пискунов Д. И. Рукопись «Заключительный этап обороны Севастополя 1941–42 гг.» Фонд музея КЧФ. На стр. 15 в главе «Наши потери летом 1942 г. в Севастополе» приводится расчет на основе данных из доклада вице-адмирала Ф. С. Октябрьского на военно-исторической конференции в 1961 г. На 6 июня в составе войск СОРа было 101 238 чел. с учетом пополнения за июнь 127 238 чел. До 30 июня было эвакуировано 23 тыс. чел. раненых, вывезено 30 июня и в послед, дни всеми видами транспорта 2937 чел. Согласно расчету Пискунова осталось невывезен. 81 616 чел., из них Прим. армии 50 616 чел., ЧФ — 31 тыс. чел. Из них ранен. Прим. армии 36 тыс. и ЧФ — 4 тыс. Сведения даны без учета погибших в июльских боях, утонувших в море при попытке доплыть до катеров, покончив жизнь самоуб., чтобы не попасть в плен, расстрел. немцами раненых в лазаретах, коммунистов, евреев, комиссаров при пленении и в лагерях.

Басов А. В. «Крым в Великой Отечественной войне 1941–42 гг.» Вып. 4. Вопросы и ответы. Симф. Таврия. 1994 г. С. 53–54. Донесения 30-го арм. корп. войск вермахта.

I. Разведотдел корпуса докладывает в штаб 11 армии от 7.07.42 г... 1.07.42 г. захвачено пленных 9720... Дело 03/32098 л. 608. Затем идет длинный список захв. техники — Г. Л. Особое примечание: прошлой ночью итальянские быстроход. катера возле Ялты потопили 2 бронир. катера русских. Был захвачен командир дивизии и много комиссаров. Пленные находятся в Ялте. Допрос пленных по приказу из армии продолжается.

II. Количество захваченных пленных в полосе корпуса за период с 21 до 30.06.42 г. составило 6504 чел. Дело 03/32098. л. 604.

IV. Донесение от 4.07.42 г. За период с 3 по 4 июля было захвачено пленных 33 624 чел. Дело 03/32098 л. 633.

VII. Разведотдел корпуса. Вечернее донесение в 11 армию от 7.07.42 г. Новых частей не установлено. Пленные показывают, что на мысе Херсонес находится еще 4–5 чел., которые имеют радиосвязь с Новороссийском. 6.07.42 г. захвачено 512 пленных. Доп. донесению за 1.07.42 г. вечером были захв. итальян. катерами 12 чел. из 381 СП, которые вышли из Балаклавы на весельных лодках. Д. 03/32098. л. 643.

VIII. Донесение от 10.07.42 г. За период с 07.06.42 г. XXX АК захватил 80 914 чел. пленных, 269 арт. орудий и много другой военной техники и материалов. Д. 03/32095. л. 287. <...>

II. Донесение от 11.07.42 г. XXX АК за период боев в Севастополе захватил пленных с 7.06. по 10.07.42 г. 80 914 человек. Д. 03/32098. л. 663.

Примечание А. В. Басова: последние два донесения взяты из разных дел оперативного и разведотдела. Данные сходятся. Возможно, у них тоже были приписки, так как в обороне принимали участие и жители города.

Васильев А. Г. Отчет по итогам обороны Севастополя за июнь 1942 года. Отд. ЦВМА. ф. 83. д. 488. л. 115.

Пискунов Д. И. Воспоминания т. Пискунова Дмитрия Ивановича, чл. КПСС с 1920 г., о смерти секретаря Крымского обкома партии Меншикова Федора Дмитриевича в 1942 году. Госархив Крыма, ф. 849. оп. 3. ед. хр. 235 стр. 99.

Маношин И. С. Запись на пленку беседы со ст. I ст.
В. С. Потаповым в Севастополе 5.08.86 г. Фонд музея КЧФ.

Маношин И. С. Запись беседы на пленке с В. И. Мищенко в Кривом Роге 10.07.98 г. Фонд музея КЧФ.

Кузнецов Н. Г. Курсом к победе. М. Воениздат. 1989. С. 200.

Басов А. В. Указ. сборник, стр. 41. Отдел ЦВМА. ф. 72. д. 1209. л. 57.

Басов А. В. Указ. сборник статей. Стр. 35–36 «...противник превосходил численность гарнизона Севастоп. по всем показат. в 2 раза и больше, по танкам в 12 раз, по самолет, в 6 раз, по пех. бат. в 1,25 раза, по общей численности войск в 2 раза».

Моргунов П. А. Указ. соч. С. 274, 321, 452.

Отдел ЦВМА. ф. 10. д. 1951. л. 297. Отчет по обороне Севастополя, т. 1. «Напряженность перевозок на морских коммуникациях СОРа за период январь — май понижалась, дойдя в мае до 12 транспортов общим водоизмещением в 91 192 тн., в июне 51 877 тн., против 252 835 тн. в январе. Соответственно уменьшилось количество поставляемого боезапаса с 5963 тн. в январе до 1344 тн. в апреле, в мае 3607 и в июне 5032 тн.»

Моргунов П. А. Там же, стр. 264–265, 274.

Буденный С. М. Отчет в ГШ РККА. Отд, ЦВМА. ф. 83. д. 488. лл. 69–70.

Василевский А. М. Дело всей жизни. М. Политиздат. 1974. С. 188.

Моргунов П. А. Там же. С. 313.

Моргунов П. А. Там же. С. 320.

Отдел. ЦВМА. ф. 10. д. 18506. л. 181. Историч. журнал ЧФ.

Пискунов Д. И. Сб. материалов военно-историч. конферен. 1961 г., т. 3, стр. 916–923. Севастоп. морская библиотека.

Басов А. В. Указ. сборник. С. 44–53.

Пискунов Д. И. 95-я Молдавская. Кишинев. 1987 г. Карта молдовеняска. С. 128.

Пискунов Д. И. Заключит, этап обороны Севастополя 1941–42 гг.
Рукопись, стр. 24. Фонд музея КЧФ.

Маношин И. С. Запись на пленку беседы с Пискуновым 2.11.85 г.
г. Калинин. Фонд музея КЧФ.

Маношин И. С. Там же.

Маношин И. С. Там же.

Якунин С. Д. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 303. «Лейтенант, командир отдельного минометного дивизиона 138 стрелковой бригады: „В плену вместе со мной был майор (командир 702 батареи БО ЧФ, авт.) командир морской батареи Иван Никитенко, который рассказывал, что под склонами скал было организовано временное революционное правительство, которое просуществовало трое суток“».

Воловик Г. А. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 213. «У меня создалось впечатление, что 2 июля еще существовала какая-то управляемость общей обороной, то 3 и 4 июля она держалась только на инициативе командиров мелких подразделений».

Анишин Н. А. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 304. «Об эвакуации командования СОРа знал. На рассвете 3 июля был в группе Пискунова. Пришли катера, но ничего не получилось. Пискунова знаю по службе с 1940 года. Это был культурный, хорошо образованный в полном смысле слова, человек. (Окончил арт. акад. — Авт.) Храбрость и организаторские способности его были отмечены командованием еще в боях на границе на реке Прут».

Маношин И. С. Воспом. Г. П. Зюзько. Запись на пленку беседы с ним 10.12.88 г. в Севастополе. Краснофлотец-радист из ПО зенитного полка ПВО ЧФ. «...с берега моря через подземный ход зашли в 35-ю батарею и случайно попали в помещение, где сидели армейские радисты и среди них был подполковник (в районе левого командно-дальномерного поста. — Авт.), так к нему обращались. Подполковник подошел и сказал нам: „Товарищи, сюда нельзя, здесь радиостанция, не беспокойтесь, связь держим, скоро придут катера, нас вывезут“». (Судя по описанию места нахождения радиостанции и армейского состава радистов, это могла быть только радиостанция временного руководства армией, руководимая командиром 404-го армейского артполка 109-й стрелковой дивизии подполковником А. Бабушкиным. — Авт.) Фонд музея КЧФ.

Отд. ЦВМА. ф. 10. д. 1950. Отчет по обороне Севастополя, лл.
108–112.

Лощенко А.И. Госархив Крыма, ф. 849. оп. 3. д. 282. л. 178.

Отд. ЦВМА. ф. 10. д. 1950. л. 390. д. 20. л. 320.

Отд. ЦВМА. ф. 83. д. 308. л. 224.

Антонюк И. В. Госархив Крыма, ф. 849. оп. 3. д. 242. л. 11.

Отд. ЦВМА. ф. 83. д. 488. л. 39.

Отд. ЦВМА. ф. 10. д. 1951. л. 348.

Маништейн Э. Утерянные победы. М. 1957 г.

Басов А. В. Крым в Вел. Отеч. войне 1941–42 гг. М. Наука. 1987 г.

Центр. Арх. МО РФ. ф. 288. оп. 9900. д. 130. л. 26. Отд. ЦВМА. ф. 72. д. 1236. лл. 1–4. П. А. Моргунов. Героический Севастополь. М. Наука, стр. 458.

Центр. Арх. МО РФ. ф. 288. оп. 9900. д. 130. л. 26.

ЦВМА. ф. 2092. оп. Гед. хр. 117. Хроника ВОВ на ЧФ. вып. 2.
1946 г. л. 322.

Сорокова И. Ф. Воспоминания.

Утин А. П. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 313.

Отд. ЦВМА. ф. 10. 9120. л. 6.

Отд. ЦВМА. ф. 83. д. 488. л. 98.

Центр. Арх. МО РФ. ф. 288. оп. 9900. д. 130. л. 26.

Центр. Арх. МО РФ. ф. 72. оп. 9909. д. 30. л. 365.

Моргунов П. А. Указ. соч. стр. 431. Отд. ЦВМА. ф. 83. д. 488. л. 98.

Горпищенко П. Ф. Отчет. Отд. ЦВМА. ф. 10. д. 9120. л. 62.

Жидилов Е. И. Отчет. Отд. ЦВМА. ф. 10. д. 9120. л. 59.

Володченков Р. И. Воспом. Госархив Крыма, ф. 849. оп. 3. д. 32. л. 47.

Коломиец Т. К. Указ. соч.

Центр. арх. МО РФ. ф. 288. оп. 9900. д. 132. л. 27.

Моргунов П. А. Указ. соч. стр. 431. Отд. ЦВМА ф. 72. д. 1235. л. 95.

ЦВМА. Указ. хроника, л. 323.

Центр. Арх. МО РФ. ф. 288. оп. 9900. д. 132. л. 27.

Центр. Арх. МО РФ. ф. 288. оп. 9900. д. 30. л. 365.

Моргунов П. А. Указ. соч. стр. 431.

Отд. ЦВМА. ф. 10. д. 9143. л. 13.

Козленков С. В. Рукопись. Пограничники в обороне Севастополя 1941–42 гг., стр. 28. Фонд музея КЧФ.

Маништейн Э. Указ. соч.

Моргунов П. А. Указ. соч. стр. 435.

Маношин И. С. Запись на пленку беседы с М. И. Линчиком.
2.11.84 г. Москва. Фонд музея КЧФ.

Отд. ЦВМА ф. 10. д. 1952. л. 36.

Там же л. 65.

ЦВМА ф. 2092. Хроника ВОВ. Там же, стр. 323.

Там же, лл. 326–327.

Отд. ЦВМА ф. 10. л. 1951. л. 320.

Отд. ЦВМА ф. 83. д. 308. л. 262.

ЦВМА ф. 1087. оп. 5. д. 73. л. 130.

ЦВМА ф. 1087. оп. 5. д. 77. ПЛ-М-31.

ЦВМА. ф. 2092. Указ. хроника, лл. 326–327. Отд. ЦВМА. ф. 83. д. 308. лл. 262–274. Отд. ЦВМА. ф. 10. д. 9699. л. 39.

Отд. ЦВМА ф. 10. д. 1950. лл. 396–404. д. 20. лл. 325–327.
Моргунов П. А. Указ. соч. стр. 441.

Моргунов П. А. Указ. соч. стр. 439.

Отд. ЦВМА ф. 10. д. 9120. лл. 21–24.

Михайлик И. П. Воспом. Фонд, музея КЧФ. д. НВМ. лл. 318–325.
П. А. Моргунов. Указ. соч. стр. 441.

ЦВМА. Указ. хроника, л. 324. *Моргунов П. А.* Указ. соч. стр. 442. Отд. ЦВМАф. 10. д. 9143. л. 13. Отд. ЦВМА ф. 10. д. 1950. лл. 396–400. д. 20. лл. 325–327.

Центр. Арх. МО РФ. ф. 288. оп. 9900. д. 132. лл. 26–27.

Пискунов Д. И. Рукопись. Заключит, этап обороны Сев. лл. 8–9.

ЦВМА Указ. хроника, л. 325.

Благовещенский Н. В. Отчет. Отд. ЦВМА. ф. 10. д. 9120. лл. 64–66.

Пыжов И. П. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 325.

Моргунов П. А. Указ. соч. стр. 459. Отд. ЦВМА. ф.72. д. 1236. лл. 1–4.

Отд. ЦВМА ф. 10. д. 9120. л. 25.

Отд. ЦВМА ф. 83. д. 488. лл. 99-100.

Ильин А. Т. Воспом. Госархив Крыма, ф. 849. оп. 3. д. 282 лл. 89–90.

Отд. ЦВМА ф. 10. д. 9120. л. 25.

Басов. А.В. Указ. соч.

Гурин В. Е. Воспом. Письмо Н. М. Кулакову. Фонд музея КЧФ. д. НВМ л. 333.

Маношин И. С. Запись на пленку беседы с Д. И. Пискуновым
2.11.85 г. г. Калинин. Фонд музея КЧФ.

Госархив Крыма, ф. 849. оп. 3. д. 282. лл. 89–90.

Гусев В. С. Рукопись. Связисты в боях за Севастополь.

Отд. ЦВМАф. 10. д. 1952. л. 32, л. 186.

ЦВМА Указ. хроника, л. 329.

Пискунов Д. И. Указ. рукопись, л. 15.

Октябрьский Ф. С. Доклад на воен. ист. конф. 1961 г. Морская библиотека, т. 1. стр. 1102.

Смуриков В. Л. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 150.

Маношин И. С. Запись на пленку беседы с Д. И. Пискуновым
2.11.83 г. г. Калинин. Фонд музея КЧФ.

Моргунов П. А. Указ. соч. стр. 440. Отд. ЦВМА. ф. 72. д. 12564. л. 104.

Кузнецов Н. Г. Годы войны. Журнал Октябрь № 9. 1968 г.

П. А. Моргунов. Указ. соч. стр. 451.

Кулаков Н. М. Доверено флоту. М.

Гурин В. Е. Там же. л. 323.

Азаров И. И. Непобежденные. М. ДОСААФ. 1973 г. стр. 299.
Демидов В. В. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 336.

Краснодубец А.Ф. Боевая деят. мал. охот. за ПЛ в ВОВ на ЧФ.
Севастополь. 1993 г. Отдел БП шт. ЧФ. стр. 7.

Крылов Н. И. Огненные бастионы. М. Воениздат. стр. 441.

Отд. ЦВМА ф. 10. д. 9120. лл. 56–58.

Гусев В. С. Рукопись. Там же.

Кузнецов Н. Г. На флотах боевая тревога. М. Воениздат. 1971 г.
стр.180.

Басов А. В. Крым в Вел. Отеч. войне 1941–45 гг. Вопросы и ответы. Симфероп. Таврия. 1994 г. стр. 43.

Заруба И. А. Воспом. Госархив Крыма, ф. 849. оп. 3 д. 282. л. 163.

Гурин В. Е. Там же. лл. 331–332.

Моргунов П. А. Указ. соч. стр. 447. ЦВМА.Ф. 10. д. 20. л. 328.

Маношин И. С. На причалах Севастополя 1941–42 гг.
Севастополь. Фл. Родины. 1991 г. стр. 21.

ЦВМА. Указ. хроника, л. 326.

Моргунов П. А. Указ. соч. стр. 447.

Отд. ЦВМА ф. 83. д. 488. л. 100.

Моргунов П. А. Указ. соч. стр. 448.

Пазников И. Н. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 160.

Заруба И. А. Воспом. Госархив Крыма, оп. 3. д. 281. стр. 141.

Моргунов П. А. Указ. соч. стр. 459.

Моргунов П. А. Указ. соч. стр. 451 Отд. ЦВМА. ф. 72. д. 1750. л. 236.

И. А Заруба. Воспом. Там же. д. 881. л. 151.

Моргунов П. А. Там же. л. 451.

Кузнецов Н. Г. Там же.

Басов А. В. Крым в Вел. Отеч. Войне 1941-45 гг. м. Наука. 1987 г.

Басов А. В. Крым в ВОВ 1941–45 г. Вопросы и ответы, стр. 43.

Пискунов Д. И. Воспом. Госархив Крыма, ф. 849. оп. 3. ед. хр. 235.
л. 25.

Маношин И. С. Запись беседы с Пискуновым на пленку 2.11.85 г.
г. Калинин. Фонд музея КЧФ.

Моргунов П. А. Указ. соч. стр. 457. Отд. ЦВМА ф. 72. д. 1256. л. 331 ЦВМАф. 2092. оп. Гед. хр. И7.лл. 144–148.

Гонтарев С. Н. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 337.

Головко Н. И. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 343.

Бодарев Г. И. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 420.

Кузнецов Н. Г. На флотах боевая тревога. М. Воениздат. 1971 г. л. 181.

Маништейн Э. Указ. соч.

Кузнецов Н. Г. Там же. стр. 182.

Кузнецов Н. Г. Там же. стр. 186.

ЦВМА ф. 2092. оп. 1.ед. хр. 117. л. 91.

Лощенко А. И. Воспом. Госархив Крыма, ф. 849. оп. 3. д. 282. л. 178.

Мищенко В. И. Сборник воспоминаний участников обороны Севастополя. Фонд музея КЧФ. Д. НВМ. л. 607.

Хомич И. Ф. Доклад на воен.-ист. конф. 1961 г. в Севастополе
морская библи. КЧФ. т. 2. стр. 589.

Пазников И. Н. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 160.

Сологуб В. А. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 356.

Гусев В. С. Рукопись. Там же.

Моргунов П. А. Указ. соч. стр. 452.

Заруба И. А. Госархив Крыма, ф. 849. оп. 3. д. 282. короб. 13.

Олейник З. Г. Горькая правда войны 1993 г. Самиздат. Кременчуг
стр. 90. Фонд музея КЧФ.

Лубянов. Воспом. Госархив Крыма, ф. 849. оп. 3. д. 220. л. 227.

ЦВМА. он. 1. ед. хр. 117. л. 213.

ЦВМА. ф. 1087. ед. хр. 37. л. 41.

Чесноков М. Е. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 309.

Олейник З. Г. Воспом. о выступл. Октябрьского в 1968 г. в Матросском клубе г. Севастополя. Фонд музея КЧФ.

Пискунов Д. И. Указ. рукопись, л. 15.

Иноземцев И. П. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 359.

Отдел ЦВМА ф. 83. д. 488. л. 115.

Там же, л. 115.

Отдел ЦВМА. ф. Юл. 1950. л. 127.

Центр. Арх. МО РФ. ф. 288. оп. 9900 д. 132. л. 27.

Отдел ЦВМА ф. 10. д. 1951. л. 305.

Заруба И. А. Воспом. Госархив Крыма, ф. 849. оп. 3. д. 282.

Зинченко А. Е. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 168.

Маношин И. С. Указ. соч. стр. 21.

Маношин И. С. Запись на пленку беседы с В. И. Мищенко
10.07.98 г. г. Кривой Рог.

Иноземцев И. П. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 363.

Отд. ЦВМА. ф. 10. д. 24041. л. 99.

Володченко В. И. Воспом. Госархив Крыма, ф. 849. оп. 3. д. 32. л. 47.

Маношин И. С. Указ. соч. стр. 26. Запись на пленку беседы с М. Линчиком, г. Москва. 2.11.84 г. Фонд музея КЧФ.

Зинченко А. И. Указ. воспом. л. 169.

Репков Л. Г. Рукопись. Берег, арт. в героич. обор. Севас. л. 203.

*Октябрьский Ф. С. Письмо к Линчику. Фонд музея КЧФ. д. НВМ.
л. 174.*

Азаров И. И. Прорыв. ДОСААФ. М. 1968 г. стр. 148.

Гурин В. Е. Воспом. Там же, л. 333.

Азаров И. И. Там же, стр. 147.

Троценко С. Я. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 240.

Лощенко А. И. Воспом. Госархив Крыма, ф. 849. оп. 3. д. 282. л. 178.

Октябрьский Ф. С. Стенограмма доклада для работ. Панорамы
18.12.1958 г.

Отд. ЦВМА ф. 10. д. 9120. лл. 56–58.

ЦВМА Указ. хр. л. 328. Отд. ЦВМА ф. 10. д. 9699. л. 43.

Кирсанов В. Т. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 184.

Воронин К. И. На черноморских фарватерах. М. Воениздат. 1989 г.
л. 67.

Евсеев. Воспом. Отдел ЦВМА. ф. 10. д. 32626. л. 104.

ЦВМА. ф. 2092. оп. 1. ед. хр. 117. л. 244.

Азаров И. И. Там же. стр. 227.

ЦВМА. Указ. хроника, стр. 329.

Отд. ЦВМА. ф. 10. д. 22738. л. 57.

ЦВМА ф. 2092. оп. 1. ед. хр. 117. лл. 327–328.

Басов А. В. Крым в Вел. Отеч. войне 1941–45 г. 1987 г.

ЦВМА ф. 1087. оп. 5. д. 77. короб. 10426.

Моргунов П. А. Указ. соч. стр.459. Отд. ЦВМА. ф. 72. д. 1236. лл. 1–4.

Маношин И. С. Указ. соч. стр. 22.

Басов А. В. Крым в ВОВ 1941–45 гг. Вопр. и отв. стр. 44.

Гусев В. С. Указ. Рукопись.

Попов Е. Г. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 365.

Гусаров В. В. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 380.

Маношин И. С. Запись на пленку беседы с Б. Д. Островским
25.03.90 г. г. Ленинград. Фонд музея КЧФ.

ЦВМА ф. 2092. Указ. хроника, л. 326.

Пазников И. Н. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 160.

Володченко Р. И. Воспом. Госарх. Крыма, ф. 849. оп. 3. д. 32. л. 48.

Смуриков В. Л. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 148.

Воловик Г. А. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 203.

Заруба И. А. Воспом. Госарх. Крыма, ф. 849. оп. 3. д. 281. л. 151.

Пазников И. Н. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 162.

ЦВМА. Указ. хр. л. 325. Отд. ЦВМАф. 10д. 1950. л. 401.

Кондратьев О. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 201.

Чепурнов П. Е. С пирса в бой. Симф. Таврия. 1989 г.

Евсеев М. Е. Воспом. Госархив Крыма, ф. 849. оп. 3. д. 281. л. 45–46.

Харченко И. М. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. лл. 428–433.

Благовещенский И. В. Отчет, отд. ЦВМА ф. 10. д. 9120. лл. 65–66.

Азаров И. И. Непобежденные. М. ДОСААФ, стр. 274.

Пыжов И. П. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 326.

Ерошевич С. Е. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 382.

Гурин В. Е. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 333.

Михайлик И. П. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. лл. 318–319.

Карнаух Н. Ф. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. лл. 384–388.191-1.

Кашкаров Н. Т. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 218.

Гурин В. Е. Воспом. Фонд музея КЧФ.Д. НВМ. л. 331.

Лоция Черного моря. 1931 г. Издание ГУ. стр.182.

Маношин И. С. Указ. соч. стр. 24.

ЦВМА. Указ. Хроника, л. 328.

Михайлик И. П. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. лл. 318–319.

Репков Л. Г. Указ. Рукопись, л. 207.

Моргунов П. А. Указ. соч. стр. 457.

Благовещенский И. В. Отчет Отд. ЦВМА ф. 10. д. 9120. л. 66.

Гусаров В. В. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 378.

Гусаров В. В. Там же, л. 379.

Вдовиченко Г. Воспом. Фонд, музея КЧФ. д. НВМ. л. 251.

Карякин И. И. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 254.

Пискунов Д. И. Указ. рукопись, л. 20.

ЦВМА ф. 2092. Указ. хроника, л. 328.

Благовещенский Н. В. Отчет. Отд. ЦВМА ф. 10. д. 9120. л. 66.

231

Отд. ЦВМА. ф. 83. д. 488. л. 55.

Козленков С. В. Указ. рукопись, лл. 28–33.

Головко Н. И. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. лл. 342–355.

Володин В. А. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. лл. 389–399.

Осокин В. И. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. лл. 400–401.

Голов В. М. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. 681–682.

Федосов И. М. Воспом. Госарх. Крыма, ф. 849. оп. 3. д. 286. лл. 91–92.

Репков Л. Г. Указ. рукопись, л. 200. Фонд музея КЧФ.

Федосов И. М. Там же.

Смирнов. Воспом. Госархив Крыма, ф. 849. оп. 3. д. 220. лл. 204–206.

Володин В. А. Воспом. Там же.

Осокин В. И. Воспом. Там же.

Репков Л. Г. Указ. рукопись. Там же.

Маношин И. С. Запись на пленку беседы с А. В. Суворовым
25.10.90 г. г. Пушкин. Ленингр. обл. Фонд музея КЧФ.

Моргунов П. А. Указ. соч. стр. 456. Отд. ЦВМАф. 72. д. 1815л. 13.

Моргунов П. А. Указ. соч. стр. 457. Там же. д. 1551. л. 11.

Мищенко В. И. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 633.

Маношин И. С. Указ. рукопись, стр. 23.

Гусев В. С. Указ. рукопись.

Краснодубец А. Ф. Указ. соч. стр. 14–17.

251

Отд. ЦВМА ф. 10. д. 9143. л. 87.

Отд. ЦВМА. ф. 10. д. 18507. л. 8.

Гусаров В. В. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 378.
Кирсанов В. Т. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 184.

Моргунов П. А. Указ. соч. стр. 461.

Гусаров В. В. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 406.

Иванова-Холодняк Р. С. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 262.

Пискунов Д. И. Указ. Рукопись, л. 40.

Заруба И. А. Воспом. Госархив Крыма, ф. 849. оп. 3. д. 282.

Заруба И. А. Воспом. Там же.

Маношин И. С. Запись на пленку беседы с Д. И. Пискуновым
2.11.85 г. г. Калинин. Фонд музея КЧФ.

Егоров П. В. Воспом. Фонд Музея КЧФ. д. НВМ. л. 280.

Карякин И. И. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 252–255.

Звездкин Е. А. Воспом. Госархив Крыма, ф. 849. оп. 3. д. 246.

264

Отд. ЦВМА. ф. 10. д. 9606. л. 744.

Заруба И. А. Воспом. Там же.

266

Отд. ЦВМАФ. 10. д. 9699. л. 44.

Маношин И. С. Беседа с Беренсом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 683.

Маношин И. С. Запись на пленку беседы с Д. И. Пискуновым
2.11.85 г. Там же.

Заруба И. А. Воспом. Госархив. Крыма, ф. 849. оп. 3. д. 286. л. 84.

Заруба И. А. Воспом. Госархив Крыма, ф. 849. оп. 3. д. 282. л. 162.

Воронин К. И. Там же. л. 70.

Маношин И. С. Указ. соч. стр. 24–25.

Гусаров В. В. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 402. *Репков Л. Г.* Указ. рукопись, л. 208.

Маношин И. С. Там же.

Ткаченко И. А. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 258.

Куриленко Г. П. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 250.

Репков Л. Г. Указ. рукопись, л. 208–210.

Маношин И. С. Запись беседы с М. И. Линчиком 2.11.84 г. Фонд музея КЧФ.

Азаров И. И. Непобежденные. М. ДОСААФ. 1973 г. л. 245.

Гусаров В. В. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 248.

Гусев В. С. Указ. рукопись.

Маношин И. С. Запись на пленку беседы с Б. Островским
23.10.90 г. г. Ленинград. Фонд музея КЧФ.

Маношин И. С. Запись беседы на пленку с М. Линчиком 2.11.84 г.
Фонд музея КЧФ.

Отд. ЦВМАф. 10. д. 9699. л. 44. Согласно рабочему журналу ОД ЧФ СКА-0112 и СКА-0124 на 24.00 4.07.42 г. числ. на переходе. Все сроки прибытия прошли.

285

Отд. ЦВМА. ф. 10. д. 9606. л. 190.

Отд. ЦВМА. ф. 10. д. 9606. л. 190. Боевое донесение командира
СКА-0105 ст. л-та Шаруева от 3.07.42 г.

ЦВМАф. 2092. ед. хр. П7. оп. 1. лл. 208–212. Из донесения Рогову
от нач. ПУ ЧФ. див. комиссара Раскина.

Гурин В. Е. Восп. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. лл. 334–333, 403–406.
Крыгин А. Н. Восп. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. лл. 403–406.

289

Отд. ЦВМА. ф. 10. д. 9606 л. 193.

Отд. ЦВМА. ф. 10. д. 24041. лл.96–98.

Азаров И. И. Непобежденные. М. ДОСААФ. 1973 г. стр. 274.

Смирнов. Указ. воспом. лл. 204–206.

Наконечный А. Ф. Госархив Крыма, ф. 849. оп. 3. д. 281. л. 98.

Григорьев О. П. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 299.

Иванова-Холодняк Р. С. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. лл. 259–271.

Пискунов Д. И. Указ. рукопись. Фонд музея КЧФ. л. 23.

Смуриков В. Л. Воспом. Там же.

Отд. ЦВМА. ф. 10. д. 9606 л. 193.

Бильченко Г. П. Воспом. Фонд музея КЧФ. л. 407.

Маношин И. С. Указ соч. л. 29.

Маношин И. С. Там же. л. 29.

Шаров И. С. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 658.

Моргунов П. А. Указ. соч. стр. 461

304

Отд. ЦВМА. ф. 83. д. 488. л. 55.

305

Отд. ЦВМА. ф. 10. д. 24041. л. 96, 99.

Гурин В. Е. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. лл. 327–335.

Харченко И. М. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. лл. 428–433.

Гурин В. Е. Там же.

Воловик Г. А. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. лл. 213.

Ятманов И. С. Такое не забывается. Йошкар-Ола. 1971 г. стр. 113.

Моргунов П. А. Указ. соч. стр. 445.

Наумов. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 417.

Пискунов Д. И. Стенограм. В. Ист. конф. 1961 г. Севморбибл.

Михайлик И. П. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. лл. 318–325.

Пискунов Д. И. Стенограмма. В.-ист. кон. 1961 г. т. 3 стр. 916.
Севморбиблиотека.

Михайлик И. П. Там же.

Голов П. Герои большого дзота. «Красный Черноморец» № 215 от 3.09 1943 г.

Лощенко. Воспом. Госархив Крыма, ф. 849. оп./д. 282 л. 178.

Гурин В. Е. Воспом. Там же.

320

Отд. ЦВМА. ф. 10. д. 9699. л. 43.

321

ЦВМА. ф. 1087. оп. 5. д. 77. короб. 10426.

322

ЦВМА. ф. 1087. Там же.

323

ЦВМАФ. 1087. оп. 5. д. 73.

ЦВМАФ. 1087. Там же.

Мищенко В. И. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 666.

Ильченко С. П. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 626–627.

Пух С. В. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 419–420.

Кварцхелия К. Н. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 650.

Иноземцев И. П. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 602.

Иноземцев И. П. Там же.

Наумов. Воспом. Там же.

Воловик Г. А. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 206.

Овсянников Г. И. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. лл. 153–158.

Воловик Г. И. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 206.

Иванова-Холодняк Р. С. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 259–278.

Бусяк Н. М. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. лл. 486–487.

Тупиков В. А. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. лл. 421–422.

Хомич И. Ф. Стеногр. Военно-истор. конф. 1961 г. Севморбибл. т. 2. П. л. 589.

Пискунов Д. И. Стенограмма. Воен-истор. конфер. 1961 г.
Севморбиблиотека. т. 3. л. 916.

Пискунов Д. И. Воспом. Крым в Вел. Отеч. войне 1941–1945 гг.
Симф. Таврия 1994 г. стр. 49.

Иванова-Холодняк Р. С. Воспом. Там же.

Гонтарев С. Н. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. лл. 337–341.

Почечуев А. И. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 443.

Азаров И. И. Непобежденные. М. ДОСААФ. 1973 г. стр. 296.

345

Отд. ЦВМА ф. 10. д. 9606. л. 344.

Егоров П. В. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. лл. 279–281.

ЦВМА ф. 2092. оп. 1. ед. хр. 117. лл. 330–534.

Осотов В. М. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. лл. 559–562.

Сорокин Г. П. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. лл. 563–564.

Пискунов Д. И. Воспом. Крым в Великой Отеч. войне 1941–1945 г.
Там же, стр. 48.

Смуриков В. И. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. лл. 141–152.

Мищенко В. И. Воспом. Фонд музея КЧФ.Д. НВМ. л. 364,415.

Иноземцев И. П. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. лл. 602–603.

Наумов. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. Там же.

Ильченко С. П. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. лл. 626–627.

356

Отд. ЦВМА. ф. 10. д. 24041. 96–99.

Воловик Г. А. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 425.

Пискунов Д. И. Стеногр. в истор. конф. 1961 г. т. 3. стр. 922.
Севастоп. морбиблиотека.

Иноземцев И. П. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 603.

Пискунов Д. И. Воспом. Госархив Крыма, ф. 849. оп. 3. ед. хр. 235.
л. 79.

Воловик Г. А. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. лл. 208.

Авдошенко А. П. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 518–519.

Овсянников Г. И. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 157.

Овсянников Г. И. Воспом. там же.

Ильченко С. П. Воспом. Там же.

Андрянов Н. И. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. лл. 506–507.

Семенов В. А. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 651.

Пыжов И. П. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 648.

Любецкая Т. А. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. лл. 476–479.

Янченко Н. А. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. лл. 508–512.

Антонюк И. В. Воспом. Госархив Крыма, ф. 849. оп. 3. д. 282. л.
11.

Мищенко В. И. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 322, 643.

Михайлик И. П. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 322.

Тарасенко Л. А. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. лл. 488–490.

Мараренко А. П. (Лукашевская). Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 439.

Утин А. П. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. лл. 316–317.

Городов Ф. П. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ.

Маношин И. С. Запись на пленку беседы с Н. Н. Алексеенко.
25.01.85 г. в Херсоне. Фонд музея КЧФ.

Восканов А. М. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. лл. 544–547.

Зинченко А. Е. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. лл. 166–173.

Сорокин Г. П. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. лл. 563–564.

Попов. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 630.

Фокусов В. Н. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. лл. 513–517.

Отд. ЦВМА. ф. 10. д. 9606 лл. 184–185, 196–198.

Маношин И. С. Запись на пленку Н. Н. Алексеенко. Там же.

Мищенко В. И. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. л. 654.

387

Отд. ЦВМА ф. 10. д. 9606. л. 223.

Лубянов. Воспом. Госархив Крыма, ф. 849, оп. 5. д. 220. л. 227.

389

Маношин И. С. Запись на пленку беседы с В. И. Потаповым
7.08.86 г. в Севастополе. Фонд музея КЧФ.

Иванова Р. С. (Холодняк) Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. Там же.

Пискунов Д. И. Воспом. Указ. рукопись, стр. 46.

Пискунов Д. И. Воспом. Госархив Крыма, ф. 849. оп. 3 ед. хр. 235.

Анишин Н. Л. Воспом. Фонд музея КЧФ. д. НВМ. лл. 304–308.

Землянский Ф. П. Воспом. Госархив Крыма, оп. 3. д. 286. л. 33.

Сталбо К. Статъя. Мор. сб. № 7, 1993 г.

396

Отд. ЦВМА ф. 10, д. 1950. л. 127.

И. Б. Мощанский.

Замятин М. Н. Керченская операция (декабрь 1941 г. — январь 1942 г.). Военное издательство НКО, 1943, с. 12.

Замятин М. Н. Указ соч. С. 18.

Рубцов Ю. В. Л. З. Мехлис — представитель Ставки ВГК на Крымском фронте (январь — май 1942 года) // Геополитика и безопасность. М. АРБИЗО, 1994. № 2. С. 97.

Tomas L. Jentz. *Panzertruppen 1933–1942*. Schiffer Military History. 1996, p. 228.

Рубцов Ю. В. Указ соч. с. 100.

Рубцов Ю. В. Указ соч. с. 100.

Рубцов Ю. В. Указ соч. с. 102.

Рубцов Ю. В. Указ соч. с. 103.

Рубцов Ю. В. Указ соч. с. 104.

Рубцов Ю. В. Указ соч. С. 105.

Tomas L. Jentz. *Panzertruppen 1933–1942*. Schiffer Military History. 1996, p. 217.

Доклад об использовании танков в Севастопольской операции с 1 июня по 1 июля 1942 года. ЦАМО, ф. 216, оп. 4273, д. 9, л. 25.

Доклад об использовании танков в Севастопольской операции с 1 июня по 1 июля 1942 года. ЦАМО, ф. 216, оп. 4273, д. 9, л 26.

Доклад об использовании танков в Севастопольской операции с 1 июня по 1 июля 1942 года. ЦАМО, ф. 216, оп. 4273, д. 9, л. 27.